

Станислав Юрченко

К84(2.Рос-Рус)6
1083

МОСТ

МОСТ

Государственная библиотека Югры	0Э
---------------------------------------	----

2009 год - 0137438 -

Государственная библиотека Югры	КО
---------------------------------------	----

ББК 84 (Рос=рус)

Ю 83

Юрченко С.Г.

Мост. Повесть.

Литературно художественное издание

Юрченко Станислав Георгиевич

МОСТ

Рисунок автора

Все совпадения имен и фамилий автор просит
считать случайными.

ISBN

© Юрченко С.Г., 2009

**Моим друзьям, ветеранам железнодорожных
войск, бойцам и офицерам 224-го отдельного
мостостроительного батальона
ПОСВЯЩАЕТСЯ**

На стене неказистого, облицованного силикатным кирпичом железнодорожного вокзала небольшого северного городка с названием, соответствующим незыблемому мироустройству нашей державы прошлого века, Советский, висит мемориальная доска. Доска сработана из когда-то белого, а теперь потемневшего, грязно-серого, покрытого непонятно какого цвета пятнами от времени и непогоды, мрамора. С тех пор, как ее торжественно установили, никто ни разу не удосужился стереть въевшуюся с годами в камень креозотовую пыль. Не украсила ее и копоть от снующих туда-сюда мимо станции и задыхающихся от тяжести грузовых составов тепловозов. Мало кому известно, да сейчас уже и почти невозможно без труда разобрать, что на ней написано. А тех, кому эти слова были дороги, у кого они вызывали неподдельную гордость, с каждым годом становится все меньше и меньше. Время летит стремительно, множа кресты на местном погосте. Оно отдаляет нас все дальше от тех шальных шестидесятых и семидесятых, оставивших неизгладимый след в жизни поколения задорных и бескомпромиссных молодых людей, которые пришли по зову сердца, осваивать эти дикие, таежные края. Кто-то с умным видом, благо умничать и делать выводы по прошествии десятилетий легко и просто, вспоминает эти годы с брезгливой миной на лице, осуждая всё и вся. Дескать, брежневщина, годы застоя, о чем там можно вспоминать: совковая эпоха, короче. А для кого-то это время осталось временем главных в жизни свершений, молодого, комсомольского задора, временем любви, бескорыстной дружбы и безграничного счастья, наконец. Молодость – она неповторима, вне зависимости от того, какая на дворе стоит эпоха.

Пассажиры, сходящие на станции из прибывающих сюда поездов, не останавливаясь, сломя голову бегут на площадь у вокзала, чтобы захватить такси и не дожидаться, неизвестно

сколько, рейсового автобуса. Им нет никакого дела до многочисленных рекламных плакатов, всевозможных объявлений и прочей яркой печатной мишуры, густо разместившейся на серых, в темных полосах от стекающей из проржавевших водостоков дождевой воды, кирпичных стенах. Особенно, когда на улице стоит зима. Когда мороз под тридцать, а то и круче, не даст возможности расслабиться, как летом, и покурить, где-нибудь на лавочке, в ожидании опаздывающего автотранспорта. И заметить в этом многообразии цветных форм и пятен что-то стоящее, что может заинтересовать любознательного человека, да еще на бегу, практически невозможно.

Отъезжая же куда-то: по делам, рыбачить на Обь, в командировку, или отдохнуть на большую землю, местные жители, как правило, на привокзальной площади не бывают вовсе. Аборигены подходят и подъезжают к уже стоящему на перроне составу, и топают напрямик к своим вагонам, указанным в билетах. Благо стоянка длится более получаса, потому что на станции происходит смена локомотивов и локомотивных бригад из местного депо. После посадки времени хватает только на то, чтобы сбегать к вокзальному ларьку за бутылкой воды, или стаканом семечек, которыми рядом с тем же ларьком торгует одна и та же примелькавшаяся, а потому ставшая всем почти родной, старушка в пуховом полушалке. А особо отчаянные и озабоченные даже успевают за горячительным в магазин, расположенный через дорогу.

Прибывшие на очередную вахту бригады нефтяников, как правило, сосредоточены и деловиты. На привокзальной площади их уже поджидают шикарные автобусы «Мерседесы» и опаздывать на них категорически не рекомендуется. Как не рекомендуется появляться в этих автобусах даже с легким запашком, не говоря уже о прочем. Боже упаси, дисциплина в нефтяной компании «Лукойл» - железная. Шаг влево, шаг вправо – побег! И никто не станет разбираться, отчего ты сегодня не в себе: получи расчет и будь здоров! Этим людям тоже не до памятных досок, неизвестно когда и кем здесь установленных: предстоит неблизкий путь до таежных, вахтовых поселков на

месторождениях и ежедневная, нелегкая работа на буровых и уже освоенных кустах. Туда, где, словно цапли, качаются вверх вниз противовесы скважинных насосов, выплевывая в проложенные трубопроводы горячую нефть, по двадцать четыре часа в сутки, без выходных и проходных.

Когда же вахта заканчивается, и автобусы вновь привозят на вокзал усталых, но довольных предстоящим многодневным отдыхом и свиданием с семьями людей, обрушившаяся на них свобода по самой своей сути не располагает к изучению местных, обычных для таких небольших городков достопримечательностей. Теперь можно отметить окончание трудовой вахты, как заведено издревле на Руси, и расслабиться до изнеможения, не беспокоясь о последствиях. Что, собственно, многие и предпочитают остальным занятиям в это оставшееся до отхода поезда время. Пассажиры стараются обходить стороной и держаться подальше от этих развеселых компаний подвыпивших, бородастых и слегка одичавших людей. Можно ни за что, ни про что наткнуться на неожиданные неприятности, которые никому не нужны. А серая, мраморная доска так и остается никем не прочитанной, темным, неприметным пятном на кирпичной стене.

И только, какой-нибудь, случайно оказавшийся на станции командированный, которому некуда девать время до отъезда и некуда податься, выйдя покурить из зала ожидания на свежий воздух, неожиданно наткнется удивленным взглядом на потускневшую, осыпавшуюся позолоту надписи, прочтет и удивится:

**Воинам-железнодорожникам и работникам Минтранс-
строю в честь десятилетия окончания строительства
железнодорожной ветки Ивдель-Обь.**

А, где-то ведь слышал, что в те времена это была одна из ударных, комсомольско-молодежных строек. Оказывается, и армия пахала! Хотя, если поразмыслить, в армии сплошная молодежь: призывают-то с восемнадцати. Потому и комсомольско-молодежная. Надо же! Даже памятной доской увековечили. Только, когда это было? Но, ведь, было же...

Глава 1

Осеннее октябрьское солнце скупно пригревало уже приготавливающуюся к зимней спячке землю. Листва с берез почти облетела, и грязно-желтым, рваным ковром плыла по темной, ленивой воде реки с необычным для русского слуха названием Лозьва. Листья крутились в редких водоворотах, и то погружались в глубину, то снова всплывали, а местами сбивались мохнатой шапкой вместе с белой пеной у притопленных, лоснящихся черными боками стволов деревьев, рухнувших когда-то в воду на противоположном, заболоченном берегу. Корни их намертво вцепились в вязкую почву, не давая реке оторвать и унести останки бывшего леса вниз по течению. И все, что осталось бессильной воде, так это гнуть и трясти их, злобно урча и взбивая клочья пены. Желтые свечи лиственниц и пятна красной меди, оставшейся на осыпавшихся осинах, слегка оживляли полинявшие краски лесного массива, простиравшегося за рекой от болота до далекой, зубчатой и непривычно низкой линии горизонта.

Внизу, под нависшим косогором, бегая туда-сюда по дощатым мосткам, сооруженным вдоль узкой, галечной береговой полосы, зеки многочисленных местных лагерей баграми проталкивали сплавляемый по реке от биржи номер один к бирже номер два пиловочник. Биржи – это рабочие зоны лагерей, где

сидельный люд раскряжевывал хлысты, пилил доску и грузил опилки для нужд своей необъятной страны, и где проводил все свое основное, назначенное судом для отсидки время, кроме сна, разумеется. Здесь, за колючкой, в цехах, балках, многочисленных кладовках и гадюшниках внутренний рэжим был много мягче, чем в жилых зонах. Можно было в короткие промежутки свободного времени что-то смастерить из дерева или металла, что широко практиковалось, а при известном фарте обменять у аборигенов на чай, сигареты, а то и водку. Талантов и светлых голов, как ни странно, водилось здесь превеликое множество. По специальному заказу умельцы могли даже модные женские сапоги пошить не хуже импортных. А с сапогами в окрестных магазинах, да и везде, ну, разве, кроме Москвы, было туго, чего уж там. Как, впрочем, и со всем остальным.

По желтому песку и скрипящей под сапогами гальке, вдоль берега, неторопливо прохаживались вооруженные автоматами, одетые в серые шинели с красными петлицами солдаты охраны. Они лениво приглядывали за работающими, а их сержант, видимо начальник караула, присев поодаль на валун, задумчиво курил.

- Сейчас рыба должна хорошо клевать, - сказал Вячеслав, приподнимаясь с расстеленной на земле шинели и обращаясь к полноватому, рыжеволосому лейтенанту, который сидел рядом прямо на жухлой траве косогора и, запрокинув голову, подставлял солнцу покрытое густыми веснушками, обветренное лицо.

- А с чего ты взял? - повернулся к Славке лейтенант и с недавних пор его приятель Петя Панкратов.

- Осень. Самое время. У нас на Амуре у касатки осенью отменный жор, хватает, как бешеная, можно прямо с набережной ведро надергать. Мы всегда с отцом осенью в центральный парк рыбачить ездили.

- Так то - на Амуре...

- А какая разница?

- Фиг его знает! Может, здесь и рыбы-то нет. Видишь, всю реку топляками загадили, аж вода почернела. Соловьев! - крикнул лейтенант старшему из группы бойцов, отдыхающих

недалеко в стороне у костерка с подвешенным над огнем чайником, - Погляди-ка, обед не везут?

Ефрейтор Соловьев лениво привстал, посмотрел на дорогу, ведущую в сторону поселка, и вновь уселся на бревно:

- Никак нет, товарищ лейтенант, не везут.

- Что-то Деряга запаздывает. Желудок уже совсем подвело.

- Часом раньше, часом позже, - Славка вновь прилег на шинель, - куда он денется?

- А вот тут ты не прав, Вячеслав! Война – войной, а обед – по расписанию.

- Тебе, Петя, диета не помешает.

- Ну, уж нет! Раз я отдаю долг Родине, то и Родина меня должна лелеять. Лучше быть толстым и здоровым, чем худым и больным, – Панкратов вновь взглянул на часы.

Дерягой офицеры прозвали меж собой командира взвода первой роты лейтенанта Евгения Деряжного, направленного сюда, в Першино, вместе со своими людьми для обустройства жилья и места будущего расположения техники и личного состава отдельного двести двадцать четвертого мостостроительного батальона железнодорожных войск. И первые роты батальона вот-вот должны были прибыть с места постоянной дислокации из Советского, чтобы начать строительство нового, капитального моста через Лозьву взамен временного. А Славка, лейтенант Решетников Вячеслав Георгиевич, вместе с лейтенантом Панкратовым прибыли сюда несколько позже и вот уже вторые сутки проводили рекогносцировку места будущего строительства, выносили оси сооружения и закрепляли на местности, рядом с объектом перенесенные с проектного репера высотные отметки. От беготни с теодолитом и нивелиром с утра до полудня по пересеченной местности оба прилично устали, а есть хотелось так, что сосало под ложечкой.

- Надо бы после обеда обетонить репера, а то до завтра не доживут: собьет какая-нибудь скотина ненароком.

- Обетоним. Тут еще и коровы бродят, будь они неладны, заборы, тоже могут затоптать.

- А с осью-то как? Что-то мне результат не нравится, посто-

янно ошибка секунды в три вылезает. Может теодолит барахлит, поверить нужно? Стряхнули воины, поди, когда на машине везли.

- Осью завтра займемся, перепроверить еще раз придется. Завтра и закрепим. Надо только на базе обноски металлические сварить, а то я штырям этим арматурным не доверяю. Деряга приедет, я ему нарисую. – Петя вновь подставил лицо солнышку.

Славка закрыл глаза, и уже было собрался задремать, как его тут же подняли возгласы повеселевших солдат. На дороге, ведущей от поселка, наконец-то, показался, поднимающий густую пыль из-под колес, ГАЗ-66 с кузовом, крытым брезентовым тентом. Еще через пару минут он взлетел на косогор и лихо, развернувшись, остановился. Из кабины выскочил среднего роста, молодцеватый офицер, перетянутый ремнями портупеи, с сияющей улыбкой на лице.

- Привет, станичники! Не соскучились?

- Ты где пропадал, орёлик? Тебе не икалось? А то мы тебя тут с Петей недавно поминали, – Вячеслав окончательно встал с шинели и протянул прибывшему руку. – Я тебя еще сегодня не видел, вроде бы? Здорово!

- Здоровее видели! – Женька крепко пожал протянутую ладонь. – Эй, бойцы, - обернулся он к солдатам до сих пор все еще топчущимся у костра, - быстро разгрузили термосы, обед приехал! Ну, как вы тут? – вновь обратился он к лейтенантам.

- Да у нас все нормально, - поднялся, отряхивая шинель от прилипшей к полам травы, Панкратов. – Тебя вот только заждались, голубок ты наш. Понимать должен – обед уже сорок минут, как начался!

- Ладно, Петя, тебе полезно. А то скоро в портупее дырку новую колоть придется.

- Чего вы меня со Славкой воспитываете оба? Требуется организм – значит надо!

- Да ладно, не бухти! Стешенков задержал. Повис на телефоне: что, да как? Почти целый час о жизни беседовали. После завтра третья рота с техникой прибывает, вот и беспокоится

старик, что жильё подготовить не успеем.

- На то он и начальник штаба, - рассудительно заметил Панкратов, - ему по службе беспокоиться положено. Пошли обедать, Слав, бойцы вон уже трескают во всю, а у нас ни маковой росинки во рту до сих пор. Остынет все, холодное жрать придется.

- Фу, Петр! Как это вы бескультурно – жрать! А еще высшее образование! Как там, в уставе написано: лаконично и совершенно точно – принимать пищу, - нравоучительно заметил Деряжный.

- В каком еще уставе? Я что-то не припоминаю, - спросил Вячеслав, режа хлеб.

- Не заговаривайте зубы, Женя, нас этим не проймешь, - Панкратов с миской борща в руках пристроился на лежащую в жухлой траве шпалу.

- Ты с нами? – спросил Славка Деряжного.

- Не, я в расположении подкрепился. А вы тут как, еще надолго застряли?

- На пару часов дел.

- Ладно, пообедайте, а я к зекам пока летаю.

- На кой они тебе?

- Нигматулин нож заказал с кнопкой. Даже чаю пять пачек прислал вместо двух. Спер со склада, поди. Пойду, поторгуюсь. Хочу своему отцу тоже охотничий нож заказать, три пачки как-никак имеем сверх таксы.

Старшина сверхсрочник Нигматулин заведовал в Советском складе продовольствия батальона и был человеком во всех отношениях уважаемым и полезным. Весь офицерский молодняк, скоренько прикончив выдаваемый ежемесячно доп-пак, крутился затем вокруг ушлого старшины. Тушенка со сгущенкой – они и в Африке тушенка со сгущенкой. Так что, постараться стоило. Славка с Панкратовым продолжили обед, а Женька спустился к реке вести предварительные переговоры по поводу приобретения вышеупомянутого колющего и режущего оружия сначала с сержантом, а потом и с зеками.

Пообедав, лейтенанты вновь вернулись на косогор, и Слав-

ка с удовольствием затянулся беломориной. Петя Панкратов не курил принципиально, хотя, в не полных тридцать лет у него над ремнем начал проявляться и расти солидный такой животик. Но, в общем и целом, при его росте в сто восемьдесят сантиметров вид он имел вполне солидный, вызывающий у окружающих заслуженное уважение. Призвался на службу Петр почти на год раньше Вячеслава, из Ленинграда, где уже работал лет пять после окончания института в каком-то приличном КБ, был женат и даже имел чудненькую дочку трех лет. Поэтому в их паре он чувствовал себя старшим, хотя оба состояли при штабе, а точнее при техническом отделе, инженерами-мостовиками. Военкомат призвал Панкратова, когда ему оставалось пару, тройку месяцев до того срока, после которого лейтенантов запаса в армию уже не берут. Поэтому он до сих пор с удивлением и некоторым недоумением воспринимал крутые изменения в своей уже налаженной и размеренной жизни, и материл про себя, да и не про себя тоже, не в меру рьяного и исполнительного военкома. Мог бы и забыть еще на полгода, что есть такой Петр Панкратов. А что теперь? Карьерный рост приостановился, жена с дочерью остались в Питере, а он, перспективный работник известного конструкторского бюро, месит грязь и глотает пыль в какой-то Тмутаракани за Уральским хребтом. Да, ладно, все это можно еще пережить, но вот без семьи тоскливо.

- Тоска, - говаривал он, особенно по вечерам, когда делать было нечего, а податься в этой дыре, практически, и некуда. — Это вам не Питер, господа офицеры!

- Не ной ты, Петя! — останавливал приятеля никогда не унывающий Деряга. — Больше пол срока отмотал, чего ныть? Вызови жену, в конце-концов, веселее станет.

- Не может она пока, - мрачнел Петя, - да и дочка болеет часто. А в нашем Мухосранске, сам понимаешь — ни витаминов, ни врачей толковых!

- Как это, нет витаминов? Вы что-то Петр путаете, - не унился Женька. — А брусника? А клюква? Я уже про грибы молчу.

- Я их не сажал, и рвать не собираюсь! А в грибах, по-моему,

никаких витаминов и нет, насколько мне известно.

Вячеславу всего этого было не понять. Не было у него ни кола, ни двора, ни жены, ни детей. Он привык к переменам в жизни. Отец у него служил военным летчиком, и пока семья моталась по стране, обживая то один, то другой гарнизон, Славка вырос, окончил одиннадцать классов и поступил в институт. Родители пересхали в очередной город, а он остался доучиваться с третьего курса в Хабаровске. Окончив институт, он с группой приятелей незамедлительно рванул на заработки под Магадан, на берег Охотского моря, подзаработать деньжат на первое время. Здесь и нашла его повестка из военкомата, шедшая в эти благословенные края почти месяц. Дней десять он добирался до Хабаровска: не было ни погоды, ни транспорта. Кое-как удалось пристроиться на какую-то грузопассажирскую шаланду до Николаевска, а там, подкормив билетерш шоколадом, купить билет на самолет.

- Посажу! – попытался орать потерявший его военком. – За уклонение от исполнения воинского долга!

Но Славка сунул ему под нос справку о вынужденной задержке в связи с отсутствием транспорта, которой мудро запасся в поссовете Аяна, где ожидал судна до Николаевска-на-Амуре, и тот, еще попрыгав, как вскипевший, но уже выключенный на плите чайник, успокоился:

- Выдай ему направление и требование на билеты, - скомандовал он миловидной девице, сидевшей за столом в третьем отделе, - пусть катится к чертовой матери! А ты, - повернулся он к Славке, - покупай билеты и дуй в Свердловск, там тебя заждались!

Выскочив из военкомата со всеми сопроводительными бумагами, Славка успокоился и, покумекав немного, решил, что на поезде пятеро суток станет мучиться только кретин, а, если доплатить немного, можно улететь и на самолете. Четыре дня в родном городе лишние что ли? Можно, ох как хорошо, провести время! Благо, деньги у него после Аяна водились и немалые. Он тогда так и поступил: покуролесил маленько, пивка попил, с девочками погулял. А потом, распрощавшись со все-

ми, за пять часов без забот и хлопот долетел до Свердловска. В итоге всех этих случившихся с ним перипетий Вячеслав и появился в части позднее всех таких же, как он, двухгодичников месяца на два...

Славка отбросил потухший окурок в сторону. По косогору от реки поднимался лейтенант Деряжный.

- Ну, как, договорился?

- А то, как же! Все в лучшем виде. Пять пачек чая и завтра к трем часам товар будет доставлен, можно получать.

- Интересно, как они с охраной договариваются? – задал вопрос Панкратов, ни к кому конкретно не обращаясь.

- А, дьявол их знаст, - присел рядом на траву Женька. – Это их дело. Наверное, охрана тоже что-то имеет от этого, а то фиг бы к ним сунулся просто так. А потом, они же фактически вместе сидят, только по разные стороны забора. Сроднились, поди.

- Это точно, – поднялся с травы Вячеслав. – Ну, что, будем заканчивать перекур? Часам к пяти закругляться надо.

- А куда торопиться, - зевнул Петя, - успеем.

- Хорош расслабляться, бетон на реперах прихватиться еще должен. А то вся работа – козе под хвост! Бойцы! – рявкнул Славка в сторону солдат. – Подъем! Быстро роем ямы и бетоним репера!

Солдаты во главе с ефрейтором неторопливо поднялись, разобрали инструмент, носилки и отправились выполнять приказание, вбетонивать в грунт чуть в стороне от оси будущего моста полутораметровые обрезки рельсов.

- Ладно, - поднялся Панкратов, - давай от переезда еще раз пробежимся, перепроверим отметки. Женя, держи! Я тебе тут эскиз обноски набросал. Надо будет сварщикам скомандовать, чтобы к завтрашнему дню изготовили. Пару кусков уголка найдешь?

- Найду, конечно.

- Вот и ладненько. Пошли, Слава!

- Ну, я тогда поехал, мужики. Что начальству доложить, если будет названивать? – Женька надел фуражку и тоже поднялся, отряхиваясь.

- Доложи, что работа идет полным ходом, - Славка закинул на плечо рейку и, взяв нивелир, двинулся в сторону поселка к видневшемуся в километре переезду. – Петя, треногу не забудь.

- Опять мне самое тяжелое досталось, - заворчал Панкратов, но все же подхватил треногу за ремень и тронулся вслед за Славкой.

- Не задерживайтесь долго, вечером в «Лозьву» сходим, – крикнул вслед им Деряжный, забираясь в кабину «газона»...

«Лозьва» - одна из местных достопримечательностей поселка Першино, ресторан на центральной улице, расположенный в одноэтажном, каменном здании. Женька, который находился здесь почти три недели, отзывался об этом заведении весьма положительно:

- Лоска, конечно, маловато, но кормят довольно прилично, есть что выпить и чем закусить.

- Ну, а как насчет дам? – поинтересовался в первый же день Славка.

- Тебе бы все про дам, охальник! – проворчал семейный, а поэтому положительный во всех отношениях Панкратов. – Неймется молодцу. Подцепишь какую-нибудь гадость, вот и будут тебе дамы! Не обрадуешься! Сам знаешь, что за публика здесь.

- Брось ты, Петя, проповеди читать! Так бы все давным-давно перемерли, но живут ведь, не тужат.

- До поры, до времени.

- Насчет дам – хуже, - развел руками Деряжный. - Сам понимаешь, контингент тут в основном из-за забора: не слишком целомудренный и довольно потрепанный. Половина населения – бывшие зеки, которых выпустить-то выпустили, но вот далеко отъезжать не разрешили.

- Ну, а музыка-то хоть есть?

- Магнитофон. Оркестра и певички, естественно, не держат.

Один раз, накануне, они все же сходили вместе сюда поужинать, выпили поллитра, и Женька познакомил их с официантками, как уже бывалый завсегдатай ресторана:

- Кстати, в кредит обслуживают, - доверительно сообщил он.

- Зоя, - представилась светловолосая женщина лет тридцати в белом передничке.

- А это Клава, - Женька взмахом руки поприветствовал полноватую, маленькую брюнетку, обслуживающую соседний стол, которой, по меньшей мере, как на глаз определил Славка, было под сорок.

Та в ответ приветливо кивнула Женьке головой. В двадцать три года, которые исполнились Славке в июне месяце, дамы показались ему не то чтобы старыми, но достаточно перезрелыми. После тридцати все люди представлялись ему пожившими уже вполне, чтобы не видеть для себя в жизни никакой перспективы. Что дальше? Старость и пенсия. Конечно, это никоим образом не касалось Пети Панкратова. Хотя тому и было около тридцати, Славка ощущал его, как равного, приятеля и соратника по общему делу. К тому же лейтенант Панкратов был человеком высокого воспитания, и никогда не давал повода, чтобы офицеры, которым было гораздо меньше лет, чем ему, чувствовали себя перед ним сопляками, не нюхавшими пороха.

- Староваты у тебя приятельницы, - подколот тогда Славка Женьку, - нафталином отдает!

- Дурак ты! Какие они мне приятельницы, - обиделся Деряжный. - Только, вот, когда здесь мест не будет, ко мне не обращайтесь.

- Ладно, не обижайся, - примирительно хлопнул товарища по плечу Вячеслав, - вполне приличные женщины. Будем дружить!

- А что, блондинка – вполне! – заметил Панкратов.

- Ба, а где же, Петр, ваши высокие моральные принципы? Да и жена, как я понимаю, обидеться может, - подколот приятеля Деряга.

- Балаболы вы! – отмахнулся смущенный Петр. – Балаболы и кобели!

...Часа два они вместе с Петром шли от переезда до моста, переставляя нивелир примерно через каждые сто метров. Местность была холмистой, с уклоном в сторону реки, и сде-

лать нивелировку длинными плечами не представлялось возможным. Панкратов что-то сосредоточенно писал карандашом в тетрадочке в клетку, хмыкая под нос каждый раз, когда расчеты не совпадали с предыдущими:

- Не прет сантиметра на четыре.

- Да, Бог с ними, с четырьмя сантиметрами, не четыре же метра. Что тому мосту сделается. Ну, будет на четыре сантиметра выше, или ниже, паводком все равно не смоеет.

- Так-то оно так, но точность – вежливость королей! Мост – это сооружение солидное и уважаемое: капитальный ремонт раз в сто лет! – поднял палец вверх Панкратов, и снова углубился в расчеты, что-то сосредоточенно чиркая карандашом в тетрадке. – Поэтому, относиться к нему надо серьезно. Ладно, - подхватил он нивелир. - Потопали дальше. Давай, ты с рейкой дуй на вон тот бугорок, а я на соседний.

Когда они добрались до реки, бойцы уже закончили работу, забетонировали в стороне от оси будущего моста, там, где указал Славка, метрах в двадцати друг от друга, два обреза железнодорожных рельс, и вновь сидели у костерка, попивая чай.

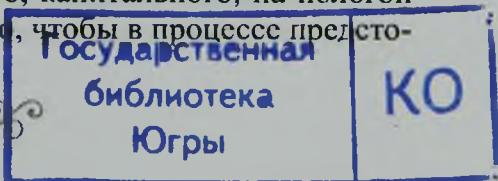
- Все сделали в лучшем виде, товарищ лейтенант! – отпортовал, привстав, ефрейтор.

- Молодцы! – Славка установил рейку сначала на один репер, а когда Панкратов снял отчет по нивелиру, на другой.

Петька закончил чиркать по бумаге, жирно обвел карандашом полученные высотные отметки и сунул тетрадь в карман:

- Шабаш на сегодня.

Солнце уже клонилось к закату. На западе, низко, у самого горизонта полоса неба приобретала темно-багровую, переходящую в фиолетовую, окраску, предвещая на завтра ветер и дождь. Славка начал складывать нивелир в футляр, а бойцы – инструмент и носилки в будку, сваренную из выкрашенного в зеленый цвет листового металла и поставленную специально рядом с маленьким, беленым домиком охраны временного моста, для пригляда за имуществом. Временный мост был сооружен параллельно оси будущего, капитального, на пологой кривой. Сделано это было для того, чтобы в процессе предсто-

ящего строительства не препятствовать передвижению железнодорожных составов с грузами, идущими в сторону Приобья и обратно. Мост стоял на деревянных сваях, а в качестве опор использовались брусчатые, пропитанные креозотом рамы, стянутые стальными болтами. Пролеты были выполнены из стальных решетчатых балок, являющихся инвентарным имуществом железнодорожных войск, о чем гласили надписи, выполненные по металлу светлой краской. Поезда шли по мосту со скоростью черепахи, не более пяти километров в час. Мост скрипел и охал под тяжестью составов, везущих в одну сторону лес, а в другую строительные материалы, щебень, дорожные плиты и черные, изолированные полиэтиленовой пленкой трубы почти метрового диаметра для будущих магистральных газо- и нефтепроводов. Обходчики ежедневно осматривали мост, а при необходимости и латали, подтягивая ослабевшие болтовые соединения. Временный, он на то и временный, чтобы служить до какого-то положенного ему срока. Видимо, срок этот подошел, вот кто-то там, наверху и отдал распоряжение о начале нового строительства. Потому все они, и Вячеслав в том числе, волею судьбы и командования оказались сегодня здесь, за сто восемьдесят километров от расположения батальона, мельтеша и суетясь туда-сюда между рекой и поселком. Хотя, работа – есть работа! Для того их и призвали...

Славка передал нивелир Соловьеву с напутствием, беречь инструмент, как зеницу ока, иначе собственное око ефрейтора будет натянуто на одно место незамедлительно, велел тщательно залить костер и отправляться на базу:

- Передай лейтенанту Деряжному, что мы ждем его в общезжитии. И завтра к девяти, как штык, быть на мосту. Да... Там сварные обноски для оси приготовят, не забудьте загрузить. Деряжный покажет, - ответил он на вопросительный взгляд ефрейтора.

Бойцы тронулись по дороге вдоль железнодорожного полотна в сторону поселка, а они с Петром, немного отстав, пошли следом. Ветерок тянул в сторону иловых полей местного гидролизного завода, и специфическая, нестерпимая вонь,

сброшенной на поля барды, была не такой резкой, как обычно.

- Ну, что, в ресторан пойдем вечером, или как? – спросил Вячеслав Панкратова.

- Не хочется что-то. Может, лучше в кино сходим?

- Что за кино-то?

- Да не знаю. Какая разница!

- А ужинать? Сам же говорил, что война – войной, а обед – по расписанию.

- В общаге можно перекусить. Тушенка есть, сало, а хлеба в магазине прикупим. Что-то не хочется тащиться в расположение через весь поселок.

Жили они с Петром в одной комнате общежития гидролизного завода, куда их временно поселило местное руководство по просьбе командования, до того пока не организуется собственное жилье. А Деряга жил со своим взводом в палатках за поселком, на другой стороне, у заброшенного карьера, куда до этого много лет подряд свозили отходы деревообработки. Здесь же организовали и полевую кухню. Задачей взвода было привести в порядок и подготовить к зиме два заброшенных и полуразрушенных барака и дом. В зданиях этих, когда-то располагались контора и еще какие-то службы нижнего склада давно пришедшего в упадок леспромхоза. В бараках планировалось разместить личный состав участвующих в строительстве рот, а в доме – офицерское общежитие и штаб. Но пока ремонт их еще не был закончен, жить приходилось в палатках.

На окраине поселка они распрощались с подчиненными и направились к себе в общежитие, по дороге заглянув к местному кинотеатру, посмотреть, что там сегодня показывают.

Не успели они поужинать и попить чаю, как нарисовался Женька:

- Ну, как вы тут живы здоровы? В кабак идем?

- Садись, сало пробуй, - Петр быстро соорудил бутерброд и протянул его Женьке.

- Да я только что поужинал на базе, - начал было отказываться лейтенант, но Панкратов жестом приказал ему кушать.

- Ты попробуй сначала. Меня Лошакс угостил перед отъез-

дом, а ему это сало жена прямо из Латвии доставила.

Лошакс, старший лейтенант и замполит второй роты в настоящее время был в Советском, как и большинство офицеров батальона. Старлей был чистокровным латышом и даже говорил с присущим всем прибалтам акцентом. Жена у него тоже была латышкой. Славка видел ее однажды мельком и был сражен наповал этакой, присущей только западу, ухоженной до мельчайших деталей красотой женщины. Да и сам Лошакс был молодцеватым, холемым мужиком, ростом под метр девяносто. Когда они вместе с женой проходили по улице, люди невольно оборачивались и провожали взглядом эту пару, настолько они были под стать друг другу.

- Мы тут с Петром решили в кино сходить. С нами не желаешь? – спросил Славка.

- А что за картина?

- Что-то о Питере. Панкратова тоска по родине и семье заела, очень хочет насладиться видами родных пенатов и нытьем столичной интеллигенции. Ну, и нас приглашает компанию ему составить.

- А что! Можно и сходить, а то, как дикари, кроме танцев, да ресторана ничего не видим.

- Вот тут ты Женечка абсолютно прав, - резюмировал Панкратов и, поднявшись, начал надевать шинель. – Собирайтесь, уже половина седьмого. А то опоздаем по вашей милости.

На улице заметно стемнело и похолодало. До кинотеатра было с полкилометра.

Першино – небольшой поселок с населением не более грех тысяч человек. А вот, сколько народу сидит в многочисленных лагерных зонах вокруг поселка ни смог бы ответить никто. Километрах в десяти по щебеночному шоссе, на реке с одноименным названием, расположился город Ивдель, столица Ивдельлага. Того самого, Сталинского еще. По сравнению с поселком – действительно столица! Вокзал – каменный, дороги в асфальте, пусть и растрескавшемся. Имелась неплохая пельменная возле речки, куда они компанией ездили однажды полакомиться после надоевшей армейской пищи настоящими

сибирскими пельменями. Вполне приличный дом культуры с гипсовым Лениным при входе принимал иногда известных артистов из области, а то и центра. Надо же горожан, не видевших ничего, кроме глухих заборов с колючкой поверху, чем-то еще потчевать. А здесь? Хиреющий леспромхоз и гидролизный завод – вот и все, чем жил поселок. Ну, если не считать ресторана, почерневшего от времени, бревенчатого кинотеатра и неказистого дома культуры. Гидролизный завод среди местного населения, в основном бывших зеков, пользовался особым уважением и почетом. Спирт он выпускал для промышленных нужд, из древесных опилок, отходов тех самых лагерных бирж, но при соответствующей, несложной очистке спирт, как миленький, годился и для внутреннего потребления. Славка сам не далее, как позавчера, убедился в этом, угощаясь у новых, местных знакомых Деряги. Правда, налитый в стакан, спирт издавал точно такой же запах, как открытая баночка свежей сапужной ваксы. После того, как Славка выпил содержимое, налитое в кружку, ему показалось, что он проглотил внутрь горсть мелких гвоздей, а когда они с царпаньем и пощипыванием огнем прошлись по пищеводу и попали в желудок, мгновенно зашумело в голове, как после приличной дозы.

- Не подохнем? - спросил он тогда, отдышавшись.

- Еще никто не помер, - спокойно ответил Виктор, новый знакомец Деряжного, мастер леспромхоза. – А вот, очищенный, из лаборатории, вообще, от медицинского не отличишь. Жестковат, конечно, но на безрыбье, как говорится, и рак – рыба!

Когда на заводе проводились регламентные работы по чистке перегонных аппаратов, и содержимое их сливалось, чтобы промыть колонки, завод становился похожим на муравейник. Туда и обратно через многочисленные щели в заборе сновали люди с тарой под жидкость. Кто волок за собой канистру, кто тащил флягу, а кто-то нес на вытянутых руках, соблюдая осторожность, обыкновенную кастрюлю емкостью побольше. Руководство предприятия пыталось бороться с явлением, но бесполезно. Дыры в заборе латались, обтягивались колючей проволокой, но перед следующим регламентным обслужива-

нием, как по волшебству, возникали вновь. И вновь спешащие работники завода тащили по домам опасное пойло. На перегородки яркой краской нанесли уровни, ниже которых находился настоящий яд, пытаясь хоть таким образом предотвратить тяжкие, а зачастую смертельные последствия. Но, кто знает, сколько опасного напитка попадало в поселок с теми людьми, которым не доставалось из содержимого, что находилось выше означенной черты. Да, и какого страждущего испугаешь возможными последствиями. Что горит, как говорится, и, что шевелится!

После просмотра кинофильма, когда они вышли на улицу, Славку охватили сложные чувства. Убогость и серость, окружающей их действительности, к которым они уже привыкли и с которыми как-то смирились, как с неизбежным, проступили вокруг воочию и осязаемо. Великолепие и изысканность дворцов и каналов Ленинграда начала шестидесятых годов, промелькнувших на экране, разбудили в душе желание вновь пройтись по асфальту городских площадей, услышать знакомые звуки трамвайных звонков, увидеть гирлянды фонарей вдоль улиц. Панкратов с Женькой шли рядом и тоже молчали, как и Вячеслав. Каждый думал о чем-то о своем, навеянным нехитрым сюжетом. Как недоступно далеки, остались их родные города, в каком-то нереальном прошлом.

- Хорошо в городе, - мечтательно подытожил затянувшееся молчание Деряга.

Сам он был из Новосибирска и попал сюда месяца три назад после окончания железнодорожного института. В институте он успел жениться, но жена осталась в городе, с мамой, так как ей предстояло учиться еще год до получения диплома. Славке он понравился с первой встречи. Серые глаза его всегда искрились каким-то внутренним весельем, а характер был легким, как и настроение. Живой и неунывающий, он отгонял хандру и поднимал настроение соприкасающихся с ним людей.

- Чего приуныли, касатики? – вновь нарушил молчание Женька.

- Хорошо, - вместо ответа, помолчав еще мгновение, под-

держал приятеля Панкратов. – А, знаете, мужики, пошли в магазин, пока не закрылся, коньячку прикупим, и посидим у нас культурно. О жизни поговорим, а то тоска какая-то непонятная после этого долбанного фильма. Вы как?

- Я со всем нашим удовольствием! – поддержал Панкратова Женька. – Вот только с грошами не очень. До полочки, как до Москвы пешком. Может за спиртом слетать?

- Да ну его к черту! – сплюнул под ноги Петр. – Пьем, черти что, здоровье гробим! Витя Абрамян тут в лаборатории на заводе был, говорил с девушками. Так в этом самом спирте – и муравьиная кислота, и скипидар, и альдегиды какие-то, не считая кетонов! А мы лопаем, желудки обжигаем.

- А мастер говорил, что из лаборатории – как медицинский!

- А где ты его из лаборатории-то возьмешь? Не, ребята, хочется чего-то такого, возвышенного! Приличную жизнь, короче, вспомнить.

Славка пошарил по карманам:

- Шесть рублей. На, держи, - он протянул деньги Петру.

- А у меня рубль с небольшим, - сокрушенно вздохнул Женька.

- Не гоните волну, господа! – Петр извлек из внутреннего кармана шинели портмоне, а оттуда – несколько новеньких десятков. – Я угощаю, голодранцы, можете не суетиться!

- Откуда такие деньги, мистер Дюпон? – спросил удивленный Славка.

Он прекрасно помнил, что до зарплаты еще почти неделя, да и разгуляться на лейтенантский оклад семейному человеку, такому, как Петя, трудно. –

- Любовь нечаянно нагрянет, - пропел баском Петр. – Премию за прошлые дела из КБ прислали. Не забыли, мазурики, помнят.

- Да ты что!

- Вот тебе и что! Год назад должны были получить, да все начальство тянуло, ждало каких-то заключений. Но, скорее всего – свою долю.

- Это очень кстати, что начальство подсустилось, - мгновенно

но повеселел, не умеющий грустить долго, Женька, - давайте тогда быстрее, мужики, а то магазин точно закроется.

Через полчаса они сидели за столом в комнате общежития и весело болтали о том, о сем, вспоминая интересные случаи из своей прошлой и уже такой далекой жизни и обсуждая текущие проблемы, возникающие как всегда не вовремя и некстати. Часам к двенадцати коньяк закончился и Деряга засобирился на базу:

- Пойду я, мужики, поздно уже. Пора домой топать, а то мои бойцы потеряют меня. Да и начальство может хватиться.

- Какое начальство, Женья? – зевнул Петр. – Двенадцать часов ночи, спят все. Ложись, вон койка свободная.

- Не, мужики, не могу. Все равно с ранья бежать придется, да и на сердце так спокойнее будет.

- Ну, как знаешь, - вновь зевнул Панкратов.

- Да что с ними будет, с бойцами твоими? – Славка накинул шинель на плечи. – Ну, спирту хлебнут, а больше что? Так все равно за всеми не уследишь. Пошли, раз уж топать решил, я тебя провожу, покурю на свежем воздухе.

Когда они распрощались с Женькой, и он растворился в темноте ночи, Славка закурил и с удовольствием затянулся. Стоял легкий морозец, но ветер стих, пахло жухлой, опавшей листвой. Яркие звезды мерцали на чистом небосклоне, как будто подмигивали Славке, дескать, не дрейфь пацан, все в жизни будет тип-топ. Вячеслав глубоко вдохнул свежий воздух, улыбнулся, неизвестно чему, в последний раз затянулся и придавил окурок каблуком. Когда он вернулся в комнату, Петр уже посапывал в кровати, накрывшись с головой серым, байковым одеялом. Раздевшись, Славка забрался в постель и закрыл глаза. Закончился день. Что-то принесет завтрашний?

Глава 2

Закинув неподъемный мешок с форменной одеждой, обувью и прочей белибердой на плечо и подхватив свободной рукой чемодан, Славка вышел из вагона в сырую, промозглую темень. Еще несколько дней назад он в это же самое время гулял с приятной девчонкой под звездами по нагретому дневным солнцем асфальту родного города, а сейчас стоял почти в крошечной темноте, под морозящим дождем на покрытой щебнем привокзальной площади станции Верхнекондинская. Той самой, до которой ему вручили билет в отделе кадров корпуса. Несколько дней, что он провел весело и беззаботно в Хабаровске после получения повестки в военкомате и до самого отлета в Свердловск, канули в вечность, как искры погасшего костра. Сейчас только свет одинокого фонаря на столбе поодаль, да тусклые окна деревянного вокзала отражались сквозь кисею мелкого, надоедливого, осеннего дождя в многочисленных лужах. Выбрав тропинку посуше, Славка козликотом допрыгал от перрона до здания вокзала, толкнул взвизгнувшую дверь зала ожидания и вошел внутрь. Маленькое, зарешеченное окошко кассы в стене, круглая, обтянутая черной жостью печь в углу, да несколько скамеек из гнутой фанеры – вот и все, на чем задержался взгляд. В полумраке, на одной из скамеек, подобрав под себя ноги в грязных резиновых сапогах, и спрятав кисти

рук в рукава телогрейки, храпел с посвистом маленький мужичонка. Мужичок-то был невелик, но крепкий запах свежего перегара шибал в нос даже за три метра. Славка уже было направился к освещенному окошку кассы, чтобы узнать, в какую сторону ему примерно топать, как входная дверь, взвизгнув, вновь отворилась, и в проеме возник военный, в звании лейтенанта, яркой такой кавказской внешности. Огромный, как клюв, нос занимал большую часть его лица, но при этом оно было вовсе не лишено приятности. Персиковая, смуглая кожа и легкий румянец на щеках делали кавказца похожим на девушку из горного аула, этакую восточную красавицу. Оглядев зал, вошедший остановился взглядом на Славке:

- Вы лейтенант Решетников?

Вячеслав молча кивнул, хотя кроме него одетого в шинель перетянутую портупесей и пьяного мужичка на лавке в крошечном помещении никого не наблюдалось.

- Извините, что немного опоздали встретить. Лейтенант Абрамян! – кавказец протянул ладонь для рукопожатия, и Славка заметил на петлицах лейтенанта чашу со змеей, знак медицинской службы. – А вы один?

Вячеслав пожал лейтенанту руку и тоже представился:

- Решетников. Вячеслав. А, что, еще кто-то должен приехать?

- Да, нет. Сказали, что вы с семьей будете.

- Я? С семьей? – удивился Славка. – Кто-то напутал, наверное.

Абрамян вновь открыл входную дверь и крикнул в темноту:

- Богович, давай сюда! Меня, кстати, Виктором зовут, - повернулся он к Славке.

- Очень приятно!

- Давай, бери вещи и – в кузов! – скомандовал доктор возникшему в помещении низкорослому солдату. – Ну, что, пойдём? – спросил он, уже обращаясь к Славке. - Тут недалеко ехать, минут десять. Погода вот только подкачала. Но завтра, вроде, ясно обещают.

Они вышли вслед за солдатом под непрекращающийся дождь, сели в кабину стоящего у вокзала «зилка» и тронулись

куда-то вдоль по темной улице.

- Ничего, что воин под дождем мокнет? – спросил Вячеслав.

- Как бы не простыл.

- У него плащ-палатка с собой. И, потом – это ведь Богович, вестовой наш! Он в общаге в котельной спит, на сушилке, так что ни черта с ним не случится, отогреется и просохнет.

- Вестовой?

- Типа того. При общежитии состоит, ну, там, полы моет, постельное белье меняет и всякое такое.

Свет фар выхватывал из крошечной темноты за лобовым стеклом намокшие деревянные заборы вдоль улицы, одноэтажные постройки, какие-то сараи и две бесконечные, глубокие дорожные колеи, наполненные водой.

- Как улица называется? – спросил Славка у Абрамяна.

- Советская, - хохотнул лейтенант, - как и вся наша героическая действительность.

- И поселок тоже – Советский.

- И даже район – Советский. Так, что, все мы здесь – исключительно советские люди.

Пока они ехали, Абрамян рассказал, что в поселке тысяча пять жителей и есть даже дом культуры, где по субботам и воскресеньям бывают танцы. Еще есть кинотеатр, а в паре километров от поселка строится деревообрабатывающий комбинат.

- Ну и наши доблестные батальоны квартируют. Сам скоро все увидишь, тут весь колхоз в поперечнике километра два, не более.

- А чем батальон занимается?

- А, всем подряд. В депо местном – несколько объектов строим, мосты на Северной ветке заканчиваем, трубы водопропускные. Комбат объявил, что скоро начнем большой мост шабашить через какую-то речку под Ивделем. Здесь, в поселке, кстати, чтобы ты знал, три батальона расположено, кроме нашего: еще мехбат и путевой.

- Ты, сам-то, откуда, из Армении?

- А что, здорово заметно? – улыбнулся Абрамян.

- Да есть, - смутился Славка.

- Из Москвы. Коренной москвич. Бабушка, правда, под Ереваном живет, ну, и родня, кой какая, там же. А мать с отцом уже лет как тридцать в столице.

- А тут давно?

- В этом году, в июле призвали.

- Тоже на два года?

- А тут больше половины офицеров – двухгодичники. У желдорбата нет училища с высшим образованием, вот и гребут вчерашних студентов с военных кафедр, пополняют офицерский состав. Ты сам-то откуда?

- С Дальнего Востока, - коротко ответил Вячеслав.

Машина выбралась из колеи и, вывернув, притормозила возле длинного, выбеленного, одноэтажного барака с тускло освещенными окнами.

- Приехали! – объявил новый Славкин знакомый.

Они вылезли из кабины, приняли от солдата вещи из кузова и через освещенную лампочкой входную дверь попали в длинный коридор общежития.

- Богович! – Абрамян повернулся к солдатику, стряхивающему воду с плащ-палатки, – Ты, куда лейтенанта разместил?

- Во вторую комнату, товарищ лейтенант.

- А какого дьявола ждешь? Ну-ка, живо тащи туда вещи. А где весь народ-то, кстати? – бросил взгляд в пустой коридор Абрамян.

- У Матвеева в преферанс играют, - вестовой подхватил баул с чемоданом и, открыв дверь, втащил их в маленькую, площадью не больше восьми метров комнатку.

- Ну, ты давай, устраивайся и подходи в восьмую с ребятами знакомиться. Ты, кстати, ужинал?

- Да, нет, не успел как-то.

- Богович! Разогрей лейтенанту тушенку, и что там у тебя еще есть в заначке пошарь. Только мухой, понял, и не жматься! А ты устраивайся и подходи, - повернулся Виктор к Вячеславу, разглядывающему свое новое жилище. – Что, не нравится?

- Да, нет, ничего, жить можно.

- Зато тебе повезло, отдельная комната досталась, осталь-

ные по двое живут. Ну, пока, я не прощаюсь, - Абрамян вышел и закрыл за собой дверь.

Славка осмотрелся. В комнате, у стены стояла металлическая кровать, накрытая серым солдатским одеялом, возле окна – маленький столик с табуреткой, а сразу при входе, у двери – плательный шкаф. «Жить можно!», - окончательно решил Славка и, сняв фуражку, положил ее на стол. Переодеваться он не стал, а, скинув шинель, сразу отправился в восьмую комнату. Постучавшись, лейтенант вошел. В восьмой, видимо самой большой в общежитии, находилось человек восемь. Четверо сидели за столом и играли в карты, один, пристроившись на кровати, читал книгу, остальные, окружив стол, наблюдали за игрой. Когда Славка вошел, и игроки, и болельщики прекратили игру, и с интересом уставились на него. Вошедший следом за ним Абрамян, представил его, так, что у Славки отпала в этом необходимость:

- Лейтенант Решетников! Прошу любить и жаловать. Вячеславом зовут.

- Капитан Матвеев, Виктор Иванович, - приподнявшись из-за стола, протянул Славке руку светловолосый, лет тридцати пяти, мужчина.

- Наш финансовый бог, главный бухгалтер, - прокомментировал Виктор. – Если захочешь внеочередной аванс получить, это – к нему.

- Ты, Витя в этом месяце уже дважды получал. Смотри, на зарплату не останется.

- Лейтенант Гомянин, - коротко кивнул головой из-за противоположного угла стола высокий, сухопарый, черноволосый парень, по всей видимости, ровесник Славки. – Юрий! Присаживайся, - он махнул рукой в сторону свободного табурета.

Вячеслав прошел на указанное место, по пути знакомясь с остальными офицерами.

- Лев. Шварцер, - улыбнулся, протянув ладонь для рукопожатия, ладный, русоволосый, с ямочками на щеках, как у девушки, лейтенант. – Замполит первой роты. Садись, в ногах правды нет.

- Садись, садись лейтенант! С остальными по ходу познакомишься! – вновь взялся за карты капитан. - В преферанс играешь? – спросил он Вячеслава.

- Да, нет. Так, в общих чертах представляю.

- А, в «тыщу» играл?

- Приходилось. Давно, правда, в институте еще.

- Ну, значит, быстро научишься. Пододвигайся поближе.

Игроки продолжили, а Славка с интересом начал изучать присутствующих. Назвавший себя Юрием, был ростом под два метра, и, как впоследствии выяснилось, мастером спорта по баскетболу, членом сборной института. Сам он был из Москвы, где закончил в прошлом году МИИТ, и служил в батальоне уже больше двух месяцев. Представившийся Александром, комвзводом первой роты, белобрысый, небольшого росточка, лейтенант Иванов азартно хлестал картами по столу, каждый раз приговаривая:

- А, мы ваших с нашим преобладающим удовольствием прихлопнем! Туз – он и в Африке туз! – Или совсем непонятное Вячеславу. – Мизерок-то не битый, господа!

Матвеев играл с видом профессионала, ни мимикой, ни жестами не давая противникам угадать расклад карт на руках. Но он, по всему, и был самым старшим и опытным в этой дружной компании, судя по тому, что в конечном итоге почти все время выигрывал.

- Ну, давай, рассказывай поподробней, кто ты и откуда, - присел рядом со Славкой Абрамян.

- Из Хабаровска. Железнодорожный закончил, уехал под Магадан подзаработать, а тут повестка.

- Не женат?

- Да нет, не успел пока.

- И правильно. А то у нас женатики страдают: жилья личного нет, жены далеко, полный дискомфорт. Мне, кстати, начштаба сказал, что ты с женой якобы едешь.

- Бог миловал пока. А, что тут, с дамами напряженка?

- Нет, с дамами все нормально. Но сам понимаешь – любовь, разлука!

Страсти, короче. Вон Деряга каждый день благоверной домой письма строчит, - Виктор показал глазами на читающего книгу, сидящего прямо на кровати в углу комнаты парня в вязанном свитере.

- Женя, - кивнул головой парень, услышав, что говорят про него.

В двери появился Богович с огромной сковородой, в которой шипела тушенка с разбитой прямо в нее парой яиц.

- Садись вон туда, за тумбочку, - показал Абрамян, - кушай, не обращай на нас внимания.

- Может кто-то за компанию? А то мне тут многовато будет, - предложил Славка.

- Ты ешь, Вячеслав, с дороги ведь. А мы все ужинали. В столовке. Так что действительно, не обращай на нас внимания, жуй, - сказал, не отрывая глаз от карт, Матвеев

Славка присел у тумбочки и принялся за яичницу. В разгар игры раздался неожиданный стук в дверь и в комнату вошел лощеный, поджарый капитан в шинели, перетянутой блестящей, отсвечивающей портупеей, и начищенных до такого же блеска хромовых сапогах. «Как он по грязи-то сюда дотопал, не запачкав сапог? Летел что ли?», - первое, что мелькнуло у Славки в голове.

- Товарищи офицеры! – встал, подав команду, капитан Матвеев.

Слегка замешкавшись, Вячеслав поднялся вслед за остальными.

- Добрый вечер! Садитесь, - махнул рукою капитан. Он оглядел присутствующих и остановил взгляд на Славке. – Так это вы – вновь прибывший?

- Так точно! Лейтенант Решетников, - представился Славка, вновь привстав с табурета.

- Капитан Бугрим, замполит батальона. Садитесь, товарищ лейтенант. Вижу, уже познакомились, - замполит вновь оглядел присутствующих. – Капитан! – обратился он к Матвееву, - Неужели нечем больше заняться, кроме этих карт?

Замполит с безгливой миной посмотрел на стол.

- Владимир Николаевич, - Матвеев, не обращая ни малейшего внимания на замполита, вновь начал сдавать карты, - а чем прикажете заняться? Клуб наш три недели, как вам известно, на ремонте, и когда он закончится одному Богу известно. А шашки, извините, порядком поднадоели. Да, и не на деньги мы, товарищ капитан, а так, на интерес.

Было видно, что Бугрим внутренне возмущен поведением Матвеева, но крыть слова главбуха было, по всей видимости, нечем. Да и звание у главбуха было такое же.

- Виктор Иванович, давайте-ка лучше завтра об этом побеседуем, - резко сменил он тему разговора. - А вы, лейтенант, - повернулся замполит к Славке, - завтра в девять ноль-ноль – в штаб с документами, форма одежды – полевая. Товарищи покажут, что у нас и где. Да, чуть не забыл. Деряжный, - обратился он к парню в свитере, - завтра вечером со взводом в командировку! Начинаем строить мост через Лозьву. Вот так то. А то совсем разболтались от безделья, господ офицеры!

Он сделал короткую паузу, чтобы до всех дошел смысл и значение сказанных слов, и внимательным взглядом вновь оглядел всех присутствующих:

- До свидания, товарищи офицеры! – Бугрим повернулся, как на строевом плацу, и вышел, аккуратно прикрыв за собой дверь.

- Товарищи офицеры! – запоздало скомандовал главбух, но никто уже не поднялся. – Ну, и как тебе, Слава, наш замполит? – спросил он Вячеслава.

Славка неопределенно пожал плечами. Что можно сказать о человеке, если видишь его в первый раз?

- Ходячий устав и зануда, - высказался, поморщившись, Гомянин. – Чего ему только дома по ночам не сидится?

- Меня вот что удивило: как он попал в общежитие, не замарав сапог? – спросил, ни к кому конкретно не обращаясь, Вячеслав.

- Заметил, - усмехнулся Матвеев. – Он специально в кармане тряпочку носит, а здесь Богович для него щетку сапожную держит. Аккуратист. Только, вот, слишком правильный, аж через край захлестывает! Но, на то он и замполит!

- Нормальный мужик! – возразил Абрамян. – Требовательный.

- Ты, Юра, его потому любишь, что сам такой же приглаженный и напудренный всегда, - засмеялся Гомянин, - Ну-ну, не закипай! Я понимаю, медицина и должна быть такой аккуратной. Да еще перед маникюршей надо приличным выглядеть! Хотя, если я правильно владею информацией, тебе там фиг, что отломится!

- А это не твое дело, Гомянин! - побагровел Абрамян. – Сам, как-нибудь разберусь. Тебя-то она, Юрочка, точно за версту обегает. Прямо так любовью и брызжет, издали дали!

- Хватит вам, петухи! – вмешался, отложив на минуту карты, Матвеев. – Нашли время бабу делить!

- А кто это, маникюрша? – потихоньку поинтересовался Славка у Иванова, сидящего ближе всех.

- Девушка. В парикмахерской работает. Юрка Гомянин пытается за ней ухлестывать, но все безрезультатно. Да и Абрамян тоже. Еще увидишь, симпатичная такая.

- Все, ребята, лафа кончилась! - высказался вдруг не по теме Матвеев, - Начинаются, блин, трудовые будни! Что глядите, соколики? Не поняли дядю? Для особо тупых поясню: скоро весь батальон загонят к чертовой матери в тартарары. Ты, Жень расслабься, не расстраивайся особо, звони оттуда, что да как, - повернулся он к парню в свитере. – Господа, а у меня опять мизер! – так же неожиданно сменил тему разговора капитан.

- А чего? Подумаешь. Что здесь сидеть, что там – какая разница? - Деряжный отложил книгу и по приятельски подмигнул Славке.

- Это тебе без разницы, - бросил карты на стол Гомянин. – А вот Юрию Семеновичу, то есть мне любимому, например, не все равно.

- Это точно, - ухмыльнулся Иванов. – Пока ты Юрка будешь там дела наши скорбные налаживать, уведет доктор у тебя Светку.

- Не бойсь, не уведет! – хмуро буркнул Гомянин. – Кишка тонка.

- Это у тебя кишка тонка, - мгновенно отреагировал Абрамян.
- О, картина Репина маслом! Смотри, Слава, классика: как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем, - заржал Иванов. - Сцепились, дон жуаны хреновы! Никак барышню поделить не могут! Давайте, подеритесь еще, а мы посмотрим!

Абрамян резко поднялся и вышел из комнаты.

- Зря ты так, Сань, - заметил, оторвав глаза от книги, Деряжный. - Чужие чувства уважать нужно.

- Да какие там чувства! - махнул рукой Иванов.

- Ну, похоже, на сегодня хорош, мужики! Давайте закрываться, что ли, спать пора, - почувствовав, что все уже порядком подустали, поднялся из-за стола Матвеев.

Сразу, правда, расходиться не стали. Попили чаю, поговорили о том, о сем, а уже потом по одиночке разбрелись по своим кельям. Славка вернулся в свое новое жилище, разобрал кровать, потушил свет и залез под холодную простынь. Он долго не мог заснуть, перебирая в памяти события сегодняшнего вечера. Еще вчера он думал: как-то его встретит эта новая, незнакомая жизнь. Да, ничего особенного: обыкновенные люди, как и везде! Уже проваливаясь в сон, он вспомнил, что толком и не знает, как выглядит полевая форма, о которой упомянул замполит. Завтра утром надо спросить у ребят...

Батальон располагался за железнодорожными путями, почти напротив вокзала. Дорога от общежития до части заняла не больше пятнадцати минут. Рядом с их мостостроительным, в один ряд базировались еще два батальона - путевой и мехбат, мимо КПП которых пролежала натопанная сотнями ног и не за один год тропа, размыт которую было не под силу даже многодневным дождям..

- Пойдем путями, - скомандовал Матвеев, когда они всей гурьбой прохладным, осенним утром высыпали из общежития на улицу, - там грязи поменьше.

Погода, и правда, наладилась. Дождь закончился. Утреннее солнце сквозь легкий туманец щедро поливало лучами продрогшую землю, отражаясь в многочисленных лужах.

- Хорошо, что здесь песок почти везде, грязи долго не бывает, - заметил, обращаясь к шедшему рядом Вячеславу, Юра Гомянин. - Обрати, кстати, внимание! - он указал глазами в сторону перрона, по которому навстречу им шла девчонка в железнодорожной форме. Парни, как по команде, повернули головы в сторону проплывающей мимо них, почти не касаясь земли, красавицы и заулыбались.

- Привет, Настя! - сбавив шаг, ласково проворковал, почти пропел, возглавляющий компанию Матвеев.

- Здравствуйте, мальчики! - помахала рукой и улыбнулась в ответ девчонка, обдав их ароматом заграничного парфюма, и остолбеневшему от увиденного Вячеславу вдруг показалось, что утро стало еще ярче: такую красоту, пусть даже и упакованную в недостойный черный форменный китель, он видел впервые.

Девчонка, чувствуя внимание молодых парней, горделиво пронесла мимо них свою аккуратную причесанную головку и удалилась в сторону диспетчерской.

- Что, забрало? - ухмыльнулся Гомянин, взглянув на Славку.

- Да! - только и смог произнести онемевший Вячеслав.

- Не разевай рот, Слава, - посоветовал Деряжный. - У Настюхи муж, поболи нашего Зубкова будет. И кулаки у него по пуду! Так, что, глядеть - гляди, и то осторожно, а трогать - ни-ни!

- Хороша девка! - подмигнул Вячеславу Матвеев. - Встретил бы раньше, ни за что не упустил бы!

- У тебя и так, Витя, этого добра хватает, - усмехнулся Гомянин.

- Ну, это, как посмотреть.

- В чужой тарелке - всегда слаще, - высказался молчаливо шагавший до этого Абрамян.

- Это - точно! - подтвердил Матвеев, перепрыгивая через очередную лужу.

Еще долго, пока они гуськом шли по тропинке, перед глазами у Славки стояло чистое и прекрасное, как на иконе, лицо встреченной ими девушки с улыбкой, от которой и до сих пор было тепло и радостно на душе. Это ж надо, какую красоту

создал Бог! Были и у Славки красивые девчонки. Одна Фатима чего стоила! Но такое! Да...

- О чем задумался, детина? – хлопнул Вячеслава, как старого приятеля, по плечу Женя Деряжный. – Какие твои годы? Еще лучше раз в сто встретишь!

- Это точно! – подтвердил Матвеев, прибавляя шагу. – Подтянись, мужики, опаздываем!

В части ребята разошлись по своим ротам и службам, а Славка направился вместе с Матвеевым в штаб. Штаб, одноэтажное, щитовое здание находилось практически рядом с КПП, и уже через минуту он отдавал командировочное предписание и остальные документы дежурному. Тот почитал, куда-то позвонил, и вернул документы обратно:

- Вам сначала к командиру части надо, товарищ лейтенант! Третья дверь направо по коридору, - указал он рукой в ответ на вопросительный взгляд Вячеслава.

Славка пошел в указанном направлении, по дороге, как и положено, отдав честь знамени части с застывшим рядом часовым. Не все забыл, чему учили на военной кафедре, кое-что сохранилось. Постучав в дверь с табличкой «Командир части», он открыл дверь и вошел.

- Разрешите?

Сидевший во главе стола смуглолицый, сухощавый майор вопросительно поднял голову. Вячеслав обратил внимание на его светлые, серые глаза и легкую седину на висках. Рядом с комбатом, за столом совещаний сидел вчерашний знакомый по общежитию – замполит Бугрим.

- Лейтенант Решетников прибыл для дальнейшего прохождения службы! – отрапортовал Славка.

- Ну, прибыл, так прибыл, - приятным баском высказался майор, вставая и протягивая для рукопожатия руку. Ладонь была сухой и крепкой. – Вот, Владимир Николаевич, новое пополнение прибыло. Попрошу любить и жаловать.

- А мы уже знакомы с лейтенантом.

- И когда ты только все успеваешь, замполит? – удивленно спросил комбат. – Не спишь что ли по ночам, или с женой по-

ссорился? – пошутил он.

- Еще вчера в общезнании познакомились, - ответил замполит, явно не принимая шутивого тона командира. - Как спалось, лейтенант?

- Нормально, товарищ капитан.

- Тебя как зовут-то, лейтенант? - спросил комбат.

- Вячеслав. Вячеслав Георгиевич, товарищ майор, - поправился Славка.

- А меня – Александр Александрович, и фамилия моя – Гук. И откуда же ты к нам прибыл, Вячеслав Георгиевич?

- Из Хабаровска.

- Ишь, ты, откуда тебя занесло! Ото всюду ребята есть, со всех концов, можно сказать, а вот с Дальнего Востока никого пока еще не было. Ты вот что, лейтенант, - комбат посмотрел переданные Славкой бумаги, - топай в спецчасть, сдай бумаги и жди меня у выхода. Через десять минут построение, вот там мы тебя и представим батальону. Ты, кстати, завтракал?

- Никак нет, товарищ майор, не успел.

- Ладно, после развода позавтракаешь. Ты, Владимир Николаевич, проследи, чтобы лейтенанта накормили, а то эти архаровцы ничего не оставят. Завтрак-то у нас до развода, - пояснил он.

- Разрешите идти?

- Давай-давай лейтенант, а то опоздаешь в спецчасть, на развод все уйдут.

Побывав в спецчасти и заодно познакомившись с ее начальником, старшим лейтенантом Суровцевым, Вячеслав вышел из штаба. Батальон строился на плацу для утреннего развода. Плотный, невысокого роста майор стоял перед шеренгами рот и молча наблюдал за происходящим. Из штаба вышли командир и замполит.

- Ну, что, пошли лейтенант, - майор с капитаном двинулись в сторону плаца, а Славка, испытывая некоторое душевное волнение, пошел следом вдоль шеренг, откуда за ним с интересом следили сотни молодых глаз.

- Батальон! – исказив лицо, неожиданно зычным голосом прокричал низкорослый майор, до этого совершенно бес-

страстно взиравший на возню в ротных шеренгах. – Смирна-а-а! Равнение на середину!

Повернувшись, он приложил руку к тулье фуражки и четким строевым шагом двинулся навстречу комбату. Комбат и, шедшие за ним следом замполит со Славкой остановились, отдавая честь.

- Товарищ майор! – рывкнул коротышка. - Батальон для утреннего развода построен! Начальник штаба майор Стешенков!

Командир, не отрывая ладони от головного убора, вышел на середину плаца и звонко поздоровался:

- Здравствуйте, товарищи!

- Здрав... жла... тов... йор! – рывкнули в ответ четыре сотни молодых глоток.

- Вольно! – повернулся комбат к начштаба.

- Батальон! Вольно!

- Товарищи! – сделав короткую паузу, громко объявил комбат. - К нам в батальон прибыл новый офицер, лейтенант Решетников. Он будет исполнять должность старшего инженера-мостовика техчасти и по совместительству инженера по технике безопасности. Так, что прошу принять молодого офицера в наш коллектив и оказать ему всяческую помощь и поддержку по службе и вообще, - он повернулся к Вячеславу. - Лейтенант, встаньте в строй!

- Есть! – козырнул Славка и, старательно чеканя шаг по бетону, встал сзади в каре офицеров штаба, среди которых узнал некоторых своих вчерашних знакомых.

Оказавшийся рядом Абрамян ободряюще подмигнул ему: не робей, мол, парень! Комбат с замполитом, начальник штаба, и еще какой-то толстый и круглый, как шарик, на коротких, подогнувшихся от давившего на них веса ножках, майор, которого только сейчас заметил Вячеслав, отошли к краю плаца. Вновь раздалась зычная команда начальника штаба:

- Батальон! Смирна-а-а! К торжественному маршу! Поротно! Одного линейного дистанция! Первый взвод прямо, остальные напра-во! Шагом ар-р-рш!

Стараясь не сбиться с непривычки, Славка, задрвав подборо-

док, вместе с остальными офицерами, старательно чеканя шаг по бетону плаца, промаршировал перед отдающим им честь начальством. В конце плаца, перед штабом, офицерское каре распалось.

- Здорово! – улыбающийся незнакомый старший лейтенант протянул Вячеславу руку. – Фоминых, Владимир, начальник техчасти. С сегодняшнего дня, как понимаешь, твой непосредственный босс. А это Понюшенко Виталий Михайлович, наш главный инженер, - представил он худощавого, в очках старлея, стоящего рядом.

Старлей рассеянно скользнул по Славке взглядом, молча кивнул и направился в сторону подходящего к штабу начальства.

- Вячеслав, - ответил на рукопожатие Фоминых Славка.

- Не обращай внимания! У Виталика нашего свои проблемы, - сказал Фоминых, имея в виду неприветливого главного. - К нам в техчасть, значит? Это – хорошо! Даже здорово, – Фоминых хлопнул Славку по плечу. – Ну, пошли, что ли в нашу конуру. Мы тут без людей зашились: объекты мелкие, но много. Сейчас я тебя с остальными познакомлю. Виталий, ты зайди, выбери время, - крикнул он вслед главному инженеру.

- Зайду, попозже - главный подошел к начштаба и что-то начал говорить, горячо жестикулируя.

- Нам, вроде, большой мост дают, - пояснил старший лейтенант, когда они шли по коридору к техчасти. – В Ивделе. Понюшенко узнает точно, что к чему, сообщит. Входи, - толкнул он дверь, отступив в сторону.

В довольно большой комнате с пошарканной мебелью за стол, стоящий у самого окна, устраивался незнакомый, крупный, с залысынами в рыжих волосах лейтенант, вошедший за минуту до них. Ростом его Бог не обидел: под метр восемьдесят, с плотной, даже полноватой фигурой, и розовощеким, веснушчатым, почти детским лицом.

- Знакомьтесь! – подтолкнул Вячеслава Фоминых.

- Петр! – представился лейтенант, с интересом приглядываясь к Славке, - Панкратов.

- Вячеслав Решетников.

- Ты, Петр, введи Вячеслава в курс всех наших грешных дел. А я на тридцатый километр слетаю, что-то там наши чудики напортачили. Комбат матерился, аж стекла дрожали! Опять Ворошнин отличился.

Фоминых собрал со своего стола какие-то бумаги, сунул их в черную, кожаную папку с металлической молнией и исчез за дверью, оставив новых сослуживцев вдвоем.

- Присаживайся, - Панкратов широким жестом указал на стол в углу, - тут до тебя лейтенант Пангаев сидел, месяц, как дембельнулся. Так, что, располагайся, буду тебя в курс дела вводить.

- А кто это – Ворошнин? – сразу поинтересовался Вячеслав.

- Сашка. Командир взвода из первой роты. Москвич. Второй месяц ишачит.

- А за что на него комбат «палкана» спустил?

- Да у него все ни как у людей. Парень – хороший, но неорганизованный. Что-то там с облицовкой откоса случилось, съехала, что ли. Мостик мы там небольшой соорудили, скоро сдавать. Вот комбат и нервничает.

- А где этот тридцатый километр?

- Северная ветка в сторону Акрыша. Да я тебе сейчас все расскажу.

В следующие полчаса Вячеслав узнал, что в батальоне четыре роты, две – мостовых, одна путевая и одна механизированная. Батальон работает в основном на Северной ветке, строит три моста и несметное количество водопропускных труб. Кроме этого ему поручено возведение здания вокзала на пятьдесят четвертом километре и несколько объектов местного локомотивного депо.

- Кроме этого – один кирпичный трехэтажный дом. Да ты, наверно, видел, когда мимо вокзала проходил.

Вячеслав смутно припомнил какие-то кирпичные строения в районе вокзала.

- На третьем этаже кладку ведем. К зиме сдать нужно, не вряд ли. То одного нет, то – другого. Кроме Фоминых и нас с тобой, в.techчасти еще два человека: сержант Перминов и Ве-

рочка Семенова, сметчица. Верочка сейчас в отпуске, а Перминов в наряде по роте. У него тоже, кстати, высшее образование.

- А чего же он – сержантом?

- В отличие от наших, у него в институте военной кафедры не было. Но и служить ему всего год, а не как нам, дуракам – два. Парень не глупый, но, правда, и лишнего рвения не проявляет. Так, что, иногда приходится нажимать.

- Ну, а Верочка, что из себя представляет?

- А, чтобы она собой не представляла, нам до этого не должно быть никакого дела. Верочка – жена командира первой роты, капитана Семенова. Ясно?

- Ясно.

- Ну, вот и хорошо. Остальное – выяснишь по ходу. Блин, совсем забыл! Пошли скорее, а то мы тут зарапортовались совсем! Я тебя в столовую отведу. Ты ведь не завтракал сегодня?

- Нет, не завтракал.

- Тогда пошли быстрее, а то ничего не останется. Мы-то с парнями еще до развода поели.

По дороге в столовую они нос к носу вновь столкнулись с майором, так похожим на надутый резиновый шарик. Он катился им навстречу по асфальтовой дорожке, занимая своим телом всю ее ширину. Лейтенанты отступили с дорожки на траву, и козырнули, пропуская, как и положено, старшего по званию.

- А, инженера! – задыхающийся от быстрой ходьбы майор приостановился. – Куда путь держите?

- Вот, - Петр указал на Вячеслава, - лейтенанта в столовую веду. Позавтракать человеку надо, товарищ майор.

- А что так поздно-то?

- Так человек первый день на службе! Откуда он наши порядки и расписание знает? С утра, тем более, командиру докладывался.

- Ну, тогда поторопитесь инженера, может, что и осталось. Ты Панкратов передай там от меня, если все уже подмели: пусть яичницу с колбасой лейтенанту пожарят, да капусты на салат нашинкуют.

- Кто это? – спросил Вячеслав Панкратова, когда майор, как

колобок, укатился по дорожке в сторону штаба.

- Майор Пашков, зам по тылу! Хороший мужик, но, говорят, скоро от нас уходит. Переводят его куда-то, в корпус, кажется.

После завтрака Вячеслава вызвал начальник штаба. Наслышанный к этому моменту от Петра, что начштаба до мозга костей служака и не переносит разгильдяев, Славка потуже подтянул ремень португеси, оправил гимнастерку и только после этого вошел в кабинет майора.

- Главное доложиться, как положено. Он это любит, - напутствовал его Панкратов.

- Майор Стешенков, - коротко представился начштаба в ответ на звонкий доклад лейтенанта о прибытии.

Выяснив, кто он и откуда, и какими судьбами попал в армию, начштаба с дотошностью расспросил о родителях, об учебе в институте, и, видимо, оставшись удовлетворенным ответами, отпустил Славку, выдав на прощание ряд пожеланий:

- На вашей должности, Решетников, служил лейтенант Пангаев. Дисциплинированный офицер, скажу я вам, службу нес исправно, никаких серьезных нареканий. Демобилизовался старшим лейтенантом. Смею надеяться, что и вы не уроните высокой чести советского офицера. Вот, что я вам посоветую для начала. Поменьше болтайте в поселке, особенно по ночам, и не берите пример с наших некоторых отвязанных товарищей. Да и этой, как ее, карточной игрой особо не увлекайтесь. Вы, наверное, уже заметили, что некоторые по вечерам только этим и занимаются. Нет, чтобы книжку лишний раз почитать.

Заверив начштаба, что он приложит старание, чтобы быть во всем примером для подчиненных, Славка вывалился за дверь и перевел дух. «Зануда ты, майор, однако!» - мысленно подвел он итог первой встречи с начальником штаба.

До обеда он успел побывать в ротах, ремонтных мастерских и на складах, где познакомился с массой новых и порою весьма интересных людей. Прапорщик Нигматулин, например, начальник продовольственного склада, где Славка, не отходя от кассы, получил положенный ему на ближайший месяц доппак, выяснив, что еще в Свердловске лейтенанту выдали отрезы

на парадный китель и шинель, посоветовал, как вещи в дальнейшей службе бесполезные, сразу загнать их:

- Тебе они здесь, в тайге ни к чему, а бабы детишкам одежду из такого материала отличную шьют. Качество – распрекрасное, диагональ все-таки! Я узнаю, кому надо, и подскажу, - предложил он.

- Как это, парадку продать? – удивился Вячеслав. - А вдруг где понадобится? Начштаба шкуру сдерет.

- Нигде она тебе здесь не понадобится. У нас не столицы и парадов не бывает. Не ты - первый, не ты - последний. А начштаба особенно не опасайся, он так, с вида грозный, а вообще-то нормальный мужик, внятный. По мелочам гнобить не будет. Короче, если надумаешь продавать – сообщи. Может, я даже для своих архаровцев возьму.

Когда Славка вернулся в штаб и рассказал Панкратову о предложении Нигматулина, последний тут же проинструктировал его:

- Меньше чем за двести рублей не отдавай! А то Нигматулин – жук тертый, будет предлагать меньше – не продавай! Найдем и без него клиентов. А парадная форма здесь действительно ни к чему, тут он прав. На работе отираться – полевая в самый раз, а в штабе, или там, в командировке, повседневная сойдет. Я свои отрезки тоже в первые же дни загнал. Кстати, получи гроши для пошива в бухгалтерии.

- А, что, еще и деньги на пошив положены?

- А как же, на свои, что ли шить.

Они уже было собрались отправиться в столовую обедать, как дверь кабинета внезапно распахнулась настежь, и на пороге возник здоровый, почти квадратный парень в защитного цвета замызганной телогрейке без погон и знаков различия и старого еще образца с низкой тульей офицерской фуражке набекрень.

- Здоровы были, станичники! Это ты что ли новенький? – спросил бесцеремонно парень, направляясь в сторону Славки.

- Здорово, Санек! Прошу любить и жаловать! Лейтенант Ворошнин собственной персоной, - представил парня Панкратов.

– Ты откуда взялся? Тебя тут комбат с утра недобрим словом поминал. И даже обещал тебе кое что оторвать, когда встретит!

- А! – легкомысленно махнул рукой Ворошнин. – Сашка! – протянул он руку Вячеславу.

- Вячеслав. Решетников.

- Ты что, взвод оставил, что ли, на трассе? – вновь поинтересовался Панкратов.

- Не пускай пар, Петя, я у комроты отпросился. Да и Фоминых на пару дней согласился подзаменить. Пусть рыбку половит немного, отдохнет, а то его тут в штабе задолбали, поди. А потом Дубов его кем-нибудь подменит. Вы уже обедали? Нет. Ну, так потопали. Ты откуда приехал-то? – спросил он Славку.

- Из Хабаровска, - в который раз за сегодняшний день сообщил Вячеслав.

- Ни фига, откуда тебя черт занес? А я - из Москвы. Ты Петя видно перетрудился и забыл, что у лейтенанта Ворошнина послезавтра свадьба, - повернулся он к Панкратову. – Так что все по закону: три дня отпуска – святое дело! Ты, Вячеслав, кстати, тоже в числе приглашенных. Форма одежды – свободная, подарков можно не приносить! Ладно, пошли на камбуз, а то мужики все слопают, по дороге поговорим.

По дороге выяснилось, что весь сыр бор и кипиш в батальоне возник оттого, что в болоте, рядом с мостом на тридцать третьем километре трассы чуть не утонул бульдозер, а не оттого, что были какие-то нарушения строительных норм на объекте. Но вот бульдозер тот чуть не утопили, потому, что под непосредственным руководством Ворошнина бойцы пытались запрудить речушку, вытекающую из болотца, раскинувшегося рядом с насыпью. Ладно бы – для дела, но как оказалось, чтобы собирать налимов и прочую мелкую рыбешку из луж, остающихся в русле речушки после того, как из него окончательно сойдет вода. Пока толкали песок, бульдозер правой гусеницей завяз в грязи. Пытались подвезить, но засадили механизм еще глубже. Чуть не до кабины, короче. Пришлось обращаться к путейцам, просить железнодорожный кран. Бульдозер-то, в

конец концов, вытащили, но прежде чем он снова заработал, пришлось повозиться с ним пару дней. Как-то об этом узнало начальство, ну, и, естественно, поднялся шум. А, вот, как оно об этом узнало и какой гад об этом стукнул, Сашка обещал выяснить обязательно! И, как он выразился, выжечь заразу каленым железом. Глядя на его комплекцию и рельефную мускулатуру, заметную даже под телогрейкой, нетрудно было представить воочию, как это будет происходить. Ворошнин Славке сразу понравился своей открытостью, какой-то бесшабашностью и заряжающей окружающих неумемной энергией.

- Хороший мужик! – поделился он потихоньку с Панкратовым.

- Нормальный! – подтвердил Петр. – Неорганизованный маленько, и разбитной, но командовать умест. Взвод у него по струнке ходит. Приказы выполняются только бегом. Впрочем, и не удивительно, видел какие у него кулаки?

Сразу после обеда они распрощались, договорившись вечером обязательно встретиться. Сашка полетел в поселок к невесте, а Вячеслав с Панкратовым отправились обратно в штаб.

- Давай Вячеслав, знакомься с документацией, - Панкратов махнул рукой в сторону приоткрытого шкафа, набитого папками с чертежами, - а я тут график работ доделаю. На днях главный инженер бригады, полковник Кривякин должен нагрянуть, так что мотай на ус, пока я жив. Во-первых, график производства работ по любому, даже самому маленькому объекту должен быть обязательно, ну, и выполнен, естественно, как положено: на ватмане и желательно в цвете. Во-вторых, каждая бумажка должна лежать в своей папочке, а каждая папочка иметь свой номер. И, чтобы перечень папочек - на дверце шкафа. И, не дай Бог, долго искать будешь, если Кривякину какая-нибудь бумажка понадобится – сожрет и не подавится! Грозный дядечка. А, Впрочем, сам увидишь.

- Разберемся! – Славка вытащил первую охапку чертежей и устроился поудобнее за своим столом.

Ближе к пяти часам позвонил Ворошнин:

- Бросай свою лабуду и дуй в общагу! К Алине в гости пой-

дем. Подружка ее будет. Посидим, поговорим, с Алиной познакомишься.

- А кто это, Алина?

- Невеста моя. Я, что, не говорил тебе, как ее зовут? Забыл, наверное. Собирайся и топай! А на Петьку Панкратова не обращай внимания: ему торопиться некуда, он жене своей ненаглядной верность блюдет. Пусть работает бедолага, может орден Сутулова дадут! А тебе какого рожна там сидеть допоздна? Думаешь благодарность объявят? Как же. Догонят и еще дадут! Собирай манатки и – вперед!

- А ужин?

- В гостях поужинаем.

- Да я на мели, неудобно как-то.

- А ты, что, подъемные не получил?

- Какие подъемные?

- Два оклада – вот, какие! Шуруй быстрее в бухгалтерию, а то все разбегутся, и Матвеева бери за горло, да покрепче.

- Сашка пьянствовать зовет? – поинтересовался карпеющий нал графиком Панкратов.

- В гости к невесте. А где у нас бухгалтерия? Ворошнин сказал какие-то подъемные можно получить.

- А ты что, еще не получил?

- Нет.

- В конец коридора, мимо знамени. Ты там, в гостях у Алины не особенно расслабляйся, - как-то странно усмехнулся Петр, - а то махом стреножат, да и обезжирят.

Рабочий день подходил к концу, и нужно было незамедлительно лететь в бухгалтерию, чтобы не остаться с носом. Славка не придавал особого значения последней фразе Панкратова: что он, телок какой-то, чтобы его стреножили! Отыскав в конце коридора нужную дверь, он вошел и чуть не сшиб с ног капитана Матвеева, выговаривающего что-то стоящему перед ним на вытяжку рядовому.

- Осторожнее, лейтенант! -- Матвеев потер ушибленное плечо и продолжил прерванный Славкой воспитательный про-

цесс. - Я тебе Крюков уже сто раз объяснял, что главное в нашей работе – точность и аккуратность. Что мне тебе – кол на голове тесать?

- Товарищ капитан! – перебил его Вячеслав. – Разрешите обратиться!

Матвеев повернулся к Славке и недовольно изрек:

- Нехорошо перебивать старших по званию, лейтенант. Ладно, топай с глаз моих долой, Крюков! – приказал он рядовому. – Завтра поговорим. Чего тебе, Решетников?

- Подъемные бы надо получить, Виктор Иванович.

- Ты бы еще ночью подъемные получать пришел. Видишь, рабочий день уже закончился.

- Так я не знал, что их вообще получать надо. А тут еще и в гости пригласили.

- Это куда?

- Ворошнин к невесте позвал.

- А-а-а, - протянул капитан, - ну, тогда куда деваться! Ты еще не исчез? – недовольно повернулся он к еще стоящему у сейфа рядовому. – Хотя, стой! Выдай лейтенанту подъемные. Мухой. И дуй в роту!

Крюков быстро сверился с какими-то бумагами, вписал фамилию Славки в ведомость, заставил расписаться и выдал личную сумму, около трехсот рублей. В дороге Славка истратил последние копейки, и полученная сумма приятно его удивила.

- Ты только все деньги с собой не бери, - мудро посоветовал Матвеев, - а то профукаешь за один день, и проставиться будет не на что.

- Все будет тип-топ, товарищ капитан! – повеселевший Славка быстро распрощался с Матвеевым и выскочил из штаба. На плацу шел развод очередного наряда по части.

- Ну, что, пошли домой? – хлопнул его по плечу, невесть откуда возникший, лейтенант Иванов.

- Пошли. Ты уже отслужил, что ли?

- А то! В нашем деле самое главное – вовремя смыться! Пошли скорее, пока никто из начальства ничем не озадачил.

И они, дружно откозыряв встретившемуся им на дорожке Бугриму, торопливо проскочили КПП и направились знакомой дорогой в сторону поселка.

В общежитии Славку уже подждал выбритый и надушенный Ворошнин. Он переоделся в штатское и Славка его не сразу признал: в телогрейке и замызганной фуражке Сашка выглядел не так импозантно.

- Ты куда пропал, Слава? Давай, быстро собирайся и пошли. Люди ждут.

- Дай хоть умыться!

- Мойся, только покороче, и потопали.

- Мне тоже в штатское переодеться?

- А зачем? Ты же и так, как новенький пятак блистишь. Это мы все промаслились и креозотом провоняли, а ты как с плаката, что у нас в штабе у дежурки висит. Давай, чисти перышки, а я у себя жду.

- А я ведь даже и не знаю, в какой комнате ты живешь?

- В двенадцатой, вместе с Гомяниным.

- Вдвоем?

- Вдвоем. Это тебе повезло в одноместную поселиться. Кто-то из бригады сообщил, что ты не один едешь, а с женой, вот тебе с испуга временно и приготовили апартаменты, а то бы фиг ты их получил. Ну, а теперь, даже если и будут пытаться, кого подселить – не соглашайся. Положено отдельное жилье офицеру по закону, вот и стой на этом! Тем более тебе в поселке, как штабному, чаще жить придется. Может, кого в гости привести захочешь, – подмигнул Сашка. – А мы-то все больше по трассам, почти друг друга и не видим.

- А вы куда собрались, господа? – поинтересовался уже переодевшийся в гражданское Иванов, появившись из дверей своей комнаты. – Может, и меня прихватите?

- Перебьешься! – бесцеремонно отшил приятеля Ворошнин.

- К тебе жена скоро приезжает, так что блюди целомудренность, земля! Бери пример с Панкратова.

Минут через пятнадцать они бойко шагали вместе по цен-

тральной улице к ближайшему магазину. Улица, как и в большинстве российских городов, сел и самых захолустных мест, носила гордое имя вечно живого Владимира Ильича. Еще через двадцать минут, прикупив на полученные Славкой подъемные пару бутылок водки и бутылку сухого, они подходили к двухэтажному, кирпичному зданию неподалеку от коптящей трубы поселковой бани, где, как выяснил Славка, располагалось общежитие железнодорожников, и где проживала Сашкина невеста.

- Ты, главное, не тушуйся! Что нам терять, кроме своих цепей? – посоветовал Сашка, оглядев приятеля с головы до ног, и открывая перед Славкой дверь в комнату на втором этаже, куда они поднялись мимо сладко спящей, уронив голову на стол, старушки-вахтера.

Комната была не особенно большой, площадью метров двенадцать, но чистенькая с большим количеством цветочных горшков на подоконнике.

- Ой! – отпрянула за занавеску, повешенную рядом с дверью, русоволосая девушка. – Чего ты, Александр опять без стука врываешься, как разбойник?

- А вдруг что-нибудь интересное увижу! – захохотал вместо приветствия Ворошнин.

- Алина! – представилась крепко сбитая, под стать Сашке, с полными, яркими губами татарочка: – Опять хулиганишь, охальник! – она шуточно хлопнула Ворошнина по макушке и поцеловала его прямо в губы.

- Галина! – протянула Славке руку вторая девушка, успешная привести себя в порядок. – Очень приятно! Раздевайтесь, пожалуйста.

Сашка уже скинул плащ и выставил на стол купленное спиртное:

- Снимай Вячеслав шинель. А вы, бабоньки, быстренько на стол собрали. Отметим знакомство! Вот это моя Алина! – обнял он татарочку.

- Перестань, Саша! - отпихнула его девушка. – Садитесь

Слава в кресло, тут удобнее.

- Кончайте вы выкать! – хохотнул Ворошнин. – Не на приеме в шведском посольстве. Давай лучше Слава по стопарю намахнем, а то их не дождешься.

- Саша! – с укоризною в голосе остановила Ворошнина невеста. - Подождите вы пить! Галя, сходи на кухню, картошка уже, наверное, поспела, - Алина начала выставлять из холодильника, стоящего в углу комнаты приготовленную на тарелках еду. – Саша, возьми-ка лучше нож, нарежь колбасу.

Через минуту в дверях появилась Галина с кастрюлей дымящейся картошки. Славка вскочил с кресла и закрыл за девушкой дверь.

- Спасибо! – улыбнулась она.

- О! Закуска прибыла! – захохотал басом Сашка. – Алина, давай рюмки-то, наконец!

Они устроились на стульях вокруг стола, и Ворошнин, открыв бутылки, разлил водку и вино в приготовленные рюмки и стаканы.

- Ну, что, гости дорогие, - поднялся он, - первый тост, как полагается, за знакомство! И чтобы с этой минуты все были на ты. Не исправившимся – штраф!

- Какой такой еще штраф? – поинтересовалась Галина.

- Поцелуй, родная. И не в щечку, а, как положено.

Славка, стараясь остаться незамеченным, разглядывал сидящих перед ним девчат. Алина показалась ему полноватой для своих лет и не слишком симпатичной. Но шальные, азиатского разреза, черные, как уголь, глаза компенсировали отсутствие остального прочего. О таких глазах говорят: как спелые сливы, или еще – волоокие. Они блистали и лучились жизнью, ни на секунду не останавливая своего движения. И что-то в них было такое, что заставляло гулко биться сердце случайно в них заглянувшего. Что-то волнующее мужское естество, прекрасное, но и одновременно порочное, скрытое и не всем сразу заметное. Галина, наоборот, русоволосая, хрупкая, казалась полной противоположностью подруги. Тонкие, спокойные черты

ее белокожего лица, не предполагали страстной натуры. Да и фигурой она была куда, как стройнее Алины. Лет им обоим было в районе двадцати двух, двадцати трех. «Вполне взрослые девочки», - мельком подумал Славка. Девчата к их приходу приоделись в яркие, легкие платья и Славка чувствовал себя не совсем в своей тарелке в этой дурацкой армейской гимнастерке, с подшитым белым подворотничком и галифе. Да еще и в носках – не в сапогах же топать по комнате! Хорошо еще, что португеею оставил на вешалке вместе с шинелью.

Они чокнулись и выпили.

- А теперь, за последние деньки моей холостяцкой жизни! – Ворошнин вновь разлил вино. – Послезавтра регистрация, - пояснил он приятелю, – Алина, поухаживай за Вячеславом, а то он совершенно не закусывает.

- Да все нормально! – попытался остановить Сашку Вячеслав, когда тот пододвинул к нему тарелку с колбасой.

- Кушай, Слава, - Алина ложкой достала из кастрюли и подложила на тарелку Вячеслава картошки, - не смотри на этого охломона! Ему ведро надо выпить, чтобы опьянеть.

- Откуда вы, Слава? – поинтересовалась Галина.

- Стоп! – вмешался в разговор Сашка. – Штраф. Я же всех предупреждал. Давай, давай Галочка, договор дороже денег!

Под натиском громогласного Сашки упиравшаяся вначале и разом порозовевшая девушка вынуждена была наклониться к Славке и поцеловать его прямо в губы. Губы у нее оказались мягкими, прохладными и пахли какой-то травой. На секунду он почувствовал во рту ее язык, и, хотя в голове уже слегка шумело от выпитого, внезапно смутился, ощутив прокатившуюся по телу горячую волну от этого, на первый взгляд для посторонних невинного поцелуя. А глаза Галины, когда он вновь взглянул ей в лицо, просто издевались над ним, искрясь смехом.

- Ба! – заржал во весь голос Сашка. – Ты у нас прямо, как красная девица, Слав! А ты, Галина, чего его в краску-то так вогнала? Алиночка, - повернулся он к невесте, - давай, заводика пластинку, танцевать будем.

Славке вновь пришлось рассказывать, кто он и откуда. Девчата, да и Ворошнин внимательно слушали его рассказ об Аяне, о том, как они с парнями в ожидании транспорта от нечего делать ловили на рифах крабов, а потом сли их, сваренных прямо в морской воде. Как ему потом в течении почти десяти суток пришлось выбираться назад, в Хабаровск, и как военком пытался посадить его за попытку уклонения от службы.

- Хватит болтать! – прервал его, наконец, уже слышавший все это Сашка. – Давайте-ка лучше повторим!

- Что ты человека перебиваешь? – попыталась урезонить его Алина, но Ворошнин все-таки наполнил рюмки и заставил всех выпить.

Под музыку старенького проигрывателя они веселились и танцевали с девушками часов до двенадцати. Славка постепенно освоился. В танцах он уже осторожно прижимал к себе Галину, но так, чтобы не обидеть и не вызвать протеста, с удовольствием ощущая при этом, какое у нее на удивление гибкое и упругое тело. Но вот поцеловать девушку еще раз так и не решился, хотя замечал в ее серых глазах те же пляшущие смешинки, что и раньше, за столом. В двенадцать Галина засоби-ралась домой:

- Завтра на работу! – объяснила она, пытавшейся удержать ее подруге. – Это у вас выходные и свадьба впереди, а у нас – трудовые будни, - Галина украдкой бросила взгляд на Вячеслава, и он снова почувствовал, как по телу прокатилась горячая волна, а во рту стало сухо.

- Только завтра обязательно подходи! – Алина чмокнула подругу в щеку. – Платье принесут, посмотришь. Может, что подправить надо будет.

- Конечно. приду.

Славка помог девушке надеть пальто и вызвался проводить ее. Он и сам немного устал от всех этих многочисленных, новых впечатлений, свалившихся на него в этот первый день на службе.

- А ты дорогу-то найдешь? – спросил Ворошнин Славку. –

Ночь на дворе. Хотя, от Галкиного дома до нашей общаги рукой подать.

- Не беспокойся, Сань, не украдут твоего приятеля! – засмеялась Галина. – Алиночка, я завтра к тебе ближе к вечеру подойду, помогу обязательно.

Девчата еще раз расцеловались на прощание, Славка пожал протянутую руку приятеля, и они с Галиной спустились по лестнице к выходу, где все так же сладко спала вахтерша. Прохладный, уже почти морозный воздух, пахнувший лесной хвоей и одновременно резким запахом креозота от железнодорожных путей освежал и бодрил. Хмель у Славки выветрился мгновенно. Галина жила на краю поселка, в половинке аккуратного, недавно возведенного бревенчатого домика, поставленного прямо около высоченных сосен не вырубленного пока бора. Рядом стояло еще несколько таких же строений. Кое-где, в окнах горел свет. По дощатому тротуару, проложенному вдоль дороги, они подошли к темному крыльцу.

- Ну, что, до послезавтра? – Галина поправила Славке выбившийся из-под шинели шарф.

- До послезавтра! – Славка, наконец, решил, что пора, и попытался притянуть девушку к себе, чтобы поцеловать, но та мягко уклонилась от поцелуя.

- Не надо, Слава, поздно уже! Тебе вон туда, - махнула она рукой в сторону предполагаемого общежития и, выскользнув из Славкиных объятий, скрылась за дверь. - До послезавтра!

Славка постоял еще несколько секунд соображая, как ему лучше добираться до общаги, чтобы не зарюхаться в грязь, закурил, и бодро зашагал в сторону горящих огней, туда, куда указала девушка.

Суббота прошла без приключений. Первая Славкина суббота на службе. К пяти часам часть фактически опустела, в штабе остался только дежурный. Все офицеры без исключения были приглашены на свадьбу Ворошнина и Алины. Командование для этой цели выделило клуб части, приспособленный для этого двухквартирный, щитовой дом на улице Титова, где

наконец-то закончили ремонт. Славка предварительно погладил имевшуюся у него гражданскую одежду, и смог теперь выглядеть среди остальных гостей приличным человеком, а не белой вороной. Накрытый в зале стол не отличался большим разнообразием блюд, но был сервирован и украшен со знанием дела. Благо в части среди личного состава имелись вполне приличные повара, а сержант Фахреев и вовсе до службы работал шеф-поваром в Казани. Гостей было так много, что помещение едва вмещало их. Разнаряженные в яркие, пестрые платья женщины сбились в стайку у стены и о чем-то оживленно болтали, а мужчины терпеливо ожидали у входа начала торжества. Славка с интересом разглядывал присутствующих, с трудом узнавая новых товарищей в гражданском платье. В ожидании жениха и невесты молодежь вышла покурить на свежий воздух.

- Ну, как ты, освоился уже? – спросил Славку не курящий, но вышедший за компанию с остальными на улицу, Юра Гомянин.

- Нормально.

- Привыкнешь. Я первое время себя тоже не в своей тарелке чувствовал после гражданки.

- Главное в нашем деле – не проявлять чрезмерного рвения, – заметил, стоящий рядом, Иванов. – Не зря старая истина гласит: солдат спит, а служба идет! У нас как, если проявил инициативу, то сам ее и будешь в жизнь претворять. А потом еще и спросят: почему эту самую инициативу вовремя не претворил в жизнь. Поэтому, дуракам – всегда у нас дорога, а почет – умным!

- Вячеслав, ты в технике разбираешься, – обратился к Решетникову Петя Панкратов, вышедший на крыльцо.

- Не, в технике я – полный профан! Техника в руках дикаря мертва! А, что случилось?

- Магнитофон что-то барахлит.

- Найди Лошакса, – посоветовал Петру Гомянин, – он даже в телевизорах сечет, а с магнитофоном ему разобраться – раз плюнуть!

- Точно! – Петр вновь скрылся за дверью.

- А, это кто? – поинтересовался у Иванова Вячеслав, показывая глазами на широченного, как шкаф, мужчину, стоящего чуть поодаль.

- Командир четвертой роты, Зубков Николай. Старлей и, вообще, просто хороший парень. Мастер спорта по вольной борьбе, между прочим. А рядом с ним Дубов, командир первой роты.

В эту минуту возле клуба остановился «уазик» командира части и оттуда вышли новобрачные и свидетели. В свидетельнице невесты Славка узнал Галину. Ворошнин был в темном костюме и белой рубашке с ярким галстуком. Из нагрудного кармана выглядывал платок такого же цвета, как и галстук. Костюм жениху был слегка не по размеру, тесноват, и было заметно, что он чувствует себя в этой одежде не слишком удобно. Алина в белом, расшитом бисером платье выглядела просто шикарно, длинная, ниже пояса фата развевалась словно флаг.

- Ура, новобрачным! – заорал Иванов, и все, стоявшие на улице, подхватили этот призыв, раскатившийся эхом по поселку.

Славка, оказавшийся к жениху ближе остальных, шагнул навстречу и обнял Ворошнина:

- Поздравляю! И тебя, Алина! – он поцеловал счастливую невесту в щечку и отступил в сторону.

Все гурьбой, наперебой начали поздравлять виновников торжества. На минуту Славка встретился взглядом с Галиной, и та широко и открыто улыбнулась ему, как старому и доброму знакомому. Вслед за Александром и Алиной гости потянулись внутрь помещения устраиваться за длинным столом, выставленным буквой «п». Славке досталось место между Гомяниным и Фоминых. С другой стороны, справа от Фоминых сидели сразу две дамы. Одна постарше, видимо жена, решил Славка, а другая явно моложе, с приятной, веселенькой мордашкой.

- Сестра Фоминых. Младшая. – пояснил вполголоса, сидевший рядом, Юрий, заметив, что Вячеслав заинтересовался молоденькой.

С бокалом шампанского в руке поднялся комбат, усаженный вместе с супругой во главе стола, недалеко от молодых:

- Прошу тишины! – постучал он вилкой по фужеру и несколько секунд подождал, пока стихнут разговоры. - Ну, что, дорогие друзья! Сегодня офицер нашей части и товарищ по службе Александр Ворошнин становится семейным человеком. Это очень ответственный шаг в его жизни и жизни Алины. Так давайте пожелаем молодым крепкого семейного счастья на долгие годы!

- Горько! – завопил Иванов, которому не терпелось выпить.

- Постой ты, лейтенант! – осадил его комбат. – Не перебивай старших по званию. Так вот, пожелаем счастья, любви и главное – здоровых детишек! Да побольше, чтобы в доме было веселей. Берегите друг друга, ребята и уважайте, а остальное – приложится! А от командования части разрешите преподнести вам вот эти ключи от квартиры в новом доме. Местное руководство и партийный комитет района вошли в положение, и по нашей просьбе пошли нам навстречу: выделили однокомнатную квартиру в кирпичной трехэтажке!

Гул удивления пронесся по притихшему залу. Подарок был по-настоящему царским. Семьи офицеров всех частей в основном жили в щитовых, или, как их называли, сборно-щелевых домах, наскоро установленных вдоль двух улиц поселка. Да, собственно, улицы-то и образовались, как таковые, после их постройки. Туалет – во дворе. Дров, слава Богу, хватает: лес вокруг. И привозная вода из бочки, которую приходилось ждать столько, сколько потребуется, если не хочешь остаться вовсе без воды. А ночью вездесущие, рыжие тараканы, да в таком количестве, что по нужде пробираться по полу к ведру приходилось с веником. Ну, и тщетные попытки сохранить нормальное тепло в доме, где сквозило от каждого угла и стыка. А тут сразу квартира со всеми удобствами, да еще в каменном доме!

- Спасибо, товарищ майор! – поднялся ошарашенный таким подарком и растроганный почти до слез Сашка, тряся комбату руку. – Не ожидал! Спасибо, товарищ майор! Как же это так?

- Ну, вот, а теперь – горько! – скомандовал Гук – Все пьют до дна!

Зазвенели фужеры и стаканы. Все гости загомонили, обсуждая услышанную новость, кто, радуясь за новобрачных, а кто и завидуя. После первых двух тостов стол окончательно повеселел, расслабился, зашумел, и свадьба покатилась дальше так, как и было положено свадьбе. Славка попытался пригласить на очередной танец Галину, но ту уже ангажировал свидетель со стороны жениха, щеголеватый лейтенант из соседней части, видимо знакомый Сашки и Алины, и она, улыбнувшись в ответ, Вячеславу отказала. Обиженный таким неожиданным поворотом дел, Вячеслав устремил свои усилия в сторону младшей сестры Фоминых Татьяны.

- Танечка, вы так очаровательны! – ворковал он в розовое ушко девушки, прижимая ее в танце поплотнее. – Почему мы с вами раньше не встретились?

Выпившая и раскрасневшаяся от вина младшая сестра непосредственного начальника весело хохотала, отмахивалась от Славкиных комплиментов, и что-то щебетала в ответ, не особенно вникая в смысл сказанного кавалером.

- Давай пойдем, покурим, - шепнула она ему на ухо, как только очередное танго начало стихать. - Только потихоньку, чтобы никто не видел. А то брат ругается, - она заговорщицки заглянула в глаза лейтенанта. – Пойдем после следующего танца? Только ты вперед, а я следом.

Славка согласно кивнул в ответ и, как только очередной танец закончился, первым выскочил на улицу. Во дворе было уже совсем темно, на улице не горело ни единого фонаря, и только яркие звезды мерцали на небе, будто подмигивая Славке – не робей! Ветер стих, и легкий морозец осенней ночи почти не ощущался. Не успел он пару раз затянуться, как из двери бесшумно, будто привидение, выскользнула младшая сестра и сразу повисла у него на шее, болтая ногами. Она, хохоча, принялась нацеловывать Славку, да так, что он в первое мгновение просто ошалел. Но быстро пришел в себя, и, пользуясь тем, что на улице никого не было, покрепче прижал девушку к себе и закрыл ее хохочущий рот долгим, взасос поцелуем. Кос-какой

опыт в этих делах у него имелся. От девчухи пахло уже не только шампанским, а чем-то покрепче. «И когда только успела?», - промелькнуло у Славки в голове. Девчонка на мгновение покорно обмякла у него на руках, но почти сразу же заколотила кулачками по плечам, вырываясь из объятий.

- Фу, ты, оглашенный! Чуть не задушил! Дай, я докурю, - выхватила она у Славки дымящуюся сигарету и тут же глубоко затянулась.

Как раз в этот момент дверь распахнулась вновь, и в проеме возник силуэт старшего брата и непосредственного начальника Вячеслава по службе, старшего лейтенанта Фоминых.

- Опять! – заорал он. - А ну, прекрати немедленно это безобразие! Ты, Вячеслав, зачем ей сигарету дал, этой соплячке?

Славка, не ожидавший такой бурной реакции брата, неопределенно пожал плечами.

- Я уже взрослая и никакая не соплячка. Мне уже скоро двадцать лет стукнет, - вяло попыталась огрызнуться Татьяна, но сигарету выбросила.

- Взрослая, а ума нет. Давай, быстро собирайся и домой!

- Не хочу я домой, - закапризничала девчуха.

- Что ты на девчонку навалился? – вмешался, вышедший следом за Фоминых Гомянин. – Сам что ли таким не был? Свадьба все-таки!

- Правда, Володя, что ты так раскипятился? – заступился за девчонку оправившийся от неожиданности Вячеслав. – Ну, не хочешь, чтобы курила, так мы больше давать не будем.

- Не лезь! – отмахнулся старлей.

- Вот. Правильно дядя Слава сказал, - подала голос Татьяна, почувствовав защиту.

- Домой я сказал, и быстро! Пить меньше надо и вести себя прилично. А от тебя я, Вячеслав, никак не ожидал, девчонка же совсем.

- Да, я... - попытался оправдаться Славка, но Фоминых не стал слушать его оправданий, крепко взял упирающуюся Татьяну за руку, и увел одеваться.

Славке ничего другого не оставалось, как вернуться за стол.
- Чего это он? – позже спросил Вячеслав у Гомянина, который отлично видел, что произошло у клуба. – Как с цепи сорвался!

- А, не обращай внимания! Танюха, как только примет на грудь граммов двести, сразу становится неуправляемой. А примет побольше, и в постель к тебе заберется. Вот Фоминых ее и пасет. Это уже не в первый и не в последний раз, так, что, не волнуйся особенно. Он ее домой собирается отправить, к матери. Не прижилась она тут у него, да и жена его, ее недолюбливает, чувствуется за версту. Может девчонке у матери-то получше будет?

- Как так, не волнуйся? Неприятно все-таки. Вроде, как виноват.

- А так: не волнуйся, да и все! Завтра никто и не вспомнит об этом.

Славка постепенно успокоился и снова огляделся вокруг. Народ, как и полагается на свадьбе, уже разгулялся: кто пил, кто танцевал, кто флиртовал с соседкой. Шум от разговоров стал таким, что уже с трудом можно было расслышать собеседника. Сашка у окна беседовал о чем-то с комбатом и замполитом, Алина вальсировала с Петром, тоже о чем-то оживленно беседуя. А вот Галина сидела за столом одна, подперев кулачком подбородок, и явно скучала, глядя на танцующих. Щеголеватый лейтенант-свидетель почему-то сидел в дальнем конце стола и пил водку с совершенно не пьянеющим Ивановым. К этому времени он, видимо, уже настолько поднабрался, что окончательно забыл оставленную им в одиночестве девушку. Не раздумывая долго, Славка поднялся из-за стола, поправил галстук и решительно направился в сторону Галины.

- Разрешите?

Галина подняла глаза, улыбнулась в ответ, и, кивнув в знак согласия, последовала, поддерживаемая Славкой под локоток, к середине зала.

- А, куда ты Слава Танюшку свою дел? – первым делом

спросила она, как только они закружились вместе с другими парами.

- Какую Танюшку? – сделал удивленный вид Вячеслав. – Ах, эту! Домой ушла. И почему это ты решила, что она – моя?

- Как же. Она ведь от тебя почти весь вечер не отходила. Так и светились вся, - подколола Славку Галина.

- Да и у тебя кавалер, вроде бы имелся. Или как? – парировал Вячеслав. – Неужели сдулся?

- Или как! - сердито ответила Галина. – Водка ему, как всегда, дороже оказалась. Венечке водку даже нюхать нельзя, а тут его Иванов пригрел – придется домой на себе тащить!

- Да пусть его Иванов и тащит, раз напоил! Тем более их общага от нашей – метров сто!

- Нехорошо. Вместе свидетелями были, как бросить?

- Хорошенькое дело, а кто девушку домой потом проводит?

- А вот ты и проводишь! – веселые искорки заиграли в глазах Галины. – Или побоишься, кавалер?

- Вот еще, чего бояться? Ты что, кусаешься что ли?

- А вдруг?

- Ну, тогда, видимо, придется силу применить. - улыбнулся Славка, - чтобы в живых остаться. Провожу, конечно, без вопросов!

Часа через полтора, когда веселье пошло на убыль, и окончательно сломавшегося Венечку благополучно спроводили домой в комбатовском уазике, они с Галиной, стараясь быть не замеченными оставшимися гостями, а особенно женихом с невестой, потихоньку оделись и вышли на улицу. Подморозило. На обочинах дорог, где еще днем блестели подсыхающие лужицы, сейчас хрустел под каблуками звонкий ледок. Всею дорогу они, в основном, шли молча: пара, тройка ничего не значащих фраз и вновь молчание. Каждый думал о чем-то, о своем, потасном, о чем не хотелось делиться даже с добрым знакомым. Вячеслав, конечно, ощущал легкое волнение от близости шедшей рядом с ним под руку красивой девушки, но мысли его витали где-то далеко. В голову в основном лезли события

последних недель, так круто переменивших его судьбу. Всего несколько дней назад он по-летнему теплым вечером прогуливался с девчатами по высокой набережной Амура, а сейчас вот шагает по темной улице заштатного поселка, затерянного в глубокой тайге. Да еще и с девушкой под ручку! Странная штука – судьба! Никогда не угадаешь, какой еще сюрприз она приготовит. Хотя тот, что она ему преподнесла сейчас, Славку вполне устраивал.

Незаметно они добрались до дома Галины. Славка, припомнив последнюю встречу, уже хотел, было, проститься, но его остановило неожиданно прозвучавшее приглашение:

- Может, зайдешь?

Удивленный таким предложением Славка, не долго раздумывал: зашел и, в конце-концов, остался до утра. А утром, когда он возвратился домой, несмотря на то, что на календаре было воскресенье, прибывший в общежитие посыльный из штаба сообщил, что вечером ему приказано выехать с Панкратовым в Першино, и, что деньги и командировочные предписания лейтенант Панкратов уже получил на них обоих.

Глава 3

С четверга, как и предрекал закат, два дня лил проливной дождь. Хорошо, что накануне они с Петром успели разбить главную ось моста и закрепить обноски так, что сдвинуть их с места теперь можно было только бульдозером. Возились они с осью целый день, и все же, как сказал по секрету Панкратов, развернули ее секунд на десять от проектного варианта.

- Теодолит, сволочь, барахлит! Износился под корень: никакие поверки не помогают.

- Да и бог с ней, с этой осью, - сказал уже порядочно уставший за этот долгий день Славка.

- Ну, не скажи, - пробурчал загадочно недовольный этим обстоятельством Петр, - еще неизвестно, как и где это аукнется. Мосты не лохи проектируют!

- Да, брось ты! Что, эти десять секунд погоду, что ли сделаю? Не вдоль же реки мост ставим, в конце концов.

- Не вдоль. Но, проживем – увидим!

И вот, уже вторые сутки подряд, они с Панкратовым томилась от безделья в общежитии. По оконным отливам монотонно барабанили дождевые капли, навесая сон, а в водосточных трубах ворчали бесконечные потоки. Даже к Деряге, на базу ни разу не навевались. Благо магазин был под боком, так что с голода не умирали. Женя тоже не появлялся, видимо, своих дел

было по горло. Уже завтра прибывали первые люди и техника. Петр с обеда подался на почту звонить жене в Питер, а Вячеслав с самого утра просто валялся на кровати, пытаюсь забыться, и никак не мог. В голову лезла всякая мура. Да и то сказать: нельзя же круглые сутки спать. Почему-то вспомнилось, как они с мамой, когда ему было года три четыре, гуляли по высокому и крутому берегу речки Ирғиз, что в городе Пугачеве под Оренбургом. Отца тогда перевели в этот степной, пыльный городок переучиваться летать на вертолетах, а Славка только-только впервые пошел в детский садик. Так вот, не успела мать отлучиться куда-то на минуту, как к Славке, считавшему в это время ворон, сзади подобрался, невесть откуда взявшийся, бородатый козел. Не издав ни звука, он разогнулся и, ни с того, ни с сего, треснул ребенка под задницу. С воем и ревом, до смерти перепугав уже возвращавшуюся назад мать, Славка катился по откосу почти до самой воды. Как потом рассказывала ему, каждый раз удивляясь, мама, у которой в тот момент, естественно, едва не случился сердечный приступ, когда она подхватила его на руки и осмотрела, на ребенке не оказалось ни одной, даже маленькой царапины. Бог уберег, говорила потом бабушка Полина, крестившая Славку в младенчестве, тайком от родителей в Твери. А еще через пару дней на него прямо во дворе дома, в котором они: Славка, мама и папа ютились в маленькой, десятиметровой комнатенке, напал, гроза двора, злющий петух по прозвищу Янычар, и, сбив с ног, так наклевал его в лицо, что едва заметный шрам в уголке губ остался на всю жизнь. Но глаза уцелели, что бабушка тоже считала небесным проявлением. Позже он, правда, научился справляться с Янычаром. Отец срезал для Славки метровый хлыстик из прибрежного тальника, и через неделю уже сам Янычар, заметив идущего по дороге парнишку, спешил скрыться куда-нибудь подальше, в самый глухой угол двора. Хорошее было время, беззаботное. В памяти почему-то всплыл тот день пятьдесят третьего года, когда умер Сталин. И, хотя Славке тогда было всего пять лет, день этот он помнил так отчетливо, как будто все происходило только вчера. По всему маленькому городку на стенах домов

тогда висели траурные, в черных лентах портреты вождя, отец ходил мрачным, а мать вместе с соседками плакала целый день. И все люди плакали. Да и Славка, не слишком понимая, что, собственно, произошло-то, пару раз поревел за компанию...

Славка повернулся на бок и пружины панцирной сетки жалобно скрипнули в ответ. А все равно, прекрасное тогда было время. Счастливое. У отца в каком-то году появился мотоцикл с коляской, кажется «ижак», который он ласково называл ишаком. На нем они всем семейством исколесили все прилегающие к городку окрестности. Он вспомнил, как звонко смеялась, сидевшая на заднем сиденье, мать, красивая и молодая, когда мотоцикл подбрасывало на кочке, а отец, обернувшись, весело подмигивал вцепившемуся от страха в коляску Славке. Набивали коляску с верхом арбузами, купленными за бесценок прямо на бахче у колхозных сторожей, и после этого Славке приходилось ехать на бензобаке. Отцовская кожаная куртка пахла чем-то родным и знакомым, спине было тепло, а встречный ветер ласковыми пальцами трепал белесые, выгоревшие кудри на голове. Широкая, степь летела навстречу, а сердце замирало от счастья. А потом, они все вместе уже дома ели эти самые арбузы, нарезав их огромными ломтями, вместе с черным, вкуснячим хлебом. Пожалуй, с той далекой поры Славке больше ни разу не пришлось, есть арбуз с хлебом.

Он попытался вспомнить тот забытый вкус детства и сглотнул слюну. Там, в оренбургской степи, в маленьких озерах, поросших по берегам камышом и редкими кустами тальника, вместе с отцом они ловили желтых, жирных гольянов, да еще мелких серебристых, с ладошку карасиков, и варили из них на кизяке вкуснейшую, пахнущую дымом уху. А еще отец учил его плавать на Иргизе, маленькой речушке, метров пятнадцати шириной, пересыхающей к концу лета. Славка боялся воды, и чтобы отучить ребенка от этого, отец переносил его на середину речки, где была отмель, а сам уходил на берег. Воды, как сейчас понимал Славка, было-то всего по колено. Но тогда ему казалось, что далекий берег был, чуть ли не у самого горизонта, а течение так и норовило стащить его, стоящего по пояс в

воде, вниз. И он орал, что было сил от страха. Мама ругалась с хохочущим отцом, но тот оставался непреклонным. Мужчина должен ничего не бояться.

Еще в Славкиной памяти отпечтался четко, как на фотографии, дурацкий памятник комдиву Чапасу Василию Ивановичу, установленный на центральной площади Пугачева. Комдив был в бурке и папаче с поднятой над головой шашкой. Как в известном анекдоте: «По рублю!»

Неожиданный стук в дверь прервал Славкины воспоминания.

- Войдите! – Славка присел на кровати и начал одевать брошенные на пол сапоги.

В дверях нарисовался ефрейтор Соловьев в защитного цвета, выцветшей плащ-палатке с которой ручьями стекала дождевая вода:

- Здравия желаю, товарищ лейтенант!

- Привет! Тебя, какой черт по такой погоде принес?

- Майор Стешенков срочно вызывает, товарищ лейтенант.

- А он что, приехал что ли? – чертыхнулся Вячеслав.

- Так точно! На путеизмерительной дрезине прибыл. Час назад. Требуется вас вместе с лейтенантом Панкратовым.

- Ну, блин, только его и не хватало! Ты давай-ка, Соловьев, шуруй на почту, Панкратов там сейчас, предупреди. А, я соберусь, и за ним заскочу по дороге. Понял? Предупреди, чтобы подождал!

- Так точно! – Соловьев, не мешкая, мухой вылетел из комнаты, прикрыв за собой дверь.

Уже через двадцать минут они вместе с Петром месили под дождем грязь на дороге в сторону базы.

- На кой дьявол мы ему понадобились? – недовольно ворчал Панкратов, так и не успевший толком переговорить с женой.

- На то она и шука, чтобы карась боялся! Для чего-то понадобились. Стешенков без дела не оставит, это уж точно!

Дом, где должен был расположиться штаб с офицерским общежитием, уже почти отремонтировали, даже кое-какую мебель поставили, и лейтенанты направились прямо туда. Начальник штаба прохаживался по свежесвыбеленной комнате,

поджидая их.

- Товарищ майор, лейтенанты Панкратов и Решетников по вашему распоряжению явились! – отрапортовал Петр, как старший по должности.

- Явились, значит! – бросив на них хмурый взгляд, Стешенков устроился за столом, недовольно пожевав губами. – К начальству не являются, Панкратов, а прибывают. Явление, понимаешь, Христа народу! Вы где, голубчики, болтаетесь, что мне вас искать приходится?

- Исполнительную документацию готовим, товарищ майор, - не моргнув глазом, соврал Славка. - По разбивке. Камеральные, так сказать, работы.

- Кончай, Решетников мне баки забивать! Знаю я вашу документацию. Спите, как сурки, целыми днями!

- Так ведь дождь идет, товарищ майор, - Панкратов тяжело вздохнул, - какая на улице работа?

- Что вы мне все, как один, заладили: дождь, да дождь! У этого – тоже дождь! – майор, как понял Славка, намекал на Деряжного. – А помещение для личного состава не готово. Полы не покрашены, люди болтаются без дела, на ходу спят. Разгильдяи вы, короче!

- А мы-то тут при чем? У нас здесь личного состава в подчинении нет, товарищ майор, - начал, было, Петр, но Стешенков тут же оборвал его:

- А вы всегда ни при чем, инженеры хреновы! Хватит бока в общежитии отлеживать. Давайте-ка, засучивайте рукава, берите у Деряжного людей, сколько надо, и, чтобы к послезавтра помещение для офицерского состава было готово. Вам все ясно, господа лейтенанты? Или еще что-то нужно растолковывать?

- Да, ясно все, товарищ майор, - уныло протянул Панкратов.

- Ну, вот и прекрасно, что дошло! Кстати, свяжитесь с главным инженером и отчитайтесь перед ним за проделанную работу. А то он комбату толком не может объяснить, что тут на мосту делается. Это и к вам относится, товарищ лейтенант, - Стешенков повернулся к Вячеславу. – Что, сами догадаться не можете, что нужно звонить, или вам каждый раз напоминать

нужно? А? – майор сделал паузу. – Идите-ка с глаз моих от греха подальше!

Лейтенанты по-строевому развернулись и один вслед за другим покинули пахнущий свежей краской кабинет. На улице Славка достал папиросы и закурил:

- Недоволен старик, пыхтит!

- Это у него от погоды, наверное, - Петр поправил промокшую насквозь фуражку. – Ладно, я пошел Понюшенко звонить. Хотя, на кой черт ему этот мой доклад? Тоже спит, поди?

- Докладывай. А я к Деряге – за людьми.

Они разошлись, и Славка направился в сторону барака, будущей казармы, за окнами которой слабо угадывалось некое людское движение.

- Привет! – встретил его Женька. – У Стешенкова уже побывали?

- Побывали.

- Брызжет старик слюной! На говно исходит! А чего брызгать? Я неделю назад докладывал, что людей не хватает. Думаешь, дошло? Он с собой всего пять человек привез, а надо бы, как минимум – двадцать! Ты за людьми, что ли? Бери человека четыре. Потолок побелите, да обои наклейте, и – сгодиться! Пол там вроде бы крашенный, да и красить поздно уже сейчас, до послезавтра не высохнет. Краска дерьмовая. А казарму я сегодня покрасить успею, за два дня досохнет.

- Давай людей, Женя, кончай базлать! Пойду работать! – вздохнул Вячеслав, критически оглядев помещение будущей казармы. – Как сказал товарищ Стешенков, засучив рукава! Понял?

- Давай, давай! А то от кровати пролежни пойдут, товарищ инженер!

- Не понимаешь ты, Женя, романтической души своего товарища. Созерцать жизнь нужно, не торопясь, вдумчиво! Что бы, не дай Бог, ничего важного в ней не пропустить.

- Чего это такого ты пропустить боишься?

- Счастья, Евгений, счастья! И большой любви! – ухмыльнулся Славка.

- Ага! Он, значит, счастье будет лежа на койке ждать, а па-
шут пусть другие?

- Грубый и черствый вы человек, Женя! Не понимаете тон-
ких чувств. Давай людей, короче!

Два дня прошли во всяких полезных, с точки зрения майо-
ра Стешенкова делах: красили, клеили, перетаскивали мебель
и все такое. К концу пятницы помещения приобрели вполне
сносный вид.

- Ну вот! А говорили, что не успеем! – прохаживался по от-
ремонтированным помещениям довольный майор. – Могли бы
и без пинков все сделать!

- Это дело надо бы отметить, товарищ майор, - вконец обна-
глел довольный похвалой начальства Деряга.

- Отставить! И, чтобы среди личного состава ни-ни! Вче-
ра сивухой от кого-то несло, черти что, понимаешь! Я вечером
лично проверю. Вы меня правильно поняли, товарищи лейте-
нанты?

- Все ясно, товарищ майор, - вздохнул поскуцневший Жень-
ка. – Но не по-людски как-то.

- Вот и хорошо, что ясно! – не стал развивать тему разговора
Стешенков. - Отдыхайте, товарищи лейтенанты. И людям сво-
им дайте команду, чтобы отдыхали, а не спирт лопали!

- Ну, уж, шиш! - показал Деряга фигу в сторону двери, за-
хлопнувшей за начштабом. – Щас, я спать пойду, как же! У
меня мужики кое-что есть, - понизил голос с видом заговорщи-
ка Женька, - пошли-ка ко мне в палатку.

Часть палатки, где проживал взвод Деряжного, была отгоро-
жена дощатой перегородкой оклеенной по приказу Деряги го-
лубыми в цветочках обоями. Славка, когда первый раз увидел
их, долго ржал, чем обидел жаждущего уюта Женьку.

- Ни хрена ты не понимаешь, Решетников! – огрызнулся
тогда на Славкин хохот Деряга. – Живете, понимаешь, как би-
рюки: серо и грязно! И невдомек вам, убогим, что жить нужно
светло и красиво!

- Чего это тебя на философию-то растащило? – спросил тогда
Дерягу Панкратов, но Женька только отмахнулся от бестолочей:

- Да, чего с вами толковать, бесполезно!

За голубой перегородкой стояла кровать лейтенанта, две табуретки и тумбочка, из которой хозяин вытащил литровую банку, наполненную прозрачной жидкостью.

- Спирт? – спросил Славка.

- Он родимый! Местные подкатили за пару мешков цемента.

Присаживайтесь, мужики, кто куда. Снимай Петя шинель.

- Опять спирт! – поморщился Панкратов. - А закусь-то хоть есть?

- А, как же! Тушеночка имеется и сайра в собственном соку. Сейчас я на кухню слетаю, картошечки горячей принесу. Думал вместе с начштаба, как люди, посидим, приказал отварить. Ан нет, не получилось. Ладно, я побежал. Вы тут пока располагайтесь.

Пока Женька отсутствовал, Вячеслав рассказал Петру, как однажды ему пришлось пить спирт прямо из горлышка:

- Да еще без запивона! На Сахалине в студотряде мастером работал, на практике. Поехали на день ССО в Тымовское, а это километров за сто от того места, где трудились. Мы там будущую станцию железной дороги на Ноглики строили. Ну, целый день в этот самом райцентре соревнования всякие, концерты. А вечером, когда собрались домой, выяснилось – нет шофера автобуса. Смылился! Отыскали, а он – никакой! Налопался до риз! Пришлось ночлег искать. Нашли в местной школе. Договорились с директором, дал нам класс. Ночуйте, говорит, если устроит, на партах. Выбирать не приходится, не на улице же ночевать. Ну и, естественно, в магазин, пока тот не закрылся. А там после семи только спирт продают, местный поссовет такое дурацкое постановление издал. Хотя и вина всякие и шампанское на полках стоит. Пришлось спирт брать. Вернулись в эту самую школу – ни воды, ни закуски! Хорошо, что девчата пирог с брусникой еще днем купили, здоровый такой, в полметра диаметром. Вот и пришлось этим самым пирогом на сухую закусывать.

- А что, воды-то найти не могли, что ли? Не в глухом же лесу.

- Так ночь на дворе, не видно ни фига. Где тот колодец искать? А людей тревожить – уже поздно! Пришлось прямо из горла.

- Ну и как?

- Нормально. Главное: сначала вдох поглубже сделать, а потом не дышать. А когда выпил, выдыхай потихоньку. Пролезло!

Через пять минут появился Женька с дымящейся кастрюлей горячей картошки, и компания, глубоко убежденная в том, что после работы должен быть у людей отдых, с чистой совестью отметила трудовые подвиги этих двух суматошных дней, и разошлась спать.

А утром, в субботу прибыл первый эшелон с техникой и людьми...

- Подъем, мужики! – в комнату ввалился, как медведь, покрасневшийся на утреннем морозце Сашка Ворошнин. – Хорош дрыхнуть, пополнение прибыло!

В ответ Панкратов молча повернулся на бок и натянул одеяло на голову. Славка взглянул на часы: без пятнадцати шесть.

- Не ори, блин! Всю общагу поднимешь!

- Ха. Да тут кроме вас никого! Я ни в вестибюле, ни в коридоре ни одной живой души не встретил.

- Тем более, не ори! Ты откуда такой красивый и в такую рань?

- От верблюда! Из Советского, конечно. Кстати, тебе горячий, ну прямо пламенный привет от Галины. Чего разлегся, поднимайся.

- Да, ну тебя! Дай еще часок поспать! Вон, располагайся на свободной койке, часов до семи покемарим.

- Не могу, взвод технику разгружает. Стешенков заметит, что я смылся, шею намылит.

- А он, что, уже на ногах?

- А, как ты думал? Самолично эшелон встречал.

- А мы вчера вечером с Дерягой маленько посидели, в голове слегка штормит.

- Вот и вставай, проветришься! Все, закончилась ваша вольготная жизнь. Сегодня все начальство, кроме зама по тылу пас-

сажирским прибудет. Весело станет, скучать не придется! Ну, да ладно, я полетел, раз вы спите, а то майор, не дай Бог, потеряет. На завтраке увидимся.

Славка снова прикрыл глаза и незаметно задремал. Ему приснился Хабаровск и Наташка. Познакомились они, когда Наталья еще училась в десятом классе. Познакомились в гостях у Веры Пампухи, одноклассницы Славки, на новогодней вечеринке. Славка тогда уже учился на первом курсе. Вообще-то на вечеринку он пришел из-за Веры, которая давным-давно, еще со школы выказывала ему симпатию и неприкрытые такие знаки внимания, и готовился атаковать девушку по всем правилам. Тем более, что с Верой, они уже однажды, еще на выпускном балу, целовались, закрывшись в каком-то классе. Правда, после школы их пути дороги разошлись и виделись они довольно редко. Он тогда учился в железнодорожном, а она в политехе, на другом конце города. Туда и добираться-то было не меньше часа автобусом. Ну и вот, когда он позвонил в квартиру Пампухи, дверь ему открыла стройная девочка с огромными, прямо бездонными, черными глазами на смуглом с легким румянцем лице.

- Вера, к тебе гость! – проворковала она тоненьким голоском, и у Славки сразу же сладко заколотилось сердце.

В прихожую вышла принаряженная по случаю Нового Года Вера, подставила щеку для поцелуя и представила, глядевшую с интересом на Славку, черноглазую:

- Это – Наташа, дочка нашей соседки. В нашей, кстати, двадцать шестой школе учится, в десятом.

- Вячеслав, - представился Славка. – Странно, но, почему-то, я вас по школе не помню.

- А я вас помню. Вы чемпионом школы по прыжкам были.

- Точно, имел такой грех.

- А я тогда в восьмом классе училась. Мы для вас, десятиклассников, тогда мелюзгой пузатой были, поэтому и не запомнили. Мало ли кто там под ногами болтается.

- Ну, хватит этих школьных воспоминаний! Раздевайся и проходи в комнату, а мы с Наташей столом займемся, - и Вера,

погладив Славку по щеке, подтолкнула черноглазую в сторону кухни.

В комнате, освещенной только настольной лампой, уже находилось три человека, двое парней и девушка. В одном, расположившимся на диване, Славка узнал Александра Иванова, тоже окончившего их родную школу годом раньше него, старого дыхателя Веры.

- Привет! – он протянул руку и устроился на диване рядом с Александром. – Как жизнь молодая?

- Нормально. А ты как?

- Да тоже, вроде, все в порядке.

- Мальчики, раздвигайте стол! – появилась с тарелками в руках Вера. – Таня, давай помогай нам с Наташей.

Только тут Славка узнал девушку, листающую на коленях журнал. Это же Татьяна Гайзер! Все годы учебы, с шестого класса она сидела за партой впереди Славки. Но этот год, что они не встречались, так изменил девушку, что он ее не сразу и признал. Из страшенькой, длинноносой евреечки она превратилась в волоокую, зрелую красавицу с восточными чертами лица. А фигура! Чудо, а не фигура! Оголенные коленки в ажурных чулках так и лезли в глаза.

- Таня! Ты! – Славка не скрывал своего восхищения. – Тебя просто не узнать.

- А ты, Славочка, все такой же, не меняешься. Вон, правда, усы орастил. Познакомься, твой тезка и мой жених, - представила она высокого, симпатичного bruneta, сидевшего рядом с ней в кресле.

- Вячеслав! – солидно представился brunet, привстав с кресла.

- Да я уже понял, - улыбнулся в ответ Славка.

- Давайте, мальчики, столом займемся, - поднялась Татьяна, потянувшись всем телом, как кошка, отчего у Славки аж в горле пересохло: такой аппетитной стала девка.

Минут через десять стол был наконец-то накрыт. Славку посадили между Верой и Натальей. А потом все закрутилось, как обычно: танцы в полумраке, прикасания Натальиных коленей

под столом, ощущение плечом маленькой, упругой девичьей груди, когда она поворачивалась к нему, отвечая на очередной вопрос, и стучащая в висках кровь. На кухне, куда они позже уединились, бесстрашно, пусть не думает, что он какой-то соплик, Славка горячо и долго целовал ее и, волнуясь, чувствовал, как она обвисает, тяжелеет у него на руках. Время летело со скоростью курьерского поезда, а они все никак не могли оторваться друг от друга. Забытая Вера горевала недолго и быстро переключилась на Александра.

- Эй, вы, любовнички, - кричала она Славке с Натальей из комнаты, - идите-ка за стол, а то горячее стынет!

Вышедшая покурить на кухню Татьяна, удивленно смотрела на Вячеслава. Она, видимо, никак не могла предположить, что ее одноклассник, поэт и записной школьный ловелас мог втрескаться в какую-то соплившую десятиклассницу.

Всю эту зиму и наступившую весну Славка каждое утро начинал с того, что провожал Наталью от дома до школы, а уже только после этого бежал к себе в институт. Его школьная классыня Вера Петровна, прозванная за глаза Рыжей, потому что действительно была огненно рыжей, да еще любила все красное, начиная от туфель и кончая платочком на шее, при редких встречах с ним брызгала слюной от возмущения:

- Ты, что, Слава, совсем ум потерял? Нашел с кем связаться! У нее в пустой головке ветер гуляет, а тебе учиться надо!

Но он не обращал на это внимания. Закончив школу и получив аттестат, Наталья не стала дальше учиться, а пошла работать лаборанткой на авиаремонтный завод. Славка пытался провожать ее и туда, но девушка неожиданно резко и твердо воспротивилась этому:

- Слава, я уже выросла! Да и неудобно как-то, смеются все уже вокруг!

Видеться они начали реже, а отношения постепенно становились прохладнее, и Славка, как ни старался, ничего не мог с этим поделать. У Наташи появились новые друзья и новые интересы, в которых все меньше места оставалось для него. И, наконец, явившись к ней домой, тридцать первого декабря, год

спустя с момента их первой встречи, он узнал от ее матери, что Наталья, не дождавшись его и не предупредив даже по телефону, ушла справлять Новый Год к какой-то своей новой подруге с завода.

- Брось ты ее, Слава! – словно пожалев его, посоветовала Наталья мать. – Не стоит она тебя, вертихвостка! Да и учиться тебе надо! – неожиданно повторила она знакомые слова классной. – Найдешь еще такого добра.

Славка тогда вышел на улицу совершенно оглушенным. Жить не хотелось. Друзья по студенческой общаге, посоветовали плюнуть на всю эту ерунду, и затащили Славку на какую-то очередную вечеринку, где в объятиях полноватой, веселой и разбитной блондинки он немного пришел в себя. Уже позже он не раз пытался встретиться и объясниться с Наташей, но та умело уклонялась от этих встреч, и постепенно, как это не было больно, Славка смирился с неизбежной потерей. Ближе к окончанию института судьба однажды вновь свела их. Наталья похорошела, повзрослела, и новые отношения их стали тоже какими-то взрослыми, чуточку меркантильными, и уже вовсе не такими искренними и чистыми, как прежде. Ночуя с Натальей в квартирах ее многочисленных подруг, Славка уже не ощущал той ответственности за будущее и судьбу девушки, как тогда, когда он бережно и нежно провожал ее в школу. И, уходя утром в институт, он торопливо целовал ее, быстро забывая о подруге в гуще текущих проблем и дел. А потом, после окончания института он уехал с ребятами в Аян, за длинным рублем, и видел Наталью после этого лишь однажды, по возвращению в Хабаровск, уже перед самым отлетом в Свердловск. Она прогуливалась по бульвару с высоким, элегантно одетым мужчиной, лет на десять старше ее, и беззаботно смеялась, заглядывая ему в лицо. И в душе Славки уже ничего не шлохнулось, не защемило. Время лечит. На его приветствие она ответила коротким кивком. И, уже удаляясь от них по тротуару, он услышал, как она поясняла своему спутнику, что он только ее однокашник и не более...

Славка проснулся оттого, что Петр тряс его за плечо:

- Просыпайся, четверть восьмого, на развод опоздаем!

Славка рывком сел на кровати, покрутил головой и окончательно проснулся.

- Брейся по-быстрому, и полстели. - Петр уже прихорашивался у зеркала, висевшего на стене рядом с входной дверью. - А то Стешенков печень прогрызет за опоздание, да и так просто - для собственного удовольствия!

Через двадцать минут они почти бегом летели в сторону расположения части, а уже в восемь стояли в строю, на разводе, устроенном начальником штаба в первый же день прибытия рот. По окончанию развода, в столовой Сашка сообщил им, что после обеда он со своим взводом начинает собирать копровые установки, а с завтрашнего дня, помолясь, бить сваи первой береговой опоры.

- Так, что с вас - оси опоры, господина инженера! Обноску я сегодня поставлю, а уже завтра с утра прошу с вашими приборами на мост. Комбат самолично хочет присутствовать при забивке первой сваи.

- Не гони пургу, Саша! За нами не заржавеет: все будет в срок! - Вячеслав допил чай. - «Сучий глаз» всегда наготове.

«Сучьим глазом» строители частенько меж собой называли оптические приборы: теодолит и нивелир. Прижилось словцо и в батальоне.

После завтрака все разошлись по своим делам, начинался новый рабочий день, один из тех многих дней, которые им придется провести здесь до того момента, пока берега уральской речки со звонким названием Лозьва не соединит новый, капитальный путепровод.

В начале ноября выпал первый снег и уже не растаял. Над притихшей, темной рекой круглые сутки раздавались гулкие удары копров, вколачивающих в галечник железобетонные сваи, и сизый, вонючий дым перегоревшей солярки низко стелился над руслом. Прибывший неделей позже их части мехбат начал отсыпку подходов к мосту. Мазы с крашенными фанерными кабинами сновали между карьером, расположенным ки-

ломтрах в трех от реки, и строящимся мостом с трудолюбием муравьев, высыпая желтый, чистый песок под ножи ползающих вдоль насыпи бульдозеров. На станцию начали поступать вагонами сваи и бетонные облицовочные блоки будущих опор. Бойцы перегружали их из вагонов в машины и вывозили на берег, складирова в штабеля. Славку, прыгающего с нивелиром возле первой береговой опоры, вызвал в штаб Понюшенко, оставшийся в Першино на этот момент за старшего.

- Женья, я поехал, - предупредил Деряжного Вячеслав, заскочивший на секунду в вагончик прорабки, - главный зачем-то вызывает. Смотри, чтобы нивелир не угробили!

- Езжай. Я приберу.

- И Зубкова обязательно вызови, а то один компрессор, похоже, гавкнулся! По крайней мере, у Соловьева ни хрена не получается его запустить. До пенсии сваи рубить будем!

В кабинете у главного уже находился лейтенант Иванов.

- Вот, что, мужики! – начал, поздоровавшись со Славкой, Понюшенко. - С понедельника начинаем выставлять опалубку ростверка, а с десятого – принимать бетон. Руководство договорилось с гидролизным заводом насчет бетона с их РБУ, чтобы свой вручную не месить. Нужно сгонять на гидролизный, конкретно согласовать сроки, ну и все прочее. Цемент мы им поставим.

- А, чо, снабженцев нет, что ли? – недовольно спросил Вячеслав. – На кой черт мы за них горбатиться будем? Шишкина вызови, пусть занимается.

- Нет снабженцев. Пока все в Советском отираются. Давайте, ребята, не упирайтесь, нужно сделать! Сроки-то нам никто не отменял. Да, доверенность не забудьте взять.

- Ну, тогда пошли, что ли? - повернулся Вячеслав к Иванову. Может, спирту раздобудем заодно?

- Со спиртом только поосторожнее, мужики! Травится нардец и частенько, - предупредил, не удивившись Славкиным словам, Понюшенко.

- Почистим, не впервой! – направился к двери Вячеслав. – Пошли, Саша!

- Пошли, - невесело выдавил в ответ лейтенант, тоже не слишком довольный тем, что приходится пахать за дядю, и они отправились на гидролизный завод, договариваться о бетоне.

На проходной гидролизного их задержали на несколько минут, пока звонили в управление и выясняли, пускать лейтенантов, или нет.

- Надо было напрямую, - сказал Иванов. -- Вон забор-то весь в дырах. Держат кучу охраны, а что толку. Как тащили, все, что под руку попадется, так и тащат. Лучше бы забор залатали.

- А, куда, собственно, торопиться? Не ной, Саша, успеем!

Вскоре они уже входили в здание заводоуправления. По скрипучей деревянной лестнице лейтенанты поднялись на второй этаж и постучали в дверь с табличкой «Заместитель директора».

- Ты, Слава, давай к заму, а я тут знакомых наведаю в лаборатории, - Иванов неожиданно указал в сторону приоткрытой двери в конце коридора, - насчет спиртика попробую договориться.

- Ну, ты даешь! Я, что, один париться буду.

- Да, все нормально! Ты потом зайди в лабораторию-то, я тебя с девчатами познакомлю.

- Ладно, - подумав секунду, согласился Славка, и толкнул дверь в кабинет.

К его удивлению они с замом безо всякой волокиты минут за десять согласовали все вопросы. Мужиком заместитель оказался еще не старым, лет под сорок, простым и приветливым, совсем не таким, каким себе представлял лейтенант заместителя директора завода. Переговорив с ним и подписав соответствующее письмо, Вячеслав отправился в бухгалтерию, где передал главному бухгалтеру это самое письмо с визой заместителя, и дождался, пока миловидная женщина, сидевшая за столом в углу комнаты, оформит накладные. Выйдя из бухгалтерии, он аккуратно сложил накладные в нагрудный карман гимнастерки и прошел в конец коридора, где находилась лаборатория, указанная ему приятелем.

- Разрешите?

- Входи, входи! – помахал рукой Иванов, вальяжно развалившийся за столом у окна с чашкой чая в руке, а напротив него сидела симпатичная, небольшого росточка девчонка, с восхищением смотревшая на своего бравого визави. – Проходи, присаживайся! – Иванов кивнул на стоящий рядом свободный стул.

Славка присел и огляделся. В комнате, уставленной стеллажами с пробирками, какими-то ретортами и прочей химической посудой кроме них с Ивановым находилось три девушки, одетых в белые халатики. Первая, у стола сидела и смотрела на заливающегося соловьем непонятно о чем Сашку, вторая, рыженькая сустилась возле закипающего чайника, а третья, переливала какую-то розовую жидкость из колбы в неизвестный Славке никелированный агрегат.

- Товарищ лейтенант, чаю хотите? – улыбнулась, повернувшись к Славке, рыженькая.

- Хочет, хочет, - вмешался в разговор не в меру разболтавшийся Иванов. – Познакомься, Вячеслав! Это – Лена, - он указал на рыженькую, - а это – Ольга, - представил он сидевшую за столом. Ну, а это – Наташа, наша царица Несмеяна.

Высокая брюнетка, производящая какие-то манипуляции с аппаратом, не прекращая своего занятия и не меняя серьезного выражения лица, повернулась и молча кивнула Славке.

- Мы с девчатами в прошлую субботу на танцах познакомились, - пояснил Вячеславу Иванов. – И подружились. Правда? - он улыбнулся Ольге, ожидая подтверждения сказанного.

- Конечно! – засияла та.

Невооруженным взглядом было заметно, что девчонка по уши втрескалась в бравого лейтенанта. «Вот, сивый мерин, - подумал про себя Славка, - морочит девчонке голову». Он-то знал, что Иванов был женат, и даже видел его жену на свадьбе у Ворошнина. Она как раз только что, накануне приехала в Советский к мужу. Маленькая, привлекательная блондинка, почти так же, как эта девчонка, влюблено глядела на мужа, и как маленького уговаривала его идти домой; когда он крепко поднабрался вместе со свидетелем жениха. «Ладно, не мое это

дело, - решил Вячеслав, - сами пусть разбираются!»

- Накладные я оформил, - сообщил он Иванову, - Может, пойдем? А то потеряют нас.

- Куда торопиться? Успеем!

- И, правда. Попейте чаю, Слава, согрейтесь, – рыженькая Лена налила лейтенанту в стакан крепкого чаю. - Успесте.

- Да, я не замерз, спасибо! – ответил Славка, и решил, что торопиться действительно некуда, да и незачем, а посидеть в приятной обстановке, поболтать с симпатичными девчонками, куда как приятнее, чем снова топать на мост по раскисшей к обеду каше из снега и грязи.

- Нас девчонки в субботу к себе в гости приглашают, - сообщил Иванов, - Посидим. У них пластинки свежие из «Горизонта» есть. Ты как? – спросил он Вячеслава.

- Я? Я с удовольствием! – ответил Славка, прервав беседу, и снова повернулся к рыжеволосой Лене, продолжая рассказ о том, как они с друзьями еще в Хабаровске, как-то отправились в тайгу за кедровой шишкой, а потом драпали по бурелому и чапыжнику от прошедшего, где-то рядом с местом их привала, и подавшего голос тигра. – Вы не поверите, Леночка! Но шестеро здоровых мужиков перемахнули через пятиметровый ручей, даже не замочив ног. Потом с полчаса собирались с духом, чтобы возвратиться за брошенными у костра вещами. А уже назад, к станции шли не по тропе через лес, а напрямки, по ручью – так нас проняло!

- Интересно. А у нас здесь природа тоже красивая. Тигры, конечно, не водятся, но есть медведи. На Ивделе, это – речка здесь, недалеко, скалы такие живописные, а вода чистая, как слеза.

- А в Лозье – мутная.

- Так, Лозья же по болотам течет на восток, а Ивдель себе дорогу в камне пробил. И течет в другую сторону.

- Надо как-нибудь выбрать время, попасть туда.

- Лета нужно ждать, сейчас не время. Речки вот-вот встанут.

- Лета, так лета. Раньше следующей осени нам все равно мост не сдать, - Славка взглянул на часы: половина двенадца-

того. – Александр, собирайся, пора нам! Обед скоро, да и По-нюшенко уже, поди, икру мечет. Спасибо, девочки за чай!

- Не за что! – улыбнулась в ответ Елена.

- Пора, так пора, - Иванов оторвался, наконец-то, от своей влюбленной пассии. – Давайте, девочки, не скучайте! А в субботу мы обязательно будем! Встречаемся на танцах!

Но в субботу Славке не пришлось попасть в местный дом культуры. Накануне в пятницу он получил приказ собирать вещички и дуть в Советский. Там намечалась бригадная проверка батальона по технике безопасности, и необходимо было пересмотреть и привести в порядок всю документацию. Думал, что дня на два, три, а оказалось, что до конца года. Один из командиров взводов первой роты выехал на большую землю, в отпуск и Славку поставили ему на замену. Первая рота в это время вела строительство трехэтажных домов по улице Железнодорожной, и Славке пришлось целыми днями, безотрывно торчать на объекте вместе с подчиненными. Тут он наконец-то понял патологическую нелюбовь строевых офицеров к штабным. В штабе ты сам себе хозяин, иногда только начальство потревожит, а во взводе нужно было находиться и день, и ночь, и в выходной, и в проходной. Да еще и отвечать за людей. Он хорошо запомнил фотографии, что хранились у него в делах по несчастным случаям за прошлые годы. Там были изображены замерзшие, скрюченные тела, занесенные снегом. Особенно запомнились черные полусогнутые пальцы руки одного из бойцов, торчащие из сугроба. Напились ребята в увольнительной и не дошли до части из поселка. И не дошли-то всего метров сто. Комбату тогда вlepили выговор, а взводного понизили в звании, отобрали звездочку со старлейских погонов. Так, что, нужен был глаз да глаз, чтобы подобное, не дай Бог, не повторилось. Приходилось делать еще кучу всяких бесполезных дел, начиная от ежедневной политинформации и заканчивая вечерней поверкой. А люди попадались разные. Русские, да еще после учебки, были вполне самостоятельными, смышленными бойцами, как правило, уже имевшими на погонах лычки, а вот контингент из южных, окраинных республик нашей не-

объятной Родины – не того! Образование – три, четыре класса, едва читать, писать научили. По-русски – почти не бельмеса. Короче, глаз, да глаз требуется. Так, что, скучать Славке не приходилось. Даже к Галине за все это время вырвался только раз. Женщина встретила его без особой радости, но не выгнала, оставила. И, как он себя не успокаивал, крути, не крути, а нехорошее такое ощущение от этой встречи осталось, где-то в глубине души. И повторять пройденное снова не было никакой охоты.

В декабре ударили лютые морозы. Под пятьдесят. Взвод колотил отбойными молотками отверстия в стеновых, бетонных блоках подвала под трубы отопления и прочие коммуникации. Какой-то мерин забыл их оставить, когда закладывал фундамент. Кто это был конкретно, Славке так и не удалось выяснить, а то бы он высказал ему прямо в лицо, что он думает обо всем этом безобразии. Водяной конденсат, скапливающийся в отбойных молотках, постоянно замерзал: мороз стоял жгучий, и через каждые двадцать минут их приходилось отогревать тут же, рядом, на огне костра. Да и самим отогреваться тоже. Начальство не удосужилось выделить бытовку, дескать, часть рядом, дома отогреются. Выданный на зиму новый, белоснежный полушубок лейтенанта почернел от копоти и бетонной пыли. А в первое время перетянутый ремнями, в белом полушубке, Славка представлял себя таким красавцем-офицером из кинофильмов о войне, и очень себе нравился. Так и хотелось покрасоваться где-нибудь на людях. Сейчас он постоянно шмыгал простуженным носом и сдирал шелушинки кожи с отмороженных ушей, а собственный вид его уже совершенно не тревожил. Главное – не обморозить людей, и передать их в целостности и сохранности вернувшемуся из отпуска командиру. Выходные выпадали редко, то и дело приходилось дежурить по части. Это потому, что почти весь офицерский состав находился в Першино, на мосту, и людей не хватало. Единственное, что скрашивало однообразие жизни в общежитии и время постоянных дежурств по «хате», так это то, что он начал пересучиваться играть с семиструнки на шестиструнную гитару. И поспособствовал

ему в этом сержант Перминов, писарь их техчасти, призванный служить из Свердловска. Вообще-то Славка еще со школы играл на семиструнке. В те далекие годы детства пошла мода на бардовские песни, и отец подарил ему отличную гитару ручной работы, за бешенные по тем временам восемьдесят рублей. Отец одного из одноклассников Славки, Саши Иванова показал тогда им три аккорда и уже через неделю они всю горланили во дворе: «Не гляди назад, не гляди, лучше имена переставь...». А такие имена, как Галич, Женя Клячкин, Городницкий произносились вполголоса, с почтением. Диссиденты, как же! При Сталине сидели бы и не рыпались! А тут свободой запахло. Галича, так того даже выслали позже, кажется!

А тут, как-то вечером, на очередном дежурстве он зашел в каптерку второй роты, к которой был приписан Перминов, хотя и служил при штабе, так как имел высшее образование, и увидел того играющим бойцам что-то щемящее, трогательное потаенные струны души и неуловимо знакомое. И играл он не хуже чем виденные до этого Славкой в основном, конечно, по телевизору участники модных тогда вокально-инструментальных ансамблей. При его появлении окружившие Перминова бойцы вскочили.

- Что это за вещь? – спросил он Владимира, так звали младшего сержанта, и махнул рукой, разрешая сесть.

- Джон Леннон, товарищ лейтенант. А вещь называется «Моя золотая гитара по-джентельменски рыдает».

- Битлы?

- Так точно.

- Научить сможешь? Только я на семиструнке играю.

- Это уже хорошо, товарищ лейтенант, а на шестиструнной даже легче играть. Так что, запросто научитесь.

Он показал Славке аккорды и как они записываются на бумаге. И теперь, когда выпадало дежурство, Славка все свободное время проводил во второй роте, тренируясь в игре под руководством Владимира. Они сдружились. Оказалось, что тот до армии действительно играл в какой-то группе, или, как он выразился – лабухал.

- Красивая жизнь была! – вспоминал сержант. – Девочки, рестораны, все, как полагается.

- Какие наши годы, Володя, отслужим – и все вернется! Ну, давай, еще разок пробежимся, - вновь брал гитару Вячеслав.

В один прекрасный день, когда Славка, вернувшись из части, уже собирался ложиться спать, на пороге его комнаты возник, невесть откуда взявшийся, Ворошнин. Вид он имел угрюмый, взъерошенный и какой-то отрешенный.

- Здорово! – невесело поздоровался он. - Не спишь еще? Я у тебя посижу тут?

- Привет Саша! – Славка обрадовался приятелю. – Ты откуда взялся? Присаживайся, о чем речь!

- Оттуда, - Сашка мрачно махнул рукой куда-то в сторону.

- Ты, что такой, пришибленный? Случилось что-нибудь? – вылез из-под одеяла Славка и начал натягивать брюки. – Да, ты садись, в конце концов, в ногах правды нет. Я сейчас Боговичу скомандую насчет чайка. Выпить, правда, ничего нет, извини.

- Не суетись, - Ворошнин тяжело опустился на табурет, - я к тебе вот по какому делу. – Он на секунду замолчал и тут же продолжил. – Помощь твоя требуется.

- Без вопросов! Чем можем – поможем!

Сашка вновь промолчал несколько мгновений, будто взвешивая, стоит ли об этом говорить, но затем, видимо, решился и продолжил:

- У меня Алина загуляла. Вот что.

- Да, с чего ты взял? – неподдельно удивился такой неожиданной новости Славка.

- А с того! Сегодня в четыре приехал, а ее дома нет. Ну, думаю, на работе. Позвонил, а там говорят – отгул взяла. Я соседке позвонил, ну, чтобы спросить, может она знает, где Алина. А та, змеюга, так схищненко мне: ты дескать ее Саня у Галины поищи. Видели их, дескать, с какими-то геологами днем. А машина этих геологов и сейчас рядом с Галининым домом стоит. Ну, я туда. Действительно, стоит «уазик» чей-то. Я в дом, было, сунулся, а там закрыто, хотя дым из трубы идет. Я побарабанил, побарабанил, ну и вернулся домой. На сердце кошки

скребут, сам понимаешь. Пошел в магазин, а там Галина, водку покупает. Я ее спрашиваю, где Алина, а она – не знаю! А у самой глазки бегают, у курвы. Я, когда стемнело, опять к ее хате пошел. Машина стоит, свет в окнах горит, внутри музыка слышится, а на стук никто не отвечает. Хотел, было, окно высадить, но потом передумал, и вот, к тебе зашел.

Он достал из кармана полушубка пол-литра водки и поставил на стол:

- Давай, вмажем!

Ошарашенный услышанным, Славка молча выставил из тумбочки на стол стаканы, банку тушенки, и присел рядом, не зная, что и посоветовать другу:

- А, может, ерунда все это? – вновь начал он, но Сашка резко перебил его.

- Кончай! Не держи меня за дурака, Слава! Давай лучше выпьем и вместе сходим до этой сучки. Не возражаешь?

- Да, нет, не возражаю. Сходим, давай.

Сашка разлил почти по полному стакану водки, они залпом выпили, и Славка набросил на плечи полушубок.

- Ну, что, потопали?

- Пошли! – поднялся Сашка.

- Богович! – крикнул Вячеслав в котельную. – Прикрой двери за нами, да не дрыхни. я скоро вернусь!

- Я не сплю, товарищ лейтенант, - из двери котельной высунулось чумазое, заспанное лицо вестового.

- Ладно, хмырь болотный, дверь на ключ закрой! Не хватало, чтобы нас еще и обворовали!

Вместе с Ворошиновым они вышли в морозную темноту. Снег звонко скрипел под валенками. Еще метров за сто до цели они разглядели, скорее, почувствовали, тьма стояла такая, хоть глаз коли, рядом с домом Галины какое-то движение. Там раздавались чьи-то голоса, женский смех. А потом неожиданно вспыхнули фары, заревел мотор и, отъехавший от дома «уазик», стал удаляться по улице в противоположную от них сторону. В темноте высветился квадрат двери и две женские фигуры в накинутых на плечи пальто проскользнули внутрь помещения.

Сашка внезапно остановился на месте, как будто натолкнулся на стену, и сжал кулаки, да так, что заскрипели суставы. «Да, не повезло тебе дружище, - мелькнуло в голове у Славки, - не позавидуешь! Не зря соседка болтает! Нет, видимо, дыма без огня». Он неожиданно вспомнил те полунамеки Пети Панкратова, которые проскользнули в их разговоре со Славкой еще перед свадьбой Ворошнина и Алины, когда он с Сашкой собирался в гости к невесте, и о которых он позже забыл напрочь.

- Ну, я, пожалуй, пойду, - повернулся он к Ворошнину, - сам теперь разберешься.

- Подожди, - глухо произнес Ворошнин, - я с тобой.

- Ну, пошли! – удивился Вячеслав.

Внезапное решение приятеля его обрадовало. Действительно, утро вечера мудренее. Можно сгоряча таких дров наломать, что потом сам не будешь рад. Вячеслав подтолкнул Сашку вперед, но в этот момент знакомая дверь со скрипом распахнулась и на улицу выскочила Алина, застегивая пуговицы пальто. Прямо на пороге она чмокнула в щеку, провожающую ее Галину, и побежала по тропинке к дороге, едва не налетев на Сашку. Увидев перед собой мужа, Алина застыла, как вкопанная.

- Вот, значит, как, - выдавил из себя с хрипом Сашка. – Так значит получится. Сука ты! – он внезапно развернулся и ударил Алину по лицу.

Та взвизгнула, и бросилась назад, к дому, где из освещенного проема двери наблюдала за всем происходящим подруга, не успевшая к этому моменту вернуться назад. Дверь за ними захлопнулась, и Галина прокричала в приоткрытую щель:

- Дурак! Я сейчас милицию вызову!

Сгорбившийся Сашка отрешенно махнул рукой, резко, как в строю, развернулся, и, не оборачиваясь, пошел прочь. Славка последовал за ним. Шли они молча, говорить было не о чем. Да, и, что тут скажешь. «Сроду не женюсь, - подумал расстроенный за друга Славка, - на кой мне фиг такие фортели в жизни?»

- Я в общаге заночую, - сказал Ворошнин, когда они подошли к Советской, - ты не ложись, я сейчас!

И он исчез в темноте, а Славка попинал ногой входную

дверь, поднимая, как всегда дрыхнувшего Боговича, и, сняв полушубок, отправился на кухню греть чайник. Едва тот закипел, как появился Сашка с бутылкой спирта в руках. Они допили оставшуюся водку и принялись за спирт.

- Что я ей такого сделал? – растерянно спрашивал Сашка приятеля. – Чем не угодил?

- Да все они такие! – поддакивал ему уже порядком захмелевший Вячеслав. – Брось ты, все перемелется – мука будет! Не бери в голову!

- Ну, нет, никогда ей не прощу, суке! – вскипал Ворошнин. – На коленях ползать будет – не прощу!

- Зря ты ей по морде-то. Женщина все-таки.

- Сам не знаю, как получилось. Потемнело в глазах, ни хрена не соображал. Наливай помаленьку, Славка, за холостую жизнь.

- Еще помириться.

- А ты бы, вот, простил?

- Не знаю, - минуту подумав, ответил Славка.

- Ну, то-то же.

Часам к двум ночи спирт закончился, а они надрались в драбадан, так, что Славка утром не мог вспомнить, как ложился спать. Приведя себя в порядок, он отправился в часть, а Сашка вместе с ним, не заходя домой, дотопал до вокзала, чтобы словить попутную дрезину в Першино. Славка, удрученный его хмурым видом, про себя пожалел товарища, но ничего говорить не стал. В таких делах слова – зачастую только хуже. Выкарабкается мужик! Время лечит! Они распрощались на перроне.

А двадцать восьмого декабря Вячеслав передал взвод прибывшему из отпуска законному командиру и поехал в отпуск к родителям в Куйбышев, куда его почти силком отправил начштаба.

- Набежало десять дней отпуска в текущем году, - пояснил ему заместитель начштаба Николай Суворцев, - положено отгулять. Хоть тридцать первого декабря, а положено. Так, что, езжай, не сренешься, родителей повидасешь, в городе погуляешь.

Новый Год в домашней обстановке встретишь, а не в общежитии. Я бы сейчас с превеликим удовольствием маманиной стряпни отведал! – мечтательно произнес он, выдавая Вячеславу отпускное предписание.

Вечером Славка погрузился в промороженный, полупустой вагон, в котором бедная, измученная проводница постоянно носилась туда-сюда с грелкой, наполненной кипятком, и пыталась отогреть то замерзшие трубы отопления, то туалет. Дубак был такой, что он завалился спать, не снимая шинели и сапог, натянув поверх три одеяла. Благо, купейный вагон шел почти пустым. А тридцать первого, в канун Нового Года он был уже в Куйбышеве.

Глава 4

Во второй половине января, сразу после возвращения из отпуска, Славку вновь направили в Першино. Первого, кого он встретил на территории базы, был Иванов, с красной повязкой дежурного по части на рукаве полушубка.

- Ба, кого я вижу! Что там, в Советском новенького? Ты когда из отпуска нарисовался?

- Да, я в Советском-то толком и не был: только приехал, сразу же откомандировали сюда.

- Вот и прекрасненько! Не фиг тебе при штабе отираться, штаны просиживать! Нам с Гомянным, как раз, компаньон нужен. Девчат из лаборатории помнишь?

- Помню.

- У Ольги родичи отбыли на большую землю, в родные, так сказать, пенаты, и она теперь в квартире одна живет. Вечерком заглянуть на огонек – пожалуйста, никаких проблем! Спирт, сам понимаешь – высший сорт, лабораторная очистка. Только к Ольге кроме Ленки еще соседка пристала, в том же доме живет. Так, что, девчонок три, а нас с Гомянным – двое. Некомплект. Надо это дело поправлять!

- Дерягу бы прихватили, или Сашку Ворошнина.

- Деряга жене верность блюдет, не уговоришь, а Сашка, кажись, со своей Алиной помирился. Дурак он набитый, конечно,

но соваться в чужую семейную жизнь – сам понимаешь! Я ему тут попытался говорить, что горбатого могла исправить, а он мне чуть морду за это не набил!

- И правильно сделал! Не надо в чужие дела соваться, в своих разбирайся, советчик!

- Ишь, – правильный, какой! А если б ты на моем месте оказался? Что помалкивал бы, когда товарищ сам не свой, как тень бродит? Я к нему со всей душой, а он! Сам заснешь, какие у Саньки кулаки! Еще покалечит молодого и красивого.

- Мне и на моем месте хорошо! Только, не понимаешь ты, Саша, что все течет, все изменяется! Сегодня поссорились, завтра – помирились! Милые бранятся – только тешатся! Или, как там еще, чужая семья – потемки! Где, кстати, Понюшенко найти можно?

- А, где ему быть. В штабе сидит наш Виталик. На мосту грязно, сам знаешь, да и холодно шибко. А главный наш холода не переносит! Он все спит и видит, что его в Москву перевели, к дорожному тестю под крыло.

Главный инженер действительно, страсть как не любил бывать на объектах. Попал он в армию случайно. После окончания института женился на дочке какого-то большого начальника в министерстве обороны. И жили бы себе молодые, не тужили в столице, да тут, как снег на голову – повестка! А папаша где-то в это время в войсках, как на грех, в командировке был. Ну, конечно, позвонил кому надо: нужно же зятяка спасать. Но какой-то винтик во всех этих самых папашиних связях не сработал, и загремел Виталий Понюшенко в желдорбат, да еще и на север. Вот и отбывал потихоньку номер, дожидаясь, когда его куда-то, как он говорил в минуты откровенности, то ли в ракетные войска переведут, поближе к столице, а то и в саму первопрестольную. Совсем из войск он уйти не мог, можно было папаше навредить. А это все равно, что самому себе в карман нагадить. Даже самый последний кретин такого не сделает.

- Пойду, доложусь, что прибыл.

- Доложись. Если есть хочешь, я скомандую. От обеда на камбузе все равно что-нибудь да осталось.

- Да нет, спасибо, я сыт. А насчет девчонок нужно подумать, - поразмыслив, высказался Вячеслав.

- А чего тут думать – наливай да пей!

- Что-то ты больно смелым стал, Саша. Гляди, как бы сдуру, куда самому не вляпаться. Не дай бог до жены дойдет, не отмоешься! Да и командование по головке не погладит.

- Не гони пургу, زمеля, пробьемся! – легкомысленно отмахнулся Иванов.

Славка ничего не ответил, безнадежно махнул на приятеля рукой, и отправился в штаб, где и нашел Понюшенко, восседающего в кабинете за столом, заваленным кучей бумаг. Тот Вячеславу искренне обрадовался:

- Вот, и хорошо, что ты появился, а то мне срочно в Советский надо. А оставить, сам понимаешь, за себя некого.

- А, Панкратов где?

- К нему жена приехала, три дня в счет отпуска у комбата выпросил. Отдыхает.

- Вот оно что.

- Ты, Вячеслав, устраивайся, да слетай-ка на мост, что ли. Надо посмотреть, что, да как. А то я сегодня там еще не был: бумажные дела, понимаешь, заели.

Славка понимающе ухмыльнулся, молча кивнул в ответ и вышел. Он бросил сумку с вещами в общежитии, поймал на дороге попутный самосвал с песком, и отправился на мост, по которому уже успел соскучиться. Копровые установки к этому времени с берега перетащили на лед. Два ПКК, передвижных крана-копра, долбили металлический шпунт под вторую и третью русловые опоры, а на первой, уже почти собранной, устанавливали опалубку под опорные части конструкций ферм. Шпунт с трудом лез в каменистое дно реки, звеня на всю округу и осыпаясь застарелой ржавчиной из замковых соединений. Шпунт – это такие профильные сваи из гнutoго, с замками по краям толстеного металлического листа. Его забивали сплошным забором вокруг места будущей опоры прямо через лед в дно реки, а потом, когда забор городить заканчивали, начинали из огороженного пространства откачивать воду насосами. Дно

обнажалось, и можно было работать: забивать железобетонные сваи, бетонировать ростверк и монтировать блоки тела опоры. Конечно, вода дырочки в замках шпунта все-таки находила. Поэтому насосы «андижанцы» молотили круглосуточно, сжигая тонны солярки, а по гальке обнажившегося дна реки внутри шпунтовых колодцев бежали нескончаемые ручейки, парящей на морозе воды.

Работы по устройству мостовых опор проводились, как правило, зимой.

Во-первых, не нужно было наводить понтонной переправы под необходимую для работы технику, а это сильно сокращало сроки возведения объекта, да и средства тоже. То ли дело: бросил рельсы прямо на лед, приморозил их и гоняй копры-краны вдоль фронта строительства! Мало одного крана – поставь рядом второй. А, во-вторых, весной, когда наступало половодье, и батальон отбывал на ежегодную боевую учебу в Советский, не нужно было ничего капитального с реки демонтировать. Перегнал кран на берег, снял десяток рельсовых звеньев – и привет! И хотя зимой условия труда куда как суровой, чем летом, основные работы по опорам проводились именно в зимний период. Что люди, люди выдержат! Не подвела бы техника.

Тут и там, на берегу и прямо на льду горели костры, сновали бойцы, поблескивая глазами сквозь прорези шерстяных масок, грохотала техника. Над рекой стоял сизый дым от сгоревшей солярки и пар от огромной, промытой рекой во льду выше по течению полыньи. В вагончике, где хранилась документация, и любило во время инспекций посиживать начальство, за облезлым, двухтумбовым столом сражались в домино Гомянин с Ворошниним, азартно колотя по столешнице костяшками.

- О, какие люди и без охраны! – поднялся из-за стола Ворошнин и обнял Славку. - Приехал, значит. Как там большая земля поживает?

- А, что ей сделается, стоит!

- С прибытием Решетников! Садись, третьим будешь, - предложил Юрка, пожимая приятелю руку.

- Не, не хочу. И как вам только эта лабуда не надоела? А где

Деряга, моль, что ли, посла?

- За доской в зону уехал. Присаживайся. Чаю хочешь, наливай! Что там в Советском новенького?

- Да не был я в Советском практически. А чайку? Чайку с удовольствием! Вы то тут как?

- А, что мы. План идет, контора пишет. Обычно все.

- Гляжу, береговая почти готова.

- А ты думал, мы тут спим что ли? – хмыкнул Ворошнин, вновь усаживаясь за стол.

- Да ничего я не думал.

- Ну, тогда садись и пей чай!

Доску для опалубки, лесов и прочих нужд батальон получал на бирже номер два. Славке тоже как-то однажды пришлось там побывать, еще осенью, в прошлом году. Когда их машину наконец-то проверила бдительная до блевоты охрана на въезде в зону, он с накладными отправился в сторону пилорамы, к указанному начальником караула вагончику, над которым вился легкий дымок. В вагончике находились двое: опрятно одетый зек, лысый, как бильярдный шар, лет сорока, сидевший за столом, и понуро стоящий перед ним доходяга в телогрейке с вырванным клоком на боку.

- О, гражданин начальник! – лысый зек радостно заулыбался и выскочил из-за стола навстречу Вячеславу. – Что нужно, дорогой? А... доски! Эй, ты, хмырь, стой! – остановил он, уже было собравшегося уходить, доходягу. – Лети мухой, найди Черепя! Пусть восемь кубиков сороковки отгрузит армейцам. Топай, чего встал! Я с тобой потом добеседую! – он отвернулся от доходяги и, словно, забыл про него, как будто того тут никогда и не было. - Чайком побалуемся, лейтенант? Присаживайся, в ногах правды нет. Да, не беспокойся ты, все будет в порядке. Полчаса мои хмыри все равно провозятся.

За чаем, если так можно было назвать налитый в эмалированные кружки крепчайший, как деготь, чифир, они познакомились. Из уважения к Славке, Федор Иванович, так звали зека, разбавил ему напиток кипятком:

- Пей, лейтенант, чай – вещь полезная!

И все время, пока грузилась доска, они мирно беседовали о том, о сем. Выяснилось, что Федор Иванович, сидел уже лет семь. До лагеря он работал шофером на пассажирском автобусе и однажды, где-то на трассе случайно уснул за рулем.

- Пятнадцать лет за баранкой, лейтенант, и, сроду, такого не случалось. А тут, бес попутал!

Неуправляемый автобус, естественно, перевернулся, погибли люди. Вот ему и впаляли по самое не хочу: четырнадцать лет. Но он на суд не в обиде, сам понимает – виноват! В лагере он в авторитете, так что жить можно. И если все дальше пойдет нормально, то через пару тройку лет можно выйти на волю досрочно за примерное поведение:

- Только вот на воле-то мне податься уже некуда. Жена замуж за другого выскочила, и года не прошло, как посадили. Детей нам бог не дал, и хорошо, что не дал, а родители мои еще до лагеря прибрались. Так, что мне отсюда особенно и спешить некуда. Ты, Вячеслав, в следующий раз водченки с собой прихвати. Ты не думай, расплачусь: хочешь деньгами, а нет – товаром. А то тут иной раз такая тоска прихватит, что хоть вешайся! А тяпнешь граммов двести и на душе полегче.

- А как ее сюда пронести-то?

- Да обыкновенно, под шинелью. Вас охрана все равно обыскивать не станет. Если чего кому из мужиков ваших надо, скажи, смастерим в лучшем виде – умельцев всяких не меряно. Только закажите заранее, через шнырей, что у моста лес пихают. А те уже передадут. Скажете Федору Ивановичу, вмиг исполнят, меня тут все знают.

Прибежал давешний доходяга, и доложил, что доска погружена. Они сердечно распрощались с Федором Ивановичем довольные друг другом, и Славка уехал. С того дня заказать в лагере какой-нибудь подарок: охотничий нож, кухонную утварь, или женские сапоги качеством, кстати, не хуже, чем в столичном магазине «Прага», стало плевым делом. Валютой служили в основном водка, да чай...

- Ладно, мужики! Я пойду, пройдусь, посмотрю, что делается: полтора месяца на объекте не был, - объявил, напившийся

чаю, Вячеслав.

- Понюшенко, что-ли, с инспекцией прислал? – спросил, не отрывая взгляда от костяшек домино, Сашка, и сам себе ответил. – Точно Понюшенко, больше никому! Он сам-то сюда – ни ногой. Как черт ладана боится грязи и копоту!

- Да, нет, не Понюшенко, - не стал объясняться перед приятелями, чтобы не ставить лишний раз главного в неудобное положение, Вячеслав. - Сам давно не был. Интересно все-таки, что вы здесь за это время, пока я отсутствовал, наварганили. Или только баклуши били?

- Подожди, я с тобой, - поднялся Гомянин, в завершение игры со всего размаха, треснув по столу последней косточкой. – Рыба!

- Топайте. Я попозже, – взялся за телефон Сашка. – Мне тут позвонить нужно кое-куда. Да, будь другом, передай там Соловьеву, чтобы он четырех человек после обеда на разгрузку свай отправил, - попросил он Славку.

- Передам.

- Алине все названивает, - пояснил Юрий, когда они вышли из вагончика.

Славка кивнул, чего тут было удивительного, но комментировать сказанное приятелем не стал, какое в принципе им все дело до Сашкиных взаимоотношений с женой. Чужая жизнь – потемки. В своей бы разобраться. Почему-то, совершенно не к месту, вспомнилась Галина. Тоже, мать ее, – не подарок! Он сплюнул под ноги, чертыхнулся, и поспешил за Гомяниным вниз по откосу на лед реки. Снег на льду был грязным, почти черным, от копоту, масляных пятен отработки и всякого мусора, вмержшего в него. Многочисленные тропинки, нагоптаннные сотнями солдатских валенок и сапог, пересекали реку от берега до берега.

- Через неделю шпунт на этих опорах закончим! – прокричал, перекрывая грохот молотов, Гомянин прямо в ухо Славке, и махнул рукой в сторону копровых установок.

Шпунт под ударами двухтонных молотов подавался плохо: грунт под илистым дном реки был галечным, попадались и камни.

- Здравия желаю, товарищ лейтенант! – прокричал Вячеславу боец в засаленной телогрейке без знаков различия, методично дергающий пеньковую веревку, которая приводила в действие кран топливного насоса на молоте.

Славка не сразу признал в улыбающемся, с прокопченным, как у негра, лицом солдате, ефрейтора Соловьева.

- Здорово, Соловьев! – обрадовался он старому знакомому. – Давненько тебя не видел. Ну, как тут у вас?

- Нормально, товарищ лейтенант, работаем.

- Ты что, с самой осси все тут ишачишь?

- Да нет, отправляли на месяц в учебный центр на сварщика учиться.

- Ну и как, выучился?

- Так точно!

- А чего же тогда на копре мантулишь?

- Да, пока варить нечего. Вот в смену и поставили.

- Ты, вот что, Соловьев, лучше скажи, сколько еще шпунтин планируешь до конца смены заколотить? – вмешался в разговор Гомянин.

- Ну, штуки три, не больше, товарищ лейтенант. Грунт попался долбаный, не лезут проклятые никак до отметок.

- Это за всю смену будет восемь. Не густо, – подсчитал Юрий, растирая ладонью замерзшее на ветру ухо. – У Иванова уже сейчас восьмую выставляют. Опять Гук будет скрипеть, что хреново пашем!

- Ну, может у них камней поменьше попадается? – сказал Вячеслав. – Наверстаете еще!

- Это ты комбату скажи.

- А что, и скажу, если надо.

- До фантиков ему твои соображения. Командованию план подавай, а все остальное – чмо!

- Ладно, не ной! В прошлом месяце премию получили?

- Ну, получили.

- И в этом получите. Радуйся, что морозов пока сильно больших нет, а то и восемь шпунтин в смену фиг бы заколотил. Пошли, что ли? Ну, бывай, Соловьев, не хворай! Еще увидим-

ся! Да, вот что, Ворошнин передал, чтобы ты четырех человек на разгрузку свай после обеда отправил.

- Конечно, увидимся, товарищ лейтенант! - сверкнул зубами в ответ ефрейтор. – Тут не потеряешься!

- Это точно! Кстати, - поинтересовался Вячеслав у Гомянина, когда они повернули назад к берегу, - слышал, что вы тут, как-то решили проблему обрубки свай. Да так, что и компрессоров не надо.

- Было дело. Коля Суровцев помог. Компрессора, конечно, все равно нужны, как без них, но способ Колька придумал отличный!

В декабре месяце на береговой опоре для заливки ростверка бетоном необходимо было обрубить оголовки почти полутора сотен железобетонных свай до нужных проектных отметок. А морозы перед новым годом стояли за пятьдесят, иногда и ниже. На березовых и осиновых стволах с треском лопалась кора. Отбойные молотки замерзали через пять минут работы, и бойцы их больше грели на кострах, чем долбили бетон. Техника выходила из строя, а ремонтировать ее при таких низких температурах не было никакой возможности, пальцы пристывали к металлу. Да и сами люди долго не выдерживали без огня, хотя по приказу комбата всех переделали вместо телогреек в полушубки, а на лица заставили натянуть шерстяные маски, полностью закрывавшие все лицо, кроме глаз. План горел. Из бригады летели отборные матюки, которыми комбат, в свою очередь, щедро наделял подчиненных, но дело-то от этого быстрее не двигалось. И тогда зам начштаба Николай Суровцев предложил для обрубки бетона использовать кумулятивные заряды, по пятьдесят граммов тротила весом. Вообще-то эти заряды до этого исторического момента в мирных целях никогда не использовались, а применялись только в военное время для пробивки отверстий во всевозможных препятствиях под прокладку коммуникаций и тому подобного. Их, сразу штуки по три, начали закреплять на торчащих из дна реки оголовках свай, соединять проводами, и, убрав людей подальше от шпунта, подрывать. Бах! И бетон вылетал за мгновение сразу на де-

сятке свай. Оставалось только обрезать бензорезом арматуру, да слегка почистить сваю отбойным молотком. Со всеми сваями, а их было больше ста пятидесяти, справились за три дня. и бетонирование начали в срок, как и планировали. А главное, людей не поморозили. Повеселевший комбат тут же выписал всем, причастным к этому грандиозному делу, кое-какие деньги, как он выразился: детишкам – на молочишко! Да и роты за перевыполнение плана тоже не остались без премиальных. А премиальные в жизни солдата, пусть это была всего лишь десятка, дорогого стоили. Денежное довольствие рядового составляло три рубля восемьдесят копеек, а на такие деньги не разгуляешься. На дешевые сигареты, тем, кто не переносил махру, выдаваемую Нигматулиным ротным старшинам бесплатно, конечно, хватало. Но все они, и рядовые, и сержанты, в конце концов, были вчерашними школьниками, мальчишками. Хотелось и конфет отведать и пряников. Так, что, десять рублей – это было десять рублей! Сумма!

- Ты Иванова уже видел, когда приехал? – спросил Гомянин.

- Видел.

- К девочкам вечером пойдем?

- До вечера еще дожить надо.

- А, ерунда! Доживем! Куда нам деваться, молодым и красивым. Так ты пойдешь или нет, чего молчишь-то?

- Ладно, привет Ворошнину! – Славка, не отвечая на вопрос приятеля, протянул Гомянину руку. – Я в батальон поехал.

- А что так рано-то?

- Да бумаги кое-какие в штабе надо перешерстить. А то опять, какие-нибудь козлы из бригады с проверкой нагрянут! Да и к семинару по ТБ подготовиться не мешало бы.

- Что, и чаю не попьешь? А если есть желание и спиртик имеется для сугреву. Сдался тебе этот семинар, один черт никто слушать не станет, первый раз, что ли.

- Нет, я все-таки поеду. Если что – вечерком причастимся, не горит! Ну, прощевай! До вечера! – и Славка, хлопнув приятеля по плечу, не оглядываясь, побежал к дороге, махая обеими руками съезжающему с насыпи самосвалу.

В части он доложил Понюшенко, что на мосту все в порядке, а тот, вместо благодарности, усадил его срочно корректировать календарный график строительства.

- Да у меня своих дел по горло! – попытался отбиться от задания Вячеслав, но, обычно покладистый, Понюшенко на этот раз не сдавался:

- Кривякин из бригады должен на неделе нагрянуть, а может быть, и завтра. Так что ты уж постарайся. Тем более с твоими-то способностями к рисованию, - польстил он Славке.
- А Кривякину, что главное – чтобы красиво было и в соответствии с утвержденным планом!

- А техника безопасности, как же? – попытался вновь возразить главному Славка. – У меня же семинар в ротах завтра!

- Подождет твоя техника безопасности! После графика ею займешься. Кстати, пора переобучение стропалей организовывать, срок подходит.

- Во! А ты ко мне со своим графиком привязался!

- Давай, давай, работай, не гунди!

И Вячеславу до самого ужина пришлось корпеть над этим долбаным графиком. Закончить он его так и не успел. Прибыли с моста ребята и все гурьбой направились ужинать в столовую. А сразу после ужина они втроем: Славка, Иванов и Гомянин, прихватив мясных консервов, селедки и кое-чего еще по мелочи, как и договаривались днем, отправились в гости к Ольге, той самой лаборанточке с гидролизного, где, по словам Иванова, их с нетерпением ожидали.

- Только, если соседка страшная, я сразу сваливаю, - предупредил приятелей Славка.

- Очень даже ничего девочка, - успокоил его Гомянин, - и ум и образование – все при ней! – он выразительно, ладонями, обрисовал фигуру предполагаемой Славкиной партнерши.

- Симпатичная девчонка, - подтвердил Иванов.

Ольга жила одна в трехкомнатной квартире на втором этаже рубленного из бруса дома, почти в самом центре поселка. Квартира ей осталась от родителей, уехавших куда-то, не то в Орловскую, не то в Белгородскую область, а, может быть, и на

Украину. Иванов, давно крутивший роман с девчонкой, и тот точно не знал, куда. Да и не очень этим интересовался. Короче, надоели местные захолустье людям, вот они и подались к себе на историческую родину, где, как говорится, и воздух сладок. Хотели и дочь с собой забрать, но та заупрямилась, дескать, уже не маленькая, восемнадцать, да и работа чистая, женская в лаборатории. Порешили, что до весны она поживет одна, а там видно будет. Настоящей причиной отказа, конечно, были ее затянувшиеся, романтические и далеко не детские отношения с лейтенантом Ивановым. Девчонка попросту втрескалась по уши в нахального и развеселого ухажера. Ну, а тот и рад стараться. И, ведь, помалкивал, зараза, как партизан, что в Советском жена законная пребывает. А, когда та приезжала вместе с другими женами офицеров в Першино по выходным на побывку к мужу, забивал девчонке баки, что дежурит по части. Пока все до поры до времени проходило гладко. Пока.

- Обманываешь девочку, скотина! – пенял приятелю Сашка Ворошнин. – Вот погоди, родители ее прознают, оборвут тебе все, что в штанах имеется! И правильно сделают.

- Ой, какие мы правильные! – парировал Иванов. – Сами будто не рысачили!

- Ну, во-первых – не с малолетками, а во-вторых – на то веские причины были! – начинал закипать Ворошнин. – Да и не тебе меня учить, кобель ошипанный!

- Ну, вот и ты в мои дела не лезь!

- Кончайте вы собачиться! – вмешивался, как обычно, успокаивая петухов, Гомянин. – Оба хороши! Но ты смотри, Иванов, и, правда, поосторожнес, а то действительно влипнешь!

- А сам-то чего, не боишься?!

- А, чего я? Я в постель со своей подружкой не лезу, хоть и не женат. Да и Ленке уже двадцать два, а не как твоей Ольге – только-только восемнадцать исполнилось!

Особенно неодобрительно к этой связи относился доктор:

- А, вдруг забеременсеет, что делать будешь? Испортишь жизнь девчонке, да и себе тоже.

- Не забеременеет, - легкомысленно отвечал Иванов.

- Все так думают, но только получается наоборот, - назидательно выговаривал приятелю Абрамян, но слова его отлетали от Сашки, как от стенки горох.

- Смотри, будешь потом локти кусать! – хмуро завершал Ворошнин, и разговор на этом заканчивался...

Дверь им открыла хозяйка квартиры:

- Ой, мальчики, здравствуйте! Проходите, пожалуйста, раздевайтесь. Вот сюда, на вешалку шинели вешайте.

- Не, Ольга, ты лучше стул вынеси, а то мы тебе своим обмундированием вешалку напрочь оторвем, - пробасил в ответ Юрий. – Две шинели твоя вешалка еще выдерживает, а три – вряд ли. А Славка вон в кожане тем более.

- Проходите, Слава, в комнату, не стесняйтесь! – пригласила Вячеслава Ольга, признав в нем того самого лейтенанта, которого видела только однажды на заводе два месяца назад.

- Давайте, давайте, мужики, проходите! А я на кухню, помогу банки вспороть, - Иванов прихватил принесенную поклажу и пошел вслед за Ольгой на кухню.

В комнате сидели две принаряженные девушки, и рассматривали какой-то глянцевого журнала. В одной Вячеслав сразу узнал рыжеволосую Лену из лаборатории, а вторая, совсем молоденькая была ему незнакома.

- Договариваемся на берегу, - шепнул ему на ухо Гомянин, - Ленка, чур – моя! - И уже вслух: - Знакомьтесь, девочки, это – Вячеслав, а это – Лена и Катя.

- Да мы со Славой уже знакомы, - сказала Елена. - Помните, Слава, вы у нас в лаборатории с Сашей осенью были? Мы вас тогда еще чаем поили. Помните?

- Помню, конечно. И даже чай ваш помню, душистый такой, с травами всякими.

- Точно. А Слава, Катя, из Хабаровска, - сообщила Лена тоненькой, черноглазой, лет шестнадцати на вид, но уже с достойными формами, как с первого взгляда оценил Славка, девушке.

- Давайте, что ли, радиолу заведем? – засмушалась девушка, заметив оценивающий взгляд, брошенный на нее Вячесла-

вом, и бросилась ставить пластинку.

Славка обратил внимание на то, какие у нее стройные ноги. О таких говорят: растут от ушей! Он отвел взгляд от девушки, возившейся возле радиолы, и чуть сам не покраснел, почувствовав, что на него смотрит Лена.

- Понравилась наша Катюша? – открыто и просто улыбнулась девушка. – Да не краснейте вы, как деревенская девица, Слава. На Катерину все мужчины с первого раза, как только увидят, западают.

- Прекрати, Лена, - вовсе смутилась Катя, - что ты такое говоришь? Нельзя же вот так, да еще при незнакомых.

- А кто тут незнакомый? Один Слава, да и тот уже с тобой познакомился. Катерине уже семнадцать стукнуло, - повернулась Лена к Вячеславу, - десятый класс в этом году заканчивает.

«Ну, блин, и дела! – мелькнуло у Славки в голове. – Детский сад! Не хватало еще вместе с Ивановым во что-нибудь влипнуть! Так тот – просто дурак, последствий не просчитывает! Как это там, в уголовном кодексе статья-то звучит: за растление малолетних, что ли?». В этот момент из кухни появились Иванов и Ольга с тарелками в руках.

- Ну, что, давайте все за стол! – солидно, на правах хозяина пригласил друзей Иванов. – Слава, садись рядом с Катериной. А ты, Юра, доставай посуду из серванта, ты же знаешь где. Ну, и остальное – тоже.

Юрий вытащил из застекленного шкафчика трехлитровую, почти полную банку, как сразу догадался Вячеслав, спирта, и водрузил ее на стол:

- Прямо из банки будем? – ухмыльнулся он, встряхнув ее содержимое. – Или как?

- Прекрати, Юра! Возьми на полочке графин. Да водой разведите, а то все внутренности сожжете, - вмешалась Ольга. – Я сейчас сироп вишневый принесу.

- И, правда, мальчишки – с сиропом вкуснес! – подтвердила, пристраиваясь на стуле рядом с Гомяниным и смахивая со лба выбившуюся из прически рыжую прядь, Лена.

- Это вы, девочки, разводите, а мы лучше чистый будем.

Как, мужики, поддерживаете?

- Давай чистый, ты Вячеслав не против? – спросил Иванов.

- Да, нет. Хотя, у меня батя всегда градусов до шестидесяти разводил, да и мне советовал. Говорит: не стоит пищевод с желудком лишний раз обжигать.

- Да, пусть каждый, как хочет, пьет, - Гомянин наполнил поллитровый графинчик. – А девчатам мы разбавим с вишневым соком и послабже. Будет, как домашняя наливка. У меня бабушка в Москве всегда вишневую наливку ставила, - вспомнил он неожиданно. – Саша, поставь-ка музыку позабористей, создай антураж!

Иванов поднялся, сменил пластинку, поставил на нее иглу и из радиолы загремела дурацкая, но вполне веселенькая песенка: «Остался у меня на память от тебя портрет твой, портрет работы Пабло Пикассо!».

- За прекрасных дам! – поднял рюмку Гомянин.

- И за хозяйку этого замечательного дома! – поддержал его Иванов, чокаясь с Ольгой.

Весь дальнейший вечер выпивали, танцевали с девчонками, разговаривали о житее бытие. Славка освоился, первая скованность быстро прошла, и чувствовал он себя вполне непринужденно. Почти весь вечер Вячеслав протанцевал с черноглазой Катериной, так как все его попытки пригласить на очередной танец рыженькую Лену встречали безмолвный, но яростный отпор Юрки Гомянина. Пришлось смириться. Ну, а Ольга, та сама не отпускала Александра от себя ни на шаг.

- А что вы, когда службу закончите, делать будете? – спросила Катерина Вячеслава, когда они в очередной раз устроились за столом. – Здесь останетесь, или куда поедете?

- Не думал еще.

- Зря, - вмешался в разговор Гомянин, - Я уже почву в Москве прощупываю через друзей. Это Сашке, как медному котелку армейскую лямку до пенсии тянуть. Думать надо.

- Не знаю, надо еще дослужить.

- Дослужишь, - сказал Сашка, поднимая очередной тост.

К двенадцати Лена засобиралась домой, она жила на другом

краю поселка, и Гомянин пошел ее провожать. Славка тоже решил, что пора отваливать, к тому же он изрядно захмелел.

- Спасибо за угощение, дорогая хозяйюшка! – поблагодарил он Ольгу. – Пора и честь знать. Ты идешь? – спросил он Иванова.

- Я чуть позже подгребу. Помогу Оленьке прибраться, да воды с колонки подтащить надо. Ты вон Катерину до дому проводи.

- Да, что меня провожать! Я ведь в соседнем подъезде живу, - начала было отказываться девушка.

- Проводи, проводи, мало ли что! А вдруг на улице хулиганы подкарауливают, - заржал Александр. – Нет, ты ее обязательно проводи, Слава, - подмигнул он товарищу, - а то, не дай Бог, что с девушкой по дороге случится! Оступится, или там еще что!

Вячеслав показал приятелю кулак, еще раз поблагодарил Ольгу, помог Катерине надеть пальто, затянул на полушубке потуже портупею, и они с девушкой наконец-то покинули гостеприимную квартиру. На улице было морозно, но безветренно. На черном небосклоне мерцали яркие звезды. Хмель из головы выветрился почти мгновенно, стоило только сделать несколько глубоких вздохов.

- Мне сюда, - остановилась возле соседнего подъезда девушка.

Славка остановился тоже и посмотрел сверху вниз на едва различимое под светом звезд лицо Кати. Выражения глаз ее он не видел, но даже кожей чувствовал, как девушка напряглась в ожидании. Он, было, хотел облапить ее, такую тоненькую и беззащитную, но что-то его останавливало. Девчонка едва во взрослую жизнь окунулась, а он-то что? Совсем ведь соплячка, сама еще не знает, чего хочет. «Кончать это надо, - промелькнуло в трезвющем сознании, - а то допрыгасмся!» Он еще раз глубоко вдохнул, достал сигареты и, чиркнув спичкой, закурил. Пора прощаться!

- До свидания, Катюша! Спасибо за вечер! Было очень приятно познакомиться! – Вячеслав чмокнул молча глядящую на него снизу вверх девушку в щеку и, резко развернувшись, зашагал по громко заскрипевшему снегу в сторону дороги.

- До свидания! – прощально донеслось ему вслед.

Он повернулся, коротко помахал рукой, и одинокий женский силуэт растаял в кромешном мраке двора. Славка знал, что позже он наверняка пожалеет о своей нерешительности: девчонка и вправду была страсть, как хороша собой! Но, размышляя, дорогой: правильно ли он поступил, Вячеслав все больше убеждался в том, что правильно. Аргументов «против» было гораздо больше, чем аргументов «за». Ну, куда это годиться: гулять со школьницами! Кто из приятелей узнает – засмеют ведь!

Как и предполагалось, в начале февраля из бригады с проверкой состояния грешных дел батальона нагрянула делегация во главе с главным инженером бригады полковником Кривякиным. Громогласный, краснолицый, двухметрового роста полковник ворвался в штаб батальона, как смерч, круша и сметая все на своем пути. Во-первых, он сразу же, по прибытию без промедления отправился на мост, чтобы лично убедиться в том, что все, о чем ему докладывают, существует на этом свете, а не является досужим вымыслом ловких штабистов. И первое, что он предпринял на объекте, как, впрочем, и предупреждали Вячеслава и Понюшенко, и Петр, проверил ведение текущей исполнительной документации.

- А где у тебя, Решетников, график производства работ? – рычал он на Славку, оглядывая прорабку.

- Так, вот он, товарищ полковник, на стенке, у вас за спиной.

- А где акты скрытых работ?

- Папка номер семь, товарищ полковник, - доставал Славка из застекленного шкафа соответствующий грессбух.

Судя по тому, как кипение полковника потихоньку стихало, он остался доволен тем порядком, который увидел.

- Ладно, пошли к личному составу, поговорим с народом, - отвязался он от Вячеслава. - Ворошнин, веди!

Вся, сопровождающая полковника свита, торопливо последовала вслед за ним из прорабки на свежий воздух. На крутом берегу, полковник поскользнулся и чуть не скатился на известном месте прямо на лед, к дымящейся паром полынье. Вот тут-то Славке и досталось по первое число. Ему вспомнили, что он, кроме всего прочего, еще и инженер по технике безопасности.

и что нужно быть без мозгов, чтобы не потребовать с ротных соорудить для спуска, как положено, трапы с перилами. Славка попытался оправдаться, но тут же узнал о себе так много нового, что дальше огрызаться расхотелось совершенно.

- Ложка дегтя всегда бочку меда испортит! – бушевал Кривякин. – Не было бы у тебя порядка в техчасти, я бы тебе суток пять нарисовал, разгильдяй! А ты, Ворошнин, что молчишь? Тебя это не касается, что ли? Чьи люди здесь, в конце концов, работают? Мои, что ли? – и полковник переключился на Сашку. – А где этот мудозвон Дубов? – повернулся он к Гуку. – Где у вас ротные болтаются, товарищ майор?

- Дубов на РБУ, товарищ полковник! – отрапортовал комбат. – Скоро будет.

- Ишь, ты, королева английская – скоро будет! Начальство, значит, подождет, пока он своими делами занимается. А мы все здесь груши околачиваем, так что ли?

Славка постарался побыстрее спрятаться за спиной, отбивающегося от полковника, Ворошнина. Да и потом исхитрился не попадаться лишний раз Кривякину на глаза, пока тот вел беседу с Дубовым и бойцами возле сваебойной установки.

Вечером, перед ужином, собрали совещание в штабе, куда пригласили не только своих, но и командование соседних батальонов, и Кривякин в своей обычной манере еще раз подтвердил, что сроки строительства никто пока не собирался отменять:

- До весны, господа офицеры, опоры должны стоять, а с июля, сразу после паводка и окончания учебного периода, необходимо приступить к их отделке и монтажу пролетов. Работы – невпроворот! А что я сегодня вижу? Хрень вижу! Из четырех копровых установок работает почему-то только две. Что за бардак? Ты, Гук, что, со своего Зубкова спросить, что ли не можешь? Ну, тогда мне придется с тебя спросить! Теперь о подходах к мосту. Вы что там возитесь? – обратился Кривякин к капитану, командиру роты механизированного батальона. – Когда, наконец, закончите отсыпку?

- Да по нашим расчетам и по замеру карьеров должны были

еще на той недели закончить, а сняли исполнительную схему насыпи – еще тысячи три кубов сыпать, – услышал Славка. – Похоже, проектанты напортачили что-то, товарищ полковник.

Славка мгновенно вспомнил прошедшую осень и бросил короткий взгляд на сидящего рядом, только что накануне прибывшего из Советского Панкратова. Тот ухитрился увильнуть от встречи на объекте, и сейчас сидел, втянув голову в плечи, стараясь не дышать. Вот где он вылез, тот самый десяток секунд отклонения оси моста от проектной, которые им с Петькой лень было перепроверить, как положено, еще раз. Славка представил, что будет, если все это сейчас откроется, и прямо-таки вспотел. Украдкой бросив взгляд на Петра, он увидел, что и у того нос покрылся мелкими капельками пота.

- Как так – проектанты напортачили? Не может быть! – прорычал полковник.

- Меньше на сторону возить надо, – подал голос, вышедший, наконец, из комы, Панкратов.

- Ты на что это намекаешь, Петя? – закипел капитан, но Кривякин приказал всем замолчать:

- Развели тут базар, понимаешь! Напортачили проектанты, составьте акт, как положено, получим из неподвиженных заказчика. Но чтобы к середине февраля насыпь была закончена! Ясно? Или меня кто-то не понял? Не слышу ответа.

- Все ясно, товарищ полковник! – хмуро ответил капитан и уселся на свое место.

Славка судорожно вздохнул полной грудью. Кажись, пронесло! Тыльной стороной ладони он смахнул испарину со лба. Панкратов вновь выпрямил спину и порозовел, горделиво поглядывая на окружающих. Повернувшись, он встретился с испуганным взглядом Вячеслава и нахально подмигнул ему: знай, мол, наших! Ну, блин, Петя, вытер влажные ладони о брюки Славка: ни хрена не будет, ни хрена не будет! Чуть не подвел под монастырь. Ладно, что еще мехбатовцы не дотумкали сразу, откуда эти лишние кубы взялись. Надо их в «Лозьву» пригласить, да угостить, как следует, чтобы не рылись в этом деле. А то, ведь, действительно копать начнут и докапаются.

- Командиров и их заместителей прошу со мною! Остальные свободны! – закончил совещание Кривякин. – И еще раз напоминаю всем: что за срыв плановых сроков строительства, никакие оправдания приниматься не будут! Зарубите это себе на носу!

- Ты, главное, помалкивай в тряпочку, - предупредил Вячеслава после совещания Панкратов. – А, то узнают – мало не покажется!

- Что они, идиоты что ли? Снимут исполнительную схему, разберутся с длинной подходов, и все станет ясно.

- Не станет. Черные отметки не удосужились перед началом работ снять, я точно знаю. А сейчас под насыпью их не снять, - в полголоса сообщил Петр. – Но все-таки не трекни гденибудь случайно!

- Не маленький, соображаю!

Славка и без этого предупреждения понял, что надо держать язык за зубами. И еще он на всю жизнь зарубил себе на носу, что всякое дело нужно делать аккуратно и по возможности точно. А не можешь, или не хочешь – не берись! Тем более при возведении таких серьезных объектов. Торопливость нужна только при ловле блох.

Во второй декаде февраля вновь ударили лютые морозы. Не выдерживал металл, лопался и летел осколками под ударами молотов двухсантиметровой толщины шпунт «Ларсен-5», да и сами молота то и дело выходили из строя, и приходилось ремонтировать их прямо здесь, на трескучем морозе, прикипая руками к металлическим деталям. Мелкие травмы посыпались, как из рога изобилия, а медсанбат был забит простудившимися и обмороженными. Слава богу, ничего особенно серьезного. Славка рьяно начал следить за ведением соответствующей документации по технике безопасности в ротах. Не хватало еще, чтобы случилось что-нибудь непоправимое. До сих пор проносило, но ведь когда-то везение могло и закончиться.

Страшно было смотреть, как, едва различимые в поднимающемся от сочащейся воды тумане, бойцы в резиновых сапогах ползали по журчащим ручьям на дне реки в шпунтовых колод-

цах, и устанавливали подвешенные на чалках сваи в точки забивки. «Каюк ногам, - думал Славка, - ревматизм у ребят обеспечен». Он поделился этими мыслями с парнями в вагончике, где они отогревали промерзшие до озноба тела.

- Ну, во-первых, им выдано теплое белье и по второй паре портянок, а сапоги – утепленные, - рассудительно сказал ротный Дубов. - А, во-вторых, ты в школе учился?

- При чем здесь школа?

- А, при том! Температура пресной воды в жидком состоянии не бывает ниже плюс четырех градусов. Так, что в воде теплее, чем наверху. Ну, а, в-третьих, план и приказы еще никто не отменял, - закончил Дубов и, отвернувшись, протянув руки к буржуйке, всем своим видом показывая, что не намерен продолжать этот пустой, никчемный разговор.

Действительно, чего воздух сотрясать попусту, работать нужно! Но, если со второй русловой опорой все было в порядке и на ней уже начали обрубку свай, то из законченного шпунта опоры номер три уже дня два «андижанцы» никак не могли откачать воду. Установили шесть насосов, но уровень воды, как ни старались, не понизился даже на сантиметр. Лица людей все больше и больше мрачнели.

- Похоже, речку перекачиваем, - резюмировал все происходящее, покрытый инеем с головы до ног, как Дед Мороз, Ворошнин, сплевывая на лед.

- Похоже, - уныло соглашался с ним, командир роты, старший лейтенант Дубов. – Что делать-то, мужики, будем?

Все уныло глядели на дымящуюся от мороза, едва колеблющую черную поверхность воды, огороженную забором из обледеневшего шпунта, которая никак не желала понижаться.

- А, знаете, мужики, - встрепенулся, не принимавший до этого участия в разговорах, Панкратов, - есть идея!

- Выкладывай, коли есть!

- Нужно туда слазить и посмотреть, в чем там дело.

Все молча, как на психа, уставились на него.

- Чего вытаращились? – Панкратов прокашлялся, растер рукавицей замерзшую щеку, и продолжил свою мысль. – Нужно

водолазное оборудование и всего-то. Зря оно, что ли, на складах, в Советском валяется? А так мы здесь до бабкиного загоненья корячиться будем.

Дубов, не снимая шапки, яростно почесал затылок, и, помыслив секунду, крепко матюкнулся:

- В одном ты прав, Панкратов, чтобы лечить больного, нужно поставить диагноз. Пойду, доложу Понющенко, пусть звонит в Советский. Начальству виднее, вот пускай оно и решает.

- Ну, ты молоток, Петька! – одобрительно похвалил товарища Ворошнин, когда они вновь вернулись в прорабку, и тут же его ошарашил. – Вот ты сам туда и полезешь!

- А почему я? – испуганно взглянув на приятеля, спросил Панкратов.

- Как, почему? Ты же знаешь закон: проявил инициативу – сам ее и воплощай в жизнь! Или забыл?

- Да, не пугай ты его, - Вячеслав разлил по кружкам кипяток. – Не слушай ты его, Петя, никто тебя в воду не погонит.

- Тогда ты сам вместо него и полезешь! – усмехнулся Дубов. – Надо же кому-то нырять.

- Нужно будет, нырну! – огрызнулся Славка. – Тебя спрашивать не стану.

- Ну, как же, ты у нас – герой! – протянул Дубов.

- Да пошел ты! – начал вскипать Вячеслав, но тут в назревающую ссору вмешался Ворошнин:

- Кончайте, петухи! Комбат прикажет, и в сортир нырнем!

Идея Петьки начальству понравилась, тем более, что деваться было некуда. Уже на следующий день в Першино прибыл лично сам комбат вместе с парой водолазных костюмов, всякими шлангами, прибамбасами и компрессором для подачи воздуха с огромным колесом, которое вращалось вручную. К счастью день выдался не такой холодный, как накануне: градусов пятнадцать мороза, не больше. После сорока – именины сердца, майский день. На льду, возле третьей опоры собралась внушительная толпа причастных к делу и просто так – любопытных. Подвезли и разгрузили оборудование. Под руководством старшего лейтенанта Зубкова, командира роты механи-

зации, прибывшего вместе с комбатом, бойцы собрали его в рабочее положение. К десяти, когда стало совсем светло, подкатил «уазик» командира батальона, из которого вылез Гук, а следом за ним Коля Суровцев, получивший к этому времени гордое прозвище Подрывник, за кардинальное решение вопроса по обрубке свай. Зачем комбат притащил с собой Колю, было непонятно. Вместо Стешенкова, что ли? Или без компании скучно? А, может, решил, что тут тоже что-нибудь взрывать придется?

- Ба, кого я вижу! Привет, Суровцев! – ехидно ухмыльнулся Ворошнин старлею. – Что, выдернули тебя наконец-то из кабинета, крыса ты штабная!

- Че ты, Ворошнин, орешь? Не проспался, что ли? – засеменил вслед за комбатом замначштаба.

- Кто, я? – начал, было, Сашка, но Вячеслав одернул его:

- Кончай! Пошли лучше поближе, посмотрим.

- Ну, что, орлы, есть добровольцы? – зычным голосом спросил комбат и, прищутив глаза, обвел взглядом окружающих. – Кто желает погрузиться, так сказать? – он махнул рукой в сторону черной, дымящейся паром полыньи, опоясанную по контуру стенкой шпунта.

В воздухе повисла такая тишина, что стало слышно звук лесопилки на бирже номер два, до которой было не меньше полутора километров. Не услышав ни от кого ответа, Гук крикнул с досады и повернулся к Суровцеву:

- Тащи!

Тот сбегал к «уазу» и притащил белую, двадцатилитровую, алюминиевую канистру. По тому, как тяжело он ее нес, канистра была наполнена чем-то до краев. Комбат веселым таким, хитрым взглядом оглядел притихших офицеров, достал сигареты, закурил и продолжил:

- Что же вы, господа офицеры, обкакались, что ли, а? Родина ждет! Нет добровольцев? – вновь спросил он и затянулся сигаретой, сделав паузу. – Стыдно, товарищи офицеры! Не бойцам же приказывать. Стыдно!

Комбат вновь сделал паузу, а потом энергично рубанул ру-

кой воздух:

- Ладно. За каждое погружение – стакан спирта!

Замершая вокруг шпунта публика ожила и оживленно загомонила.

- Разрешите мне, товарищ майор! – выскочил вперед Ворошнин, всем своим разухабистым видом показывая, что за стакан он и на амбразуру бросится.

- Давай, Ворошнин, ты парень здоровый, кровь с молоком! – гыкнул повеселевший комбат, - А так, как первый и самый смелый, - комбат обернулся к Суровцеву, – два дня отпуска в Советский! Подготовь приказ!

Толпа вокруг загомонила еще громче. Если бы комбат сразу упомянул об отпуске, желающих было бы куда как больше. Люди соскучились по семьям и домашнему уюту, который не видели месяцами. За возможность лишний раз побывать дома, многие были готовы нырнуть в полынью и без водолазного костюма.

Бойцы к этому времени уже установили прямо на льду четырехместную, легкую палатку, какая никакая, а защита от ветра, и растопили в ней буржуйку. В палатке на Сашку натянули толстенное, водолазное, шерстяное белье, засунули в резиновый скафандр, и он вышел на лед, сверкая улыбкой:

- Ну, как впечатляет? – похлопал он себя по обтянутой резиной груди.

- Ты в этом костюме, Саня, здорово на Франкенштейна смахиваешь! – подколот его Панкратов. – Особенно в профиль!

- Да, плевать на кого я смахиваю! – отмахнулся Сашка и повернул к полынье.

Коля Суровцев, как знаток всего и вся, особенно секретного, проинструктировал его:

- Ты главное на клапан затылком не забывай нажимать, а то всплывешь.

- Не учи ученого! – отмахнулся Сашка.

- Ты, давай, не бравируй! – одернул Ворошнина комбат. – Слушай, что Николай говорит. Главное – дело сделать! А орден потом делить будем!

Притащили металлическую лестницу, сваренную из арматуры, и спустили ее в черную, уже прихваченную местами тонким ледком воду. Насосы заглушили, шланги вытащили и Сашка, которому уже привернули к скафандру медный шлем, начал по ней спускаться. Два бойца равномерно вращали колесо компрессора. Все затихли, с интересом наблюдая за происходящим. Слышался только шипящий свист воздуха из-под клапана, как будто дышал больной астмой человек. Наконец Сашка, прощально помахав рукой, погрузился в воду и на поверхности остались только лопающиеся пузырьки воздуха, указывающие его местоположение в воде. Минуты три все шло спокойно. Но в какой-то момент пузырьков этих самых не стало, что сразу же насторожило и обеспокоило наблюдающих.

- Что случилось? – крикнул Гук Суровцеву суетящемуся у компрессора.

- Да, вроде все в порядке, товарищ майор! Воздух поступает нормально.

В ту же минуту раздался шумный всплеск и на поверхность дымящейся воды всплыл раздутый воздухом водолазный костюм с глухо матерящимся внутри Сашкой.

- Кончай качать воздух! – заорал комбат. – Лопнет сейчас! Тащите его за веревку скорее!

Сашку выволокли на лед, стравили воздух и быстрехонько отвинтили шлем. Глаза у Ворошнина были вытарашены, как у карася, пойманного на крючок и не соображающего, что с ним случилось. Он жадно глотал ртом морозный воздух.

- Ты как? – проорал ему Славка, поддерживающий мокрого Ворошнина за плечи.

- Чего орешь? – оттолкнул его от себя начавший, наконец, что-то соображать Сашка. – Нормально все.

- Говорил я тебе: клапан нужно нажимать! – запричитал подскочивший Суровцев.

- Да, пошел ты! Учитель, понимаешь, выискался! Сам бы и лез, коли такой умный.

- Действие второе: те же и утопленник! – прокомментировал происходящее Гомянин. – Как там, Саша, русалки не обнаружил?

- А ты сам сползай, да посмотри, - огрызнулся Сашка.

- Хорош лаяться, господа! – подошедший к ним комбат держал в руках стакан из тонкого стекла доверху наполненный прозрачной жидкостью. – Заслужил, лейтенант! За храбрость! – и он протянул стакан Сашке, с которого уже стянули резиновые рукавицы.

Около Ворошнина засуетился Суровцев с раскупоренной банкой тушенки, из которой торчала алюминиевая вилка.

- Вот за это спасибо, товарищ майор! – засиял Ворошнин, осторожно приняв стакан из рук комбата. – За здоровье окружающих! – он медленно выцедил тягучий, пристывший на морозце спирт и шумно выдохнул.

- На, закусывай! – старлей протянул Ворошнину банку с тушенкой.

- Первый опыт не удался, а жаль! – подвел итог первого погружения комбат. – Еще желающие имеются?

- Почему не удался? – возмутился слегка захмелевший от спирта Ворошнин, стягивая с себя резину. – Дыра там, в шпунтине, моя рука пролазит.

- А в каком месте?

Но места, потерявший в последний момент ориентацию, Сашка указать так и не сумел, нужно было нырять снова.

- Так имеются еще желающие, или нет? – обратился к офицерам Гук.

Желающих оказалось так много, что комбат приказал всем лишним зевакам убираться к черту и не болтаться под ногами. У полыньи остались только офицеры, да два бойца, обслуживающих компрессор.

- Давай, Зубков, ты, – выбрал комбат, и Николай с помощью Суровцева залез во второй, приготовленный в палатке водолазный костюм.

На этот раз все обошлось благополучно. Вынырнувший комроты доложил, что нашел выколотое отверстие в одной из шпунтин, видимо, образовавшееся при забивке и указал его точное месторасположение.

- В пол шпунтины шириной, - товарищ майор, - доложил

Зубков, - и высотой метра полтора.

- Ну, вот, теперь все ясно, - подвел итог комбат. – Пить будешь?

- А кто же ее ест, товарищ майор! Конечно буду, холодно ведь.

- А можно мне повторить? – вновь вылез вперед, появившийся из палатки, высушенный и отогретый Ворошнин.

- Хватит с тебя, лейтенант! Хорошего помаленьку! Иди, отдыхай! Сворачивай всю эту богадельню! – приказал он Дубову.

- А теперь ваши соображения, товарищи инженеры? – повернулся он к Вячеславу и Панкратову. – Что будем делать?

- Разрешите подумать Александр Александрович, - подал голос Панкратов.

- Ну, подумайте. Только недолго, - Гук повернулся к остальным. – Нужно поточнее определить размеры и место откола. Кто еще пойдет?

- Можно мне? - внезапно для самого себя спросил Славка.

Петька изумленно вытаращился на приятеля.

- Ты лейтенант иди, думай лучше. Ты мне с трезвыми мозгами нужен. А в воду лезть – других полно, - обвел рукой вокруг себя комбат.

В следующие пол часа совершили еще три погружения, два последних так, для интереса. Как высказался комбат: для тренировки не помешает!

- Ну, что, надумали что-нибудь? – уже в вагончике вновь спросил командир батальона, обращаясь почему-то к Славке.

- Есть кой-какие соображения, товарищ майор! Я тут вот, что подумал. Предлагаю с внешней стороны шпунта, у пробойны забить новую стенку, думаю, штук восемь шпунтин хватит, и в полость запрессовать мешки с цементом. А, чтобы создать необходимую плотность, цемент из бумажных мешков перетереть в матерчатые.

Комбат с интересом взглянул на Славку и одобрительно кивнул головой:

- У кого еще есть, какие предложения?

Других предложений не оказалось.

- Ну, значит так и порешим! – подвел черту комбат. – Два дня тебе Дубов хватит?

- За глаза, Александр Александрович.

На следующий день взвод Сашки Ворошниина выполнил ремонтные работа, а еще через два дня, когда цемент схватился, вода в шпунте под напором работающих насосов упала, обнажив дно реки. Можно было приступать к забивке свай.

Глава 5

Вот уже почти неделю Вячеслав находился в Советском. В конце февраля его откомандировали готовить к сдаче исполнительную документацию по некоторым объектам железнодорожного депо, в строительстве которого вместе с железнодорожниками участвовал и их батальон. Вместе с ним на базу откомандировали и взвод Гомянина, устранять имеющиеся, как, впрочем, и на любых сдаваемых объектах строительства, многочисленные недоделки и замечания заказчика. Вячеслав был доволен. Еще бы, спать в чистой постели, ходить на работу наглаженным и наодеколоненным, обедать за белой скатертью, кому это не понравится. В Першино порой приходилось ложиться в кровать, не снимая полушубка и валенок, так дуло от кое-как восстановленных, щитовых стен, что согреться не было никакой возможности. А тут – красота! Стало в комнате прохладно, проехался Боговичу по ушам, и – полный порядок! Дров, слава Богу, хватало. У Славки появился новый приятель, прораб местного СМП Виктор Ягодкин, с которым он познакомился, когда его Бугрим отправил с солдатиками помочь в уборке готового к сдаче трехэтажного дома по улице Железнодорожной. Комбату там выделили квартиру, вот местные власти и попросили его помочь строителям. Да и как откажешь?

Розовощекий и почти всегда неунывающий Ягодкин был компанейским парнем и в первый же вечер они вместе sprыснули знакомство привезенным из Першино спиртом. Разомлев в тепле прорабки, Славка разоткровенничался и начал рассказывать Виктору о их житее бытие на трассе, о девчатах из лаборатории, и о том, как в один из вечеров он, уходя из гостей в часть, все-таки не выдержал и прижал в темном подъезде Катерину.

- Смотрит, понимаешь, своими глазищами, молчит, как будто ждет чего-то. Ну, а я ведь тоже мужик! Вот и не выдержал. А девчонке-то всего семнадцать.

- Ты, что с ней, по серьезному?

- Ты о чем? А, об этом. Да, нет, потискались только.

- Смотри, влипнешь! У вас в армии с этим строго, да и на гражданке за малолетку по головке не погладят. Тебе что, лишних головных болей не хватает?

- Да я и сам понимаю.

- Забудь ты про эту девчонку от греха подальше. Вон на танцах их взрослых пруд пруди, из бюстгальтеров выпрыгивают, только погладь по шерстке. Найдешь и получше!

- Ладно, понял я все, замнем для ясности! А, что, ты сам-то часто бываешь, на танцульках?

- Да, нет, не часто. У меня же жена на сносях. А раньше почти каждую субботу бегали. В поселке-то, вообще, податься больше некуда, в кино, разве что. Ну, и заезжие артисты в клуб пару раз в год бывают.

- И то – хлеб! Ну, что, еще по одной? – предложил Славка новому знакомому.

- Давай, за приятное знакомство!

- Так за знакомство уже пили.

- Ну, тогда – за дружбу!

В тот день они разошлись вполне довольные друг другом, искренне пожелав друг другу на прощание всяческих удач. А ближе к концу недели, в субботу, Матвеев с Гомяниным на обеде сказали Славке, чтобы тот сегодня не задерживался на службе и к пяти был в общаге:

- Верти педалями, лейтенант!

- А, что случилось-то?

- Там узнаешь, - не стал разъяснять главбух, срочно в этот момент, вызванный в штаб комбатом.

Заинтригованный Славка добросовестно выполнил эту просьбу, опоздав, минут на пять. Едва сумел открутился от замполита, который пристал к нему с какой-то ерундой, насчет самодеятельности.

- Давай собирайся, чисти перышки! Часа на все хватит? – спросил Матвеев, гладивший у себя в комнате брюки.

- Вполне. А куда это вы собрались-то? Да еще так скоропалительно.

- Будем тебе местные достопримечательности показывать. Ну, а потом – на танцы, девочек тискать!

- Себя показать, других посмотреть! – присоединился к Матвееву подошедший Гомянин.

- А форма одежды? – спросил Славка.

- Да в чем хочешь, в том и иди, - ответил Виктор, и Вячеслав решил, что в офицерском мундире он будет выглядеть солидней.

Через час с небольшим, выбритые и напомаженные, они вышагивали по деревянному тротуару к ближайшему продовольственному магазину на улице Ленина.

- Как всегда?- спросил Гомянин Матвеева, когда они вошли в магазин.

Тот утвердительно кивнул головой. Винные полки, к удивлению Вячеслава, ломились от изобилия всяких вин. Здесь были и болгарские, и румынские, и венгерские вина, никак не менее двадцати, тридцати сортов. Среди бутылок Славка заметил сухой, зеленый рислинг, крайне редко встречавшийся даже у них в Хабаровске. А в углу одной из полок с напитками покрепче пристроилась невзрачная бутылка с бледной этикеткой, на которой зеленоватыми буквами было нанесено: питьевой спирт. Ишь, ты! В свободной продаже спирт Вячеслав видел только в Аяне, да на Сахалине, где проходил в свое время мастерскую практику.

- С тебя пятерик, Славик!

Гомянин собрал деньги, и не успели они с Матвеевым, выйдя на улицу, выкурить по сигарете, как он появился из дверей с тремя бутылками водки.

- Спрячьте по карманам! – протянул он по бутылке приятелям.

- Ну, раз затарились, потопали в пельменную! – сказал повеселевший Матвеев.

- А где это? – спросил приятелей Вячеслав.

- Да, тут недалеко, в гостинице местной. «Тайгой» называется. Хотя тут почти все заведения «Тайгой», или «Таежными» называются. Ресторан, кстати, тоже «Тайга». Модно, видно. Даже поселок с таким названием в районе есть. Но пельмени в этой богадельне отменные, девочки вручную лепят, не то, что в ваших столицах – из-под автомата, - заметил Матвеев.

- Ну, почему? – возразил Вячеслав. – У нас в Хабаре тоже можно найти место, где нормальные пельмени имеются. Мы с парнями всегда в техникум потребкооперации обедать бегали, когда на практике в одной стройконторе пахали. А там, слушателей на поваров учили. Так они в своей столовке не только пельмени отменные делали, но и бараньи отбивные на косточке. Пальчики оближешь! Старались! Видимо, зачеты так по специальности сдавали.

- Так это вам просто повезло! – отмахнулся в ответ Матвеев. – А у нас она здесь единственная, эта пельменная.

Они прошли по центральной улице два квартала, метров двести, и вошли на крыльцо двухэтажной, деревянной гостиницы, на первом этаже которой и располагалось вышеупомянутое заведение.

- Раздевайтесь! – указал в сторону стоящей в углу помещения, сваренной из трубы и арматуры вешалки Матвеев, когда они открыли дверь и вошли в небольшой зальчик стола на четыре. – Присаживайтесь за стол, я сейчас закажу. Маша! Шесть порций, пожалуйста! – прокричал он в сторону окошка, за которым находилась кухня. – Три по две!

Из окошка высунулась голова русоволосой, молодой жен-

щины, плотно повязанная белым платком. Щеки у нее раскраснелись от жара плиты, а веселое выражение лица и блеск глаз красноречиво говорили о том, что она с удовольствием лицезрест перед собой бравого капитана:

- Привет, Витя! – она кокетливо поправила выбившийся из-под косынки локон. – Давненько что-то тебя не было, сокол ты наш! Уезжал что ли куда?

- Дела все, Машенька, дела! Мотаемся по трассе, покоя нет. Как там в песне: комсомолцы-добровольцы!

- Да знаем мы твою трассу, Витенька! Возле арифмометра, в бухгалтерии она, где ты стул свой любимый просиживаешь! Да и староват ты уже для комсомола! На танцы, что ли, собрались, голубцы поющие?

- Ну, ты дасшь, Марья! – сделал обиженный вид Матвеев. Что я уж такой дряхлый.

- Дряхлый, конечно не дряхлый, но песчаный след имеется! – засмеялась женщина. – Так на танцы-то идете, или нет?

- И туда тоже, - ответил Матвеев, нисколько не обижаясь, и чмокнул женщину в щеку. - Ты нам, Машенька, еще компотика по стаканчику сваргань, да пустых дай три штуки.

- Опять водку принесли! Спрячьте от греха подальше, а то начальство ругает. Прошлый месяц из-за таких же алкашей без премии остались!

- Не бузи, дорогая! Взяли самую малость, для сугреву. Все нормально будет, не маленькие. Порежь нам селедочку, пока пельмени варятся, а то слюной зхалбнемся!

Пельмени действительно оказались на редкость вкусными. Такие Славка в последний раз кушал только дома, у матери. Да еще и под водочку, которая после надоевшего, вечно обжигающего гортань спирта, текла, как вода, поднимая настроение. Они, не торопясь, растягивая удовольствие, поужинали, запили все компотом и, поблагодарив за гостеприимство девчат, начали одеваться.

- Ну, пока Машенька, на танцах увидимся! – попрощался с хозяйкой Матвеев, надевая шапку, - Не опаздывайте только, а то ведь уведут кавалеров. «Я и сам парень хват, на расхват,

у меня ли не рыжие волосы, ну взять, к примеру, хоть наших девчат: так и липнут, как зернышки к колосу!» - пропел он в сторону раздаточного окна.

- Да, кому ты нужен, Витенька, кроме нас! - раздалось в ответ из окошка. - Твоих молоденьких приятелей, это еще - да! А из тебя уже песок сыплется. Ты в зеркало-то давно смотрелся?

- Ну, блин, бабы! Им только палец в рот положи! - чертыхнулся Матвеев, выходя на улицу. - Пошли, мужики быстрее, в кино опоздаем!

- Куда тебя черт несет? - притормозил Матвеева Юрка. - Еще десять минут до начала. Все пельмени растрясем, если так бегать будем.

- А ты не беги, шагу только прибавь.

- Чего его прибавлять, две минуты идти?

Кинотеатр, куда они направлялись, действительно находился в двух шагах от гостиницы. Ну, а клуб, в который они собрались идти после сеанса, в двух шагах от кинотеатра.

- А здесь все рядом, - пояснил Юрий. - Если поднапрячься, за полчаса весь поселок оббежишь!

Вышли они из кинотеатра уже в начале десятого. Дом культуры находился в двух шагах. Оттуда вовсю гремела музыка, а рядом, на площади, вымощенной бетонными плитами, в падающем из высоких, в два этажа окон свете, мелькали темные людские силуэты. В тесноватом фойе, битком набитом молодежью, они с трудом пробились к стойке раздевалки и сдали шинели. Зал дома культуры, где проводились танцевальные вечера для молодежи, с трудом размещал всех желающих. Оркестр сидел у входа в зрительный зал на невысоком подиуме, не отделенным от танцующих никакими преградами. В барабаншике, ловко управлявшемся с ударными, Славка сразу признал Костю Воронцова, мастера из депо, с которым он тоже познакомился совсем недавно. Тот его, конечно, не заметил, да и где в такой толкучке и полумраке можно было разглядеть знакомое лицо.

- Идите сюда! - донеслось из дальнего угла, как только музыка на секунду смолкла, и Славка почувствовал, как Гомянин за рукав потянул его за собой.

В полумраке он с трудом разглядел смеющиеся лица уже прорвавшегося сквозь толпу Матвеева и русоголовой женщины из пельменной, Маши, и двинулся, разрезая плечом людской водоворот, вслед за Гомяниным. Пробиваясь рядом с подиумом, он услышал, как его окликнули, но только махнул в ответ поприветствовавшему его Косте. А еще через мгновение, приложив последнее усилие, он уже стоял в относительной свободе рядом с Матвеевым.

- Еще раз здравствуйте! – улыбнулась Славке Витькина подружка.

- Ну, и как тебе? – спросил капитан, имея в виду окружающую их обстановку.

Славка только неопределенно пожал плечами, повернул голову и начал осматривать зал. Публика, в основном, была рабочая, одета просто и неброско, но симпатичных девчат и вправду было полно, а, может быть, Славке просто показалось с голодухи, после надоевших, небритых мужских физиономий, окружавших его в последние месяцы. Гомянин внезапно вновь врвался в толпу и вынырнул на другой стороне площадки около яркой блондинки, явно выделявшейся из общей массы. Славка, насколько было возможно с этого расстояния, пригляделся к блондинке внимательнее. Одета она была в облегающее платье, переливающееся в свете фонарей разноцветными искрами. А под этим шикарным платьем, ничего особо не скрывающим от любопытных, угадывалась стройная, неплохо вылепленная Господом и родителями фигура с высокой, упругой грудью и длинными стройными ногами. Глаза у блондинки были глубокого синего цвета, а вот брови, почему-то – темными. О таких говорят – соболями. Славка всего лишь во второй раз видел такой тип лица: волосы светлые, а брови темные. Точно такие же были у его одноклассницы из Хабаровска Ленки Соколовой. Ленка считала себя писаной красавицей и всегда ходила, задрав нос. Только вот у одноклассников успехом не пользовалась. Ребята считали ее почему-то дурой набитой, а девочки не любили за высокомерие и неумение дружить. Вот и ходила она почти всегда одна, в гордом, так сказать, одиночестве.

Гомянин о чем-то оживленно разговаривал с блондинкой, отчаянно жестикулируя, а, когда зазвучала музыка, судя по поклону, пригласил девушку на танец. Но, видимо, получил от нее отказ, потому что резко развернулся и выскочил куда-то в фойе.

- Что смотришь? Хороша девка? – ухмыльнулся Матвеев, наблюдавший в это время вместе с приятельницей за Вячеславом и проследивший, куда он смотрит.

- Да, ничего! Приятная внешность, - как можно равнодушнее ответил Вячеслав.

- Опять Гомяша с маникюршей полаялся, – пояснила Вячеславу Маша. - Никак Светка его всерьез воспринимать не хочет. Пошли танцевать, Витя, что ли?

Матвеев подхватил женщину под руку, и они сразу исчезли между кружащимися в вальсе парами, а Славка остался стоять в углу и наблюдать за девушкой, которую, как он узнал только что от главбуха, звали Светой. Он видел, как, оставшись в одиночестве, девушка отошла к стенке и прижалась к ней спиной, высоко подняв голову и разглядывая танцующих. К удивлению Вячеслава, никто из стоявших рядом парней не предпринимал никаких попыток пригласить ее на танец. Видимо, сговориться с этой красавицей удавалось не каждому.

- Пригласи Светку, может тебе не откажет! – прокричал ему промелькнувший мимо в танце вместе с партнершей Матвеев.

И без особой надежды на успех Славка двинулся сквозь вальсирующий зал к девушке.

- Разрешите вас пригласить?

Но в этот момент музыка смолкла, и Славка растерянно замер, не зная, что и предпринять. Видимо, у него был достаточно дурацкий вид, такой, что, бросив взгляд на его растерянную, покрасневшую физиономию, девушка внезапно широко улыбнулась, а затем и вовсе рассмеялась. Эта улыбка и серебристый, негромкий смех внезапно придали Вячеславу уверенности, и он, словно очнувшись ото сна, бросился, как в омут с головой:

- Меня Вячеславом зовут, - представился он. – А вас?

Девушка подняла на него лучистые, голубые глаза, в кото-

рых еще играли веселые смешинки, и ответила неожиданно глубоким, грудным голосом:

- Светлана. Можно просто Света.

- Можно вас пригласить на следующий танец, Света?

- Конечно, - в уголках губ девушки вновь промелькнула улыбка, и Славка окончательно почувствовал себя в своей тарелке. - Только я вас предупреждаю, что этот самый дурацкий шейк я не танцую.

Но в следующий момент, к счастью, зазвучало танго. Славка, подхватив прелестное создание под локоток, уверенно повел его к середине зала, гордо расправив плечи. Танец пролетел, как в тумане, в одно мгновенье. Славка даже не понял, когда он закончился, так толком и не успев ни о чем поговорить с девушкой. Его целиком поглотило пьянящее ощущение полета. Светлана непринужденно кружилась с ним, положив на плечи кавалера обе руки. А танцевала она хорошо, изредка, невзначай прикасаясь к партнеру то грудью, то бедром, отчего Славку бросало то в жар, то в холод. Но все прекрасное рано или поздно кончается. Закончился и этот восхитительный танец. Проводив девушку на место, он поблагодарил ее и направился в свой угол.

- Ба, да ты пользуешься успехом, парень! – приветствовал его возвращение Матвеев. – Гомянин полгода пороги обивает, а толку – нуль! Кстати, и Абрамян на Светку тоже глаз положил. А ты, гляди-ка – раз, и в дамки!

- Да, ну тебя! – отмахнулся от главбуха возбужденный танцем и думающий совершенно о другом Славка. - А где, кстати, Юрий?

- Домой ушел наш Юрий. В расстроенных чувствах. Колючий, как еж, не подступиться. И лучше, что ушел, а то он тебя просто с потрохами съел бы, если увидел, как ты со Светкой танго отплясывасшь! Это же надо, наша Снежная Королева и не отказала с первого раза! Куй Слава железо, пока горячо! Девка она ядреная, со всех сторон без изъянов! И поговаривают, что не скромница!

- Матвеев, ты, что так о девушке! – резко вмешалась в разговор Мария. – Она же не лошадь, которую продают. Ну, не нра-

витель ей Юрка, так, что из того? С кем хочет, с тем и танцует. А парафинить ее не надо, Светка – девчонка мировая! Мало ли кто, что треплет! Дураков на этом свете хоть отбавляй! Ты на него, Слава, поменьше внимания обращай!

- Ладно, не кипятись! – примирительно погладил подругу по плечу Матвеев. – Я же не со зла!

- Это понятно, что не со зла, а с дури! Ты, Слава, поменьше слушай этих болтунов, они наговорят три короба. Светка – хорошая девочка, не сомневайся!

- А я и не слушаю.

Славка посмотрел на другую половину зала. Светлана весело болтала с подошедшими подружками, не обращая никакого внимания на чересчур пристальные взгляды окружающих их парней. А те, наученные, видимо, горьким опытом, все так же не торопились приглашать девушку. Пропустив для приличия пару танцев, Славка, наконец-то, решился вновь подойти к Светлане, но, когда он был уже почти возле нее, с подиума загремел шейк, да так, что задрожали оконные стекла.

- Извините, - виновато произнес Вячеслав, остановившись рядом с девушкой, - хотел вас пригласить, а тут! – он развел руками.

- Ничего, - улыбнулась Светлана. - А вы, кстати, хорошо танцуете, Слава. Где так научились? И почему мы с вами раньше тут ни разу не встречались?

- А, я тут впервые. Как осенью приехал в Советский, так все на трассе, да на трассе. Некогда было. А танцевать я не учился. В городе на танцплощадках школу проходил.

- И где же этот город?

- Далеко, на другом краю земли. А вы, Света, давно здесь живете?

- Давно. Второй год уже.

- Ого!

- А, я многих ваших ребят знаю: Витю Матвеева, Ворошнина, Абрамяна. Хорошие парни, веселые. Вы сами-то все-таки откуда?

- А, давайте, Света, на – ты! Что мы все выкаем, да выкаем

Неудобно как-то, словно на приеме у начальства. Не возражаете?

- Не возражаю, - вновь улыбнулась девушка, показав приятные ямочки на щеках.

- Издалека я, Светлана, с Дальнего Востока, из Хабаровска. А перед призывом еще дальше был, под Магаданом. Но тут, похоже, все приезжие. Местные здесь только медведи, видимо. Да еще глухари. Ты-то, сама, откуда приехала?

- Из Перми. Брат сюда на заработки поехал, а в позапрошлом году женился, пол дома от леспромхоза получил. Ну, я к нему и приехала посмотреть, что, да как.

- Давно, говоришь, приехала?

- Прошлой весной еще. Летом здесь хорошо: лес, птички по утрам поют, воздух такой сладкий, прямо пить хочется. Не то, что в городе. Еще бы комаров проклятых не было.

- Да, этого добра я еще осенью захватить успел.

- Ну, осенью-то, особенно после первых заморозков по лесу погулять одно удовольствие! Гнус весь уже пропадает. А грибов здесь сколько! Прямо хоть косой коси.

- А, ты где, Света, работасшь?

- В парикмахерской.

- Где это?

- В гостинице.

- Это, где пельменная?

- Да. Только на втором этаже.

В этот момент зазвучала болс-менсе спокойная мелодия, и они вместе с девушкой протиснулись между танцующими парами поближе к середине зала. И вновь Славка ощутил волнующее чувство полета. Волновала его эта девчонка, да так, как никто и никогда до этого не волновал.

К полуночи танцы закончились, и Славка вызвался проводить Светлану до дома.

- Да мне с девчатами по дороге, - отнекивалась поначалу девушка, но Славка был настойчив, и она уступила.

- Хорошо. Но девочки пусть пойдут с нами. Им и нам все равно в одну сторону. Будешь всех охранять! - она лукаво стрельнула глазами в сторону Славки, отчего у того сладко за-

мерло сердце.

- Смотри, не заблудись! – напутствовал его Матвеев. – Да, поосторожнее там! Братан у Светки мужик здоровый, и ухажеров ее не слишком привечает.

- Нахалов он не привечает! – одернула заболтавшегося Матвеева Маша. – Нормальный у нее брат, Слава, - повернулась она к лейтенанту, - не дурнее вашего главбуха!

- Ну, ты дашь, Мария! – притворно обиделся на девушку Матвеев. - Мое дело предупредить.

- Не бойсь! – отмахнулся от приятеля Вячеслав. – Выживем.

Светланиных подружек звали Галей и Валей. Всю дорогу они наперебой трещали, рассказывая Вячеславу самые последние новости из жизни поселка, а он всю дорогу только поддакивал в ответ, предпочитая помалкивать, и незаметно бросать косые взгляды на точеный профиль Светланы. Потом подружки попрощались и свернули в темный проулок, а они с девушкой пошли дальше.

- Вот он мой дом, - сказала Света, указывая рукой на одноэтажный, рубленый двухквартирник, стоящий в ряду таких же домов-близнецов.

Местный леспромхоз на окраине поселка построил для своих работников целую улицу. Прямо за домами начиналась тайга. Да и улица называлась Таежной.

Они простояли на улице у крыльца ее дома еще с полчаса, разговаривая о том о сем, и, когда девушка уже собралась уходить, Славка, наконец, решился и предпринял отчаянную попытку поцеловать ее. Но Светлана ловко уклонилась, погрозив ему пальчиком, и, пожелав спокойной ночи, скрылась за дверью. Счастливый и окрыленный уже тем, что она не обиделась, Вячеслав вприпрыжку полетел в общежитие. А еще через полчаса, уже лежа в кровати и закрыв глаза, он некоторое время предавался сладким мечтам о развитии их дальнейших отношений со Светланой, до тех пор, пока не уснул.

Как и предсказывал многомудрый Матвеев, отношения Вячеслава с Юркой испортились вдрызг. Узнав о том, что Славка увел у него девушку, Гомянин перестал с ним здороваться, и

избегал всяческих случайных контактов, кроме самых необходимых по службе, без которых нельзя было обойтись никак.

- Не обращай внимания, Слав, - успокаивал лейтенанта Ворошнин, - я Юрку знаю, покипит - и отойдет! Не хватает еще того, что вы из-за какой-то девчонки раздеретесь.

- Ну, во-первых, не какой-то! Ты это кончай, Сань! Да, и что, я, дорогу ему, что ли перешел. Я же его с танцулек не гнал тогда, он сам ушел. И, потом, ей в конечном итоге самой выбирать. Хотя, она мне тоже, вроде бы, особых надежд не подавала.

- Тем более. Все перемелется - мука будет! А, друг - он и есть друг! Нечего путать хрен с редькой! Я Юрку, конечно, понимаю! Как же, полгода к девчонке подходы бил, а ты взял - и раз! Ему обидно! А ты потерпи, не реагируй!

- Я стараюсь!

- Вот и старайся, тем более, что Юрку через неделю на мост зашлют. А время, как известно, лечит!

Уже несколько раз Славка, когда был свободен от службы, вечерами провожал Светлану, встречая ее после работы у гостиницы. Заканчивала она в семь, и он сразу после ужина летел в поселок, выслушивая в свой адрес плоские шуточки сослуживцев:

- Смотри, Слава, оженят тебя! Оглянуться не успеешь? Светка, конечно, девчонка красивая и не глупая, но присмотреться не мешает. В тихом омуте, сам понимаешь, черти водятся. А назад из ЗАГСа уже возврата нет!

- До ЗАГСа еще дожить нужно, - многозначительно говорил Матвеев. - С братом Светкиным не познакомился еще?

- Что, завидно, что ли, охломоны? - огрызнулся в ответ Вячеслав.

А накануне одной из встреч, еще днем, в штабе он узнал, что его на пару тройку дней опять отправляют в Першино. Вечером, когда они со Светланой шли по деревянному тротуару с рано протаявшим кос-где на темных досках под февральскими лучами солнца снегом, он, между прочим, сообщил ей об этом. Она, как-то странно посмотрела на него, но ничего не ответила, неожиданно переведя разговор на совершенно другую тему.

Он насторожился, кожей почувствовав эту недосказанность, но возле дома Светлана неожиданно сама обняла его за шею, и, обмякнув, прижалась теплыми, пахнущими жасмином губами к его губам. Они простояли почти час возле ее крыльца, целуясь и не замечая ничего вокруг, пока окончательно не замерзли. Сердце Вячеслава ликовало и билось в груди так громко, что отдавалось в ушах. Он сам, почти насильно отправил озябшую вконец девушку домой, а сам, гордый и счастливый тем, что его наконец-то оценили по заслугам, побежал домой, в общежитие собираться в командировку. Поезд уходил ночью, и времени оставалось не так много.

На мосту кипела работа. Бойцы круглосуточно принимали бетон в опалубку ростверка опоры номер два. Трещали, как пулеметы, вибраторы, уплотняя бетонную смесь, бухали молоты копров, забивающих шпунт на опоре номер четыре, а во влажном воздухе уже всюду пахло весной. И это заставляло людей торопиться, ведь, когда начнется ледоход, все придется остановить на неопределенное время. Работа велась в три смены, круглосуточно. Лица офицеров и бойцов обострились от вечного недосыпания и потемнели от дыма костров и гари из выхлопных труб. Но настроение было приподнятым, весна все-таки. Надоедливые синицы, которых зимой не было видно вовсе, вертелись стайками прямо у ног, подбирая со льда случайно упавшие крошки. Тем более, по всем подсчетам с основными работами по русловым опорам успевали вылезти со льда до паводка. А это означало и премию, и внеочередные отпуски, да и постоянно откладывающиеся до лета отгулы.

На мосту первым Вячеслава встретил Ворошнин:

- Здорово, служивый! – радостно облапил он приятеля. – Как жизнь? Давненько тебя здесь не было.

- Да, вот, прислали, чтобы не забывал. Ну, как вы тут? Дела идут, гляжу!

- А куда им деваться! Вторую и третью опоры смонтировать до паводка успеем, а четвертую с того берега после паводка добьем. Там мелко. Да, кстати, ты слышал новость, Понюшенко от нас переводят.

- Да ты, что! Дождался, наконец-то, наш Витек! Поди, цветет и пахнет! А кого на его место прочат?

- Зама по общим вопросам. Хотя он, как я слышал, сначала в отказ пошел. Согласился, говорят, но временно.

- Вот это – правильно, что его назначили. А то пришлют какого-нибудь варяга. Карев все-таки соображает кое-что во всей этой кухне!

- Тут ты прав! Владимир Иванович – мужик грамотный и самостоятельный. Этот в рот начальству заглядывать не станет, да и ждать указивок тоже.

- Жалко, что ненадолго.

- Это еще почему?

- В академию собирается наш Владимир Иванович, так что к осени тоже отбудет.

- Привет! – буркнул в их сторону проскочивший мимо, не останавливаясь, Гомянин.

- Здорово! – поприветствовал его уже в удаляющуюся спину Славка. – Чего, не отойдет никак? – спросил он Ворошнина.

- Не обращай внимания, отойдет! Его тут комбат наемни за что-то оттягивал, может, поэтому такой смурной. Кстати, как там у тебя со Светкой амуры развиваются? Жениться не собираетесь?

- Нормально все, - коротко ответил приятелю Вячеслав, не желая вдаваться в подробности.

Из своих отношений с девушкой он секретов не делал, но пускать в эти отношения посторонних не собирался. Не хватало еще того, чтобы весь батальон перемывал им кости.

- А ты в курсе, что она собралась уезжать?

- Кто? – не сразу врубился Славка.

- Да Светка твоя.

- С чего это ты взял?

- Сорока на хвосте принесла, - ответил Сашка оторопевшему от такой новости приятелю. – Алина рассказала. Они ведь со Светкой якшались раньше, да и сейчас пересекаются. Вот так-то!

Вячеслав просто остолбенел, оглушенный известием, кото-

рое сообщил ему Сашка. Как же так, только вчера он виделся с девушкой, а она ему даже намеком не сообщила о своем предстоящем отъезде. Хотя он тут же припомнил то странное выражение, промелькнувшее на ее лице, когда он сообщил ей о своем отбытии в командировку. Но не сказать ему ни слова. Это было выше его понимания. Или решила уйти по-английски, не прощаясь? А целовала его просто так, чтобы мальчик не обиделся?

К стоящим в стороне от натопанной тропинки офицерам подбежал запыхавшийся боец, и вернул Славку к действительности. Он сообщил, что лейтенанта Решетникова вызывают к телефону. Ворошнин, ничего не говоря больше, сочувственно похлопал Вячеслава по плечу, и ушел к своему взводу. А Славка, расстроенный новостью, оглушившей его так внезапно, медленно побрел к вагончику. Звонил начальник штаба:

- На следующей неделе представители из корпуса должны прибыть, так что ты, Решетников, подготовься.

- Не беспокойтесь, товарищ майор!

Весь день у Вячеслава прошел, как в тумане. Почему она ему ничего не сказала? Что все это значит? Мрачные мысли о возможной разлуке со ставшим ему за этот короткий период бесконечно дорогим человеком, таким, какого он до сих пор в своей жизни не встречал ни разу, постоянно лезли в голову, мешая думать о чем-то другом. Вечером, зайдя в штаб, Вячеслав на крыльце почти нос в нос столкнулся с Виталием Понюшенко, но погруженный в свои невеселые мысли даже не заметил того.

- Слава! – окликнул его главный. – Проснись! Ты чего, ошалел, что ли? Летишь, как зомби, никого не видя!

- А! – очнулся Вячеслав. – Прости, Виталий, не заметил! Здорово!

- Здорово! Я и гляжу, что ты какой-то не такой. Что случилось-то?

- Да, так, ничего, - отмахнулся, окончательно пришедший в себя Вячеслав, - все нормально!

- Ну, не хочешь говорить, как хочешь! Кстати, сообщаю последнюю новость: меня через неделю в главное управление от-

правляют, похоже покидаю я вас, - не сдерживая счастливой улыбки на лице, выпалил Понюшенко.

- Да, слышал уже, Сашка проинформировал. Поздравляю!

- Так, что, ты вечером никуда не исчезай! Отметить это дело надо! Может в «Лозьве»? – к удивлению Славки предложил Виталик, который обычно избегал их развеселой компании, и сроду не посещал местного ресторана.

И вечером они всем коллективом отправились в «Лозьву», где прилично так набрались. Славка пил не пропуская, чтобы тревожные мысли, мучившие его целый день, выветрились из головы хотя бы на время. Пил так, что даже Сашка пытался его урезонить. Позже, ближе к завершению этого прощального банкета, они помирились и с Юркой Гомяниным, и дальше продолжили уже за дружбу, на брудершафт. А еще позже, когда ресторан закрывался, подхватив двух подвыпивших девиц из местного контингента, Славка вместе с замполитом второй роты Лошаксом завалились к тем в пятиэтажную малосемейную общагу, выстроенную специально для спецпоселенцев. У девиц, как, впрочем, и у всех уважающих себя жителей, оказался в заначке спирт. Остальное Славка запомнил смутно. Помнил только иконостас и неприличные картинки, профессионально выколотые ниже груди, почти до самых коленей у девицы по имени Наташа, с которой ему выпало спать. А утром с трещавшей от выпитого головой, он хмуро выслушивал от Бугрима ногации, стараясь не дышать в его сторону:

- Пить нужно меньше, товарищ лейтенант! Вы бы лучше к работе так рьяно относились. Почему на развод опоздали?

- Часы подвели, товарищ капитан!

- А Лошакса? Его тоже часы внезапно подвели?

- А я почем знаю.

- Вы, разве, вечером не вместе были?

- Я его со вчерашнего дня не видел, товарищ капитан. Может и у него часы встали?

- Мне вам что, новые часы, что ли купить, товарищ лейтенант? Вынужден буду сообщить командиру о вашем поведении! Вместо того, чтобы пить, займитесь-ка лучше наведением

порядка в своих делах!

- А у меня в техчасти все в полном порядке, товарищ капитан, - огрызнулся в ответ Славка, и отправился на мост выдыхать вчерашнее.

Почему-то у начальства считалось, что, если ты находишься на объекте, то, значит, работаешь. Хотя работа технического отдела, как отдела инженерного обеспечения заключалась во все не в этом. Или, точнее, не только в этом.

На душе у Славки было паскудно, словно его вываляли в дерьме. Какого черта он послушался Лошакса и поперся в эту самую общагу? Ну, кинула его девчонка, так что? Другие найдутся. А вошкаться с местными – распоследнее дело! Пить, короче, меньше надо!

Встреченный им на мосту Иванов, опять пригласил его вечером прогуляться в гости, к Ольге на огонек. Но Славка, хотя и не совсем еще четко соображал, благоразумно отказался, памятуя о своем недавнем разговоре с Ягодкиным. Прав мужик: нечего с подростками якшаться!

К обеду в голове у Славки прояснилась, а после того, как он плотно покушал, здоровье и вовсе восстановилось.

- Где это вас черти вчера с Лошаксом носили? – поинтересовался Ворошнин, когда они к концу смены сидели и пили чай в прорабке. – Не успел я оглянуться, как вы с этими двумя профурами испарились! Бугрим, здорово взбрыкивал?

- Да, так, как обычно! Обещал комбату заложить!

- А, наплевать! Так, где же вы все-таки были? А то пока мы вчера расплачивались с Клавкой, вас словно ветром сдуло. Повернулись – нет уже голубчиков!

- Лучше и не вспоминать! – отхлебнул чаю Вячеслав. – Занесло в такую дыру, что и вспоминать противно.

- Ну, не хочешь поделиться с товарищем, как хочешь, - отвернулся обиженный Сашка.

И Славка был вынужден рассказать приятелю все, что помнил, подчеркнув особый колорит надписей и изображений, увиденных им на девичьем животе в процессе неформального общения с противоположным полом.

- Ну, вы, блин даете! – удивился Ворошнин. – Хорошо хоть, что с целыми мордами вернулись! Как это вас зеки у своих телок не засекли?

- Пить меньше надо! – подводя итог разговору, второй раз подумал и уже высказал вслух Вячеслав.

- Нашему бы теляти...

Двадцать второго февраля, накануне праздника, Вячеслав вновь спустился из тамбура вагона на перрон вокзала в Советском. Прямо отсюда, не откладывая дела в долгий ящик, он направился в парикмахерскую. Нужно было выяснить, наконец, правда ли все то, о чем ему поведал Ворошнин, и прекратить это томительное, неопределенное состояние, терзавшее его всю неделю.

- А Света уволилась. Уже, неделю почти. Она, что, не сказала тебе, что ли, что собралась уезжать? – искренне удивилась Вера, напарница Светланы по работе, подстригавшая в это время белобрысого мальчонку лет десяти. – Ну, она и дает!

Сердце у Славки рухнуло в пропасть, но он постарался собраться и только крепче сжал кулаки. Не хватало еще, чтобы посторонние увидели его слабость. Подтверждались самые худшие его опасения. Как же так, ни слова не сказала? А ведь он к ней со всей душой!

- Когда она уезжает? – спросил Славка Веру осевшим, почему-то, голосом.

- Завтра, кажется. Ты сходи к ней, а то она тут три дня сама не своя ходила, переживала очень. Интересно, почему тебе-то ничего не сказала? С наступающим праздником тебя, кстати!

- Спасибо!

Забросив вещи в общежитие, и приказав Боговичу собраться у него в комнате, он отправился к Светлане. Дверь в дом ему открыла незнакомая, молодая женщина, видимо, жена брата.

- Вам кого?

Появившаяся из-за ее спины Светлана, поздоровалась с лейтенантом, и, пояснив, что это к ней, попросила Славку подождать на улице, пока она оденется.

- Может, пригласишь молодого человека в дом? – спросила Светлану женщина, с интересом разглядывая лейтенанта. – Чего человек будет на улице мерзнуть?

Но девушка, коротко взглянув на лейтенанта, отрицательно покачала головой, и Славка, поблагодарив хозяйку за приглашение, отошел в сторону от крыльца. Минут пятнадцать он курил, пока дверь в дом вновь не открылась и из нее не вышла одетая в пальто и вязаную шапочку Светлана. Глаза у нее были печальными. Она подошла к Вячеславу, поцеловала его, едва прикоснувшись губами, и на секунду замерла, прижавшись теплой щекой к щеке лейтенанта.

- Ну, здравствуй!

- Прогуляемся? – вместо приветствия спросил Вячеслав.

Светлана кивнула в ответ, и они, больше не говоря друг другу ни слова, двинулись рядом по тротуару, вдоль дороги.

- Ты извини меня, - нарушила, наконец, молчание Светлана, виновато улыбнувшись Славке.

- За что? – прокашлявшись, хрипло спросил Вячеслав.

- За все! – голос ее дрогнул, она остановилась и взглянула на Славку снизу вверх глазами полными слез. – Ты же уже все знаешь. За все! За то, что ничего тебе не сказала. Побоялась, дура! Уезжаю я, - она сделала паузу. - У меня мама тяжело заболела, понимаешь?

Славка почувствовал, как к горлу подкатился ком, не давая нормально дышать. Он ничего не ответил, а просто обнял Светлану за плечи, и, не обращая никакого внимания на прохожих, прижал девчонку к себе.

- Я тебе сказать не решалась, - вновь виновато повторила девушка, высвободившись из его объятий и вытерев рукавичкой скатившиеся по щеке слезинки. – Брат уехать не может, у него семья, сам понимаешь. Да и аврал у них в леспромхозе, распутица скоро.

- Дурочка! – поцеловал ее в покрасневший нос Славка, у которого только сейчас свалился давивший на сердце камень. – Какая же ты дурочка! Что я не человек, что ли, или тупой совсем?

Светлана наконец-то улыбнулась, облегченно вздохнула и

вновь поцеловала Вячеслава припухшими, солоноватыми губами. Они прогуляли по поселку еще около часа, взахлеб рассказывая друг другу обо всем, что пережили за эту неделю, пока окончательно не замерзли. Светлана взяла с него слово, что он обязательно проводит ее завтра на ночной поезд, хотя Славка и безо всяких просьб сделал бы это. Ему казалось, что все это не всерьез. Ну, съездит она к матери и вернется, не навечно же это.

- Ты приходи завтра часов в восемь ко мне, - предложила девушка, - посидим, День Советской Армии отметим. У тебя же все-таки праздник, я тебе подарок приготовила. Придешь?

- Спасибо. Только неудобно как-то. Твои сами, наверное, гулять будут? Да и не знаком я ни с кем.

- А со мной? Все, как раз, очень даже удобно. Приходи и не опаздывай! Заодно и познакомишься с родственниками поближе, - счастливо улыбнулась ему на прощание окончательно повеселевшая Светлана.

В общежитии дым стоял коромыслом. Весь присутствующий на данный момент в Советском личный состав общежития сидел у Матвеева в комнате и отмечал знаменательную дату: пятьдесят четвертую годовщину создания Советской Красной Армии.

- Ба! Мужики, смотрите, кто нарисовался! Проходи к столу Слава! Присаживайся! - загалдели присутствующие, радуясь появлению в компании нового человека. - Как там, в Першино жизнь продолжается? Бугрим, печень не прогрыз еще? Как мост?

- Стоит! Куда ему деваться! - ответил, устраиваясь за столом, лейтенант, у которого отлегло от сердца, после разговора с подругой, хотя где-то, в глубине души скребло. Точил червячок: уезжает ведь!

На следующий день, почти с самого утра, после завершения торжественного развода в части, на котором выступил с пламенной речью сам комбат, они вновь собрались у Матвеева и гуляли там до семи вечера.

Славка только один раз за все это время покинул приятелей

часа на три после обеда, чтобы поспать. Потом мужики собрались на танцы, а он нагладился, умылся, побрился и, купив в ближайшем магазине бутылку шампанского и коробку конфет, отправился к Светлане. Светлана встретила его радостно, повиснув на шею прямо у порога:

- Раздевайся! Проходи!

К удивлению Вячеслава дома никого, кроме девушки, не оказалось.

- А где родные-то? – спросил он, сбрасывая шинель.

- Марина неожиданно в ночную ушла. Она дежурной по станции работает, – пояснила Светлана. – У нее сменщица внезапно заболела. А брат? У них бригада в ресторане отмечает, вот он туда и подался, в родной коллектив. Чего я тут, как сын, говорит, один сидеть буду! – пояснила девушка. – Да, ты проходи, не стесняйся!

- Так что же, они тебя и не проводят даже?

- Почему не проводят? К Марине перед поездом забегаю, а брат, если не накушастся, подойти обещается.

Славка прошел в гостиную, ощущая легкое волнение: первый раз он оказался в ее доме, да еще один на один. Круглый стол в гостиной был накрыт белой скатертью, и уставлен тарелками.

- Присаживайся! – пододвинула ему стул Светлана. – Открывай шампанское!

Вячеслав открыл бутылку и наполнил хрустальные бокалы, пододвинутые девушкой.

- Давай, Слава, за нас с тобой! – подняла она наполненный искрящейся жидкостью бокал, когда, наконец, они окончательно угнездились за праздничным, собранным хозяйкой столом. – Пусть у нас с тобою все в жизни сложится!

Они чокнулись и выпили.

- Ты кушай, давай, не стесняйся! – Светлана пододвинула Вячеславу тарелку с салатом. – А вот грибы, грузди соленые. Сама осенью собирала. Попробуй!

Славка попробовал и грузди, и салат.

- Ну, как? – спросила Светлана.

- Вкусно! – ответил набитым ртом Славка.

Потом, когда он отведал почти все, что стояло на праздничном столе, девушка поставила на диск радиолы пластинку, и они пошли танцевать, тесно прижимаясь друг к другу. «На тебе сошелся клином белый свет, - пела Майя Кристалинская, и Славка чувствовал, как сладко замирает у него сердце, и как тяжелеют, обмякнув на его плечах, девичьи руки. – Но пропал за поворотом санный след...». Светлана откинула голову и закрыла глаза, подставляя для очередного поцелуя полуоткрытые, жаркие губы. Дыхание ее стало тяжелым и прерывистым, и Славка внезапно ощутил, как слабеют у него ноги, а голова погружается в туман. Легкая дрожь пробежала по телу, и он почувствовал, что этот внезапно возникший озноб передался и Светлане, сотрясая до последней клеточки все ее существо. Славка чуть плотнее обнял слабеющую девушку, и она всхлипнула, почти застонав. Тогда, теряя последние остатки рассудка, он подхватил невесомое, гибкое тело на руки, и оглянулся вокруг, пытаясь определиться, в какую сторону идти.

- Туда, - едва слышно прошептала Светлана, указывая глазами на темный провал двери, и еще крепче прижалась к Славке, обхватив его руками за шею.

В два часа ночи он проводил ее на поезд. Брат так и не появился, видимо крепко загулял и забыл, что сестра уезжает. Вместе с Мариной они посадили Светлану в вагон, и Славка стоял на перроне до тех пор, пока были видны огоньки отходящего состава. А потом он еще долго лежал в кровати, не смыкая глаз, и вспоминал все произошедшее с ним в этот вечер. Каждой клеточкой своего тела до сих пор он ощущал не исчезнувшее никуда тепло ее упругой груди, бедер, пульсирующего живота. Ладони помнили легкий пушок на поясице, бархатистость нежной кожи плеч и округлость коленей. Она была насыщенной в ласках:

- Милый! Еще! – и он чувствовал, что вновь хочет ее. – Не торопись, дурачок! У нас еще целых два часа.

- Всего два часа! – и Вячеслав вновь проваливался в сладкий дурман, теряя ощущение реальности...

Наконец, под утро, усталость сморила Славку, и он уснул счастливым, безмятежным, коротким сном. Он спал, как спят младенцы, пока его не разбудил стук в дверь Богович, и не сообщил, что уже половина восьмого и пора идти в часть.

Двадцать пятого его снова отправили на мост, сменить Панкратова: тот уходил в отпуск. Ростверк второй опоры уже заканчивали бетонировать. Дубов находился в Советском, но, вспомнив еще раз его слова, что, во-первых, вода имеет плюсовую температуру, а, во-вторых, чтобы не городить электропрогрев и зря не жечь солярку в электростанциях, Сашка с Вячеславом приказали просто выключить насосы. Вода в шпунте поднялась до уровня льда, и бетон оказался защищенным от мороза ее толщей, медленно твердея в идеальной для него среде. Вода, естественно, ежедневно накрывалась льдом от мороза, и бойцы ломиками и лопатами каждое утро снимали этот тонкий еще ледок, чтобы он не нарастал, и впоследствии не пришлось долбать его уже отбойными молотками. Сашка Ворошнин рассказал Славке последние местные новости:

- Тут к Лошаксу жена на побывку приехала, - ржал он, делаясь с другом, - ну и пошли они с утраца в местный магазин, что у ресторана. Посмотреть, значит, чем там торгуют. А тут его приبلуда, ну, та, из малосемейки, где вы гулеванили в прошлый раз, кривая в драбадан по середине улицы топает. Увидела кавалера и давай орать: Витя, да Витя! Бежит по улице, пузырем размахивает. Хорошо, что Лошак ее издалека усек, а жена толком ничего не поняла, когда он ее в магазин резко так заволок. Нырнули, значит, в магазин, и быстренько вышли через служебный выход. Жена спрашивает, ты, что, мол, муж дорогой? А тот ей какую-то лабуду наплел про карточные долги, да про местных бандитов. Не дай бог, дескать, попадетя: убьют! Да так наплел, что бедная женщина до самого отъезда в себя прийти не могла. Хотела к Стешенкову в штаб топать, жаловаться, что ее Витасика убить хотят! Едва отговорили.

Славка представил себе лицо Лошакса, в момент, когда тот увидел, бегущую в его сторону посыленку, и тоже рассмеялся:

- Картина! Что и говорить. Чуть не попался, значит, наш Ви-

тасик! А, что еще новенького-то?

- У Иванова его бабенка местная, ну, ты ее знаешь, на третьем месяце. Вот так-то! Влип очкарик по самое не хочу!

- Да, ты, что!

- Я-то ничего. А у Санька, баламута, и жена в Советском на четвертом. Вот в чем, брат, вся изюминка! Сашка черный ходит, не знает, куда кинуться и что предпринять. Уговаривал эту Ольгу аборт сделать, но та – ни в какую! Да и правильно, наверно: девчонка молодая, вся жизнь впереди, зачем ее ломать. А дело это, сам понимаешь, опасное – можно и вовсе без детей остаться.

- Вот, блин, завяз Санек, не позавидуешь! Но в принципе, его же предупреждали! И не раз.

- Чего теперь, после драки кулаками махать!

- Да, уж! Махать, конечно, поздно. Раньше надо было думать головой.

- Это точно! Если еще до командования дойдет, не дай Бог, замполит с комбатом всю плешь проедят. И не только плешь: все кости обглодают и выплюнут. Да и на службе, сам знаешь, отразится, может. У нас не любят очередные звания давать с аморалкой в личном деле, - назидательно высказался Сашка. - А, может, еще и пронесет, если бабы его меж собой базара не устроят?

- Кто его знает? Но, сдается мне, что шила в мешке не утаишь, как ни крути. Все равно до Советского весть дойдет. Раз мы с тобой об этом знаем, значит и другие тоже. Так, что, жалко мне Сашку.

Они закурили, присев на бревно, лежащее на обочине. Мимо грохотали самосвалы с бетоном на третью опору, и над дорогой стоял сизый туман от выхлопных газов, сквозь который пробивались яркие лучи уже слегка пригревающего солнца.

- Весна, - зажмурил глаза Сашка. – Скоро в Советский переберемся, надоело это Першино до оскомины.

- Не спеши. До ледохода – два месяца, а то и все три.

- Два месяца – не полгода, пролетят – не заметишь! Посхали на обед, что ли? - предложил Сашка, и, получив молчаливое

согласие, поднялся, махнув рукой возвращающемуся с моста самосвалу и приказывая остановиться.

- Ты езжай, а я чуть позже, - поднялся вслед за товарищем Вячеслав. - Нужно еще документацию последнюю просмотреть, а то опять Кривякин нагрянет, бухтеть будет.

- Успеешь еще.

- Не, я, все-таки, задержусь. Ты езжай, давай! Скажи там, в столовке, чтобы пожрать оставили.

- Ну, как знаешь. Только долго не задерживайся, а то все холодным жевать придется! - сказал Сашка и полез в самосвал, а Вячеслав отправился к прорабке.

Документацией в его отсутствие, конечно, никто не занимался: не хватало кучи актов на скрытые работы, исполнительных схем и разных других бумаг, и Славка с полчаса составлял список документов, которые надлежало напечатать.

- Здравия желаю, товарищ лейтенант! - в вагончик ввалился розовощекий от свежего воздуха Перминов, которого отправили сюда в помощь командирам взводов еще до праздника. - С прибытием, Вячеслав Георгиевич!

- Здорово! Что это вы тут, господа, бардак развели? - Вячеслав показал список Перминову. - Тебя сюда, зачем посылали?

- Я не виноват, товарищ лейтенант! Меня капитан Бугрим во взвод спровадил, говорит: людей не хватает. Так что я на бетоне сейчас пашу вместе с ребятами.

- Вот засранец! - прошелся по замполиту Славка. - Ну, ничего, мы это мигом поправим! - Вячеслав передал список Владимиру. - Давай, бросай к дьяволу свою лопату, и садись акты печатать. Не дай Бог, кого-нибудь черт из бригады принесет.

- Да, я с удовольствием, товарищ лейтенант! Но, только, как же с приказом капитана?

- Молча.

Вячеслав поднял трубку телефона и попросил связиста, ответившего ему, разыскать замполита. Через минуту голос Бугрима раздался в трубке:

- Я слушаю.

- Товарищ капитан, это - Решетников. Здравия желаю! Что,

не узнали? Счастливым буду! Да, сегодня прибыл. Я тут вас вот по какому вопросу беспокою. У меня Перминова на бетон забрали, говорят, что по вашему приказанию, а послезавтра комиссия из бригады подъезжает, мне Суровцев перед отъездом сказал, - соврал, не моргнув глазом, Славка, сославшись на зам начштаба.

Он точно знал, что Суровцев сегодня перед обедом отбудет в Серов, в командировку, и спросить с него правда это, или нет не получится.

- Ну и что, что комиссия?

- Документация, товарищ капитан не оформлена. Полнейший раздразай! Комвзвода ни фига бумагами не занимались, срочно нужно готовить!

- А, что, сам не можешь, что ли?

- Могу и сам, конечно, товарищ капитан, только боюсь, что не успею. Я, конечно, доложу Понюшенко, пусть решает! – закончил Вячеслав.

Удар пришелся точно в яблочко. Замполит знал, что как только главный узнает такую новость, грозящую ему неприятностями, он тут же, незамедлительно побежит докладывать комбату. Тем более, что собрался уезжать и лишние подзатыльники из бригады ему совершенно не нужны.

- Ну, раз так срочно нужно, забирай своего работника, - сделал паузу, недовольно разрешил Бугрим.

- А, что, товарищ лейтенант, действительно комиссия едет? – спросил Вячеслава Перминов.

- А я откуда знаю, - нахально ухмыльнулся Славка. – Тебе, что, снова на бетон хочется? Нет? Ну, тогда садись и печатай! Чтобы завтра к обеду все было закончено. Ясно?

- Ясно, - обрадовался сержант. - Не беспокойтесь, товарищ лейтенант, все будет в шоколаде. Приходите сразу после ужина в красный уголок, - неожиданно пригласил Вячеслава Перминов, - одну мелодию тут разучил, покажу.

- Лады, зайду!

Славка выскочил из вагончика, сел в проходящий транспорт, и вышел из него уже в поселке, недалеко от почты. На

почте он купил конверт, лист писчей бумаги с оттиснутым типографским цветочком в углу, и принялся наскоро писать письмо Светлане. Ему не хотелось заниматься этим в общежитии, где любопытные попусту интересовались бы, кому он пишет и куда, да задавали бы всякие дурацкие вопросы. Это было только его дело, и делиться, а тем более откровенничать с кем-либо о личном и дорогом ему совершенно не хотелось. Опустив конверт в ящик, удовлетворенный исполненным, он, наконец-то, отправился в столовую, где еще успел пообедать. Впрочем, как и предупреждал Сашка, уже порядком остывшим супом, но вполне съедобными котлетами. Правда, чай был горячим, с огня.

А через день, действительно, прибыли проверяющие из управления бригады. Вот уж точно говорят: не болтай попусту, не накликавай беду. Правда, приехал не сам Кривякин, а майор, его заместитель. «Вот, блин, накаркал, - подумал про себя Славка, - кому скажи – не поверят!» Но документация, а это святое, была уже в полном порядке, и от Вячеслава быстро отстали. Бугрим его потом даже похвалил.

Работа на мосту, согласно срокам в графике и ценным указаниям начальства, продвигалась вперед. Начали забивку свай на восточной береговой опоре, а на опоре номер два – монтаж облицовочных блоков быка. Получалось, что если не случится ничего сверхординарного, то две русловые опоры будут завершены до ледохода. А это значило, что после того, как вода спадет, можно будет продолжить работы на четвертой опоре, так как она находилась в низкой пойме реки, почти рядом с берегом. Когда проверяющие, наконец-то, убрались восвояси, делать лейтенанту Решетникову стало практически нечего. Вспомнив, что по совместительству он еще и инженер по технике безопасности, Вячеслав провел семинар по охране труда с бойцами первой и второй рот, выписал пару предписаний командирам взводов, так, для порядка, вот, пожалуй, и все. Попытался, сам не зная для чего, отпроситься у Бугрима в Советский, но тот без разрешения комбата сделать этого не решился. А комбат выехал в Свердловск, в корпус, и, когда будет назад,

никто точно не знал. Вячеслав убивал время в прорабке, играя с парнями в домино, да перебирая в памяти все их короткие встречи со Светланой, когда оставался один. И еще, почти каждый день таскался на почту, отправляя ей короткие письма, наполненные словами о любви, о том, как он скучает без нее. Но ответа ни на одно письмо пока так и не пришло. Напрасно он каждый раз подавал свое удостоверение девице за стойкой. Та старательно перебирала толстенные пачки корреспонденции, полученной до востребования, разводила руками и с сочувствием глядела на лейтенанта:

- Пишут!

Хорошо еще, что вечера были заняты. По вечерам они с ребятами дулись в преферанс, а проигравшие бегали в поселок за дешевым яблочным вином из бочек. Славка надолго запомнил его специфический запах, не то бражки, не то прокисшего сула. Единственное, чем не пахло вино, так это яблоками. Но спирт надосел до чертиков, и бочковая бормотуха пришлась как раз к месту. Можно было купить вино и подороже, но с деньгами было туговато, а тут – рубль с небольшим за литр. Красота! На закуску почти всегда присутствовала отменная тихоокеанская селедка с луком, завезенная капитаном Шишкиным, новым замом по тылу, в Першино в неимоверном количестве.

Славка помнил, как уходил из части майор Пашков. Его вместо повышения отправили на пенсию, чем обидели до смерти. Трудно человеку расставаться навсегда с привычным делом. В тот день на развод батальона вынесли расчехленное знамя части, что делалось крайне редко и только по особым случаям. Впервые Славка прочел на развернутом полотнище, что у них не просто войсковая часть номер такой-то, а двести двадцать четвертый мостовой батальон краснознаменных железнодорожных войск. Бугрим как-то, на одной из политинформаций сообщил им, что орденом «Красного Знамени» войска были награждены за то, что приняли участие в битве за Москву и сумели задержать на какое-то время танковые клинья Гудериана.

- Это, каким же образом? – спросил замполита Гомянин.

- Простым, товарищ лейтенант! Загрузили имеющиеся гру-

зовики противотанковыми минами, и ездили вдоль фронта наступающих немцев, сбрасывая их по привязанным к задним бортам доскам прямо на траву.

- И что толку, их же видно, товарищ капитан? – не унимался Юрка.

- А вы попробуйте, Гомянин, снять эти мины под огнем. Тот же! На несколько часов удалось танки задержать, а там резервы подтянули.

На том памятном разводе комбат объявил им, что майор Пашков уходит на заслуженный отдых, и что он от лица командования и от лица всех его сослуживцев благодарит майора за долголетнюю и добросовестную службу на благо нашей Родины. Пашков, несмотря на свою чрезмерную полноту, четким, строевым шагом подошел к знамени части, и, опустившись на колени, прикоснулся губами к краю полотнища. В глазах его блеснули слезы. Батальон безмолвно застыл в строю. Тишина стояла такая, что до слуха долетал только легкий шелест листьев на березах, да далекие звуки локомотивного депо. В тот момент Славка почувствовал что-то такое, от чего в его горле образовался твердый комок, который он с трудом проглотил. Эта картина торжественного прощания ветерана с родным батальоном запомнилась ему на всю жизнь...

Частенько, особенно в те дни, когда Вячеслав дежурил по части, они вместе с Перминовым в красном уголке, оборудованном замполитом, брэнчали на гитаре, совершенствуя мастерство. Славка пел Володе любимого им Клячкина, а тот делился секретами игры на шестиструнке. Дни летели, наступил март. А пятого числа появился комбат, и попер их вместе с сержантом в Советский:

- Нечего тут баклуши бить! Там на дежурство ходить некому, а они, понимаешь, прохлаждаются тут, бездельники. Мухой чтобы на базе были!

Глава 6

Наступило восьмое марта, Международный женский день. Вячеславу повезло: он отдежурил по батальону с шестого на седьмое, и в этот праздничный день был свободен, как ветер. Вчера вечером, после дежурства, Гомянин, с которым до этого они практически не общались, к удивлению Вячеслава, неожиданно пригласил его в гости к каким-то поселковым знакомым Матвеева:

- Пошли. Девчонки будут, да и, вообще, праздник ведь. Нам с Ивановичем третий нужен.

Вячеслав, конечно, обрадовался, что их затянувшаяся ссора из-за девушки наконец-то закончилась, но сперва начал было отнекиваться. Он только что вернулся с почты, и был расстроен: письма от Светланы так до сих пор и не было. Но Юрий, почувствовав, что приятель колеблется, неожиданно проявил завидную настойчивость. Да и осведомленность тоже.

- Кончай киснуть из-за бабы! Посмотри, весна на улице! Солнышко пригревает. Да, кстати, - он как-то хитро улыбнулся, - там одна девчонка будет, так мы с Матвеевым тебе ее по акту должны передать. Симпатичная такая.

- Это как так – по акту? – вяло поинтересовался Славка, расстроенный молчанием Светланы. – Она, что, вещь что ли? И,

потом, не лезьте вы ко мне с этими бабами, надосло!

- Ба, а ты чего психуешь? Шучу я, конечно. Валера Пангаев, что на твоём месте в штабе до тебя служил, почти два года за ней ухлестывал, и все без толку. Правда она тогда только школу заканчивала, маленькой ещё была, вот он с нею пылинки и сдувал. Ухаживал. А она на него – ноль внимания! Характер – не сахар! Красивая – это да! Вот нос и задирает. Так, что, Славик, тебе по должности положено продолжать отношения с, если так можно выразиться, дочкой полка. Не посрами, мой друг, гусарской чести. Кстати, там ещё и две её подружки будут. Так что, если не понравится, никто настаивать не будет.

- Это точно! – поддержал Юрку вошедший к Славке в комнату в разгар их интересного разговора Матвеев. – Но сдаётся мне, что с Людмилкой Славке не справиться.

- Да, уж! – с сомнением посмотрел на Вячеслава с высоты своего роста Гомяша. – Я как-то об этом и не подумал.

- Куда ему: она ведь самая красивая девочка Ивдель-Оби. А он? Кто такой? Лейтенант задрипанный! Нет, сдаётся мне – не справиться!

- Да отвяжитесь вы от меня! Прилепились, как банный лист к заднице. Ерунду какую-то порете! Ни фига мне не положено! И девка мне ваша не нужна! – огрызнулся, разозлившись на приятелей, Вячеслав, но, трезво поразмыслив, идти в гости все же согласился, не сидеть же одному в общежитии, да ещё в такой день.

- Вот и прекрасненько! – обрадовался Матвеев. – А то, когда в компании некомплект, возникают разброд и шатания. А это не есть хорошо!

Утро выдалось тихое и ясное. Солнечные лучи уже часов в десять стали пригревать так, что снег с южной стороны под окнами протаял, оголяя местами мокрые, крашенные зелёной краской жестяные сливы. Торопиться было особенно некуда, поэтому Славка понежился в постели с книгой часов до девяти, а потом, наскоро позавтракав яичницей с тушенкой, приготовленной на огромной сковороде Боговичем, начал гладить единственный имевшийся у него в шкафу серый штатский костюм.

Офицерам не так давно, в батальоне, начштаба зачитал приказ командира гарнизона и одновременно командира путевого батальона подполковника Еременко, запрещающий командному составу посещать всяческие увеселительные мероприятия, клубы и тому подобное, в форменной одежде. Нечего, дескать, позорить погоны. Случалось, конечно, всякое, чего греха таить: и разборки с местными парнями из-за девчат и пьяные дебоши. А, поскольку милиция не имела права в большинстве случаев просто так задержать армейского офицера, многие этим пользовались и борзели. Вот партийные власти и обратились к командованию, с просьбой навести порядок среди подчиненных. Командование тут же издало вышеупомянутый приказ, а в поселке в выходные дни появились патрули, и даже был назначен комендант, тот самый лощеный лейтенантик, что был свидетелем у Ворошнина на свадьбе и в тот раз нажрался до соплей. Офицерской гауптвахты в Советском, конечно же, не было, и, если, кто и получал пять, десять суток за подвиги, то отбывать наказание нужно было ехать аж в Свердловск. А там всегда был аншлаг, и мест, как правило, на всех не хватало. Еще бы: этой единственной «губой» пользовался весь округ. Торчать и пьянствовать в городской гостинице, дожидаясь своей очереди, было, конечно, не худо, но денег на такие мероприятия особенно у младшего офицерского состава, как обычно, не водилось. Прибывающие на отсидку давно смекнули, что к чему и как с этим бороться. Поступали просто: покупали начальнику «губы» пузырь коньяка, и ехали дальше, кому куда надо. К маме, например, в гости. Риск, конечно, определенный был. Но, зато в городе не болтались, и коменданту лишний раз в глазах не маячили, не раздражали, и маме приятное делали. А на обратном пути ставили в командировочном предписании отметочку, дескать, отбыли наказание, и — с чистой совестью в часть! Красота! Начальник «губы» имел свой интерес, а отправленные отбывать арест — свой. Но, длилось все это не слишком долго. Начальство в батальонах, на местах, быстро раскумекало, что к чему, и направлять наказанных в Свердловск перестало, ограничиваясь записями в личном деле и воспитательными

разборками. Для кадровых служаек получить пять суток было все-таки серьезным наказанием, так как задерживало карьерный рост, получение очередных званий и должностей. А для двухгодичников, таких, как Славка, – просто пустым звуком. Кроме, разве, тех, кто решил связать свою судьбу с войсками и после двух лет службы. А такие тоже были. Например Фоминых, который тоже начинал двухгодичником. Так, что, начальство все больше предпочитало воспитательную работу, в виде отправки провинившихся подальше от поселка, на трассу, и это действовало куда как безотказней. Кому охота сидеть безвылазно в Тмутаракани какой-то, где цивилизацией даже и не пахнет, и видеть одни и те же опостылевшие физиономии, да дремучую тайгу за окошком жилого вагончика. С месяц побыл на передовой и никакой «губы» не надо!

- Привет! – поздоровался со Славкой заспанный, пробирающийся по коридору к умывальнику Гомянин. – Уже перья начищаешь?

- Да вот, решил брючата подгладить.

- Ты только никуда не исчезай, - зевнул, так, что скулы затрещали Юрка. - В двенадцать потопаем. А Матвеев, что, тоже дрыхнет?

- Нет, - сообщил появившийся из котельной Богович. – Товарищ капитан еще в восемь часов ушли.

- И куда интересно его черт понес в такую рань? – поинтересовался у ефрейтора Гомяша, но тот в ответ только пожал плечами.

Юрка с жалостью, как на младенца, посмотрел на опухшего от сна Боговича, махнул рукой, отпуская ефрейтора, еще раз смачно зевнул и отправился умываться. Славка посмотрел на часы, было около десяти. Он быстро оделся и в который раз сбегал на почту. Письмо было, но не то, которого он ждал, а от матери.

Она писала, что у них с отцом все в порядке, что в городе уже весна, снег почти стаял, и, что она послала ему джемпер: когда получишь, сынок, не забудь сообщить! И пиши, родной, почаще! Папа тебе передаст большой привет. Он снова устро-

иля на работу. По субботам ходим в гости к бабушке или к тете Кате. Отец с Василием, Катиным мужем, напиваются самогонки, конечно, но, что поделаешь, приходится раз в неделю с этим мириться. А в остальном – все хорошо!

Славка, конечно, соскучился по родным, но сейчас его мысли были заняты совсем другим. Светлана до сих пор молчала, и он просто не знал, что и подумать. Может быть, с ней случилось что-то? Черные мысли лезли в голову. Узнать было не у кого, а сходить домой к брату он не решался. Да и кто он такой? Какой-то очередной ухажер сестры и не больше. Тем более с братом он так и не успел познакомиться. До похода в гости было еще больше часа, и он, без особой надежды на успех, решил зайти к Вере, подружке Светланы в парикмахерскую: вдруг есть какие новости. Но, как сообщила ему Вера, занятая очередным клиентом, никаких новостей, к сожалению, не было, и Вячеслав вернулся в общежитие.

- Понюшенко забегал, - сообщил ему Юрий, - просил извиниться, что не дождался. Сегодня вечером отбывает с семейством. Вон, две бутылки коньяка выставил. Будешь?

Расстроенный Славка отрицательно покачал головой.

- Ну, тогда с собой возьмем. Не мог Виталик, как человек, до праздника подскочить. Проводили бы, как положено. Матвеев, кстати, звонил, сейчас подойдет. Его в часть вызвали: кого-то в командировку срочно отправляют, деньги надо было выдать.

Славка пошел к себе в комнату и прилег на кровать. Мысли у него были невеселые. Его все больше и больше тревожило затянувшееся молчание Светланы. Вдруг по дороге, что произошло? Или дома? Не дай Бог, конечно, но всякое бывает. Славка гнал от себя эти мысли, но на сердце было беспокойно. Адреса ее он не знал, как не знала и Вера. Когда прощались, договорились, что Светлана напишет, как только доберется до дома, и – на тебе, тишина!

Через полчаса появился запыхавшийся Матвеев:

- Ну, что, орлы, готовы? Я мигом, только переоденусь.

Забжевав в магазин и прикупив, что нужно для стола, они, подставляя лица лучам пригревающего светила, уже через де-

сять минут подошли к одноэтажному дому за штакетным забором, почти в центре поселка. Дом ничем не отличался от таких же, расположенных по обеим сторонам улицы, разве что резными крашеными в голубой цвет наличниками и широким карнизом. На пороге их встретил улыбающийся приятель Матвеева, здоровенный, под два метра ростом парень, хозяин дома, как понял Вячеслав.

- Здорово, мужики! Где вас черти носят? Я вас уже заждался. Проходите, давайте, не стесняйтесь.

- Начальство задержало, - пояснил, здороваясь, Виктор. - Знакомься, это – Вячеслав! – представил Славку Матвеев.

- Владимир! – протянул огромную ладонь хозяин. – Привет, Юра! – хлопнул он по плечу Гомяшу, как старого, доброго знакомого.

- На, отдай хозяйке, - протянул хозяину авоську со едью и спиртным Матвеев. – Пошли, что ли, мужики!

Он толкнул дверь, и лейтенанты, миновав сени, вслед за хозяином оказались в просторной прихожей. На полу лежали простые, домотканые дорожки, точно такие же, какие плела в Калининне из старых лоскутков ткани Славкина бабушка по матери, Пелагея Дмитриевна. Стены были оклеены яркими в цветах обоями.

- Раздевайтесь, - указал хозяин на вешалку. – Нина, встречай гостей!

Вышла хозяйка, уже полнеющая, русоволосая женщина с ясными голубыми глазами и застенчивой улыбкой на лице. На ней был надет такой же яркий, как обои, передник, а через плечо перекинута льняное, полосатое полотенце:

- Проходите, гости дорогие! Извините, что в таком виде, жаркое немножко не поспело. Проходите, пожалуйста, в гостиную, через пять минут – за стол!

Славка, сбросив пальто, вслед за Гомяниным прошел в просторную с двумя, почти во всю стену окнами комнату, где сидело на диване и в креслах, рядом с журнальным столиком человек пять. Парень в светлом пиджаке привстал с кресла, и Славка с удивлением признал в нем сержанта Перминова.

- Ба, кого я вижу!

- Здравствуйте, товарищ лейтенант!

- Здорово! А, ты, как здесь оказался?

- В гости пригласили, товарищ лейтенант. Увольнительная у меня, сами же подписывали.

Славка вспомнил, что вчера Перминов действительно подписывал у него увольнительную. Как он пояснил тогда лейтенанту: навестить любимую девушку.

- Привет, красавицы! Гомянин плюхнулся на диван между двумя девушками. – Знакомьтесь, мой друг, Вячеслав!

- А мы со Славой знакомы. Помните, Слава, вы нас со Светой провожали после танцев? Вспомнили?

Точно. Славка вспомнил даже, как зовут девушек: Валя и Галя.

- А это – Людмила! – представил Юрий небольшого росточка, изящную шатенку, сидящую в кресле по другую сторону столика от Перминова, и хитро подмигнул Славке.

Девушка, не откладывая журнала, который листала, молча, не выразив никаких эмоций, с показным равнодушием на лице, кивнула Славке. Вячеслав понял, что это та самая девчонка, которую Гомянин предполагал, как он выразился накануне, передать ему по акту. Четвертой девушкой, находившейся в комнате, была младшая сестра хозяйки, которую звали Наташа. Стройная, полногрудая, как понял Вячеслав, она и была той самой симпатией сержанта, к которой он и собирался в увольнение. «Складненькая такая симпатия», - мелькнуло у Славки в голове, и в это самое время в комнате появился Матвеев, с дымящимся на огромном блюде жарким, а вслед за ним шел хозяин со стопкой тарелок в руках:

- Девочки, помогайте!

Все девчата, кроме Людмилы, бросились накрывать на стол, а Вячеслав с Юрием, получив от хозяйки штопор, принялись откупоривать бутылки с вином и сколачивать с горлышек водки сургуч.

- Помогай, нечего сидеть! – пригласил Перминова Славка. – Втроем-то быстрее справимся.

Через десять минут суеты и веселой перебранки все, наконец-то, угнездились за столом. Галя и Валя оказались между Гомяниным и Вячеславом, и те наперебой начали ухаживать за девушками, подкладывая им в тарелки еду. Наталья и Людмила уселись рядом, напротив. Как понял Вячеслав по их оживленному разговору, они были старыми подружками. Перминов устроился рядом с Натальей. Наконец-то разлили по фужерам и рюмкам вино и водку, и с тостом, на правах друга семьи, поднялся Матвеев:

- Ну, что, дамы и господа, у всех налито? Прекрасно. Тогда первый тост прошу выпить за хозяйку этого гостеприимного дома, где все мы собрались, за этот прекрасный стол, собранный ею и за то дружелюбие, с которым она нас всегда принимает. Тем более, что сегодня женский праздник. Всех остальных представительниц прекрасной половины человечества, прошу не обижаться! Остальные тосты будут для них, и я надеюсь, что присутствующие здесь мужчины никого не забудут. За тебя, Нина! - он чокнулся с порозовевшей от услышанных слов, привставшей со стула хозяйкой и выпил.

Все последовали за ним, и уже через пять минут стол зашумел, как и полагается при застолье, когда первая скованность впервые повстречавшихся людей проходит, а спиртное начинает развязывать языки даже у самых молчаливых. Спустя полчаса мужчины вышли покурить на крыльцо. Снег на крыше дома подтаял окончательно, и начал сползать с шифера, свисая вниз длинными изогнутыми языками почти по метру длиной.

- Хорошо! - чиркнул зажигалкой, прикуривая сигарету, в общем-то, обычно не куривший Гомяша. - Весна!

- Как не хорошо! - Славка вспомнил декабрьские морозы и зябко пожегся. - Скоро совсем тепло будет. Надоела эта зима до чертиков!

- Ну, ты не слишком обольщайся, - вмешался в разговор Матвеев, - тут и в апреле по утрам под двадцать бывает.

- Так это по утрам, - затянулся сигаретой Гомянин, пуская дым колечками, - а к обеду все равно отпускает. Так, что, крути, не крути, а лето, как и старость - неизбежны! Кстати, Слав, как

тебе понравилась наша принцесса?

- Это, которая?

- Людмила, конечно.

- Да, я ее еще толком и не разглядел.

- И зря! – вновь влез в разговор Матвеев. – Вполне симпатичная девочка! Я тут где-то слышал: русские женщины красивы до безобразия. А так же во время безобразия и после него. Так это точно про Людку. Усек? Будь я помоложе, ни за что не упустил бы. Не зря за ней Пангаев два года ухлестывал.

- Ну, так и пробуй, флаг тебе в руки! – отпарировал Славка.

- Не, староват я для нее! – с сожалением произнес Матвеев.

– А тебе, Слав, аккурат подходит!

- Ладно, пошли в дом, - вмешался дылда Володя. – Девочек одних оставили, обидятся еще. Перминов там один за всех отдувается.

В гостиной Перминов играл на гитаре, пытаясь музыкой заполнить возникшую за столом пустоту, а девчонки, слушая его, о чем-то в полголоса оживленно переговаривались между собой. Мужчины заняли свои места. Произнесли новый тост, выпили, и хозяин запустил магнитофон. Начались танцы. Славка станцевал с Галиной, потом с Валентиной, и, наконец, когда зазвучала очередная мелодия, подошел к Людмиле.

- Разрешите?

Та поднялась со стула, молча кивнула и, вновь не выразив никаких эмоций, положила руки ему на плечи. «Ну, и ледышка! - мелькнуло у Славки в голове. – Мымра какая-то!» Когда в танце он, как бы невзначай, попытался покрепче прижать ее к груди, то с удивлением почувствовал мягкое, но решительное сопротивление девушки. Не пытаясь больше повторять таких попыток, он докружил девчонку до конца танца, и, поблагодарив, отвел на место.

- Слишком гордая, Людмила эта ваша, - шепнул он Гомянину на ухо, пока разливали вино. – На кривой кобыле не подьедешь!

- Не наша, а ваша, - в полголоса ответил Юрий. – Подписывай акт, и – вперед! Поработать, конечно, придется, но девчон-

ка того стоит! Кроме того, папаша у нее большой начальник. Ты же здесь после дембеля остаться вроде думаешь? Так, что, решай!

- Посмотрим, - неопределенно ответил Славка, не испытывающий особой охоты продолжать отношения с капризной девчонкой.

К этому моменту он хорошо разглядел ее. Смазливая мордашка с серыми, выразительными глазами, легкий пушок на матовых щеках, алые, пухлые губы и вполне приличная фигура. Да и одета аккуратно. Но вот какое-то, едва заметное, но явственно проступающее высокомерие в поведении все же присутствовало. А, может быть, ему это все просто показалось? Или она так только к нему относится? Не понравился, наверное? Другие вон, или привыкли, или не замечали этого, и болтали с Людмилой запросто, а та даже улыбалась в ответ и тоже что-то весело чирикала. Ладно, насильно мил не будешь! Он сделал несколько неуклюжих попыток, чтобы привлечь ее внимание к своей персоне. Но как только он начинал зубоскалить и проявлять активность, она тут же замыкалась в себе, и в глазах ее появлялась какая-то скука и безразличие.

- Товарищ лейтенант, Вячеслав Георгиевич, спойте-ка что-нибудь! – протянул ему гитару в одну из пауз между танцами Перминов.

- Ой, Слав, а ты тоже на гитаре играешь? – защелкали Галя с Валеи. Спой что-нибудь!

Славка не стал упираться, перестроил гитару на семь струн и, попробовав несколько аккордов, запел:

- Крошатся в лужах фонари, знакомый адрес повтори, застолот доски под ногой, к другой идешь, совсем к другой...

К концу песни, которую все присутствующие выслушали в молчании, многие ведь не знали, что он лабает, как выражался Перминов, на инструменте, оценивая его игру, Славка заметил легкий интерес, промелькнувший в глазах Людмилы. Но, как только он закончил, привычная холодность вернулась на ее лицо. Ну, и плевать, подумаешь, принцесса! Славка даже слегка разозлился от такого безразличия, но не показал вида. Галя

и Валя захлопали в ладоши, так им понравилось, а Матвеев одобрительно похлопал Вячеслава по плечу:

- Молодец, Слава! Знай наших! Ну, что господа и дамы, продолжим веселье, а то я вижу, некоторые после песни загрузили. Наливай, Володя!

- А, что это за песня, первый раз слышу? – спросил Юрка.

- Сам не знаю. Услышал у приятеля на магнитофоне и запомнил. А кто автор? Да какая разница.

К вечеру праздник начал стихать, и девчата засобирались по домам.

- Мы с Гомяниным Валю с Галей провожаем, - категорично скомандовал Матвеев, - а ты Слава – Людмилу! Ей в другую сторону, на Кошевого. Ты, как, Люда, не возражаешь?

Девушка сделала неопределенный жест, который Вячеслав принял за согласие, и они, одевшись, все вместе высыпали гурьбой на улицу, еще раз поблагодарив хозяев за гостеприимство. Матвеев с Гомяниным подхватили подружек, а Наталья пошла проводить уже переодевшегося в армейскую форму Перминова до вокзала, и некоторое время они шли вместе вчетвером, но, где-то в центре, рядом с домом культуры растались. Девчата расцеловались на прощание, а Славка посоветовал сержанту не опаздывать в часть, что бы лишний раз не давать повода Стешенкову базлать на техчасть за наплевательское отношение к дисциплине. По дороге до Людмилиного дома, Вячеслав безрезультатно пытался разговорить девушку, но та отвечала коротко и неохотно. Поэтому, когда она, попрощавшись, скрылась в подъезде двухэтажной каменной коробки, двор которой освещал, тускло горевший, фонарь, Славка, освободившись от напряжения, выдохнул с облегчением и почти вприпрыжку полетел в сторону родной общаги. На улице начало подмораживать, редкие прохожие спешили по домам, за занавешенными окнами которых не смолкала громкая музыка, да мелькали темные силуэты танцующих. Праздник, на то он и праздник. Тем более, что завтра было воскресенье: не нужно вставать рано и спешить на работу. В общежитии уже кипели карточные страсти. Матвеев, Гомянин и зашедший на огонек

Деряга расписывали преферанс.

- Садись на прикуп, - поздоровавшись, пригласил Вячеслава Евгений.

- Да, нет. Что-то неохота. А ты-то, какими судьбами здесь?

- Жена на недельку к матери отъехала. Дома скучно. Выпили с соседом грамм по двести, но того супруга быстро обнаружила и домой загнала. Вот и подался сюда, вечер скоротать, тем более, завтра выходной. А у тебя-то, как успехи.

- Да, никак!

- Он Людмилку Пангаевскую сегодня пытался охмурить, - хихикнул Гомянин, - да, видно, не слишком удачно!

- А тебе-то, что, завидно? Сам попробуй!

- Мне, что, делать нечего?

- Ну, и у меня других дел хватает.

- Да ну се, эту Людмилу! На кой она тебе черт? Замороженная она какая-то! – высказался Деряга.

- Это есть! – бросил карты на стол Матвеев. – Мизер! Не ловленный. Правда, папаша у нее, - продолжил он, - туз в рай-коме партии, зав орготделом. Сдавай, Юра, что смотришь.

- А при чем здесь папаша?

- Ну, сам понимаешь, обидеть не моги, сразу достанут! Вот маленько и загордилась девчушка. Но все это шелуха – облетит со временем! – заключил с видом умудренного жизнью человека Матвеев.

- Хорошо бы! – Славка поднялся с кровати. – Хуже, если на всю жизнь такой стервой останется.

Он открыл форточку и закурил. Прохладный воздух заструился в комнату.

- Везет же тебе, Витя! – чертыхнулся Деряга, в очередной раз сдававший карты. – Опять мизер! Это же надо!

- Кому в карты везет, тому в любви фартить не будет! – философски заметил Гомянин, - Не дрейфь, Евгений, будет и на нашей улице праздник! Слава, разлей-ка там грамм по пятьдесят! – он указал на бутылку и рюмки, стоящие на тумбочке.

Славка разлил, но сам пить не стал и, сославшись на усталость, отправился восвояси, тем более что хотелось спать:

было начало первого. Ему приснилось, что он снова присхал к родителям в Куйбышев, и уже не один, а с невестой, и как он понял, невестой этой была Светлана. Вот только лица невесты он никак не мог разглядеть, будто кто-то мешал повернуть ему голову и убедиться в том, что это действительно его Светлана, а не кто-то другой. Проснулся он рано, и, лежа в кровати, вспоминал этот странный сон, не открывая глаз. Но содержание сна ускользало от него, не давалось. Так и не разобравшись, что к чему, он снова заснул и проснулся опять почти к обеду, когда его поднял Юрка и позвал завтракать.

- Богович знатную яичницу с колбасой состряпал и картошки нажарил. Поднимайся, а то не достанется!

Апрель и взаправду выдался морозным. Вода, было появившаяся на льду, вновь замерзла, поэтому все задачи, поставленные командованием по строительству моста, шли даже с опережением графика. Была закончена облицовка и бетонирование опор номер два и три, и вторая рота продолжила работы по облицовке четвертой русловой опоры. Дневные температуры, как ни старалась зима, приблизились к нулю, и работать стало веселее. Люди почувствовали приближающийся сезонный отдых. А на станцию начали прибывать металлические конструкции моста. После разгрузки их сортировали и перевозили на площадку, отсыпанную и спланированную непосредственно около объекта. Здесь их раскладывали на деревянные лежни в полном соответствии с очередностью будущего монтажа. Степешков приказал Вячеславу лично присутствовать при складировании:

- А то, эти вахлаки, разложат кое-как, - говорил он в адрес командиров рот, - придется заново перestarивать. А это почти тысяча двести тонн железа! Так, что, секи, а то монтажники потом с тебя шкуру спустят! Понял?

- Так точно! - и Славка целыми днями усердно следил, чтобы ничего не перепутали.

По вечерам они, как и прежде заглядывали в «Лозьву», но старые их с Лошаксом приятельницы, слава Богу, больше не появлялись. То ли уехали куда, то ли снова сели. Иванов от их

компании отбился окончательно, и все вечера пропадал у Ольги. Живот у нее стал здорово заметен, как, впрочем, и у жены Иванова, которая как-то попала навстречу Славке на улице в Советском. До сих пор она оставалась в счастливом неведении относительно мужниных проблем. Ну, а кто знал эти проблемы, помалкивали в тряпочку. И то: человеку и так худо, не позавидуешь. Да, и не дело трепаться и лезть в чужую жизнь, не по-мужски. Даже начальство было не в курсе, а то бы Иванову пришлось не сладко. Хотя, какое дело начальству до всех этих дрызг? Разве только замполиту. Но это ему по должности положено.

Ближе к маю лед на реке стал совсем тонким и рыхлым, и если по утрам еще можно было без опаски передвигаться по нему, то к вечеру запросто можно было ухнуться в подмытую под притоптанным снегом полынью. Вячеслава Бог миловал, а вот Сашка Ворошнин уже пару раз искупался. Командование отдало приказ убрать со льда, все, что там находилось, и свернуть производство работ до окончания половодья, которое должно было начаться со дня на день. Весь личный состав отбывал в Советский на плановую боевую учебу, а в Першино оставался только взвод охраны, да взвод для разгрузки прибывающих на станцию вагонов. Славку оставили до майских праздников на объекте, окончательно подбить исполнительную документацию, ну, и проконтролировать временную консервацию объекта.

Ледоход начался двадцать восьмого апреля. Река, до этого еще белая, внезапно потемнела. Лед, да и лежащий на нем снег набухли, напитались водой, стали похожими на сыр в дырках. Во множестве появившихся проталин забурлила, почувывая свободу вода. Потом вода поднялась выше льда, а ночью, когда все спали в расположении части, разорвала ледяной покров. Река загуляла, наполняясь талой водой, затапливая берега и бросая плывущие льдины на бетон опор, словно проверяя их на прочность. Первомай отпраздновали в Першино, а третьего числа Вячеслав приехал ночным поездом в Советский.

Май выдался солнечным и ласковым. Отоспавшиеся в те-

пле и привычном уюте казарм роты занялись плановой учебой, стрельбами на полигоне и всякой прочей белибердой, а штаб подготовкой к приему нового пополнения, которое ожидалось к середине мая. На почту Вячеслав заглядывал все реже и реже, уже не надеясь ни на что. Вера, как-то встретив его, сказала, что получила весточку от Светланы, но, к сожалению, та ему в этом письме ничего не передавала.

- Это жизнь, Слава! – вздохнув, сказала женщина помрачневшему лейтенанту. – Не знаю, что там со Светкой приключилось, но так поступать – свинство! – подвела она черту в конце разговора.

Славка впал в хандру, но навалившись, многочисленные текущие дела как-то сгладили боль, сделали ее не такой острой, и он потихоньку пришел в себя. Никто из ребят и не заметил этих его переживаний, кроме, разве, Ворошнина:

- Кончай хандрить, Слава! Сколько еще этих баб у тебя будет?

- Она не баба! – возмутился Вячеслав.

- А кто тогда, если так поступает? Забуди и – точка! С глаз долой – из сердца вон!

- Ладно, - оборвал Вячеслав разговорившегося приятеля, - закончим этот пустой разговор.

- Нет, не закончим. Противно смотреть, как взрослый мужик сопли распускает!

- А, сам-то, не так же распускал с Алиной?

- Это совсем другое дело!

- Ну, и у меня – другое!

На том и расстались тогда не слишком довольные друг другом. Но тоска все же потихоньку отступила: молодость и весна брали свое.

Перед праздником начштаба потащил офицеров на стрельбище, в песчаный карьер, сразу за частью.

- Посмотрим, достойны ли вы своих отцов и дедов, победивших фашизм! – примерно так, с пафосом, высказался он на разводе.

Славка до этих пор не удосужился получить личное оружие.

хотя Коля Суровцев напоминал ему об этом уже раз пять. Для чего? После стрельб нужно пистолет чистить, каждый раз тащиться сдавать его в оружейку. А так, взял у товарища, отстрелялся, и – свободен! Но, чужой пистолет – он и есть чужой. Каждый раз он – разный. К руке не приспособлен, лично тобою не пристрелян. Поэтому результат у Славки всегда получался не очень: так, на твердую тройку, в лучшем случае, что давало повод Стешенкову постоянно подкалывать лейтенанта:

- Решетников, опять одна пуля в молоко, - тыкал он пальцем, разглядывая Славкину мишень. – Это, конечно, не ручкой по бумажкам чиркать. Смотрите, как надо.

Они возвращались на огневой рубеж, и начштаба, картинно расправив плечи, всаживал без пауз все три пули в десятку. Что-что, а стрелял Стешенков отменно.

- Вот так, товарищ лейтенант стрелять нужно! Суровцев, выдай-ка Решетникову еще патронов. Посмотрим, что он из всего этого понял.

Так продолжалось довольно долго, пока начштаба, проверяя канцелярию, не обнаружил, что Славка не имеет личного оружия:

- Что за бардак? – наорал он на Суровцева. – Немедленно вызвать Решетникова!

Пистолет пришлось получить. И с этого момента результаты на стрельбище пошли в гору.

Девятого мая, в день Победы, Вячеслав с приятелями вновь договорились пойти в гости к Володе.

- Приглашают хозяева, - сказал Матвеев, - надо только подготовиться, как следует.

Заранее купили водки, слили ее в трехлитровую банку и нарезали туда пару свежих лимонов:

- Ликер «шасси», - сглотнул в предвкушении слюну Матвеев, - постоит пару дней, в самый раз будет.

Девятое выдалось почти по-летнему жарким. Талые ручьи журчали по дорогам, воробьи шумно дрались возле разлившихся луж, все вокруг ожило, зашевелилось, затрепетало. Солнце палило с чистых, голубых небес, пригревая вытаявшую кое-где

на косогорах прошлогоднюю и уже начинающую зеленеть траву.

Оделись в легкие, болоньевые плащи, так как в пальто было слишком душно, и отправились к обеду по знакомому адресу. У Володи собрались все те же люди, только добавилась одна молодая, в очках женщина. Она и встретила их в прихожей вместо хозяйки, как обычно занятой на кухне.

- Фаина! Матвеева симпатия. В райкоме инструктором служит, - пояснил потихоньку, чтобы никто, кроме Славки не услышал, Гомянин. - В прошлый раз ее не было, куда-то на учебу уезжала.

- Привет, Слава! – выпорхнула в прихожую Галя и чмокнула Вячеслава в щеку. – Проходите мальчики, только все вместе. Мы вам подарок приготовили.

Она вновь проскользнула в дверь, и, когда они все вместе вошли в гостиную, хором раздалось пение молодых девичьих голосов. Пели две неразлучных подружки, им подпевала Наташа, и только Людмила, по своему обыкновению, сидела в сторонке, молча, наблюдая за всем происходящим. «Вы служите, мы вас подождем», - закончили куплет девчата и перецеловали всех подряд.

- Сегодня, вроде, не двадцать третье, - удивился Славка. – Чего это вы нас поздравлять вздумали? Мы же не ветераны.

- А, все равно почти военный праздник! – отмахнулась от непонятливого лейтенанта Галя. – Тебе, что, не нравится?

- Да, нет, - ответил обескураженный Славка.

- Вот и прекрасненько! Дай-ка я тебя еще раз поцелую!

- Хорош, лизаться! – прервал это проявление лучших человеческих чувств появившийся в дверном проеме Володя. – Фаина, усаживай всех за стол, водка стынет. Мать, ты где? – крикнул он на кухню.

- Иду! – раздался голос хозяйки, и вскоре все гости вместе с хозяевами, притихнув после приветствий и поздравлений, уселись за стол.

Настоянную на лимонах водку из трехлитровой банки разлили по графинчикам, выставленным хозяйкой из серванта, и Матвеев, как и раньше, произнес первый тост:

- За ветеранов! За тех, кто на службе! За Победу! – все дружно поднялись и, чокнувшись, выпили.

Действительно, вот они собрались за столом, празднуют, а кто-то ведь и в наряде ляжку тянет. Так, что, тост был вполне к случаю. А потом, начали поднимать за отцов и старших братьев, за сорок пятый год, петь военные песни тех времен и вспоминать, кому, что рассказывали родители о той далекой, оставившей глубокий шрам в памяти народной, войне. Людмила от выпитого раскраснелась, разговорилась и начала изредка улыбаться, в ответ на реплики Вячеслава, чем немало удивила лейтенанта, видевшего ее в прошлый раз совершенно другой, почти каменной. По просьбе Матвеева и девчат, он снова взял в руки гитару, и, так, как в этот раз Перминов отсутствовал, принялся осуществлять музыкальное сопровождение поющих. А потом и сам спел песню Окуджавы: «Вы слышите, грохочут сапоги...», заслужив горячие аплодисменты окружающих. Потом танцевали, и Людмила уже не отталкивала Вячеслава, как в прошлый раз, отвечая легкой улыбкой, а го и смехом на все его глупости, которые он, красноречиво жестикулируя, рассказывал ей за танцами и продолжал рассказывать за столом. Еще позже он вышел в кухню, где Людмила разливала чай, и, внутренне холодея, развернул девушку за плечи лицом к себе и поцеловал прямо в губы, ожидая немедленного отпора. Но Людмила, хотя и не ответила на его поцелуй, похоже, и не обиделась: спокойно поставила чашки на поднос и, улыбнувшись Славке едва заметно, уголками губ, понесла их в гостиную, не подав вида, что между ними что-то произошло. Сердце у Славки пело. Но этому душевному подъему что-то все-таки мешало. Не к месту, в памяти внезапно и беспричинно возникал образ Светланы, хотя он тут же, хотя и не сразу, старался отогнать его. Как же так, мелькало у Вячеслава в голове, еще три дня назад он жить не хотел, потеряв надежду вернуть любимую, как ему казалось, единственную на всю жизнь девушку. А сегодня все тоскливые, вчерашние переживания стали какими-то далекими и почти не реальными, как из какой-то другой, не его жизни. Наверное, это все не слишком порядочно выглядит и плохо

пахнет? И хорошо еще, что никто не догадывается, про эти его душевные страдания. Ну, может быть Гомяша? Еще через пару минут он окончательно выбросил эти тревожные, надоедливые мысли из головы, и вновь пошел танцевать с Людмилой.

- Я гляжу, у тебя все в полном порядке! – подмигнул ему Юрий, танцующий с Галиной рядом. – Так держать!

Славка незаметно показал приятелю кулак, и тот картинно сжал губы: молчу мол.

- О чем это он? – не поняла задумавшаяся о чем-то на секунду Людмила, но Вячеслав постарался перевести разговор на другую тему:

Он начал рассказывать о Дальнем Востоке, о том, как осенью кета стеной поднимается по рекам на нерест, какое пронзительно холодное даже в июле Охотское море, и при этом, какое оно по своему прекрасное. К тому же самое изобильное из всех наших морей и рыбой, и зверем.

- Нерпа в воде почти у берега плещется, - воодушевленно рассказывал он. - А голову из воды выставит, ну, собака и собака!

- Она, что, людей не боится?

- Да нет, боится, наверное. Но любопытство верх берет. А лебеди, какие на озерах! Красота! И вокруг горы, все в кедростланнике. Я вот до сих пор не могу привыкнуть к местному пейзажу, однообразие угнетает, да и горизонта из-за сосен не увидишь.

- Нет, здесь летом хорошо! Особенно на озерах, а озер по району тьма.

Правда, дороги такие, что не дай Бог. Но при желании добраться можно. Особенно красиво на Арантуре, да и на Светлом прекрасно. Там у леспромхоза нашего пионерский лагерь. Мы с отцом всей семьей часто летом на выходные туда купаться ездим.

- А я еще и не видел, какое оно здесь лето?

- Лето, оно и есть лето! Солнышко греет, воздух пахнет смолой! – мечтательно высказалась Людмила. - Еще бы комаров поменьше было. Но в принципе и от комаров мазь есть. У вас

на Востоке тоже, ведь, не без них?

- Комариков везде хватает, это точно!

- А, что такое «стланник»?

- Ну, кедр такой, северный. Подрастет с метр от земли и начинает над ней стелиться. Сплошным ковром сопки покрывает, не продерешься.

- И шишки у него есть?

- А шишки такие же, как здесь. Чуток, может быть, поменьше, но орех точно такой же. У нас под Хабаровском, на Хихцыре кедры конечно повыше местных, да и шишки втрое больше. Но орех – не разгрызешь. Мать моя, так та щипцами раскалывала, а по-другому – все десны обдерешь! И ваш, местный орех вкуснее, масла, видимо, больше.

- Ну, вот, хоть что-то и у нас лучше! Тут правда кеты не водятся, но карасей в озерах предостаточно. Ближе к лету рыбаки в поселок постоянно живых завозят. Жареные, да еще в сметане – просто объедение!

Славка незаметно для себя почти совсем освоился с Людмилой, и, уже не опасаясь получить отпор от не такой уж, как казалось сначала, привередливой и своенравной девчонки, свободно болтал с ней на всевозможные темы. А ночью пошел провожать ее домой снова, и, прощаясь, минут пятнадцать целовался с ней в темном подъезде. За весь этот вечер он больше ни разу не вспомнил о Светлане, хотя где-то в подсознании ему что-то постоянно мешало быть с Людмилой совершенно откровенным и раскованным. Видимо та обида, которую, как он считал, получил абсолютно незаслуженно, подспудно присутствовала в нем и породила эту настороженность. Со странным, смешанным чувством одержанной победы, счастливый и возбужденный, он вернулся домой. Парни еще не возвратились, но он не стал ожидать их, а сразу лег в постель и мгновенно заснул сном праведника. Светлана ему в этот раз так и не приснилась. А утром началась новая жизнь со своими вопросами, которые требовали немедленного разрешения, со своими загадками, маленькими поражениями и победами. И не зря же говорится – время лечит! Вот и Славку, видимо, время вылечило

окончательно и бесповоротно. Тем более что, скучать и предаваться философским размышлениям над бестолковыми вопросами типа: быть, или не быть, стало некогда. Новый главный инженер, капитан, который заменил Понюшенко, но с приставкой «ио», однажды появился в техчасти с сообщением о начале строительства еще одного моста через какую-то речку Пелым, и приказал собираться в бригаду за проектной документацией:

- Прихвати с собой Перминова, а то в одиночку эту макулатуру не унести. Получайте деньги, командировочные удостоверения, и – вперед! Когда, вернешься, съездим в этот самый Пелым на рекогносцировку, посмотрим, что, да как. Мост там чуть меньше, чем на Лозьве, но тоже метров около двухсот. Давай, исполняй.

Май пролетел незаметно.

Глава 7

В июне провожали на дембель Петю Панкротова. Закончились его два года службы. Накануне, оставив дочку на время у бабушки, к нему приехала супруга, такая же, как он, крупная женщина с полными губами на круглом лице и с очаровательными ямочками на щеках. Прямо из Советского они собрались отправиться на отдых в Крым. Петька бегал по части, оформляя какие-то бумаги, и улыбка не сходила с его веснушчатого лица. Еще бы, все это: и морозы, и гнус, и надоевшие кривые сосенки на бескрайних северных болотах оставались здесь навсегда, а впереди ждал жаркий полуостров, море, и, в конце концов, вымытый асфальт Питера.

- Все равно скучать будешь, - сказал ему Славка, - два года – не два дня.

- Конечно, ребята! – ответил с какой-то грустинкой в голосе Петр. – Но сами понимаете, жизнь, в конце-концов, как-то устраивать нужно. У меня в Питере квартира, как-никак, да и родственники все там. Да и вам тоже не так долго тут батрачить осталось, не успеете оглянуться.

- Ладно, не бери в голову, всем нам когда-то придется решать, что делать дальше, - успокоил его Сашка Ворошнин. – Вон у тебя и жена – красавица, и дочка имеется! А много ли

человеку для счастья надо?

Разговор о будущем частенько возникал в разговорах. А, когда находились в Першино, как правило, перед сном. Приходилось долго согреваться под наброшенными поверх одеял полушубками в холодном, продуваемом ветрами офицерском общежитии.

- У меня дядя управляющим трестом в городе, - рассказывал Деряга. - Пойду, наверное, в трест работать, приглашали после службы.

- А я бы на твоём месте года два на линии попахал, - советовал Деряге Панкратов. - Опыт, как никак!

- На кой он ему, опыт этот самый? - возражал Ворошнин. - Он его и здесь по самое не хочу хлебнет! Иди Женька в контору: чистенько, тепло и секретарши приятные сидят! А на производстве дураков пахать и без тебя найдется!

- Вот то-то и оно, что дураков! - сердился Петр. К тому же, на линии рост побыстрее. Поработал год другой прорабом, а там гляди - уже начальник управления. А с начальника в трест никак не меньше, чем на должность главного инженера возьмут. А попробуй-ка с клерка в руководство пробиться!

- Пробьется, раз дядя - управляющий! - не унимался Сашка.

Славка тоже задумывался, что ему предстоит, когда служба закончится. Ехать было особенно некуда. Отец вскоре собирался на пенсию, и мать усиленно тащила его к себе на родину, в Тверь. Там жила и Славкина бабушка Полина, мамина мама. А Вячеславу возвращаться под родительское крыло совершенно не светило. Тем более в город, где у него ни друзей, ни приятелей. Можно было, конечно, вернуться в Хабаровск, но и с ним все связи были уже почти утеряны. Дружья разлетелись по стране, кто куда, а те, что остались, уже завели семьи, и им не было никакого дела до старого, школьного приятеля. Своих забот по горло. Здесь, в Советском, правда, развернулось строительство крупного деревообрабатывающего комбината, и Славка как-то однажды даже побывал на строительной площадке. Стройка его впечатлила: металлоконструкции цехов с многометровыми пролетами, эстакады труб над проездами и

ревущая на морозе в клубах пара техника. В крайнем случае, можно будет устроиться и сюда, тем более, что рабочих рук, как он понял, катастрофически не хватало. Но, когда это еще будет? И он старался не особенно загружать свою голову подобными мыслями...

Проводины устроили в субботу прямо в общежитии, так как клуб пришлось отдать временно под жилье вновь прибывшим накануне в часть семьям молодых, закончивших училища офицеров. Разгородили помещение фанерными перегородками, и – пожалуйста! Общежитие к этому времени снова наполнилось народом. Из постоянно проживающих отсутствовал только Евгений Деряжный. Он снова поселился в общежитии, только на время, уступив свою квартиру кому-то из прибывших, так как в конце мая жена его уехала к маме, в Новосибирск. Она была беременна на восьмом месяце, и, не доверяя местным докторам, отправилась на сохранение, да и рожать к родителям. Впрочем, и правильно сделала, как говаривал Деряга. Ну и что из того, что придется поскучать друг без друга с полгода, зато ребенку и матери куда как лучше. Вот Женя и переехал в первых числах июня в общежитие, поближе к народу, но как раз накануне Петькиных проводов его отправили подменить Иванова в Першино, где тот уже месяц сидел с бойцами, охраняя имущество и разгружая прибывающие вагоны. У Иванова тоже вот-вот должна была родить жена, и начальство, войдя в положение, подменило его временно холостым Деряжным. На проводины заглянуло все руководство, так как Петя пользовался уважением за солидность и неторопливость в решениях, как технических, так и жизненных вопросов. Вследствие чего, ошибок при строительстве случалось куда меньше, чем можно было ожидать от молодых и неопытных в основном-то инженеров. Если, конечно, не считать сдвинутой на несколько секунд продольной оси моста. Но, кто об этом знал, кроме узкого, особо приближенного круга друзей. Тем более что, землерои, так называли мехбатовцев, так в тот раз и не разобрались, почему насыпь увеличилась в объеме. Комбат вручил Петру от части подарок на память: корабельный хронометр, оформленный в

лакированном березовом капе. Похоже, подарок делали в той же Першинской зоне, где и остальные подобного рода сувениры. Еще комбат поздравил Петра с присвоением очередного звания старшего лейтенанта:

- Спасибо вам, Петр Вениаминович, за службу! Желаем вам от всего личного состава успехов в гражданской жизни, ну и не забывайте старых друзей.

Растроганный Панкратов долго обнимался с комбатом, и даже замполиту, которого не слишком жаловал, улыбнулся на прощание. Жена у Петра вся так и светилась от удовольствия: как ее Петеньку уважают! А ночью, всей гурьбой пошли провожать супружескую пару на поезд. У вагона Славка обнял Петра, и в горле у него запершило от волнения: столько вместе пережито, а вот приходится расставаться, и, возможно, навсегда.

- Ну, давай! Пиши, что ли?

- Давай! Деряге поклон передавай. Жалко, что его не вовремя отослали.

- Передам. Счастливого пути!

- Давай, Слава, отваливай! Другие тоже хотят попрощаться! – оттянул Вячеслава от приятеля Матвеев. – Вот, держи, Петя, на память! – и Матвеев протянул Панкратову великолепно выполненный охотничий нож, которым всегда хвастался перед ребятами. – Немецкий, - говорил он, - трофейный. Дядька с войны привез.

- Спасибо, Виктор! – растрогался Петя, он-то знал, как дорог этот нож Матвееву.

- Не за что! – обнял Панкратова главбух. – Не забывай нас.

- Давай старик! Счастливо! – похлопал Петю по плечу Гомянин. – На вот лимонада в дорогу! – он торопливо протянул две бутылки напитка Петру, уже взобравшемуся под ругань проводницы на ступени вагона.

Поезд отошел от перрона, и все, кто остался, внезапно притихли. Возвращались в общагу молча, каждый думал о своем. День оказался слишком длинным, а завтра было воскресенье, и намечалась игра в волейбол с командой местного леспромхоза. Нужно было выспаться, как следует.

К середине июня начало прибывать пополнение из нового призыва. В основном это были уроженцы многочисленных южных республик нашей необъятной державы. Покинувшие совсем недавно родные аулы и кишлаки, они чувствовали себя явно не в своей тарелке, стараясь быть, как меньше заметнее, и, как можно реже попадаться на глаза командиров. Передвигались новобранцы по территории части, в основном, стайками, испуганно озираясь по сторонам, и вид имели довольно убогий. Форма болталась на нескладных фигурах, как на пугалах, и пузырилась на локтях и коленях, что вызывало постоянные насмешки старослужащих и недовольство ротных командиров. Особенно негодовал начштаба Стешенков. На всех совещаниях и планерках он требовал от ротных привести, наконец, всю эту орду, как он выражался, в надлежащий вид:

- Когда они у вас, наконец, на людей походить будут? Болтаются по части, как пьяные! Честь и ту толком отдавать не научили, командиры, мать вашу! Вы, давайте, не расслабляйтесь, господа офицеры: через неделю присягу принимать!

- Так, многие, товарищ майор, и говорить-то по-русски не умеют, - пытались оправдаться ротные. - Им толком ничего и не объяснить, шарахаются, как стадо баранов, от каждого скрипа.

- Ничего, коллектив научит. Не все же, в конце концов, безмозглые и безграмотные, есть и сообразительные. Пусть сержанты таких, кто пошустрее, выделяют, и работают с остальными через них. Да и самим нужно почаще с подчиненными заниматься, нечего все на замполитов валить! Не может быть, чтобы все были такими затюканными!

- Да, почти все, товарищ майор! Если на взвод человек пять в школе до конца проучились, то уже хорошо.

- Короче, все эти ваши дрюченные оправдания не принимаются! Через неделю - присяга, а через две - учения, вот и будьте добры, до этого срока сделать из этого стада нормальных военнослужащих. А выводы, кто как работал сделаем на июльском партсобрании! Берите пример со Шварцера. У него почему-то получается.

Лева даже зарделся от удовольствия.

- Ну, Лев, с тебя поллитра! – бесцеремонно заявил Ворошнин, когда они вышли с совещания.

- За что? – удивился лейтенант.

- Орден скоро дадут! – заржал Сашка.

- Учись, учись, Ворошнин, с людьми работать! – поддел Сашку Дубов, довольный, что его роту отметил комбат.

- Нам это – раз плюнуть! – Сашка потряс перед собой своими здоровущими кулаками. – Как шелковые будут!

- Смотри, совсем не зашугай! – спокойно притормозил Ворошнина Коля Зубков. – Людей учить надо, а не пугать. Прав комбат.

Каким-то образом узнав, что в санчасти работает добрый доктор Абрамян, который какой ни какой, а восточный человек, почти земляк, и который никогда не отказывается выслушать жалобы любого, весь этот многонациональный контингент внезапно и одновременно заболел. К санчасти, в которой редко и два-то человека лежали, потянулась очередь пациентов. У одного болела голова, у другого – еще что-нибудь, и конца края этой очереди не предвиделось. Виктор практически не вылезал из санчасти, безуспешно пытаясь остановить эту волну стремительно возникшей, странной эпидемии. Но, как он не старался, число заболевших не снижалось, пока за дело не взялся сам начштаба, майор Стешенков. Он лично явился в санчасть, надел белый халат и устроился за столом в Витькином кабинете:

- Давай следующего! ·

Грозно взглянув на тщедушного солдатика, появившегося из-за двери, он не произнес, а почти прорычал:

- Фамилия?

- Моя? – вздрогнул от испуга, не ожидавший такого приема солдатик.

- Твоя, твоя! Тебя что, не научили старшим по званию представляться? - снова рыкнул майор, забыв, что на нем надет халат, и пагонов не видно.

- Рядовой Какоев! – вытянулся в струнку солдатик.

- Ну, вот, так-то лучше! А говорили, что по-русски никто не понимает, - удовлетворенно усмехнулся майор. - На что жалу-

ешься, Какоев?

- Живот болит, доктор, - скорчил на лице скорбную мину солдатик.

- И давно это у тебя?

- Вчера схватило, доктор, - еще жалобнее выдавил из себя рядовой.

- Давай, раздевайся быстро! Лейтенант, веди его в операционную! – повернулся Стешенков к Абрамяну.

- Зачем, товарищ майор? – не понял Виктор.

- Как за чем? Лечить будем! А ты чего стоишь, как столб? - повернулся начштаба к бойцу. – Я кому сказал раздеваться?

Стешенков прошел в соседнее помещение, где располагалась операционная, а Виктор, начавший потихоньку кое-что соображать, вместе с оголившимся до пояса солдатиком проследовали за ним.

- Где у тебя тут инструменты? – спросил начштаба Абрамяна.

Тот достал из стерилизатора сверкающую нержавеющей сталью кювету с операционным инструментом, открыл ее и поставил на инструментальный столик.

- Ложись на стол! – приказал начштаба полуголому, покрывшемуся мурашками солдатiku.

- Зачем, доктор? – испуганно вытаращил глаза рядовой Какоев.

- Резать будем! – Стешенков достал из кюветы хищно блеснувший на свету скальпель, и зачем-то попробовал указательным пальцем, как он заточен. – Давай, быстрехонько – на стол! Кстати, лейтенант, у тебя шприц для наркоза покрупнее есть?

- Так точно, товарищ майор! – до Виктора, наконец, окончательно дошло, что Стешенков затеял какой-то спектакль, и он решил подыграть. – Вот, держите! – он протянул майору громадный, на пол-литра шприц, применяемый для удаления из ушей серных пробок.

Стешенков взял шприц, повертел его, разглядывая на свету, и вновь повернулся к бойцу:

- Ты, что, еще не лег? Быстро на стол, кому сказал!

Солдатик побледнел, как полотно, и, почти теряя сознание

от ужаса, пулей вылетел за дверь. Стешенков положил шприц на место и повернулся к Виктору. Вид он имел грозный, но глаза смеялись:

- Все понял, лейтенант? А то чикашься тут с ними!

- Так точно, товарищ майор! – ответил еще не отошедший от всего увиденного Абрамян. – А вдруг он все-таки болен?

- Если человек болен, доктор, то снова придет. Или его принесут. Пошли, что ли!

Они вернулись в Витькин кабинет, и через двадцать минут прием закончился: очередь болящих растаяла, как утренний туман под лучами солнца.

- Следующий! – в очередной раз рыкнул начштаба, но вошедший сержант, санитар санчасти, доложил, что больше посетителей нет. – Ну, вот и все. Учись у старших лейтенант! – снял халат майор. – А то скоро тебе все эти землячки на шею сядут.

- Я, вообще-то, из Москвы, товарищ майор! Так, что они мне не земляки вовсе!

- Да, ты не обижайся, лейтенант! Это ты так считаешь, а для них всякий единокровец – земляк! Не подпускай к себе шибко близко, а то оседлают! Больных, конечно – в лазарет, а симулянтов гони! Ладно, я пошел, – Стешенков повесил халат на крючок и вышел за дверь.

История эта быстро стала широко известной в части, да и в соседних батальонах тоже, обрастая со временем придуманными поворотами и подробностями.

- Ну, как, научил тебя Стешенков врачевать? – шутили офицеры, а Виктор только отмахивался от надоевших вопросов.

При том, при всем, больных в части сразу стало на порядок меньше, и Виктор подсознательно был благодарен начальнику штаба. Как никак, показатели по санчасти стали гораздо выше, а тревожные звонки начмеда бригады – гораздо реже, да и работы поменьше. В общем, новобранцы начали привыкать к службе.

Пятнадцатого июня, утром, в общежитие, где, закончив утренний туалет, все уже собирались на службу, ввалился ра-

достный Иванов с авоськой спиртного.

- Мужики, у меня сын родился! – восторженно проорал он.

- Поздравляем! – от имени всех присутствующих, ну, и, как старший по званию, первым поздравил Александра Матвеев. – Только, Саша, пьянку переносим на субботу. Сегодня ночью тревога будет, учения начинаются, так, что, извини.

- Ну, как же так, мужики? Ведь сын же родился? – растерянно спросил, огорошенный таким приемом Иванов.

- А что делать? – ответил вопросом на вопрос Матвеев, но, увидев огорченное лицо лейтенанта, махнул рукой. – Ладно, наливай! Товарищи офицеры, из уважения по пять грамм за новорожденного! Но только по пять грамм!

Иванов радостно заулыбался, и крикнул Боговичу, чтобы тот тащил стаканы.

- Поздравляю! – чокнулся с Ивановым Славка. – Сколько весит?

- Четыре сто.

- Здоровый парень! – удивился Матвеев. – Ну, дай ему Бог всего на этом свете! – главбух опрокинул стакан. – Подарок с нас, Саша!

- Спасибо, мужики! Ну, давайте, вам пора, а я побежал в больницу. Узнаю, может что нужно!

Обсуждая новость, все дружно оделись и вышли из общежития. День обещал быть теплым и солнечным. Во все стороны на небе не было ни облачка.

- Это ты, правда – про тревогу-то? – спросил Матвеева Славка.

- Все точно, как в аптеке, мой юный друг! Сведения, как говорится, из первых рук. Сегодня начштаба бригады прибывает, да и твой Кривякин тоже. Тактико-специальные учения: будем Северную ветку к сдаче долизывать.

- Понятно.

- А, что тебе понятно, Слав? Засунут на трассу, комаров кормить, вот и вся недолга. Так, что, попрощайся с Людочкой минимум на месяц! – проинформировал товарища Гомянин.

- Да, я ее и так недели две почти не видел.

- Что ж так? Взбрыкивает опять? А ты понастойчивее будь! Бабы они напор любят!

- Не пойму я ее, что-то. То, вроде, нормально все, а то, будто кошка пробежит.

- Ну, это-то, допустим, понятно! – высказался Матвеев. - Как настоящая, умная и хитрая женщина, она тебя на коротком поводе держит. Это у них тактика такая: сначала – подпустить, а потом – помуржжить! А ты не обращай внимания на ее капризы, гни свою линию. А еще лучше – брось на некоторое время! Вот увидишь: сама прибежит!

- Ладно, разберемся помаленьку!

- Конечно, разберешься. Мужики, давай прибавим ходу, а то на развод опоздаем! – крикнул Матвеев отставшим ребятам. - Смирно! – скомандовал он, когда проходили мимо вокзала. – Равнение налево!

По перрону шла Настя, и Славка в который раз удивился, какими красивыми могут быть женщины.

- Вольно! – не останавливаясь, Настя одарила ребят очаровательной улыбкой.

- Как жизнь, Настя? – прокричал ей вслед Матвеев, но она, не оборачиваясь, только помахала в ответ поднятой над головой рукой и скрылась за дверью диспетчерской.

- Да, - произнес в наступившем молчании Лева. – Одарил же Бог кого-то!

- Кого надо, того и одарил, - подытожил Матвеев. – Прибавили шаг, опаздываем!

Вечером, после ужина, Вячеслав, вопреки советам Матвеева, все-таки позвонил Людмиле и пригласил в кино. В последний раз они виделись на танцах в клубе, и расстались после вечера довольно прохладно. А вот по какой причине, Вячеслав тогда так и не понял.

- Придешь? – спросил он в трубку и, получив после томительного ожидания согласие, отправился в общежитие чистить перья, как выражался Матвеев. Еще через час он стоял и курил в ожидании возле кинотеатра «Луч». Людмила появилась не одна, ее, как верные телохранители, сопровождали две нераз-

лучных подруги Валя и Галя. «Вас тут только и не хватало!» - не слишком обрадовался им Славка, но вслух ничего не сказал, изобразив на лице неподдельную радость.

- Привет, Славик! - защебетали подружки. - Давно не виделись.

- Здравствуйте! - поздоровался Вячеслав и, не обращая особого внимания на подружек, подошел к Людмиле. - Здравствуй!

- Привет! - откликнулась на приветствие Славки девушка и, не оказав лейтенанту никаких заметных знаков внимания, повернулась к неразлучной парочке. - Пошли за билетами, что ли?

- Пойдите! Я сейчас куплю, - остановил друг Вячеслав. - Проходите в фойе, я мигом!

В фойе уже толпился народ. Фильм был новый, про любовь, с участием популярных исполнителей, так, что, аншлаг был полным. Не имея никаких особых, развлечений жители поселка с удовольствием ходили на новые фильмы. Кроме всего прочего: себя показать, людей посмотреть! Телевидение в поселке было местным, и хотя, кроме, естественно, новостей района, художественные фильмы крутили по ящику каждый вечер, они нередко повторялись и не по одному разу. Фильмотека на теле-студии оставляла желать лучшего. И, когда в кинотеатр завозили новинку, весь поселок в течение двух, трех дней по вечерам собирался здесь.

- А где Юра? - спросила Вячеслава Валентина, имея в виду Гомянина. - Его уже почти месяц не видно. Может, заболел?

- Да, нет! Его взвод сегодня на Пелым забросили. Готовит площадку под разгрузку материалов. Новый мост будем начинать. Должен, вроде, к концу недели появиться.

- Передавай привет, когда появится!

- Передам. И не когда появится, а завтра же позвоню, если хочешь. Связь уже наладили.

- Вот еще! - хмыкнула Галина. - Перебьется! Пошли в зал, уже пускают, - и она потащила Валентину за собой.

Славка вместе с Людмилой, слегка приотстав, двинулись за подругами. Продвигаясь к своим местам следом за девушками, Вячеслав успел ответить на приветствия нескольких знакомых,

тоже пришедших посмотреть фильм. В соседнем ряду, чуть сбоку, сидел Ягодкин с женой.

- Здорово, Вячеслав, сто лет тебя не видел! Где пропадаешь?

- На Пелыме неделю отирался, а до этого в Серов ездил по делам.

- Ну и как там Серов?

- А куда ему деться? Стоит.

- Ну, после нашей глухомани, город, все же! Заходи ко мне в контору, а то давно вместе не сидели.

- Вам бы все сидеть! – заворчала жена Виктора. – Когда только напьетесь?

- Брось, мать, ворчать! – начал, было, Ягодкин, но тут же стих, так, как в этот момент раздался последний звонок и свет в зале погас.

Начался киножурнал, и Славка тоже расслабился, откинувшись на спинку кресла. Он исподволь, чтобы девушка не заметила, поглядывал на курносый профиль Людмилы, подсвеченный дрожащим светом, отраженным от полотна киноэкрана. Но та, видимо, почувствовала его взгляд, и, не поворачивая головы, шепнула так тихо, почти не разжимая губ, что он скорее понял, чем услышал:

- Смотри на экран.

Славка подчинился и минут десять внимательно взирал на то, как комбайны в Запорожье заканчивают сбор урожая, а в Анголе продолжается война. Но вскоре ему это надоело, и он вновь скопил глаза на девушку. Та, почувствовав на себе Славкин взгляд, дернула его за руку, но он поймал ее теплую ладонь и зажал в своей пятерне. К его удивлению она не выдернула свою ладонь из его ладони, а, только, слегка повернула лицо, и, едва заметно улыбнувшись, прижала палец к губам. Потом потихоньку высвободила свою руку, и, как ни в чем не бывало, поправила упавшую на глаза прядь волос. После чего вновь принялась внимательно и сосредоточенно смотреть на экран, где уже появились первые титры фильма. Началась, собственно, кинокартина, и Вячеслав постепенно заинтересовался сюжетом и жизненными коллизиями, в которые попадали киноге-

рои. Когда он вновь попытался взять Людмилу за руку, та опять не оказала никакого заметного сопротивления, а только вновь приложила указательный палец второй руки к пухлым губам. Тихо, мол! Люди смотрят! Так они и просидели: рука в руке до конца сеанса, ощущая ладонями трепетное тепло друг друга. Славка не знал, что сейчас творится на душе у девушки, но сам чувствовал какое-то необычное и одновременно знакомое, охватившее все его существо, волнение. Сердце билось горячо и часто. Ему даже жарко стало, и он едва дотерпел до того момента, когда закончилась картина, и в зале вновь зажегся свет. Людмила торопливо отдернула руку, но он, каким-то пятым чувством, понял, что в этом жесте девушки не было давешнего недовольства. Да и на лице ее он не заметил обычной притворной холодности. Зрители потянулись к выходу.

- Забегай! – попрощался Ягодкин, и жена, подхватив его под локоть, потащила за собой.

Делясь впечатлениями, все вместе, вчетвером они вышли на улицу, в ночную прохладу, мигом остудившую пылающие щеки Вячеслава.

- Ну, и как фильм? – спросила Валентина, обращаясь сразу ко всем. – Мне – как-то не очень!

- А мне понравился! – возразила Галина. – Конечно, от ткачихи до директора комбината – это перебор, но в остальном – все правильно!

- А мне Гоша больше всего понравился. Настоящий мужик, без придури, не то, что наши! – Людмила и бросила из-под бровей незаметный взгляд на Славку, от которого у того гулко забились, готовое вырваться из груди сердце:

- Сказки все это! – коротко выразил он свое мнение, не вполне четко уже припоминая сюжет, так как все его мысли во время киносеанса были заняты совершенно другим.

- А и пусть сказки! – вмешалась Галина. – Зато смотрится красиво, глазам приятно и душа отдыхает. И подумать есть о чем. Радуйтесь, что такие фильмы завозят! Тебе что, на нашу серость смотреть не надоело?

- Ты о чем? – не понял Славка, поглощенный своими мыслями.

- О том! – надулась от такого невнимания девушка. – Пошли, Валь, видишь, эти красавцы от нас поскорее избавиться хотят.

- Никто ни от кого не хочет избавиться, - возразила Людмила. – Чего ты взбрыкиваешь, как лошадь необъезженная? Пойдемте лучше, прогуляемся, воздухом подышим.

- Сама ты лошадь! – обиделась на Людмилу Галина, но Валентина одернула ее, и потянула за собой по тротуару вдоль центральной улицы.

- Куда вы? – окликнула их Людмила. – Пойдите.

Девушки остановились. Набывчившаяся Галка вопросительно посмотрела на Валентину.

- Не дуйтесь, - подошла к девочкам Людмила, а следом за ней и Славка.

Солнце, несмотря на то, что было около десяти, низко висело над горизонтом на северо-западе. Белые ночи – как никак! Славка, как ни старался, до сих пор не мог привыкнуть к этому, с мая месяца негаснущему небу, даже сон у него испортился, стал тревожным и неглубоким. Правда, он все-таки нашел какой-нибудь выход: взял у Боговича еще одно байковое одеяло и прибил его на окно комнаты мелкими гвоздями. Спать стало комфортнее: солнце не лезло в глаза круглые сутки.

- А нас завтра, похоже, по точкам разбросают, - неожиданно для самого себя сообщил девочкам Вячеслав. – Тревога намечается.

Никто ничего на это не ответил, и в воздухе вновь повисло молчание.

- Какая такая тревога? – спросила, наконец, Валентина.

- Учения начинаются, тактико-специальные. А если проще: пахать будем день и ночь на трассе.

- И куда вас отправляют?

- На Север, куда-то. Я там ни разу не был, так что не знаю.

- Что-то комарье донимать начинает, - Людмила сломала ветку с ближайшей березы и начала отмахиваться от надоевших насекомых. – Ладно, девочки, мне пора, - она по очереди чмокнула Галину и Валентину в подставленные щеки. – Ты, Галка, на меня не обижайся! Прости, сорвалось, сама не знаю

как. Слава, проводи девочек, поздно уже.

- Ну, уж нет! – запротестовала Валентина. – Проводи-ка, Слава, Людмилу лучше! Нас двое, да и народу еще на улицах полно, а она одна. Да и нам тут рядом к тому же.

Тут она слукавила: топтать было довольно далеко.

- Конечно! – сделав небольшую паузу, ответил внутренне обрадованный предложением, но не подавший вида Вячеслав, которому ну просто не светило тащиться с подружками за тридевять земель, да и совершенно не хотелось расставаться с Людмилой, тем более что в их отношениях наметилось, какое никакое потепление.

- Ладно, мы побежали! – и Валентина за руку потянула Галину за собой. – Не забудь Юрке привет передать, когда увидишь!

- Не забуду, - Славка повернулся к молчавшей все это время Людмиле. – Ну, что, пойдём?

- Пошли.

Они тронулись назад по бетонному тротуару в сторону Людминого дома, отмахиваясь от обнаглевших вконец комаров. Славка нет-нет да украдкой бросал на девушку косые взгляды, пытаясь понять, о чем это она думает, но Людмила шла, не поворачивая головы, как будто его рядом и вовсе не было. Так молча, они и прошагали до знакомого подъезда. Расстроенный внезапной сменой настроения подруги Славка безо всякой надежды на успех попытался обнять девушку, уже понимая, что это ему вряд ли удастся. Людмила, как и в прошлую их встречу, снова натянула на лицо маску безразличия, и от нее вновь, как и раньше, ощутимо веяло холодом равнодушия и скуки.

- Не надо! – передернула она плечами, отбивая у Славки всякое желание продолжать. – Мне пора!

Людмила решительно повернулась и скрылась за дверями подъезда. Славка остался стоять, как оплеванный, проклиная свою слабохарактерность. Ну, что это такое? Давно эту девку надо послать куда подальше! Он, конечно, помнил слова Матвеева, что не надо обращать внимания на бабские капризы, но такое отношение, кого хочешь, выбьет из равновесия. И чего

ей надо? Принца что ли какого-то? Ну не желаешь продолжать отношения, так и скажи прямо, а то – ни туда, ни обратно. Сначала погладит, а потом холодной водой окатит. Бред какой-то! Он сплюнул под ноги, достал сигарету и чиркнул спичкой.

- Дяденька, а дяденька, дайте закурить! – раздалось внезапно откуда-то снизу.

Перед Вячеславом, словно чертенята из табакерки, возникли два пацана лет по десяти отроду. Их хитрые глазенки насто-роженно следили за тем, что предпримет в ответ на их просьбу дяденька, а ноги готовы были сорваться с места, если в воздухе вдруг запахнет тревогой. Видимо, не раз получали по ушам за свои вредные привычки. Славка сначала хотел шугануть этих малолетних нахалов, но потом подумал и вытащил из пачки две сигареты:

- А не рано ли курить начинаете, господа хорошие?

- А вы с Людкой гуляете? – ответил вопросом на вопрос розовощекий крепыш, затягиваясь дымом.

- Ишь ты! А ты кто такой, чтобы об этом спрашивать, оголец?

- А мы здесь с Петькой живем, - вместо ответа кивнул в сторону приятеля мальчишка. – Меня Юрка зовут, а вас как?

- А меня дядя Слава. Значит вы тут живете? Родители не гоняют, что так поздно по улице шарахаетесь? Да еще и курите.

- Не. Сейчас светло. А потом мы перед тем, как домой идти, из колонки водой рты прополощем.

- Думаешь, поможет?

- А то! Я уже сколько раз курил, а мать так не разу и не унюхала.

- А унюхает, что тогда?

- Выпорет! – спокойно, как о самом себе разумеющемся, немного подумав, ответил малолетка.

Славка затянулся в последний раз, затушил каблуком сигарету и кивнул пацанам на прощание:

- Я бы на вашем месте, молодые люди, курить-то бросил. Вредно.

- Да мы просто так. Интересно, - розовощекий Юрка отбро-

сил окуроч. – Вообще-то мы не курим.

- Вот и не начинайте лучше! Ничего в этом хорошего нет. Ну, бывайте здоровы, орлы! Пора мне.

- А вы еще придете сюда? – поинтересовался неугомонный парнишка.

- Не знаю! – раздраженно ответил Вячеслав, вспомнив их недавнее прощание с Людмилой.

- Придете, - безапелляционно заявил пацан. – Людка красивая, за ней всегда кто-то бегает. Но дура. Вечно нос задирает. Простой год ее тоже офицер провожал. Высокий такой. Валерой звали. Так она его так же, как вас каждый раз отшивала.

- Не понял! – просто остолбенел от такой наглости Вячеслав. – Это ты о чем?

- Что, я не видел что ли? – Юрка отскочил на всякий случай в сторону. – Да вон, и Петька видел.

- Что видел?

- А, как вы ее хотели поцеловать, а она вас отшила!

Славка вначале хотел поймать пацана и наподождать ему, как следует, но потом раздумал и махнул рукой:

- Ладно, акселераты, шибко вы много знаете. Топайте-ка домой лучше, философы дранные, первый час ночи! И поменьше в чужие дела нос суйте! А то, знаете: любопытной Варваре на базаре нос оторвали!

- Вот еще! Мы и не лезем. Дядя Слава, а вы, когда увольняться будете, мне свою портупею подарите? – неожиданно огорошил Вячеслава своим вопросом неугомонный Юрка. - Если не жалко, конечно? И Петьке, если можно, достаньте.

- Портупею? – удивился Славка. – Да на что она тебе?

- Так подарите, или как? – не унимался новый знакомый. – Мы у Людкиного ухажера еще в прошлом году просили. Но он так и не подарил. Забыл, может быть?

- До увольнения еще дожить надо.

- Доживем, - уверенно произнес Юрка, чем окончательно рассмешил Вячеслава.

- Ну, раз говоришь – доживем, значит – подарю!

- Ура! – запрыгал от радости пацан. – Ты ее только береги, не

попорти! – уже серьезно продолжил он, обращаясь к Вячеславу.

- Ладно, не беспокойся! Давайте пацаны – по домам, поздно уже совсем!

Славка, как взрослым пожал руки своим новым приятелям и вышел со двора на улицу. Настроение у него после разговора с мальчишками слегка приподнялось. И, правда, чего это он так раскис? Все перемелется, мука будет. Подумаешь, девчонка капризничает! Покапризничает, покапризничает, да и сдастся, куда она денется! Не таких видали! От этой мысли ему стало совсем легко, и он с шага перешел на поросячий галопчик, пытаясь уйти от комаров, противно воющих над головой.

А под утро сыграли тревогу...

Вместе с взводом Иванова они третьи сутки воевали на облицовке откосов береговых опор моста на пятьдесят втором километре Северной ветки. В палатке стояла невыносимая жара, и Славка, как штабник и наблюдатель, не слишком обремененный заботами о подчиненных, сидел чуть в стороне от моста, в лодке с наскоро налаженной удочкой и азартно вытаскивал жирных и пузатых ершей из речки. Воздух над речкой был попрохладнее, и пекло, стоявшее уже неделю, переносилось лучше. Речка с хантыйским названием Эсс вытекала из довольно обширного, но заполненного почти доверху илом озера, с заболоченными берегами, заросшими мелкими, корявыми соснами, и торчащими прямо из воды останками стволов отгнивших деревьев. Сначала он сплавал по реке на само озеро, но глубина там была не больше полуметра, дальше бездонный ил, и рыба практически не клевала. А в речке водилась вполне приличная плотва, по-местному – чебак, и в неопишемом количестве вездесущие и наглые ерши. У них был жор, что ли, и они хватали любую наживку почти мгновенно, как только крючок оказывался в воде.

Бойцы заканчивали укладку железобетонных плит на левобережный откос береговой опоры, Иванов пропадал в вагончике связи, названивая жене, а Славка проводил время, как мог. Благо, все высшее батальонное начальство, да и проверяющие из бригады, объехав разок ветку, окопались в Советском, и не

слишком их тревожили, удовлетворяясь ежевечерними докладами. Учения, которые начались, как боевые, со стрельб на полигоне и рытья укрытий, плавно перешли к рутине, а попросту к обыкновенной работе на объектах недостроенных батальонном в предыдущем сезоне. Разница была лишь в том, что приходилось повсюду таскать с собой не заряженные автоматы, натирая ремнями плечи, и изображать, что вокруг не дремлет вездесущий враг. Для отражения возможного нападения возле объектов оборудовались окопы, пулеметные гнезда, где круглосуточно дежурили пикеты, поедаемые гнусом, от которого единственным спасением служила мазь мерзкого цвета с резким запахом дегтя. Новый зам по тылу капитан Шишкин забросил на каждую точку по целой бочке этого зелья. Правда, было неясно, какому идиотскому врагу придет на ум отираться в разгар июля глубоко в тайге и кормить комаров, ради сомнительной перспективы подорвать пятнадцатиметровый мосточек на железнодорожной ветке к зачуханному леспромхозу. Тем более, что батальон имел возможность восстановить его в первоначальном виде за пару суток. Слава богу, что патроны не выдавали, а то бы еще кто кого ненароком подстрелил. И так комвзводы и ротные неровно дышали: а ну, кто из новобранцев посеет оружие. Вот тогда будут учения – всех на уши поставят!

Северная ветка, как Вячеслав слышал однажды в бригаде, была частью или скорее началом дороги, которую планировали протянуть до Лобитнангов, чтобы соединиться с железной, уже функционирующей через Воркуту до самого Питера. Первоначально хотели протащить дорогу от Ивделя по восточному склону Уральского хребта, и даже построили кусочек до станции Полуночное. Но позднее, где-то наверху решили, что болотный вариант дешевле, и два года бригада ковырялась на ветке длиной в семьдесят с небольшим километров. Ковырялась не торопясь, поскольку на самой Ивдель-Оби недоделок тоже хватало: расширяли станционные пути, строили очистные сооружения, энергетические узлы. Но в этом году кто-то из корпусного руководства решил, что ветку нужно, наконец-то, закончить, и так называемые учения обещали затянуться.

Славка собрал ершей, которых бросал прямо на дно лодки, в ведро, смотал удочку, и, выбравшись на берег, понес рыбу на кухню. К обеду будет уха, а то все эти борщи из консервных банок уже порядком поднадоели. Отдав ершей повару и проинструктировав его, что с ними делать, он сходил на мост и посмотрел, чем занимаются люди. Решив для себя, что все идет нормально, Вячеслав отправился в вагончик связи. В вагончике, кроме сержанта-связиста, сидел мрачный Иванов и безучастно смотрел в пыльное, сто лет не мытое оконце.

- Что случилось, Саш? – спросил Вячеслав, встревоженный видом товарища. – С женой что, или с сыном?

Иванов только молча отмахнулся, продолжая неотрывно смотреть куда-то в сторону.

- Да, что с тобой, наконец? – не на шутку всполошился Вячеслав.

- Иди-ка, сержант, погуляй немного! – вместо ответа сказал связисту комвзвода, а когда тот вышел из вагончика, повернулся к Славке. – Каюк мне, Слава!

- Какой в задницу каюк? Что случилось-то? Расскажи внятно.

- Ольгу помнишь?

- Это какую, из Першино, что ли? – Иванов утвердительно кивнул в ответ. – Ну и что?

- А то! Родила она, вот что!

- Ну, - успокоился Славка, - этого следовало ожидать, как я понимаю. А то – каюк какой-то! Думал, что помер кто-то, а оказывается – родился. Да и для тебя это, сдастся мне, не новость. Можешь принимать поздравления. Кстати, сын или дочь?

- Пошел бы ты со своими поздравлениями подальше! – буркнул Иванов. - Сын.

- Поздравляю! Только вот почему тебя это так расстроило совершенно не понятно? Радоваться надо, тем более, назад, как понимаешь, уже ничего не повернуть. Назад туда никто не возвращается. Пошли девчонке телеграмму, поблагодари за сына.

- Да уже послал, – Иванов достал сигарету и закурил. - Комбат звонил, злой, как черт! – продолжил он через паузу.

- А при чем здесь комбат? – вновь удивился Вячеслав. – Что,

крестным не хочет быть?

- А при том! Ольга же, помнишь, уезжала, куда-то к родным. А теперь, когда родила, вернулась вместе с этой самой чертовой родней в Першино, как я понимаю, права качать.

- И что?

- Обратились к нашему начальству. Просят, чтобы я сына признал, а то, дескать, как-то неудобно, что отца в документах не значится. Дескать, девочке стыдно, что сын незаконнорожденный, пересуды по деревне идут. Не знаю, что и делать.

- А жена-то твоя в курсе?

- Нет еще, – окончательно помрачнел Иванов.

- Н да! – почесал затылок Славка. – Ситуация! А как они до начальства-то добрались?

- Нашли в Першино Дерягу, спросили, где я нахожусь, и позвонили прямо в часть. Деряга, тот не сразу врубился, что, да почему. А то бы, говорит, сбрыхнул что-нибудь, дескать, уехал наш Саша далеко и надолго. Ищите ветра в поле. А замполит теперь, зараза, рвет и мечет. Но это все – мура! А вот когда жена узнает, - он на мгновение смолк, а потом продолжил. - Вызывают меня в Советский, короче. Ты тут за главного остаешься.

- Только этого мне и не хватало. Кстати, мужики сегодня откос закончат, куда дальше-то?

- На сорок третий. Облицовку туда уже завезли и бульдозер забросили. Так, что, никаких проблем.

Телефон затрезвонил вновь и Иванов поднял трубку. Выслушав звонившего, он передал трубку Вячеславу.

- Решетников, ты? – услышал Вячеслав.

- Так точно, товарищ майор! – ответил Славка, услышав в трубке голос комбата.

- Значит так! Иванов сегодня по служебной надобности в Советский отбудет, хозяйство на тебя оставляем. Через денек я Ворошнина к тебе на смену подошлю, а ты ему тогда дела сдашь и в Першино собирайся. Туда представитель монтажников уже подъехал, начинают поступать конструкции пролетов, так, что, готовься. Дай-ка мне еще Иванова.

Славка передал трубку лейтенанту и вышел из вагончика.

Новости не слишком радовали, но на фоне того, что произошло с Ивановым, все это казалось несерьезной шелухой. Вот тому действительно не позавидуешь. Попал парень, как петух в ощи́п: с одной стороны начальство, с другой жена, а с третьей – Ольга эта самая, черт бы ее побрал! Правильно говорил Ягодкин, что это дело может закончиться неважно. Так оно и вышло.

Из вагончика появился Иванов и крикнул сержанту-связисту, курившему с бойцами, чтобы тот шел назад к аппаратуре.

- Чем до Советского добираться думаешь? – спросил Вячеслав.

- Через час путейцы с Яныгы дрезину подошлют. Пошли, пообедаем, что ли?

- Пошли. Я там уху заказал, пошвыркаем.

Подошло время обеда, и они устроились прямо у палатки, на открытом воздухе, так как в столовой, устроенной в десятиместной палатке, стояла невыносимая духота. Закончившие работу бойцы тоже расположились прямо на траве рядом с кухней.

- Хорошая уха, товарищ лейтенант! – польстил Славке замкомвзвода сержант Сидоров. – В каком месте таких ершей держали?

- В истоке, у озера.

- А пониже моста пацаны из Агириша чебаков таскают.

- Вот после обеда и я попробую. Может, на ужин жареху сварганим? Чем черт не шутит.

- Хорошо бы! Свежей жареной рыбки давненько не пробовали.

Почитай с гражданки, товарищ лейтенант.

- Ладно, не причитай, если будет клевать, постараюсь! – закончил разговор с Сидоровым Вячеслав. - Ты, главное, не мечи икру! – посоветовал он, повернувшись к своему мрачному приятелю. – Тебя, наверное, разбираться к твоей Ольге отправят, я так думаю. В общем-то, это – самое логичное, что начальство придумать может. Ты только не суетись там попусту и голову свою дурную, куда не надо, не суй. Сам знаешь, в Першино Деряга сейчас командует, если что – подсобит! А главное – не торопись с решениями! Торопливость, как понимаешь, нужна только при ловле блох. Десять раз подумай, прежде чем что-

нибудь предпринимать.

- Постараюсь, - совсем помрачнел Иванов.

- Я Деряге вечером перезвоню, что бы он тебя обязательно встретил. Наверняка тебя завтра же туда и отправят. Да не расстраивайся ты так! Как там, в поговорке: пережили голод, переживем и изобилие! Все пройдет, как с белых яблонь дым!

- Да ладно, я сам Деряге, если будет нужно, позвоню!

- И морду лица сделай повеселее, а то жена сразу все усечет.

- Все равно узнает.

- Это конечно. Но, сам понимаешь: чем позднее, тем лучше.

А, впрочем, лучше будет, если она от тебя это узнает, а не от кого-то особо озабоченного. Сердце у баб отходчивое, повишисья – простит! Так, что, готовься, репетируй аргументы!

- Ладно, не учи, Спиноза хренов! Вон дрезина подкатила, - кивнул в сторону пути Иванов, где со стороны Советского, гремя по стыкам, подъехала к мосту чихающая соляжкой платформа с сидящим на ней незнакомым бойцом из соседнего, видимо, батальона.

Иванов сбегал в палатку, собрал рюкзак, и вышел, направляясь к шестиместной, открытой дрезине. Боец-водитель в ожидании сидел на откосе насыпи и курил.

- Пока, - попрощался Иванов со Славкой. - Сидоров! Я убуваю, – крикнул он замкомвзвода, - за командира лейтенант Решетников! Понятно?

- Понятно, товарищ лейтенант, чего тут не понять, - приподнялся с травы сержант.

Иванов бросил рюкзак на тележку, прицепленную к дрезине, водрузился на сиденье рядом с водителем, и дрезина, громко чихнув и выпустив в воздух черное облако несгоревшей соляжки, бодро запрыгала по стыкам рельсов назад, теперь уже в сторону Советского. Через минуту она исчезла за поворотом, и Славка поднялся, предлагая сделать то же самое оставшимся в его подчинении людям.

- Короче, Сидоров, сегодня откос нужно закончить кровью из носа. Закончите раньше, честь вам и хвала! Можете потом отдыхать. Только смотри, чтобы люди далеко не разбегались. Я,

если что, на речке, за мостом. Может и правда на жареху чебачков надергаю?

- Не беспокойтесь, товарищ лейтенант, все будет в полном порядке. – заверил Славку сержант. Если что, или из батальона кто позвонит, я тут же за вами пришлю.

- Давай, командуй! Чем быстрее закончите, тем раньше отдыхать будете, стимулирую народ! – Славка вновь взял удочку, банку с короедами, и отправился к реке, на другую сторону моста, а бойцы неторопливо подались к месту работы.

До вечера Вячеслав надеялся-таки наловить чебаков, с тем, чтобы нажарить их к ужину, а если улов будет удачным, побаловать рыбкой не только себя, но и солдат. Ведь что не говори, а тушенка, какая бы она не была качественная, при ежедневном употреблении надоедает до чертиков и стоит в горле комом. Однообразие в пище здорово угнетает. Уж он-то это испытал на себе. В бухте, откуда его призвали в ряды доблестных Вооруженных сил, они питались в основном рыбой. Благо лесось шел на нерест. Так вот эту самую рыбу их повар Славка Ким и варил, и жарил, и даже запекал в тесте, но в горло она почему-то не шла. Изю дня в день – одно и то же! Мужики глухо ворчали и матерились на Славку, но что было делать. Баржа, снабжающая их продуктами и строительными материалами, застряла где-то в Аяне и появилась в очередной раз почти через три недели рыбного поста.

Утро следующего дня выдалось пасмурным. В воздухе висел не то чтобы дождь, а скорее туман, наполнивший мелкими, как пыль, каплями воды практически неподвижный воздух. Наскоро позавтракав гречневой кашей с тушенкой и дождавшись, когда закончат завтракать бойцы, Вячеслав построил оставшийся у него в подчинение взвод. Накануне работу завершили часа на полтора раньше конца смены и Славка, как и обещал, отпустил людей отдыхать. Кто подался в лес за грибами, кто присоединился к лейтенанту и тоже начал удить рыбу, а кто просто сидел у костра на берегу, глядя, как колеблющиеся языки пламени отражаются в застывшей, начинающей темнеть воде. Часов в десять поужинали наловленной и нажаренной

поваром рыбой и завалились спать. Люди отдохнули, как следует, и, хотя погода с утра не настраивала на лирический лад, как всякие молодые люди, и Вячеслав и бойцы были рады начавшемуся новому дню. Славка сразу после завтрака позвонил в часть и выяснил, что транспорта, который ожидался, с утра не будет. Как пояснил ему дежуривший по части Фоминых с вечера не успели отремонтировать их машину и поэтому вовремя из поселка она не вышла. А сейчас, появившийся в части с ранья Зубков готовит другую. Так что он советует Славке не ждать, а вести людей на объект пешим порядком.

- Шел бы ты со своими советами! – бросил в сердцах телефонную трубку Вячеслав.

До моста на сорок третьем было девять километров. Но делать было нечего, и Славка сообщил личному составу эту приятную новость.

- Так, что, товарищи военнослужащие, рекомендую проверить портянки и, если нужно, перемотать. Потертости ног причиной освобождения от работы признаваться не будут. Ясно? Ну, вот и хорошо. Сидоров, раздай инструмент и через пять минут построиться у вагончика связи. Топать девять километров, так что лишнего дерьма с собой не тащить. На всякий случай получи сухой паек в столовой, а то, если машина вовремя не придет, на обед ехать будет нечем. Придется на месте готовить. Все ясно? Ну, тогда разойдись!

Через пять минут он осмотрел построившихся с ломami и лопатами бойцов, предупредил вышедшего проводить их связиста, что отбывает с личным составом на сорок третий километр, и двинулся по шпалам вперед, нахлобучив фуражку и спрятав руки под плащ-палатку. Взвод последовал за командиром, с шутками и анекдотами растянувшись вдоль насыпи. Идти по шпалам оказалось не слишком удобно. Ну, никак расстояние между этими чертовыми брусьями, пропитанными креозотом, не совпадало с длиной шага нормального, среднестатистического человека. Поэтому, намучившись, минут через пятнадцать люди сошли с пути и двигались рядом, по бровке насыпи, хрустя осыпавшейся под ногами вниз по от-

косу галькой. Смех и прибаутки стихли уже через полчаса этой однообразной и вовсе не радующей людей прогулки. По обеим сторонам еще не заросшей иван-чаем свежей железнодорожной насыпи тянулись темные ельники с редкими куртинами березняка. То и дело попадались мелкие болотца, с торчащими из воды прутиками какого-то растения с кусочками белой ваты на стеблях и кочкастыми берегами, густо покрытыми кустами уже отцветшего багульника. Блестевшие у подножия насыпи зеркала темных луж отражали серые, нависшие облака, двигавшиеся с востока. Дождь то усиливался, то исчезал вовсе. Но когда они через полтора часа наконец-то дошли до цели своего похода, моста через речку со странным, видимо тоже хантыйским, названием Бол-Вой, из прорех в тучах выглянуло солнце и на душе стало немного веселей.

- Привал! – скомандовал бойцам Вячеслав. - Отдыхаем пятнадцать минут, и начинаем работать! Можно попить и оправиться! – он спустился к уже тарахтящему внизу у моста бульдозеру.

Бульдозериста привезли с Яныгы дрезиной еще с утра, и сейчас он спал в кабине, сморенный теплом и монотонным звуком работающего двигателя. А, что еще остается делать, если никого нет и командовать, что делать, некому. Солдат спит, а служба идет. Славка залез на гусеницу бульдозера и дернул дверь:

- Хорош дрыхнуть, боец! – заорал он что было силы, пытаясь перекричать машину. – Подъем!

- А! Что? – испуганно дернулся, вытаращив глаза, внезапно разбуженный ефрейтор.

- Просыпайся, ефрейтор, команда прибыла, - Славка соскочил с гусеницы на землю. – Сидоров! – крикнул он сержанту. – Бульдозер в твоём распоряжении. Плитка рядом с откосами выгружена, цемент там же, так что – вперед!

- Подъем, станичники! – скомандовал сержант, и люди начали подниматься, разбирая брошенный инструмент.

Вячеслав поднялся по насыпи, перешел на другую сторону полотна и обнаружил, что речка, а точнее обычный ручей, вы-

текала из небольшого, метров сто в поперечнике болота, с маленьким озерцом посередине, в котором нахально, не обращая никакого внимания на прибывших людей, полоскалась одинокая ондатра.

- Сейчас бы пару патрончиков, - мечтательно произнес тихо подошедший сзади сержант. - А то таскаем только зря автоматы.

- А, чтоб ты с ней, с этой крысой делал?

- Как что, товарищ лейтенант? Пять таких крыс и первоклассная шапка выйдет. Тем более этих самых крыс у нас на озере на пятьдесят втором с десяток плавает. Да и здесь эта не единственная наверняка.

- Люди работают? – спросил Славка, переменив тему разговора.

- Так точно.

- Разверни рацию, нужно с батальоном связаться, узнать начет машины.

Через десять минут он связался с базой и узнал, что машина так и не вышла из поселка до сих пор, по причине того, что не смогли с утра вовремя найти лейтенанта Ворошнина, которого направляли ему на смену.

- Что-то у него там с женой случилось, - пояснил связист, - но точно не знаю, товарищ лейтенант.

- Соедини с комбатом, да побыстрее, - прервал болтуна Вячеслав, и через пару секунд услышал в трубке голос Гука.

- Здравия желаю, товарищ майор! – прокричал Славка сквозь треск помех.

- Здравствуй, Решетников! Ну, как там у тебя дела?

- Нормально, товарищ майор! Я сейчас на сорок третьем. Вчера на Эсске облицовку закончили. Все, вроде, живы-здоровы, никаких происшествий не случилось.

- Это хорошо! Машина к тебе часам к трем подойдет, не раньше. Пока еще только грузится. Так что ты людей назад пешком после смены не гони, доедете на транспорте. Понял.

- Так точно.

За весь разговор комбат так ни разу и не обмолвился об истинной причине задержки транспорта и о том, что же там при-

ключились с Сашкой, которого не смогли найти вовремя.

- Вечером Ворошнину дела передашь, и дуй ночным мотовозом в Советский!

- Есть! – Вячеслав выключил рацию. - Сидоров, иди сюда! – позвал он сержанта. – Тут вот какое дело: машина только часа в три, четыре будет, так, что, организуй-ка приготовление пищи. Пару человек за дровами в лес, ну, и что-нибудь из концентратов сварганьте. Готовить кто-нибудь умеет? Вот и хорошо. Да чаю вскипятите, не в сухомятку же жить. Половина двенадцатого уже, так, что, давай пошевеливайся!

Потом он пошел дать указание бульдозеристу, как лучше подправить откос, по дороге отругав солдат, уложивших сикось-накось опорную перемышку:

- Мать вашу! Вы потом как плитку на это убожище уложите, вахлаки! Ни себе, ни людям! Руки бы вам поотрывать!

- Да вы не ругайтесь, товарищ лейтенант, они мигом исправят! – показал кулак провинившимся, да так, чтобы не видел Славка, сержант. – Они у нас все мигом на место поставят, чурки косоглазые. Ну, что смотрите? Мухой у меня!

Славку немного покоробили слава сержанта о косоглазых чурках, но он не подал вида, всецело полагаясь на его опыт. В такого рода делах младшие командиры разбирались лучше. Обижать инородцев, конечно, нехорошо, но и порядок во взводе должен быть. За качество работ спрашивали все, кому не лень, начиная с комбата и заканчивая замполитом, и, наверное, правильно. Дорога, она и есть дорога, по ней людей возят.

Пообедали супом из пачек с гороховым концентратом, а на второс разогрели прямо в банках, выданную на сухой паек, фасоль с мясом. Кроме того, в двух котелках заварили крепкий чай.

- Тридцать минут перекура! – объявил Вячеслав после обеда и, присев на высохший ствол сосны, лежавший под откосом у самого болотца, вытащил сигареты.

Ондатра все так же занималась какими-то своими делами, нисколько не пугаясь присутствия человека. Видимо, здесь еще ни разу не хозяйничали местные охотнички, и модная шапка была непуганой. Затягиваясь сигаретным дымком, Вя-

чеслав подставлял лицо вновь выглянувшему из прорехи в разошедшейся дымке солнцу. Он почему-то, неожиданно для себя вспомнил их последнее свидание с Людмилой, все яснее понимая, что толк в их отношениях, видимо, никогда не наступит. Три месяца как знакомы, а она до сих пор кочевряжится и взбрыкивает, как скаковая лошадь. И что ей надо? Красавцем Славка себя не считал, но и уродом тоже. Ростом, вроде, Господь не обидел, да и здоровьем тоже. Мать всегда говорила, что если мужик чуть красивее обезьяны, то уже и красавец! А этой все не так; то погладит по шерстке, а то – отлуп! Заканчивать, наверно, нужно? А то скоро мужики ржать начнут. И так Гомяша при каждом удобном случае под шкуру лезет. Вячеслав докурил, бросил окурочок в воду и поднялся. Хорош разлагаться! Как говаривал великий комбинатор Остап Ибрагимович Бендер: не надо киснуть, Киса!

- Бойцы, кончай перекур! Подъем!

Часа в четыре на лежневке со стороны Советского показался грузовик. Бодро подскакивая на горбах вымытых водой из песка стволов деревьев, он подлетел к мосту, и, лихо развернувшись, остановился около ручья. Из кабины на галечник вывалилась грузное тело Сашки Ворошнина.

- Здорово, станичники! – поздоровался он с бойцами, а потом подошел к Славке и облапил его. – Здорово, Слав!

- Привет! Отпусти, черт, раздавишь! Ты чего так поздно-то?

- Да, блин, делишки всякие! – уклонился от прямого ответа Сашка. – А потом, с утра мы все равно бы не приехали: только на складах грузились часа три. Груза с гулькин нос, а бумаг переписали – ворох! Хотел уже Нигматулину морду набить, да и Шишкину заодно. Да ты же не хуже меня этих снабженцев знаешь, чего я тебе рассказываю. Кстати, ты не можешь объяснить, почему они на этих своих должностях сразу толстеть начинают? Шишкин полгода назад нормальным человеком был, а как Пашкова сменил, так и поперло во все стороны. Голенища на сапогах и то вот-вот лопнут.

- Не знаю. А что привез-то?

- Жратва в основном, да жеска новая.

Жеска – небольшая железнодорожная электростанция, работающая на бензине. Своя, установленная на пятьдесят втором километре, действительно барахлила, неожиданно заходясь кашлем, а могла и просто встать ни с того ни с сего. Чего ей было надо – никто не знал. Механик мехроты раз десять перебирал зловредный агрегат, и, не обнаружив причин поломки, вновь собирал, матерясь от души. После ремонта электростанция некоторое время работала бесперебойно, а потом все начиналось сначала.

Сашка вместе с Вячеславом поднялся на насыпь, огляделся по сторонам и с хрустом потянулся, оставшись, видимо, вполне довольным окружающим их пейзажем. Увидев работающий на откосе бульдозер, он толкнул Славку в плечо:

- Слышь, Слав, давай рыбки половим!

- Какой рыбки? – не понял Вячеслав.

- Какой, какой! – отмахнулся Сашка. – Обыкновенной. Сейчас ручей запрудим, и будет полный порядок. – Он повернулся к Славке. – Ты, что, не понял, что ли? Давай, командуй, лейтенант!

Вячеслав тут же вспомнил, как еще в прошлом году комбат костерил Сашку, когда тот утопил бульдозер, заваливая исток какой-то речушки грунтом, с такой же целью – порыбачить. Обуреваемый сомнением, он бросил взгляд на тархтящий трактор. Конечно, ниже моста не болото и дно у речки галечное, но, кто мог гарантировать их от всяких случайных неожиданностей. Тем более что, бульдозер от соседей. Случись что – греха не оберешься!

- Ну, ты что? Дрейфишь что ли? – поднял брови Сашка. – Давай я у тебя прямо сейчас дела приму.

- А вдруг тоже утопим?

- С чего бы это – утопим! Здесь же галечник, твердо. Это на тридцать втором болото, на Канане, а здесь – песок с галькой. Давай, не мандражи, решайся. Я бутылочку, кстати, прихватил из поселка, посидим вечером под уху. У тебя все равно мотовоз только ночью будет.

Последние Сашкины доводы окончательно сломили нер-

шительность Славки, и он направился к бульдозеру, отдать со-ответствующие распоряжения. Через десять минут ручей ниже моста, между насыпью и дорогой был завален песком, и вода в русле ниже запруды начала падать, скатываясь прямо на глазах. Питаемый родниками из болотца ручей, лишенный этой подпитки, обезводел практически мгновенно, и только отдельные лужицы блестели на обнажившемся дне.

- Мешок какой-нибудь есть? – спросил Сашка.

- Найдем, - Славка повернулся к наблюдающим за ними с нескрываемым интересом солдатам. – Сержант, найди какую-нибудь тару!

Через минуту они, вооруженные картонным ящиком из-под консервов двинулись вниз по обнажившемуся руслу речки. То тут, то там, у закоряженных берегов, а то и прямо по середине русла. в оставшихся ямках с водой шевелилась мелкая рыбешка, не успевшая, по каким-то причинам, скатится вниз. Небольшие, сантиметров двадцать пять, тридцать скользкие налимы так и норовили вывернуться между пальцев, когда они с Сашкой вытаскивали их из этих ямок. Другой рыбы не попадалось вовсе. Видимо, более шустрые ерши и плотвички скатилась вместе с водой вниз. Они с Сашкой прошли метров сто по реке, терявшей где-то в лесу, и через тридцать минут десятка полтора налимчиков бодро шевелились в картонном ящике.

- Хватит! – сказал Сашка. – Пошли назад, а то ноги уже промокли. Ну, как, понравилось?

- Нормально! – ответил довольный такой рыбалкой Вячеслав. – Сроду не знал, что так можно рыбачить.

- Ну вот, а ты дрейфил! Я же говорил, что все будет о,кей! Вечерком ушицу сварим, по стопарю примем. Что еще нужно человеку для счастья?

Вскоре они сидели у костра, предусмотрительно разведенного сержантом, босые, но довольные. Озерцо на болоте, откуда вытекала река, на этот момент запруженное песком, заметно выросло по площади, а траву у берегов почти накрыло поднявшейся водой. По поверхности озера беспокойно металась ошалевшая от такого поворота дел ондатра.

- Ишь, ты, как суетится, - сказал Сашка, переворачивая портянки, развешанные на воткнутых в землю рядом с костром палках, - нору, видно, заливаает. Сержант, скажи-ка бульдозеристу, пусть запруду столкнет!

Бульдозер разворотил насыпь, и вода из болота тут же потоком устремилась в русло речушки, унося с собой оставшийся на ее пути песок. Через час муть в воде осела, обнажился и засверкал на дне всеми красками радуги, заваленный до этого грунтом галечник. Ручей, вновь набрал силу и, как ни в чем не бывало, весело зажурчал на перекатах, исчезая где-то в темноте ельника. Вода в озере упала до обычного уровня, и ондатра исчезла, занимаясь, наверное, ревизией и ремонтом подмоченного водой жилища. Портянки с сапогами высохли окончательно, и офицеры, приведя себя в порядок, скомандовали бойцам, чтобы те заканчивали работу. Радостно галдящие подчиненные, погрузили инструмент в кузов «ЗИЛа» и погрузились сами. Путь до базы на Эсске занял минут двадцать, а еще через час в командирской палатке они с Сашкой хлебали налимью уху, сдобренную чесноком и перцем.

- Ну, давай еще по одной! – плеснул в кружки Ворошнин. – Красота! Ну, когда еще так посидеть придется? А самое главное: никто над душой не стоит. Ни начальство, ни жена. Никакого беспокойства.

- Посидим еще, какие наши годы. Не вечно же эти учения будут продолжаться.

- Не вечно, но достаточно долго, как говорит Стешенков. Ну, давай, поднимай кружку!

- А что у тебя в Советском-то произошло? – спросил приятеля Вячеслав. – Чего тебя с утра найти не смогли? Мне связист сказал, что с Алиной что-то случилось.

- Да это я начштаба с утра позвонил, сказал, что у жены сердце прихватило. Задержусь, говорю, на часик, дождусь скорой.

- Серьезно, что ли?

- Нет, конечно. Лапшу на уши вешал. Мы вечером с Ягодкиным схлестнулись, ну и просидели часов до двух у него на участке. Утром едва проснулся, чувствую, головы не поднять.

На службу все равно опаздываю. Вот и напелел, что первое на ум пришло.

- Ну, ты даешь!

- А чего такого! Я за эти два часа себя в порядок привел так, что даже Бугрим ничего не унюхал.

- А проверят?

- Каким это образом? Да и кому это нужно?

Они выпили, доели уху и отнесли тарелки на кухню. На северо-западе, над самыми макушками сосен все так же горело малиновое, практически не исчезающее за горизонтом солнце. Над водой реки поползли редкие полосы зарождающегося тумана, а в посвежевшем воздухе запели свои нудные песни наглые и безжалостные комары. Хорошо хоть не было гнуса, а то, выданная со склада бочка с мазью видимо от жары выдохлась и уже слабо помогала даже от простых комаров. Бойцы угомонились, и Сашка тоже собрался идти спать в командирскую палатку.

- Пошли, покемарим, время уже позднее!

- Я еще посижу немного, - сказал Вячеслав, отвечая на просительный взгляд приятеля. - Спать что-то не хочется, да и через полтора часа ехать уже. Ты иди, отдыхай.

Сашка попрощался и исчез в палатке, а Славка уселся на сколоченную из остроганных с одной стороны досок скамейку. Он поправил угли в догорающем костерке, и стал, неторопливо покуривая, слушать, как где-то за речкой, в лесу скрипит старая, подточенная временем и морозом сосна, а в воде плещется неутомная щука, гоняющая мальков.

Ему вспомнилась бухта такого далекого и почти нереального теперь Охотского моря, где перед самым призывом в армию они с приятелями батрачили в какой-то строительной конторе, зарабатывая неплохие по тем временам деньги. В бухту впадала такая же по размерам, как и Эсска, речка, правда каменистая, в журчащих перекатах и с чистойшей, родниковой водой. И водились в ней не ерши, а хариусы, наглые ленки и пятнистая, как леопард, форель. Рыба была настолько быстрой, что увидеть ее даже в этой, совершенно прозрачной воде, случалось

не часто. А поймать и того реже. Капризный хариус на прихлопнутых и насаженных на крючок паутов брать, ну, никак не желал. Даже на живых, гоняющих с крючком в брюшке по дрожащей поверхности воды. Хозяин бухты, а по совместительству обходчик линии связи, якут по имени Василий однажды долго и с интересом наблюдал за их безуспешными попытками выловить что-нибудь из капризной реки. Потом, видимо, сжалившись, подошел к воде, и, выворотив на мелководе у берега камень, набрал в стеклянную, пол литровую банку из-под какого-го борща сереньких трубочек с желтыми, червеобразными личинками ручейника внутри.

- Попробуйте на это, - отдал он банку Славке.

Не успел крючок с насаженным лакомством закрутиться на воде переката, как рядом тут же возник бурун и через секунду полукилограммовый хариус бился на каменистом берегу. Но вот осторожная форель не желала клевать и на ручейника.

- Не сезон для нее, - пояснил Василий, - ближе к осени и она брать станет.

А в конце июля на реке начался ход лосося. Косяки горбуши и полутораметровой кунжи, гоня мелкую рыбу, носились по бухте вдоль берега и дожидались прилива. А когда вода в реке, подпертая морем, поднималась, и камень на перекатах скрывался под ней, вся эта многомиллионная, стремящаяся к запovedным местам нереста масса, бросалась на приступ. Сначала на спокойной глади плесов появлялись отдельные круги от ударов хвостовых плавников, потом этих кругов становилось все больше, и, наконец, вода вскипала. Тысячи рыбьих спин покрывали сплошным живым ковром стремительную воду перекатов. Рыба бок о бок терлась в широких уловах, спеша в этот короткий промежуток времени переползти мелкие места, а ошалевшие, горбатые самцы в азарте даже выскакивали на берег, где бились о камни, подлетая в воздух на полметра и пытаясь вновь вернуться в воду. Вот тут никакая снасть была не нужна. Чтобы принести на обед рыбы, надо было просто сходить к реке и руками взять столько, сколько нужно. Икру ели ложками, посолив в тузлуке минут пять. Правда все это

изобилие быстро надоело, и утомленный однообразием пищи организм опять требовал чего-нибудь новенького. Ну, хотя бы простого борща из банки. Рыба жареная, рыба пареная, уха, опять из той же рыбы! Ну, кто бы мог это долго вынести? После рыбной и икражной обжираловки их повар время от времени варил всему коллективу постный супчик из собранных в лесу грибов, чтобы восстановить подорванное состояние бунтующего от однообразия желудка и облегчить организм.

По субботам, а вторая половина субботы, после обеда по договоренности была выходным, отдыхали. Вернее, сначала, сразу после столовки ходили к Василию в баню «по-черному». Почему печка, сложенная из обломков гранита, топилась не через трубу, а через отверстие в кровле, Славка так и не понял. Жена Василия перед помывкой, конечно же, мыла и скребла пол и полки, но передвигаться по бане нужно было с особой осторожностью. Чуть отклонился от маршрута, коснулся бревенчатой стены, и ты уже в аспидной, жирной саже, которую и отмыть-то было проблематично. Ну, а после бани – отдых! А где отдыхать в бухте? Естественно, у моря. На берегу всегда ветерок и гнус не так одолевает. Грелись на солнышке, пили чай с костра, и опять ловили рыбу. Но в море ловили просто так, для интереса, волейбольными сетками, которые появились у них в хозяйстве неизвестно откуда. Видимо, снабженцы из благих намерений забросили: пусть, дескать, ребята спортом занимаются. Но спортом заниматься было некому, на работе уставали так, что к вечеру в голове оставалась одна мысль: как бы поскорее улечься в постель. От лопаты к утру пальцы рук так скрючивало, что их приходилось разминать о матрас минут десять, пока они не начинали что-то чувствовать. Рыбу ловили просто. Сколотили из плинтусов длинный шест, метров двадцать, и на конце выпилили «ласточкин хвост». Две волейбольные сетки связали в длину, приладили поплавки, и на конце, который должен был быть в море, соорудили веревочную петлю. Вот эту петлю одевали в прорезь шеста и вытаскивали сеть в море перпендикулярно берегу. А потом садились пить чай. Через некоторое время вода у сети закипала, а сеть начинала

дергаться и скручиваться. От ударов хвостов воткнувшихся в сеть, и запутавшихся рыб летели брызги во все стороны. Когда сеть вытаскивали на берег, там обычно сидело две, три по десять, пятнадцать килограммов весом кунжи.

Славкин приятель по институту, да еще и по школе, Петька Петров, обуреваемый мечтой пошить себе жилет из шкуры нерпы, как-то выпросил у Василия мелкашку, и начал стрелять по нерпичьим головам, торчащим в отдалении на качающихся волнах. К всеобщему удивлению в одну он все же попал. Когда через пару часов накат выкатил тело нерпы на берег, Петька попытался ножом снять с нее шкуру. Вот тут-то и началось кино. Как только он вспорол нерпе живот, поднялась такая вонь, что молча наблюдавшие за происходящим парни, предпочли перейти в наветренную сторону. Петька крутился возле нерпы и так, и сяк, пока мог терпеть этот смрад, а потом бросил нож и ушел к костру. После прилива растерзанных останков нерпы на берегу не стало. Море прибирало все мертвое, а берег вновь становился приглаженным и умытым.

- Ну и как, насчет жилета? – смеясь, спросил тогда Петьку Вячеслав, но тот только сокрушенно махнул рукой.

Надо сказать, что к отъезду Василий все же подарил Петрову уже выделанную и совсем ничем не пахнущую шкуру серой, пятнистой морской собаки, как называли нерпу местные охотники. А тот пошил-таки из нее позже, уже в Хабаровске, шикарный, переливающийся на свету приглаженной, жесткой шерстью жилет. Славка этот жилет видел лично, так как Петька в настоящее время служил рядом, в городе Серове, где Славке приходилось частенько бывать. Петров там жил на съемной квартирке вместе с женой, их бывшей одноклассницей и однокурсницей Наташкой Смирновой...

Однажды, когда рыба обрыдла окончательно, им крупно повезло. Собаки Василия, а их него было штук пять, считая полугодовалого щенка и старую, облезлую суку, постоянно дремавшую на крыльце хозяйского дома, выгнали из тайги лося. Сука, еще не потерявшая слух, первая услышала своих отпрысков и тут же начала беспокойно скулить и лаять, видимо, как-то по-

особенному, потому что хозяин появился на крыльце уже с винтовкой на плече. Уходя от обложивших его псов, лось бросился прямо в морскую воду и поплыл в сторону противоположного берега к скалам, пересекая бухту наискось. Была суббота, и мужики после обеда, закончив трудовую неделю и сходяв в баньку, как обычно, отдыхали на берегу, где не надоедал гнус, сносимый ветерком с моря. На костерке пытел чайник, а в кружках булькала брага, которую в начале недели ставил повар бригады Слава Ким именно для таких суббот. За неделю она как раз созревала. Выскочивший на берег якут всполошил всех, показывая рукой на море, где среди собачьих головок любопытных нерп рассекала воду рогатая голова зверя.

- К рифам плывет, - утвердительно заявил он. - Раньше ему на берег не выйти, нас боится. Давайте-ка, мужики, через час с мешками подбирайтесь туда, - он указал пальцем в сторону птичьего базара на дальнем, скалистом берегу бухты, - с мясом будем, однако! Спички и курево прихватите, а то, может, заночевать придется.

Забросив винтовку на плечо, Василий подхватил второй рукой полупустой рюкзак и бодрой рысью, почти бегом двинулся вдоль берега по громко скрипевшей под ногами гальке в ту сторону, куда направлялся лось. На последовавших было за ним, псов он прикрикнул что-то на своем языке, и те, понуро повесив головы и постоянно оглядываясь, все же отправились назад, к дому. Через десять минут, не более, Василий исчез за прибрежными камнями, щедро разбросанными природой по берегу. Ветер и волны отшлифовали эти обломки суши почти да блеска, и когда их нагревало солнце, полежать и понежиться на них, было одно удовольствие. Славка Ким быстрехонько слетал на кухню, и вернулся на берег с десятком мешков из-под сахара и тремя булками хлеба, прихваченного на всякий случай. Мужики сложили кружки и тару с брагой в один из мешков, хлеб – в другой, и, оставив в лагере человека три, подтопить буржуйки в палатках, да помочь повару, гурьбой, не слишком торопясь, почти вразвалочку, тронулись по берегу вслед за якутом. Славка шел, стараясь придерживаться кромки воды. Здесь

галька была помельче, а идти было полегче, несмотря на то, что сапоги заливало то и дело накатывающейся на берег невысокой, пологой волной. Но через полтора километра пути черные валуны обнаженных рифов практически полностью покрыли берег, и остаток дороги пришлось прыгать козликом с камня на камень, рискуя поскользнуться и сломать шею. Однако, изрядно попотев, через полтора часа они все же вышли под каменный козырек скального среза, на котором и гнезвился шумный, будящий по утрам всю бухту птичий базар. Слава Богу, солнце уже село и птицы уgomонились, а иначе было бы худо, так как весь галечник под скалой был покрыт птичьими экскрементами, кроме узкой полосы вдоль уреза воды, омываемой приливом и волнами, да небольшой выемки в каменной стене, прикрывающей берег сверху. Рядом с водой на берегу лежала туша лося, над которой возился якут.

- Давайте помогать, однако, мужики, а то прилив начинается, испортим мясо.

Все бросились помогать Василию, который ловко, всего-то за десять минут снял с лося шкуру, а за следующие десять разделал тяжелую тушу, которая тут же исчезла в приготовленных для этой цели мешках. Когда они закончили, вода плескалась у самых ног. Шкуру и голову с рогами якут забросил в воду, несмотря на просьбы отдельных ребят оставить трофеи на память.

- Крабы скушают, - сказал он, ополаскивая в воде окровавленные руки, - а проблем с егерями и охотинспектором мне не надо!

- Да, какой в этой дыре инспектор? - пытался возражать коекто, но Василий остался непреклонен.

- Это, когда ждешь, не дождаться. А он, Викентий Трофимыч, как раз и появляется, когда сего не ждешь. Не первый раз, знаем.

Закончив мыть руки, Василий поднялся по кособокому вышнему склону скалы, уходя от набегавших волн, и развел костер из разбросанного в огромном количестве по берегу плавника. Тут же, на валуне, нарезал лосиную печень и прочий ливер, и

начал насаживать куски на подходящие, более-менее прямые прутья, выброшенные волнами на берег.

- Давайте, мужики, ужинать будем, - пригласил он остальных к огню, - я тут чайник с заваркой прихватил, а вода вон, сама со скал течет, - указал он на журчащий в стороне родник.

Славка не в первый раз удивился предусмотрительности аборигена. Они вот тоже знали, что ночь, возможно, придется коротать под скалой, так как прилив отрезал их от жилья, и камни, по которым они прыгали сюда, скрылись под водой, но вот никакой подходящей посуды, чтобы что-нибудь приготовить, не прихватили. Ни под чай, ни под мясо. Да и соли не взяли. Хорошо еще повар хлеба сунул, и то поначалу Славка и его не хотел брать. Зачем, дескать, тащить лишнюю тяжесть? Дурак, короче! Так они и просидели до утра, пока не начался отлив, поедая жаренную, как шашлык, прямо на огне лосятину, и так ее, в конце концов, накушались, что еще дня два на мясо смотреть без содрогания не могли. Доставленную в лагерь добычу, чтобы не пропала, засолили и сложили в дубовую бочку, зарыв ее предварительно в гальку на берегу ручья, пониже палаток. Вода в ручье была всегда ледяной, и подсолненное мясо могло храниться неделями. Так, как никто больше пока лосятины не хотел, о ней забыли на некоторое время. А дня через три, возле устья речки, где грузили бутовый камень для возведения бетонных стен, Славку окликнули моряки с сейнера. Те самые, что в наглу, двухсотметровым неводом вторые сутки подряд цедили из бухты лосося:

- Начальник! Это не ваша бочка по бухте плавает?

Славка взглянул на зеркальную гладь воды и обомлел. Та самая дубовая бочка с мясом, которую они закопали у ручья, плавала, слегка накренившись метрах в ста от берега. Бочку, конечно, выловили, но мясо, вывалившееся из нее, уже было окончательно испорчено морской водой. Как выяснилось позднее, забредший, чем-нибудь поживиться возле лагеря, косолапый наткнулся на мясо и выворотил бочку из гальки. Кое-что он, конечно, съел, но основная масса вместе с бочкой была снесена ручьем к морю и бездарно пропала. Так и не удалось в тот

раз мужикам поесть нормальных отбивных из лосятины, пришлось снова грызть кету с горбушой во всех возможных видах, да икру, а поротую рыбу закапывать в ямы на берегу речки.

- Ничего, к осени запахнет, мишка придет, - пояснял им Василий. - И мясо будет и жир...

Несколько раз, правда, якут приносил им на кухню, подстреленную во время обходов линии связи, дичь, и Славка, вымочив ее в уксусе, варил вкуснейший до обалдения супчик. Может быть, потом мужики разжились и медвежатиной, но Вячеслав всего этого знать уже не мог, так, как отбыл на попутной барже в Аян. По радиации передали, что ему пришла повестка из военкомата...

Вячеслав прервал воспоминания, пригасил тлеющий окурок и взглянул на часы. Было около двенадцати. Он поднялся и, не спеша, поднялся к железнодорожным путям. Издали доносился шум приближающегося мотовоза из Акрыша. Еще через пять минут он загрузился в душную теплушку, битком набитую людьми, и, кое-как устроившись в углу на чьих-то мешках, привалился к стенке вагона и задремал. Стук колес на стыках убаюкал его окончательно. И проснулся он уже в Советском, когда его бесцеремонно растолкали попутчики, требуя свой груз, на котором он так сладко отдыхал.

Глава 8

Батальон трудился, не покладая рук, на сдаточном объекте: локомотивном депо. Непосредственной задачей первой роты, к которой прикрепили ответственным от штаба Вячеслава, было завершение работ по бетонированию пары двухсот кубовых, подземных, противопожарных резервуаров, расположенных непосредственно на территории депо. Само производственное здание депо, для обслуживания тепловозов, хотя и не было принято государственной комиссией, уже укрывало под своей кровлей ремонтирующиеся после рейсов локомотивы. Дело было, в общем-то, нехитрое и знакомое: отрыть котлован, установить опалубку, напичкать ее арматурой и уложить бетон. Котлован отрыли махом, дня за три поставили опалубку и сварили арматурные каркасы. Бетон, так как нужно было непрерывно принять кубов по шестьдесят в каждый из резервуаров, решили взять на заводе ЖБИ, принадлежащем местной ПМК-2, возводившей на северной окраине поселка лесопильный комбинат. Чтобы обеспечить круглосуточную и бесперебойную работу бетонного узла, комбат выделил из командирского фонда рублей двести.

- Купите все, что полагается, и пошлите на ЖБИ кого-нибудь пошустрее к девчатам. Делайте, что хотите, подбросьте им бойцов в помощь, но бетон должен идти столько, сколько нужно!

– приказал он капитану Дубову. – А ты, Решетников, следи за качеством работ! Потекут резервуары, шею сверну! Ясно?

- Ясно, товарищ майор! Да вы не беспокойтесь, все будет в порядке.

- Надеюсь. Ну, давайте, вперед! Смотрите, сколько нужно людей, столько и берите. Я дам команду дежурному по батальону: если понадобится сыграете тревогу, поднимите всех. Топайте!

Славка вот уже неделю находился в поселке после того, как вернулся с Северной ветки. Один раз даже был на танцах. Но Людмилу так и не встретил по той простой причине, что она уехала в отпуск куда-то к бабушке, недели на две, как сообщили ему неразлучные подружки Валя и Галя.

- Она тебе привет передавала!

- Да, бросьте вы, какой еще привет? От нее и так-то слова живого не добиться, а тут еще привет какой-то!

- Вот тебе крест! – в шутку перекрестилась Валентина. – Еще говорила, что соскучилась, - продолжила девушка, чем вогнула Вячеслава в легкую краску.

- Не божись, а то боженька языка лишит! Пошли лучше танцевать.

Конечно, Славка почти постоянно вспоминал свою новую симпатию, но показывать это всем посторонним, а тем более выворачивать перед кем-то душу наизнанку не входило в его планы. Светлана все реже посещала его сны, и образ ее со временем становился прозрачнее, что ли. Все произошедшее между ними уже казалось ему чем-то бесконечно далеким и нереальным.

Весь вечер, поочередно протанцевав с подругами, он часам к одиннадцати незаметно смылся, мужики в общаге разрисовали преферанс и там было повеселее. А потом начались рабочие будни, и разные банальные глупости мгновенно выветрились из головы, работа, она, как говорится, от любой хандры лечит. К тому же он написал заявление на отпуск и ждал, какое решение примет батальонное начальство.

- Посмотрим после учений, - неопределенно высказался

комбат в ответ на его просьбу.

Остальные работники техчасти уже побывали в отпусках, а вместо Пети Панкратова в часть должен был прибыть на днях новый человек. Поэтому Славка очень надеялся на положительное решение. Он поделился своими надеждами с Сашкой Ворошниним.

- Ха! Отпуск, конечно, дело святое, но это же – армия! Тут, если даже тебе выдали проездные документы и деньги, ты еще не в отпуске. Вот, когда самолет уже взлетит, тогда можешь дышать спокойно. А так, в любой момент все может накрыться медным тазом. Отзовут – чихнуть не успеешь! А так, что же, надейся!

Славка ушел с головой в дела, полагая, что выполнение задач, поставленных командованием, как ничто другое, может послужить аргументом в решении вопроса о его отпуске. Вот и сейчас судьба давала ему еще один шанс отличиться.

- Короче, отправляем молодняк с десятком бойцов на разтворный узел, пусть баб поят и охмуряют, но, чтобы бетон – был! Заодно и проверим новеньких на вшивость. Я – на резервуарах, а ты – обеспечиваешь объект людьми! – сказал он Дубову.

Под молодняком Вячеслав подразумевал вновь прибывших в роту из училища двух командиров взводов. Ребята, на вид крепкие и симпатичные, на деле пока робели принимать необходимые в возникающих, жизненных ситуациях решения. Заставить людей беспрекословно подчиняться и выполнять поставленные задачи, пока получалось неважно. Но, лиха беда начало!

И с обеда, после личной проверки Вячеславом крепления опалубки, попер бетон. Подвозившие его самосвалы сваливали массу в металлические калоши, которые кранами подавали внутрь выставленной опалубки стен сразу обоих резервуаров. Здесь бетонная смесь вытряхивалась из калош на днище и вибраторами загонялась между прутьями арматурных каркасов. Но это были пока цветочки! Закончив за три часа днища, бойцы подняли первый ярус наружной опалубки стен. Толщина

их была всего лишь пятнадцать сантиметров, и применять для подачи бетона калоши стало практически невозможно, бетон просто-напросто вываливался мимо, и никак не хотел попадать туда, куда нужно.

- Что делать будем? – спросил Славку помрачневший комроты, подъехавший из расположения.

- Что, что! Пердячим паром заливать будем! Из окорят носилками – по трапам, и лопатами в опалубку! Народу, конечно, маловато. Ты, вот что! Дуй-ка в батальон и поднимай роту Кряклина. Тем более комбат дежурного по хате предупредил. А что, кстати, дежурит?

- Гомяша.

- Ну, так тебе и карты в руки! Юрка мигом всех построит!

Через час на стройку прибыло дополнительно человек пятьдесят и дело пошло веселее. По возведенным вокруг будущих резервуаров лесам бойцы носилками разносили бетонную смесь, вытряхивали ее в опалубку, а бетонщики вибраторами уплотняли бетон, пока он не начинал просачиваться сквозь щели и не плотности между досками. Плотники следом за бетонщиками поднимали новый ярус, и все начиналось сначала. Молотила без прорыва, плюющая в ночной воздух выхлопами сгоревшей солярки электростанция, звенели, как бор машины, прикасаясь к арматуре вибраторы, ревели, поднимая кузова самосвалы. Славка сгонял на бетонный узел, посмотреть, как там обстоят дела. На РБУ все было в полном порядке. Бригадирша с молодыми сидела за столом в кабинете мастера, а бойцы, освоив технику, трудились на бетономешалке.

- Вячеслав Георгиевич, давайте с нами! – предложил один из офицеров, пододвигая стул, но Славка благоразумно отказался.

- Смотрите, парни, не подведите! – предупредил он компанию и отбыл на объект с груженным бетоном самосвалом.

В половине третьего ночи на северо-востоке взошло едва спустившееся на пару часов за горизонт солнце. Опалубка стен обоих резервуаров поднялась в котловане метра на три. Еще три-четыре часа и дело будет сделано! К трем привезли с кухни горячий обед: вермишелевый суп с тушенкой и горячую кар-

тошку с жареным луком. Под картошку прислали консервированную скумбрию в собственном соку. Ну и чай, разумеется. Они с Дубовым тоже перекусили, а потом тот, как и Славка, поехал проверить, как обстоят дела на бетонном узле. Да, заодно отвести обед работающим там воинам. Славка едва успел допить чай и выкурить сигарету, как прибыл очередной самосвал с бетоном.

- Подъем, станичники! – проорал он отдыхающим солдатам.
– Последний рывок!

Бетонирование продолжилось, и, когда был установлен последний ярус опалубки, а на часах было около пяти, утомленный длинным, бесконечным днем и бессонной ночью Вячеслав прилег немного отдохнуть на подпрыгивающий, металлический пол дребезжащей, передвижной электростанции. От работающего двигателя тянуло прогорклым теплом, приятно согревающим озябшее под гимнастеркой тело. Ночью было все-таки прохладно, хоть и лето. Глаза слипались. Славка подоткнул под голову чей-то оставленный тут же ватник и незаметно для себя провалился в глубокий сон. Он проспал без отрыва часа три, не почувствовав даже, как прибывший в половине седьмого с проверкой комбат дергал его за усы. Укладку бетона к этому времени уже закончили, и бойцы складывали инструмент на машину для отправки в часть.

- Разбудить? – спросил комбата Дубов.

- Не надо, пусть поспит! – махнул рукой комбат, довольный выполненной работой, и укатил в батальон.

Славка проснулся тотчас, как только двигатель станции остановился.

- А? Что?

- Хорош спать! – заржал, увидев его заспанную и прокопченную выхлопами сажи физиономию комроты. – Иди, морду сполосни! Да мыло возьми, а то вон щека вся в соляре. Тут комбат был, но тебя не добудился. Спишь больно крепко.

- Злой?

- А чего ему злиться, бетон-то мы уложили, как и было приказано. Нет, довольный, вроде, уехал. Давай, дуй умываться, да

поехали завтракать.

Славка так и не понял, когда же наступил день. Солнце припекало к этому часу уже, как следует. На грузовике они вместе с Дубовым досхали до части, позавтракали, и Вячеслав зашел в штаб. Там была тишина. Никого. Помощник дежурного по хате, подменивший на день Гомянина, сообщил, что все разбежались по объектам:

- Старший лейтенант Фоминых, правда в техчасти и Вера Васильевна, кажется.

Когда Славка пошел по коридору, навстречу ему попался вездесущий прапорщик Нигматулин. Рожка у него сияла, как надраенный пятак:

- Слав, с тебя причитается!

- Это, с которого хрена?

- Тебе же отпуск дали.

- Да ну?

- Сам видел. Комбат заявление подмахнул. Не веришь? Сходи к Суровцеву, спроси.

- А ты то, чего радуешься, пес смердящий? Буд-то сам в отпуск поехал? Тебе-то, какая выгода?

- А как же, - нисколько не обиделся на Славкины слова Нигматулин, - проставляться-то тебе придется.

- Надоед ты со своими проставами! И когда только вы напьетесь? Ну, не бойсь, не бойсь, вечером отметим, - отмахнулся от поскучневшего было прапора лейтенант, и прошел в техчасть.

Фоминых корпел за столом над какими-то чертежами, Верочка красила лаком ногти, а Перминов нагло спал, уронив голову на сложенные руки. Ночью его на резервуарах не было, и, где он так уханькался было совершенно непонятно. Хотя, чего тут непонятного: гонял, наверное, в самоволку к Наталье.

- Здравствуй, Славочка, - улыбнулась, оторвавшись от своего занятия, Вера, - чаю хочешь?

- Не, Вер, спасибо. Только что позавтракал.

- Здорово, Вячеслав! - поднял голову от чертежей Фоминых. - Ну, что там у вас в депо?

- Порядок, - коротко ответил Славка.

- Так чего ты сюда приперся? Иди, отдыхай!

- Конечно, иди, Слава! – поддержала Фоминых Вера. – Вон, глаза-то как провалились!

- А чего этот хмырь спит? – указал на Перминова Вячеслав.

- А, поди, тоже под утро в часть заявился! Тебе лучше знать, где он время проводит, вместе по праздникам гуляете. Да, пусть спит. Дел особых нет, - Фоминых вновь склонился над чертежами.

Решив, что тут ему больше делать нечего, Вячеслав потопал в секретку к Суровцеву разузнать, что почем.

- Дуй в бухгалтерию, получай гроши, - сказал ему Николай. – Пока комбат не раздумал!

- Так я еще через два дня хотел в отпуск-то.

- Дурак, что ли! Получай деньги, а потом видно будет. Самое главное перед отпуском – затихнуть и на глаза начальству не попадаться! Не дай Бог вспомнят, что ты жив. И тихонько, тихонько так отбыть в аэропорт. Не забудь пузырь прихватить.

- Зачем?

- А вот, уже когда взлетишь, можешь тяпнуть! Пока не взлетел – ты еще на службе! Это, как с бабой, пока в постели не побывал, можно сказать, ничего и не было. Понял?

- Да пошел ты! – не проспавшийся Славка был не склонен воспринимать грубоватый юмор старлея.

В бухгалтерии Матвеев выдал ему проездные документы и сумму, какую Славка не держал в руках с той давней поры, когда пахал на Охотском море. Аж, целых пятьсот пятьдесят целковых.

- Смотри, не потеряй! – предупредил его Матвеев.

- Я, чо, ребенок?

- А то кто? Дитя! Вон, Суровцев, тот, вроде, тоже не младенец, а в прошлом году телеграмму на второй день отпуска прислал, денег на обратную дорогу просил.

- А, что случилось?

- Сел в такси, когда в Сочи прилетел, а с ним еще двое. Ну, и сыграли в «очко». Хорошо еще, что не без штанов из машины вылез! Хорошие люди попались: на телеграмму оставили!

- Так я не в Сочи, я – в Хабаровск.

- Какая, к черту, разница! Поедешь, деньги лучше в трусы зашей, не поленись. Оставь, сколько нужно, на дорогу, а остальные зашей. А то потом будешь репу чесать, да поздно!

- Ладно, зашью.

- Шагай, давай. Найди-ка лучше машину, да сгоняй в аэропорт насчет билетов, а то еще и тут закавыка может быть, лето все-таки.

- Что, так сложно с билетами?

- Да нет. Обычно всегда есть. Но сейчас июль, отпуска у людей, всякое может быть, так, что, подстрахуйся.

Вячеслав выскочил из штаба в приподнятом настроении, и, следуя совету Матвеева, сразу направился к Коле Зубкову, командиру роты механизации. Нашел он его в гараже, где тот разносил своего ротного старшину за что-то. А разносить Коля мог! Не слишком высокий, но коренастый и здоровый, как шкаф, старший лейтенант Николай Зубков производил неизгладимое впечатление на подчиненных. Зычный его голос заставлял непроизвольно вздрагивать не только виноватых в каких-то нарушениях, то ли в работе, то ли в дисциплине подчиненных, но и вовсе не причастных к этому, случайно оказавшихся рядом, людей. А лентяев и сачков Коля ненавидел органически. Мастер спорта по вольной борьбе, кулаки он имел размером со Славкину голову, и, когда размахивал ими перед строем роты, давая задание, или подводя итоги дня, никто в строю не шевелился. Себе дороже.

- Я к тебе, Николай, - перебил очередную длинную и заковыристую тираду Зубкова Вячеслав, - дело есть.

Зубков, не ответив, поприветствовал Вячеслава кивком головы, дескать, подожди секунду, и последним аккордом отправил старшину туда, откуда, как это ни грубо звучало, произошло все человечество:

- Здорово, Слав! – протянул он, наконец, свою огромную ладонь. – Что за дела? Чем помочь?

- Отпуск дали!

- Да, ну! Поздравляю!

- Точно. Уже и гроши получил. Надо бы в аэропорт сгонять за билетиком. Машиной не поможешь?

Зубков кивнул утвердительно и рывкнул в спину удалявшегося после разноса в сторону боксов старшины:

- Свиридов!

Старшина, услышав командира, мгновенно развернулся и, заметив призывный жест командира, бегом подлетел к офицерам:

- Слушаю, товарищ старший лейтенант!

- Вот что, Свиридов! – спокойным тоном, как будто между ними ничего и не было до этого, скомандовал Зубков. - Лейтенанту, - он показал глазами на Славку, - нужно в аэропорт поехать! Организуй-ка машину!

- Все в разгоне, товарищ старший лейтенант, - занял, было, старшина, но, заметив вспыхнувшее неудовольствие в глазах командира роты, тут же поправился. – Можно самосвал завести, если товарища лейтенанта устроит?

- Какая разница, старшина! – кивнул Славка, соглашаясь в ответ на вопросительный взгляд Зубкова.

Тот вновь повернулся к старшине:

- Мухой, Свиридов! Пять минут! А мы тут с лейтенантом покурим пока, - и он потащил Славку под грибок, где в землю рядом со скамейкой была зарыта разрезанная пополам железная бочка, наполненная водой с плавающими в ней окурками. Они присели на лавочку, и Славка достал сигареты.

- И куда, говоришь, собрался? – спросил, глубоко затянувшись дымом комроты.

- В Хабаровск.

- Эж, куда! А, что, так далеко-то?

- Да, решил старых приятелей навестить. Сейчас многие там должны отдыхать: лето. Тем более, у родителей на новый год был, думаю не обидятся. Так что, решил прошвырнуться на восток, посетить родные пенаты. Воспоминания юности – сам понимаешь! Все равно за билеты платить не нужно.

В это момент рядом затормозил, подняв пыль, кашляющий соляркой МАЗ.

- Карета подана, товарищ лейтенант! – прокричал из кабины улыбающийся во весь рот старшина, довольный тем, что за пять отведенных ему минут выполнил-таки приказ командира.

Он выскочил из машины, и принялся осматривать ее, заглядывая под днище и пробуя сапогом накачку шин.

- Ну, давай! – поднялся Зубков, придавив окурок подошвой сапога. – Дождешься лейтенанта в аэропорту, - приказал он старшине, - и отвезешь куда надо. Понял?

- Так точно, командир! - козырнул водитель и резво забрался в кабину.

Зубков махнул Славке на прощание рукой, и направился куда-то решать многочисленные и неотложные ротные дела, а старшина, громко газанув, развернул машину в сторону ворот, и МАЗ тихонько тронулся по дороге мимо плаца в сторону КПП. Еще через пять минут машина, натужно ревя двигателем, ползла вдоль леса в сторону аэропорта по раскисшей и почти непроходимой после недавних дождей дороге. Освещенные солнцем желтые стволы высоченных сосен за стеклом кабины медленно уползли назад. Спустя полчаса непрерывной тряски и чертыханий старшины, почти переплыв последнюю громадную лужу, машина, наконец, остановилась рядом с небольшим, деревянным зданием аэровокзала на более-менее сухом пятачке. Ожидающие вертолета вахтовики устроились рядом с пятачком, под соснами, разложив прямо на мху между пеньками нехитрую закуску и выпивку. Славка сбегал в кассу и к своему удивлению свободно и совершенно без очереди приобрел билет на завтрашний рейс до Тюмени. Потом старшина отвез его до общежития и попрощался, пожелав лейтенанту счастливого пути. Славка только сейчас почувствовал, как он устал. Лейтенант прилег на кровать, прикрыл глаза и начал размышлять, что ему нужно взять с собой в отпуск и что одеть. Парадной формы у него не было, так как отрез ткани, выданный для ее пошива, он загнал Нигматулину еще в начале службы. Можно было, конечно, надеть повседневную форму, но китель уже был изрядно заношен, а обшлаг левого рукава, поврежденный где-то на стройке, был неумело заштопан самим Вячеславом. В

таком затрапезном виде появиться перед друзьями, а особенно перед подругами в Хабаровске он, конечно, не мог. Надо было что-то предпринимать. Приличной штатской одежды не было тоже, но можно было, в общем-то, попросить что-нибудь у ребят. С мира по нитке – нищему рубаха! Глядишь, и выйдем из положения. И с этой, окончательно успокоившей его мыслью, Славка незаметно для себя уснул.

Проснулся он часов в шесть вечера, разбуженный шумом и топотом. Вернулись со службы друзья. Вячеслав решительно сбросил одеяло, поднялся и с хрустом потянулся. «Отлично выспался», - подумал он. Захотелось покушать. К тому же пора было решать вопрос отпускной экипировки. Славка вышел в коридор и нос к носу столкнулся слевой Шварцером.

- Здорово, Слав! – поздоровался Лев. – Не виделись сегодня вроде? Слышал, тебе отпуск комбат подписал.

- Подписал.

- Поздравляю.

- Спасибо, - поблагодарил приятеля Вячеслав. - Лева, ты не знаешь, у кого можно одежонки призанять, не в чем даже поехать, блин.

- А, чего у кого-то искать, возьми вон у меня парадную форму. Все равно, ничего приличного из штатского у парней не найдешь. Да и размер не подобрать. Будешь только, как попугай, разряжен. А форма, она и есть форма! Парадка у меня почти новая, раза три всего одевал.

- Вот спасибо-то, а то полный абзац, понимаешь. Но ты, вроде, повыше меня, боюсь не подойдет.

- Подтяжки оденешь, а китель в самую пору будет. Да, что мы стоим, пошли, померим.

Китель и, правда, сидел, как влитой, а подтянутые повыше брюки аккуратно, не морщась, прикрывали туфли, купленные Славкой с месяц назад в местном сельпо.

- Красавец! – оглядел его Лева. – От баб отбоя не будет.

- С меня литр, дружище. Выручил! – покрутился перед зеркалом довольный Вячеслав. – Нормалек!

- Литром не отделаешься. Красной рыбки привези лучше, у

вас ведь там, на Дальнем Востоке, она должна еще быть.

- Как не быть, есть. Привезу обязательно. Может и икры удастся достать.

- Ну, - протянул Лева, - если еще и икры добудешь...

- Постараюсь, - пообещал растроганный Славка.

Основная отпускная проблема была чудесным образом решена, и Славка пошел умываться и бриться: в половине восьмого у него было назначено свидание с возвратившейся накануне от бабушки Людмилой. Как только Вячеслав узнал от Гомянина, встречавшегося за день до этого с Галиной, что она приехала, он, проклиная себя за слабохарактерность, позвонил ей. Разговор состоялся коротким, так как начиналось очередное заседание суда, и с каким настроением вернулась девчонка, Вячеслав так и не понял. Он пригласил ее в кино, а она согласилась.

В назначенное время Славка стоял возле кинотеатра и курил. Как и положено, девушка опаздывала минут на десять, но времени до сеанса еще было предостаточно, и Славка не беспокоился. Наконец, в конце аллеи появилась знакомая, хрупкая фигурка.

- Привет! – как ни в чем не бывало, поздоровалась со Славкой девушка. - Извини, что опоздала?

- Ничего, как раз вовремя. Пошли, а то без нас начнут.

- Не хочется в кино что-то. Может, прогуляемся просто. Погода вон, какая прекрасная.

- Как хочешь. Я еще билеты не покупал, можно и погулять.

- Как дела? – спросила Людмила, взяв Славку под руку.

Славка помолчал, раздумывая, как бы поделикатней сообщить девушке, что он завтра отбывает в отпуск. Но ничего путевого в голову ему не приходило.

- Нормально. Учения закончились. Скоро всех на трассу загонят. А ты как?

- У бабушки гостила, в деревне.

- Ну, и как?

- Хорошо. Огород, огурчики с грядки, салат всякий. Озеро почти рядом с домом. Каждое утро купаться бегала.

- А мне отпуск дали, - внезапно сообщил Вячеслав.

В глазах у девушки от неожиданности промелькнуло короткое выражение удивления.

- И когда?

- С завтрашнего дня.

- Надолго?

- Как и положено: сорок пять календарных дней.

- Куда-то едешь? – спросила она после короткой паузы.

- Хочу в Хабаровск, слетать. У меня друг школьный военноморское училище во Владивостоке закончил, ну, и вдруг решил жениться. А свадьбу хотят в Хабаровске у родителей сыграть. Пригласил меня свидетелем, если, конечно, смогу приехать. Да, и так, просто, хочется однокашников навестить. Двенадцать лет все-таки в городе прожил, пол жизни, считай.

- И когда едешь?

- Завтра и лечу. Билет уже купил, - Славка на несколько мгновений смолк. – К сентябрю вернусь.

Он незаметно взглянул на Людмилу, пытаясь угадать, как девушка реагирует на это известие. Но по ее спокойному лицу ничего нельзя было определить. Повисшее в воздухе напряженное молчание, слегка его встревожило. Однако Славка почувствовал, что девушка была, как бы расстроена этим сообщением и совершенно к нему не готова, а ожидала от кавалера чего-то совершенно иного. Они, наконец, дошли до места, где тротуар обрывался, и повернули назад. Молчание затягивалось и Славка решился заговорить первым.

- Люда.

- Что? – Людмила взглянула на Вячеслава.

- А, пошли, в ресторан сходим? Я сегодня отпускные получил, - неожиданно для самого себя предложил Вячеслав.

- Богатый, значит! – девушка снова сделала паузу. - Ну, пошли, если хочется, только там мест, наверняка, нет. Восемь часов уже.

- С местами порешаем, - отмахнулся обрадованный ее согласием Вячеслав. - Там же Женька на ударных калымит. Ну, тот самый, что на танцах барабанит, мастер с дороги. Пошли?

Мимо кинотеатра они с Людмилой прошли к «Тайге», так

назывался единственный в поселке ресторан, и поднялись на крыльцо. Через пять минут, что ушли на переговоры с Женькой и официантами, они устроились за столиком у окна, где уже сидела пара: парень с девушкой. Славке они показались знакомыми, видимо, где-то раньше встречались, на танцах или еще где. Поселок – небольшой, так что почти все местные друг друга знали, хотя армейцы и жили своей, обособленной от гражданских жизнью. Заказали подошедшей к столику официантке вина и что-то на закуску. Оркестр играл мелодии из «Трех мушкетеров», и солист пел, старательно подражая Боярскому: «Есть в графском парке черный пруд, там лилии цветут...» Славка танцевал с Людмилой, слегка прижимая ее к себе, и, волнуясь, ощущал через рубашку, как громко бьется сердце девушки. Она никак не обозначила своего отношения к его отъезду, ничего не сказала, но возникшее между ними после этой, сообщенной им новости напряжение так до конца и не исчезло. Ребята за столом оказались компанейскими и простыми, и вечер за разговорами и шутками пролетел, как одно мгновение. К концу вечера Людмила все же слегка повеселела и бойко щебетала о том, о сем с новыми знакомыми. Около двенадцати они с девушкой распрощались с Екатериной и Александром, так звали их новых приятелей, договорились по возможности встретиться еще раз, и вышли на улицу под темное, звездное небо. Девушка, как показалось Славке, оттаяла окончательно. Легкая улыбка то и дело вспыхивала в уголках ее губ. Болтая о какой-то ерунде, они дошли до подъезда знакомого дома, и присели на лавочку. Внезапно возникшее неловкое молчание поселило в душе Славки какую-то необъяснимую тревогу, скорее даже неловкость. Ему, показалось, что его бездействие может представиться ей смешным, и он попытался обнять девушку за плечи и даже поцеловать. Но та, хоть и мягко, но уклонилась от его ищущих губ и сразу же торопливо засобиралась домой.

- Поздно уже. Завтра вставать рано, на работу идти нужно.

- Давай посидим, когда еще увидимся, - обиделся Славка, расстроенный таким неожиданным поворотом дел, но девушка осталась непреклонной. Лицо ее вновь стало спокойным и не-

проницаемым.

- Пора мне. Я пошла. А тебе желаю хорошо отпуск провести.

Славка встал со скамейки вслед за Людмилой и вновь попытался поцеловать ее, но та выскользнула из его объятий:

- Не надо! До свидания!

Дверь в подъезд захлопнулась, и Славка остался один. Он обиделся на девушку и даже обозлился. Как же так: он к ней со всей душой, а она нос воротит? Что она о себе думает? Принцесса, блин! Лейтенант достал сигареты и направился к калитке, прикуривая на ходу. Ладно, он тоже гордый и подкаблучником быть не желает. Не хочет отношений, как хочет! Перебьемся!

- Дядя Слава! – мальчишечий голос остановил его.

Славка обернулся. Два давешних его знакомых Юрка и Петька стояли в тени у палисадника.

- Здорово, огольцы! – поприветствовал их лейтенант. - А вы что не спите до сих пор? Ночь уже глухая, час почти!

- Да все нормально, дядя Слава, - подошли к нему мальчишки. – А спать не хочется почему-то.

- Родители-то не выпорют?

- Не. У меня только сеструха дома, а у Петьки – бабушка.

- А куда остальных родственников подевали?

- На курорт уехали, в Адлер. А у Петьки мать на работе.

- А отец, как на это дело смотрит?

- А отца у них нет, он их бросил.

- Вон оно что.

- Дядя Слава, а сигареткой не угостите? – нахально протянул руку розовощекий Юрка.

- Ага, сейчас, разбежался! Курить пора бросать, Юрка.

- Ну, угостите, дядя Слава. Что вам, жалко? – заныли уже с хором парнишки.

- Ладно, черт с вами, берите, - протянул пачку с сигаретами Вячеслав, - там как раз пара штук осталась. Я пошел, пожалуй, еще чемодан собрать нужно. А вы по улице не болтайте, топайте по домам.

- Тоже в отпуск едите? – спросил Юрка, видимо имея в виду

своих родичей, уехавших в Адлер.

- Тоже.

- А Людка, дура, - вдруг сочувственным тоном произнес мальчуган, - вы не обращайтесь на нее внимание. А лучше бросьте!

- Ну, ты, блин, даешь, молодой человек! Нос еще не дорос до таких дел! Сами разберемся. Ясно?

- А чего тут неясного? Прошлый год за ней офицер один ходил, помните я вам рассказывал, так она им тоже вертела, как хотела.

- Ты где слов-то таких нахватался?

- А, все вокруг об этом говорят. Вот и мать моя тоже. Не любит она Людку. Больно нос задирает, говорит.

- Так то – мать! Она взрослая, а вам рано еще о таких делах рассуждать! Поменьше нос свой, куда не надо суйте. А то, знаете такую поговорку: любопытной Варваре, на базаре нос оторвали! Поняли? Вот, так-то! Ну, бывайте, орлы! До встречи!

- А вы про портупею не забыли, дядя Слав?

- Не забыл, Юрка, не забыл. Получишь ты свою портупею.

- Смотрите, не забудьте.

- Я же говорил тебе, что он опять к Людке придет, - услышал вслед, выходя за калитку, Славка.

- Не, не придет больше, обиделся он на нее.

- Придет. Любовь у них, никуда он не денется! Придумают же взрослые себе, не знаю что! Хотя, по мне ни к чему она эта самая любовь, баловство одно. Девчонки они все одинаковые: задаваки, дуры и плаксы.

Славка улыбнулся про себя: ишь ты, философы доморощенные! Он глубоко вдохнул посвежевший ночной воздух, и, почувствовав после слов мальчишек внезапно наступившее облегчение, бодро зашагал по тротуару в сторону общежития. Ну, не складываются у него отношения с Людмилой и что из того? Да, Бог с ними! Больше полгода знакомы, а дальше редких и каких-то неживых поцелуев дело не пошло. Он и так и сяк к ней, а она будто смеется: то, вроде, отмякнет, подбрееет, а то, как мертвая, не подступишься. Э, да ладно, может, перемелется все еще. Утро вечера мудренее. Славка зашагал быстрее. Мыс-

ли его постепенно переключились на предстоящий отпуск, но где-то в глубине души осталась червоточинка, маленькая такая, но зудящая. Впереди засветились окна родного общежития, и Вячеслав вспомнил, что Матвеев обещал ему приличную, импортную сумку под отпускное барахло. Лишь бы не спал, а то будить не хочется...

Самолет вылетел точно по расписанию. Старенький ЛИ-2, старательно тарахтя моторами, за два с половиной часа донес пассажиров, а вместе с ними и Вячеслава, до Тюмени. Начальство накануне, к счастью, так и не вспомнило о лейтенанте. И он смог, наконец, облегченно вздохнуть, когда увидел в иллюминаторе под собой, как пелось в одной популярной песне: зеленое море тайги с зеркалами голубых озер посреди рыжеющих болот. Отпуск начался! В Тюмени Славке тоже повезло: он без особого труда купил билет до Хабаровска на транзитный рейс из Москвы. Правда рейс садился на дозаправку в Новосибирске и попадал в пункт назначения только к ночи. Но Славку это не пугало, главное – вперед, не ждть у моря погоды. А то нет ничего хуже, чем ждть да догонять. Тут же, в ресторанчике аэропорта он познакомился с группой таких же молодых, как он, лейтенантов, только что выпущенных из училища, которые тоже ждали посадки на этот рейс. Те направлялись на Дальний Восток к местам своей новой службы. Вместе с ними за столом сидели симпатичные, улыбочатые девчата, как позже выяснилось, тоже летевшие в Хабаровск. Славка траванул несколько свежих анекдотов, подаренных ему Колей Суровцевым, выпил предложенный стаканчик сухого вина, и стал своим в этой веселой и жизнерадостной компании. Вместе они зарегистрировались, прошли на посадку и загрузились в самолет, а через три часа благополучно приземлились в Новосибирске. И вот тут начались неожиданные неприятности. Относительные, конечно, но неприятности. По неизвестным причинам рейс начали откладывать то на час, то на два, пока окончательно не задержали до утра. Славка не особенно расстроился: впереди еще целый отпуск, время девать некуда, тем более, что новые приятели и подружки скучать не давали. Снова пошли в ресторан, благо

он здесь работал круглосуточно, и просидели за столиком до самого утра. Кое-кто из компании, утомленный дорогой и вином, здесь, прямо за столом и подремал. Славке тоже удалось забыться часа на два, и утром он чувствовал себя вполне свежим. Тем более что удалось умыться в аэропортовском туалете и даже побриться кое-как. Девчата тоже припудрили свои носики, почистили перышки и похорошели. Но рейс все никак не хотел отправляться, и к обеду, когда объявили посадку, все уже снова устали. Когда, наконец, самолет взлетел, пассажиры дружно улеглись спать, и то – почти сутки проторчали в аэропорту Новосибирска. Проснулся Славка, когда почувствовал, что самолет снижается. Стало закладывать уши. В иллюминаторе, куда он выглянул, под самолетом тянулась широкая лента реки, блестящая под солнцем, с маленькими белыми бурунчиками на поверхности от плавсредств, передвигающихся вниз и вверх по течению. Что-то его насторожило. То, что это – Амур, он не сомневался, но вот заход на посадку был незнаком. В Хабаровске самолет пересекал реку поперек в сторону севера, а здесь шел под углом, да и горной гряды Хихцира не было видно на горизонте.

- Граждане пассажиры! – раздалось в этот момент из динамиков. – По причине грозовых фронтов на подлете к Хабаровску наш самолет совершает посадку в аэропорту Благовещенска. Просим пристегнуть ремни и поднять спинки кресел!

Салон недовольно зашумел, но, куда было деваться, самолет уже заходил на бетонную полосу аэродрома. Аэропорт Благовещенска оказался маленьким, а бортов скопившихся тут в результате непогоды – немало. Народу по этой причине в здание набилось битком, некуда приткнуться. Удалось, правда, отстояв огромную очередь, попасть в кафешку, рядом, на площади, где они купили хорошего, полусладкого, венгерского вина и какой-то закуски. А у торгующих на маленькой площади старушек приобрели зелени. Вокруг аэропорта расстилалась слегка холмистая степь, покрытая, как ковром, цветущими травами. Погода была изумительной: тепло, тихо, над цветами в траве трудились пчелы, а воздух пах медом. Едва заметный, ласко-

вый ветерок обдувал разгоряченные лица. Вот и решили не потеть в аэропорту, а пойти посидеть на ближайший холм, полюбоваться природой. Рейс к этому моменту уже окончательно отложили до утра. Ближе к вечеру на ясном, прозрачном небе загорелись первые яркие звезды, запели в траве сверчки. Выпитое вино располагало к разговору, да и девчонки, что сидели рядом, требовали внимания. Вот мужская половина компании и старалась, как могла, поддерживать хорошее настроение в коллективе, а женская это старание благосклонно принимала. Но к ночи посвежело, и пришлось перебираться в тесный, но уже слегка опустевший зал ожидания: несколькими рейсам, улетавшим на запад, удалось отбыть. Славке под ночлег досталась одна из опустевших к этому времени стоек буфета. Он постелил на нее пару предложенных кем-то из новых приятелей газет, снял ботинки, пристроил под голову аккуратно сложенный китель и заснул мертвым сном. Еще бы: почти двое суток на ногах!

Утром его ждала еще одна неожиданная и совсем уже серьезная неприятность, пока он спал: кто-то спер его башмаки. А тут еще и посадку объявили, искать и жаловаться было некогда и некому, и пришлось Славке шагать к трапу по сырому асфальту летного поля прямо в носках. Он постарался пристроиться в конец очереди на посадку, чтобы не смешить людей. Кроме прочего, в салоне летело несколько высших офицерских чинов, и Славке вовсе не хотелось смущать их своим нелепым видом. Девчонки-стюардессы помогли позже найти в багаже его сумку, где у него, слава Богу, лежала вторая пара обуви, которую посоветовал захватить с собой мудрый и опытный в таких делах Матвеев:

- Возьми. Мало ли что. В дождь попадешь, или каблук отвалится. Что тогда делать-то будешь?

Хорошо, что он его послушался, а то бы, просто – беда! В Хабаровск прибыли к обеду, и, распрощавшись с ребятами, Славка поехал прямо к Володке Иванову, другу еще по школе, с которым списался заранее. Тот отправил жену, которая готовилась стать мамой, в деревню, к бабке на витамины, а сам дол-

жен был уехать в экспедицию, так, что их однокомнатная квартира оставалась в полном распоряжении Вячеслава. Володька окончил политех по специальности геология, и почти каждое лето мотался по северам, разыскивая, черти что, и черти где, чего и сам не знал. Но вот в прошлом году, где-то в зачуханной глубинке отыскал себе жену-красавицу. Славка видел ее на фотографии, которую прислал вместе с письмом однокашник. На этой фотографии приятель с женой были изображены в день их бракосочетания. Черноволосая и черноглазая смуглянка эффектно смотрелась в белом, подвенечном платье. Ключ от квартиры Володька обещал оставить у соседки, в дверь которой и позвонил, подъехавший из аэропорта на такси лейтенант.

- Ой, Слава, какой ты стал! – заохала, едва узнавшая его в парадной армейской форме женщина. – Красивый, такой, и взрослый! Офицер, это надо же!

- Ну что вы, Альбина Викторовна! – засмутился от такого повышенного внимания к своей персоне Славка. – Как вы-то тут поживаете?

- Да у нас все хорошо! Тебя тут вчера Володя Акулов разыскивал, откуда-то знает, что ты приедешь. Из Владивостока приехал. Шикарный такой, в белой форме и с кортиком на поясе. Прямо, как в кино! Жениться собрался. А ты-то еще не женился?

- Нет, не сподобился! А Володьке я телеграмму давал, когда приеду. Но у меня рейс задержали ровно на сутки, а так я еще вчера должен был прилететь, вот он и приходил. А когда у него свадьба?

- Не сказал. Ты давай, отдыхай, а то, поди, в дороге-то намалялся! А, если он снова появится, я ему скажу, что ты приехал. Может тебе что-нибудь покушать сообразить?

- Спасибо, Альбина Викторовна! Не надо. Я и вправду, что-то умаялся, глаза слипаются.

- Вот и поспи часок другой, а друзья никуда не денутся. Володя говорил, что Генка Новиков тоже откуда-то, вроде из Молдавии прибыл. К родителям, видимо, тоже в отпуск.

- Да, ну! Увидимся, значит.

- Увидитесь, конечно. Иди, иди, отдохай! Если что срочное случится, разбужу.

Славка открыл квартиру, бросил в прихожей сумку, прочитал оставленную на зеркале записку друга и прошел в комнату. Сбросив китель, он прилег на тахту, и закрыл глаза. Темнота, пронизанная нитями света, закрутилась перед ним волчком, и, не успев ни о чем подумать, он начал падать куда-то в пропасть, пока не забылся крепким, здоровым сном.

Проснулся он внезапно, разбуженный звоном надрывающегося входного звонка. Открыв дверь, он сразу попал в объятия высокого морского офицера в белой парадной форме, в котором не сразу признал своего закадычного друга Владимира Акулова, учившегося когда-то с ним в одной школе классом младше.

- Здорово, бродяга! – затискал еще, не вполне проснувшегося Славку Володя. – Ну, как ты? Рассказывай!

- Да, погоди ты! – едва отбился от Володьки лейтенант. – Ты скажи, что сейчас? Вечер?

- Кой к черту вечер! Десять утра.

- Не шути! Так это я со вчерашнего дня дрых, что ли! То-то, думаю, жрать так хочется!

- Еще бы! Я вчера к тебе приходил, но будить не стал. Альбина сказала, что ты только что прилетел, да еще сутки до этого почти не спал. Я и решил отложить визит до утра.

- Ну, не совсем не спал. Маленько дремал, когда возможность случалась.

Славка коротко поведал другу о дороге, о спертых в Благовещенске ботинках, чем привел того в веселое расположение духа:

- Я представляю, как ты в носках и парадной форме по полю маршировал!

- Я сзади за остальными пассажирами, потихоньку. А то там, в самолете и полковники летели. Но, вроде, никто ничего не заметил.

- А как из положения выкрутился?

- Запасные туфли были. Стюардессы помогли разыскать багаж, вот и все.

- Ладно, давай чисти харю, потом разговаривать будем. А, приведешь себя в порядок, ко мне пойдем, мать завтрак готовит. Сказала, чтобы я тебя на аркане приволок, если упираться будешь!

- А жена твоя тоже там?

- Не жена, а невеста! Нет. Она на пару дней во Владивосток уехала, из института документы получить. Ну и всякие другие неотложные дела.

- Так она еще учиться?

- На пятый перешла. Хватит трепаться! Давай топай бриться, да брюки погладь, а то измялся здорово, как из одного места вынутый.

- Снять забыл, когда отдохнуть прилег, а потом уже и не просыпался. Поставь, пожалуйста, утюг, пока я моюсь.

Через пятнадцать-двадцать минут они с Акуловым уже бодро шагали по залитому солнцем асфальту родного города к дому, где жили родители Володи. А потом закрутилось...

К вечеру появился Генка, бывший одноклассник и однокурсник Вячеслава. С ним Славка просидел за одной партой вместе шесть лет в школе, а потом проучился еще пять в институте. Вместе они сбегали с уроков, занимались в спортивных секциях, вместе ездили в студотряды. Короче, более закадычных друзей во всех жизненных коллизиях и приключениях, где им пришлось принимать участие, не было. Мать Вячеслава, правда, их дружбу не слишком одобряла.

- Хитрый он, Генка, - говорила она, - всегда себе на уме! А ты, как телок, тащишься у него на поводу!

Но Славка на слова матери особого внимания не обращал. Он, конечно, замечал за приятелем некоторые странности, но не придавал им большого значения. Была у Генки какая-то нездоровая зависть к успехам друзей. Одно время Славка ходил в секцию бокса, куда звал и Генку. Но тот долго отказывался, поясняя это тем, что только дураки свою морду под кулаки подставляют. Но, когда на ринге городского дома офицеров Славка выиграл первенство округа среди школьников и завоевал огромный авторитет среди одноклассников, особенно их девы-

чьей половины, Генка тут же нарисовался в спортзале. Правда, ненадолго. Получив пару раз по носу, он быстро забросил на антресоли, купленные отчимом боксерские перчатки. Потом Вячеслав вместе с Витей Греком, когда появилась мода на бардовские песни, пригласили Генку учиться играть вместе с ними на гитаре, в кружке, открывшимся в гарнизонном доме офицеров. Тот опять отказался, то ли музыку не слишком любил, то ли был занят другими какими-то делами. К этому времени он уже во всю гулял со своей будущей женой и их одноклассницей Ларисой Новиковой, чью фамилию впоследствии, после регистрации и возьмет.

Настоящая фамилия Генки была Хариль, австрийских корней. Отец его, военный летчик, служил здесь же, на Дальнем Востоке. И однажды, на танцах, по пьяне, нечаянно столкнулся и разбил бюст Сталина. За что и загремел на восемь лет, когда Генке было года четыре. Мать Генки ждать не стала и вышла замуж снова. А импортная фамилия у сына осталась. Правда, она ему не особо нравилась. Особенно он злился, когда новые преподаватели, читая ее в классном журнале, переставляли ударение на первый слог.

Так, вот, как только они с Греком, подучившись, начали играть и петь в компаниях, где все вместе встречались, у Генки тут же возникла ревность. Он, не мешкая, приобрел где-то с рук инструмент, самостоятельно взялся обучаться игре, и уже через короткий промежуток времени лихо лабал блатные песни на трех аккордах. Но, одно дело учиться у профессионалов, посещать занятия, разучивать гаммы, а другое – просто брякать незатейливые песенки. В компании это хорошо понимали, что особенно и злило Генку. Все это, однако, не мешало им быть, ну, если не до конца откровенными друзьями, то просто хорошими, добрыми приятелями. Тем более столько лет вместе, столько всего пережили, столько видели. Казалось, что жизнь никогда не разведет их в разные стороны.

Но, когда в одно и то же время обоих призвали на службу в армию, страна и командование распорядились по-своему: Генку забросили в первый корпус железнодорожных войск, а Вя-

чеслава – в четвертый. Так Новиков оказался в цветущей Молдавии, а Славка Решетников – на заснеженном Севере забытого Богом Ханты-Мансийского округа. Нефть здесь уже начали добывать, но еще не было ни дорог, ни сети трубопроводов, ни перекачивающих станций. Только прорубленные в тайге визиры, да заброшенные по берегам речек избушки геологов. Глухомань, короче! Но, зато, романтика!

- Привет, пацаны! – с шумом и гамом, как будто он был не один, а целый табор цыган, часов в шесть вечера в квартиру Володи, где они со Славкой пили чай, ворвался Генка. – Славка! Тысячу лет тебя не видел! – обнял он, тиская, Вячеслава. – Здорово, Володя! Поужинали уже? Вот и хорошо! Кончайте тут чай гонять, архаровцы! Лебедев-Косов в «Даурию» к семи приглашал, обещал девочек симпатичных с собой прихватить.

Генка, хотя и женился на их однокласснице Ларисе еще на четвертом курсе института и фамилию ее взял, а ходок был еще тот. Но Лариса, которая его любила без ума, промаявшись энный срок после очередного похождения любимого и неповторимого, прощала ему все эти мужские шалости. Тем более, что Генка умел выдать из женщины слезу и запудрить мозги, каясь и вымаливая прощение, чуть ли не на коленях. А сейчас он приехал в Хабаровск один, оставив жену с родившимся еще до армии сыном в Григориополе. Тут ему, как говорится, сам черт вслел.

Лебедев-Косов, тоже их одноклассник, остался учиться в аспирантуре мединститута, который закончил только в этом году. Они-то в технарях учились по пять лет, а он в меде проходил еще год ординатуры. Каким-то образом, видимо папа помог, а папа был большим военным начальником, он откосил от неминуемого призыва, залез в аспирантуру, и сейчас тискал лаборанток, да и студенток тоже, в стенах родной альма-матер. «Даурия» - их любимое, еще со времен студенчества кафе в центре города, на улице имени основателя марксизма, Карл-Маркс броде, как ее прозвала молодежь.

- Опять ты, Генка, парней с толку сбиваешь! – возмущенно вмешалась в их разговор, появившаяся в гостинной Володи-

на мама, Валентина Ивановна. – У Володи через четыре дня свадьба, какие еще кафе?

- Здравствуйте, тетя Валя! – вместо ответа чмокнул женщину в щеку Генка.

- Здравствуй, здравствуй! Ничему тебя Гена жизнь не учит, - с укоризной произнесла, вытирая руки о передник, Валентина Ивановна. – Вон, уже скоро седые волосы в шевелюре заведутся, а ты все туда же! Какие такие девочки, когда у одного свадьба на носу, да и у тебя жена с сыном, охальник ты этакий.

- А при чем тут свадьба, тетя Валя? – заржал в ответ Генка. – Я же их не жениться зову, а с приятелями на встречу. Ну, а если и приголубит какая, то, поди, ничего! У мужиков не смылится! Всем хватит!

- Тьфу, на тебя, жеребец ты стоялый! Как только тебя такого жена терпит? – вновь закипела тетя Валя и, махнув с досады рукой, скрылась на кухне, где у нее что-то начало гореть.

- Давайте, собирайтесь мухами мужики, пока не арестовали! – вполголоса, чтобы не услышала Володькина мать, продолжил Новиков. – Уже шесть, пока до центра доберемся, как раз семь будет.

- Неудобно как-то перед тетею Валей, - начал, было, Славка, но Володя прервал его.

- Ладно, пошли! Свадьба свадьбой, а друзья – друзьями! Поворчит мать и отойдет.

Они собрались, как можно тише, и выскользнули из квартиры, прикрыв за собой дверь. Еще через пятнадцать минут им удалось перехватить такси возле КПП авиационного гарнизона, в котором и располагался жилой микрорайон, и в котором они и жили с малых лет. А без пятнадцати семь нарядные, наглаженные, в парадных мундирах, три офицера уже подходили к «Даурии». Лебедев-Косов появился ровно в семь, окруженный стайкой весело щебечущих симпатичных девушек.

- Вот и наш бонвиван, - вполголоса прокомментировал Геннадий, и тут же изобразил на лице неподдельную радость. – Здравствуй, Витя! – протянул он руку приятелю. – Здравствуйте, красавицы!

- О, здорово, парни! Сколько лет, сколько зим? А тебя, блин, Вова, и вовсе не признать! Красавец, правда, девочки! Привет, Слава! Знакомьтесь! – представил он трех весьма симпатичных молодых особ. – Это – Галя, это – Вера, а это – Лидочка! А это мои старые школьные друзья.

- Вовсе и не такие старые! – кокетливо прошептала девчонка, которую Витька представил Верой.

- Некомплскт, вроде, - шепнул Славке на ухо Новиков, но вслух рассыпался в комплиментах, правда, как обычно, не без подтекста.

- Ну, ладно, если все познакомились, тогда пошли! – прервал Косов Генкино красноречие. - Столик я еще в обед заказал, проходите, девчата! – и Витька галантно распахнул перед барышнями тяжелую входную дверь.

Последний раз в «Даурии» Славка был года два назад. Когда-то здесь играл живую прекрасный гитарист, поэтому пробиться сюда просто так, чтобы послушать его игру, было всегда довольно непросто. Сейчас сцена пустовала, а спросить играет ли здесь тот самый музыкант и теперь, Славка постеснялся. В остальном кафе осталось таким же, как и раньше.

После первого госта за дружбу скованность, возникшая между молодыми людьми на первых порах, постепенно исчезла, и вечер продолжился так, как обычно и протекают такие дружеские вечеринки. Вспоминали, кого и куда из одноклассников разбросала жизнь, смеялись над старыми забавными случаями, произошедшими много лет назад, танцевали с девчатами под музыку появившегося попозже вокально-инструментального ансамбля. А потом, замерев, слушали того самого гитариста, который исполнял фламенко. Собственно, из-за этого гитариста, бывшего летчика, и виртуозно исполняемой им струнной музыки кафе и было так популярно у хабаровской молодежи.

Славка положил глаз на волоокую блондинку Веру и, что было силы, заливал той, наклоняясь к розовому ушку, про трескучие морозы и прочие ужасы северных широт:

- Вы знаете, Вера, медведи у нас, конечно по улицам не гуляют, но глухаря можно подстрелить прямо из форточки! А ка-

раси в озерах, какие! Отрежешь голову с хвостом, как раз на всю сковородку! Темные такие, цвета старой бронзы. А грибов столько, прямо косой коси!

Девушка беззаботно смеялась, с удовольствием принимала Славкины ухаживания, а в танце не пыталась оттолкнуть партнера, когда тот недвусмысленно прижимал ее молодое, гибкое тело к своей груди под распахнутым кителем. Генка с Володей охмурили подружек Галю и Лиду, что ничуть не волновало развалившегося на стуле, как фон-барон, Виктора. Он-то в своем институте был по горло избалован вниманием слабого пола, и уже спустя полчаса отыскал за соседними столиками какую-то свою предыдущую пассию из родного учреждения, с которой и танцевал дальше весь вечер. В двенадцать кафе начали закрываться, и вся компания, прикупив с собой спиртного, отправилась в центральный парк, к берегу Амура, где и продолжила гуляние. Смотрели на мерцающие под лунным светом волны реки, бросали со скалистого утеса камешки, кто дальше, вспоминали молодые годы. Потом Геннадий с Володей отправились провожать девчат, Виктор со своей подружкой смылся еще раньше, и Славке ничего другого не оставалось, как набраться нахальства и пригласить к себе в гости на чашку кофе смешливую Веру. Та сначала поломалась для приличия, но потом согласилась с условием, что Славка ее обязательно проводит домой после того, как они допьют предложенный кавалером кофе. На такси они доехали до гарнизона, дома под кофе выпили еще, и девушка никуда больше ни пошла, тем более что Вячеслав и не собирался ее никуда отпускать. Да она и не напоминала больше об этом.

Часам к десяти утра следующего дня, посадив Веру в такси и клятвенно пообещав ей обязательно позвонить, Славка отправился к Володе домой, где застал не на шутку встревоженную тетю Валю.

- Что случилось, Славик! Где Володя? Я уже Генкиным родителям звонила, но того тоже дома со вчерашнего дня нет. Леночка из Владивостока позвонила утром, пришлось соврать, что вы на рыбалку уехали. Стыд-то, какой!

- Да не беспокойтесь вы так, тетя Валя! Куда они денутся? Видно у Витьки застряли. Я-то устал, дорога сказывается, так что рано домой усхал, - соврал Вячеслав, - а они, видно, продолжили. Ну, и не рассчитали.

- А как ему позвонить, Виктору?

- Да у него сейчас телефона нет, - вновь соврал на всякий случай Славка. - Вы, тетя Валя, не беспокойтесь. я знаю, где он живет, сгоняю туда мигом. А потом вам позвоню.

- Сгоняй, Славик, а то тревожно мне как-то. Вот вернется, разберусь я с ним стервецом! Почувствовал свободу, ишь ты! Жалко, отец в командировке, только к свадьбе и вернется.

- Давайте, тетя Валя, договоримся так: никого мы попусту тревожить не будем. Я через час поеду к Витьке и оттуда вам обязательно позвоню. А вы не волнуйтесь попусту. Хорошо?

- Хорошо. Но я на тебя надеюсь, Слава!

Славка выскочил на улицу, как ошпаренный, и перевел дух. Вот, козлы драные, любовнички, мать вашу! Невтерпеж им, понимаешь, стало! Он, конечно, догадывался, что сейчас ему своих гулеватых приятелей не сыскать: рано еще, не поднялись. Но на всякий случай для очистки совести перезвонил Виктору. Тот побожился, что ни сном, ни духом не чует, где заночевали друзья:

- Я, конечно, съезжу к девочкам, но сам понимаешь, пока соберусь, да пока доеду – часа три пройдет. А телефонов я их не знаю, как-то не пришлось. Да и на кой мне, я их и так ежедневно в институте вижу. Ты давай, к шести в «Даурию» подгребай, а там видно будет.

На том и порешили. Вячеслав вышел из будки телефона-автомата и, не сделав и десяти шагов по тротуару, нос к носу столкнулся с Наташкой. Той самой Наташкой Яковлевой, за которой безуспешно ухлестывал не один год и которая его, в конце концов, выбросила, как ненужную вещь. За эти прошедшие с тех пор три года, что они не виделись, она повзрослела, похорошела, а в глазах появилось то самое выражение, которое заставляет мужчин, обративших на такую женщину внимание, задуматься о своей непутевой, одинокой жизни.

- Привет, Наташа! Ты это, или не ты? Я тебя сразу и не признал. Счастливой будешь!

- Здравствуй, Слава! – Наталья остановилась, улыбаясь, и так взглянула лейтенанту в глаза, что он сразу почувствовал – еще не все остыло в разбитом когда-то сердце. – Да я и так счастливая. В отпуск приехал? Ну, как там у тебя на Севере? Откуда знаю, что на Севере служишь? Да Витя Подлесных как-то при встрече рассказывал, что ты где-то в Сибири железную дорогу строишь. Вижу – все хорошо, вон красавец какой! Весь из себя! А у нас тут все по-старому, без потрясений и перемен.

- Без перемен говоришь, – Славка с интересом разглядывал, казалось такое знакомое, но в чем-то кардинально изменившееся лицо девушки. – А ты вот какая стала! В другом городе встретил – точно не узнал бы, просто прошел мимо!

- Какая такая? – не без кокетства поинтересовалась Наташа.

- Красивая, естественно, и повзрослевшая, что ли. А, может, просто давно не видел, отвык.

- Спасибо за комплимент! Годы Слава, годы. Да и развод молодости не добавляет.

- Какой развод? – удивился Славка.

- Ну, как какой, обыкновенный!

- А ты что, уже и замужем побывала? Молодец. Что ж не пожилось?

- Так вышло. А ты-то еще не женился?

- Бог миловал. Это вон Вова Акулов жениться надумал. Слыхала?

- Слышала.

- На свадьбу не приглашал еще?

- Нет.

- Считаю, что пригласил. Тут и Генка Новиков как раз из Молдавии нарисовался.

- Да ну! А я недавно Витьку Лебедева-Косова видела в городе. Импозантный такой стал, аспирант! Меня, конечно, не узнал, или вид сделал, что не узнал. С какой-то дамой прогуливался, симпатичная такая.

- Да, мы с ним только вчера в «Даурии» гужевали. И Генка

с Вовкой тоже. А чего мы стоим, пошли, прогуляемся, что ли? Мама-то как, не болеет? А сестренка? Выросла, поди?

- Конечно, уже школу закончила. Ну, а в общем и целом все у нас дома хорошо. Знаешь что, пошли-ка ко мне, чаю попьем, поговорим. Я тут рядом в четвертом ДОСе живу. Квартира от мужа досталась, а работаю все там же: на авиаремонтном.

- А кто муж-то был? Тот самый кавалер, с которым я как-то тебя на бульваре встретил?

- Нет, летчик из гарнизона, лейтенант. Но сейчас его в Воздвиженку перевели, так что не бойся, никаких эксцессов не предвидится.

- Да, я, в общем-то, и не боюсь. А что и эксцессы случались? Ревнивый такой попался? Или сочиняешь?

- Было одно время. Особенно после развода, но потом, вроде, закончилось, успокоилось все. А позже его перевели. Да, мы, кстати, уже и подошли. Вот, в этот подъезд.

Они поднялись по лестнице на второй этаж, встретившись только с толстущей старухой, которая с интересом и беззастенчиво разглядывала Вячеслава, пока он протискивался между ней и перилами.

- Добрый день, Серафима Владимировна! – поздоровалась со старухой Наталья. – Это мой старый приятель Вячеслав! Не помните? – она щелкнула ключом в замке. - Вот, старая карга, все знать хочет, - захлопнула за Славкой дверь Наталья, перед этим ехидно улыбнувшись старухе. – Пусть от любопытства подохнет!

- За что это ты ее так любезно?

- Нос везде, где надо и не надо сует, а потом еще и во дворе со старухами кости перемыывает. И какое ей дело до всего? Одной ногой в гробу, а туда же! Проходи в комнату, я кофе поставлю. Или тебе чай?

- Да мне, собственно, все равно, не беспокойся.

- Ну, как же, не понравится, больше не зайдешь! – лукаво стрельнула глазами в сторону Славки Наталья и вышла на кухню.

Вячеслав с интересом огляделся. Квартира, как квартира, ничего особенного. Он присел в кресло перед телевизором и

взял с журнального столика какой-то глянцевый журнал.

- Посмотри пока телевизор! – раздалось с кухни. – Не скучай, я скоро.

Славка включил телевизор. Через десять минут из кухни потянуло запахом кофе, и в дверях появилась Наталья с подносом, на котором стояло две чашки и сахарница. Девушка уже успела переодеться. Халатик едва прикрывал то, что должен был прикрывать. Славка заметил, что его старая подруга как-то округлилась и в движениях появилась настоящая женская грация, которой раньше он никогда не замечал. Кошачья такая, с протягом. Наталья пододвинула к столику, на который поставила поднос, стул и устроилась на нем напротив лейтенанта. Славка смущенно отвел взгляд от ее неприкрытых коленей. Она заметила это и едва усмехнулась уголками губ:

- Рассказывай.

- А, что рассказывать? Служим потихоньку.

- Ну, как там люди живут, и вообще?

- Люди они везде одинаковые. Трудятся. Условия, конечно, не такие, как здесь, в городе, но жить можно. А ты-то, как?

- Обыкновенно: дом, работа, сам видишь.

- Так одна и кукуешь?

- А мне никого и не надо. Попробовала я этой семейной жизни, по горло сыта, хватит. Да ты сахар-то клади! – пододвинула сахарницу Наталья, наклонившись при этом и как бы невзначай показав Славке красшек кружевного бюстгальтера в широко распахнувшемся лифе халатика.

- Я обычно без сахара, - ответил Славка, вновь отводя взгляд. Ему вдруг почему-то стало невыносимо жарко.

- Ну, ты хоть китель-то сними, упрел ведь, - по ее глазам видно было, что она попросту над ним смеется.

Наталья потянулась в сервант за печеньем, и Вячеслава снова бросило в жар от близины стройных девичьих бедер, обнажившихся в разрезе приоткрывшегося халата. Наталья, как будто бы не заметила этой его реакции, и, как ни в чем не бывало, повернулась на стуле и выключила телевизор. Халат на коленях от этого распахнулся еще шире, открывая его взо-

ру почти все, о чем можно было мечтать одинокому мужчине. Кровь ударила Славке в голову. Но тут он вдруг ясно и четко понял: пора линять! А то будет вовсе не до друзей. Стараясь как-то успокоиться, он поднялся с кресла, поставил чашку на поднос, и отошел к открытой двери балкона глотнуть свежего воздуха. Прохладный ветерок охладил ему лицо, и через мгновение Вячеслав пришел в себя:

- А у тебя тут вид ничего. Зелено-то как все вокруг, - постарался он как-то разрядить неловкость момента.

Девушка тоже поднялась со стула, и, подойдя к нему, остановилась за спиной:

- Ты, что, Слава, бояться меня начал? – задала она неудобный и неожиданный для Славки вопрос.

Она тихонечко положила ему руки на плечи и попыталась повернуть к себе, но Вячеслав, как будто не заметив этого, достал из накладного кармана рубашки пачку сигарет, и шагнул на балкон, прикуривая от зажигалки:

- С чего это ты взяла?

- Шарахаешься как от прокаженной! – обиженно ответила девушка.

- Да, нет, все нормально, - окончательно пришел в себя Славка, - идти просто надо. Тетя Валя просила Володю с Генкой разыскать, а то они со вчерашнего дня куда-то провалились.

- Как это провалились? – заинтересовалась Наташа.

- Молча. В «Даурии» все вместе погуляли красиво, а потом они, видимо, продолжили где-то. Ну, после того, как мы расстались. А в пятницу свадьба. Вот так-то! – он еще раз глубоко затянулся сигаретой, переводя дух. - Ты, не забудь, кстати. В ресторане «Центральный», в шесть часов. Я тебя приглашаю! И от Вовки и от себя.

- Ну и ну! Женишки называются! Вот, все вы мужики такие! Так и норовите на сторону сбегать! Разве так можно? – девушка запахнула ворот халатика, почувствовав смену настроения у кавалера. - А за приглашение спасибо! Обязательно буду!

- Ладно, Наталья, я полетел! – Славка решительно надел сброшенный на диван пару минут назад китель и направился

к двери. – Не обижайся, - повернулся он к расстроенной подружке и чмокнул ее в щеку, - в другой раз. Какие наши годы!

- Как знаешь, - девушка еще плотнее запахла на груди халат и сразу поскуцнела. – Может, вечером зайдешь?

- Не знаю, обещать не буду. Нужно еще этих гавриков отыскать, а то Вовкина мать забьет тревогу – мало никому не покажется! А на свадьбе я тебя жду. Договорились?

- Постараюсь, если ничего не случится.

- Ну, до встречи! – Вячеслав еще раз чмокнул Наталью, и вышел, понимая, что он абсолютный дурак.

Это же надо, девушка прямо из одежды выпрыгивает, так его рада видеть, а он в импотента играет. Хотя, никуда это не убежит, а дело – есть дело!

Через пару часов он уже сидел за столиком в кафе, и в ожидании Витьки потихоньку потягивал из рюмочки «Агдам». Не прошло и получаса, как входная дверь с грохотом растворилась настежь, и в зал ввалилась троица: слегка помятые и поддатые Володька с Генкой, и, как всегда с иголочки, Виктор. Заметив его, они пересекли зал и брякнулись за стол к Вячеславу, на ходу заказав официантке коньяка и закуски:

- Здорово, Слава! – ощерился Новиков. – Вижу, вижу, что у тебя все в полном порядке, земля! Ну, прямо, как огурчик выглядишь! Правда, зеленый такой и в прыщиках.

- Где ты этих засранцев отскреб? - вместо ответа спросил Вячеслав у Виктора.

- Это, что за встреча лучших друзей? Сразу и засранцы! Давайте мальчики не будем ссориться, – начал, было, Акулов, но Славка был настроен не так лирично, как приятель:

- Мать твоя с ума сходит, пень ты бесчувственный, - прервал он Володьку. – Хочешь, чтобы с милицией разыскивали, да? Или, чтобы невеста о ваших с Генкой фортелях узнала? Вот будет потеха! А отец, завтра вернется, что скажет? Хватит коньяк-то жрать! Иди-ка, пока не поздно, матери позвони. А от тебя, Гена, я просто не ожидал! Бабы бабами, но можно же было с утра дома появиться. Тем более, у этого остолопа через два дня свадьба! А ты чего сидишь, как редиска в грядке? – на-

бросился Славка на Володю. - Ты, давай, не сиди, топай, звони!

- Ладно, чего разошелся, как чайник на плите! – Генка разлил принесенный официанткой коньяк. – Давай лучше – по маленькой! А ты иди, иди, - отобрал он рюмку у Акулова. – Тебе же сказали: иди и звони!

- Этому больше не наливать! – прошипел Славка, как только Володька отошел к телефону. – Где ты их, Витя, надыбал красавцев наших?

- А где же им быть, как не у подружек, - ухмыльнулся Виктор, - едва из гостей вытащил.

- Хорошие девочки! – подтвердил вновь захмелевший после принятой на старые дрожжи рюмки Генка.

- Ладно, мужики, допиваем и все по домам! - решительно заявил Вячеслав, когда вернувшийся от телефона Акулов доложил, что все в порядке. – Тебя, Виктор это не касается, ты хочешь, так оставайся.

- Не, у меня тоже дела, - первым поднялся Лебедев, - я пойду. Бывайте, парни! – обратился он к вновь намахнувшим по рюмке, не дождавшись их, приятелям. – До пятницы!

- Давай, Витя, до встречи! – протянул руку Славка. – А вы закругляйтесь и поехали!

Закругляться пришлось битый час, пока был не допит весь коньяк. Потом долго ловили такси, так как никто пьяных брать не хотел. Славка едва уломал одного, и то за двойную плату. А уже у себя дома, в квартире, передав Володьку из рук в руки матери, Вячеслав оказался только к десяти. У него еще мелькнула крамольная мыслишка, а не сходить ли к Наташке: приглашала ведь. Но, трезво поразмыслив, он решил остаться и лечь спать, так как этот день, несладко начавшийся с утра, но, правда, счастливо закончившийся, изрядно его утомил. Он еще успел посмотреть по телеку новости, но на большее его уже не хватило. Сон навалился внезапно. Проснувшись утром, он с удивлением увидел, что даже не выключил телевизор. Вот ведь, как умаялся.

Невеста приехала в четверг, а в пятницу состоялась свадьба. Жених в белой морской парадной форме с позолоченным корти-

ком на боку выглядел блистательно. Ну, прямо адмирал, не меньше! Не менее эффектно смотрелась и невеста, стройная девчонка с длинными белокурыми волосами, в фате почти до пят. Славка в своей, цвета морской ботвы, армейской форме, выглядел на их фоне бледновато. Но, что поделать, другой одежды не было. Генка, тот оказался похитрее, и в строгом сером костюме с бабочкой на шее явно выделялся из толпы. Славка на правах старого приятеля выступал свидетелем со стороны жениха, а со стороны невесты Володя попросил быть свидетелем свою одноклассницу Свету, так как знакомых у невесты в этом городе просто не было. После регистрации в ЗАГСе автобус, организованный отцом Володи отвез всех приглашенных на регистрацию в ресторан, где уже томились в ожидании остальные гости. Невеста с женихом, а теперь уже жена и муж, вместе со свидетелями подкатили на принаряженном такси чуть позже. На украшенной лентами и шарами машине они еще съездили по старой, укоренившейся в городе традиции на утес к Амуру и возложили цветы к памятнику погибшим за освобождение Хабаровска героям гражданской войны. Среди гостей Славка заметил и Наталью. Его старая подруга явилась на вечер в фиолетовом с блестками платье и серебряных туфлях на высоченных шпильках. Она о чем-то оживленно беседовала с какой-то женщиной, но, заметив Вячеслава, улыбнулась и приветственно помахала ему рукой. Ну, а дальше все пошло, как обычно, говорились высокопарные тосты, пили за родителей, за молодых. Папа Володи, а для Вячеслава дядя Коля, в ответном слове прочитал стихи собственного сочинения, чем растрогал почти до слез невесту. Ее старенькая бабушка, приехавшая с ней из Владивостока, то и дело промокала платочком глаза. Родители невесты, а, как выяснилось, отец ее был чистокровный поляк, как Славкин дед по материнской линии, уже лет пять почти постоянно жили в Польше и подъехать на свадьбу не смогли по каким-то причинам. Генка, узнав, что невеста полячка не преминул подлезть Володьке под шкуру:

- Ну, теперь от тебя особый отдел не отцепится: жена-то иностранка!

- Сам ты иностранец, Гена! У нее же наше гражданство, - от-

парировал приятелю вышедший с ними покурить на крыльцо ресторана разгоряченный Володя.

- А папа-то поляк! – не унимался Генка.

- Ну, и хрен с ним! – оборвал этот пустой разговор Вячеслав. – У меня дед тоже поляк, и – ничего! Ни один козел пока не напоминал!

Потом начались танцы, и Славка для приличия первый танец станцевал со свидетельницей, ну а второй – с невестой. Но долго флиртовать с незнакомыми девушками ему не пришлось, Наталья решительно пригласила его на объявленный тамадой дамский танец и уже больше не отпускала до самого конца праздника, приземлив за стол с собою рядом. Гости разгулялись, да и Славка изрядно выпил. После закрытия ресторана все, кому не хватило, поехали к Акуловым домой, и Славка даже не понял, как после всего он оказался один на один с Наташкой в ее подъезде. Оторвав губы от его губ и тяжело дыша, она бессвязным шепотом пыталась его успокоить:

- Ну, что ты, Славочка, ну погоди, платье порвешь! Ну, что же ты такой нетерпеливай!

А он безуспешно пытался через узкий, расстегнутый ворот платья добраться до ее тела, пахнущего пьянящим и волнующим ароматом неведомых трав.

- Ну, не надо, милый! Ничего не получится. Пошли ко мне! – она решительно освободилась из его объятий и потянула за руку за собой. - Тихо только, пожалуйста!

Только тут Славка начал потихоньку соображать, что к чему. На цыпочках, стараясь не шуметь, они начали подниматься по лестничному маршу, но, как только миновали площадку между первым и вторым этажом, дверь в одну из квартир приоткрылась, и Вячеслав разглядел в темном провале щели любопытные глаза старухи, которую видел здесь же третьего дня. Наталья резко выпрямилась,правила платье и ядовито поздоровалась с соседкой:

- Не спится, Серафима Владимировна?

Вместо ответа дверь захлопнулась, и Наталья удовлетворенно хмыкнула, показав в ее сторону язык и увлекая Вячеслава за

с собой этажом выше.

Не надо бы этого делать, подумал тогда еще трезвеющий Вячеслав, но события совершались уже сами по себе, не завися от его желаний. Качались за неплотно закрытой занавеской на окне яркие звезды, поскрипывала кровать и постанывала Наталья, жарко дыша ему в ухо:

- Вот так, вот так, вот так!

А потом он провалился в тяжелый, похмельный сон, а, проснувшись, потихоньку собрался, стараясь не разбудить девушку. Не дыша, крадучись, он добрался до выходной двери, оделся у порога и вышел, плотно прикрыв ее за собой. Уже высоко поднялось над домами умытое летней росой, утреннее солнце, но на улицах было безлюдно и тихо. Суббота.

Позднее, любопытный Генка все пытался у него разузнать, было ли у него в тот вечер что-нибудь с Наташкой. Но он только отшучивался:

- Тебе то, что? Ты же тогда свидетельницу захомутал, Светку. Грех жаловаться!

- А ты все-таки скажи: было что, или нет?

- Отстань ты от меня, Генка! Что прилип, как банный лист к заднице? Было, не было, тебе-то какое дело!

Дни в отпуске летели, как мгновенья. Володя с женой, спустя неделю после свадьбы отправился в Балаклаву, на Черное море, к его новому месту службы. Направили его служить, кстати, по его же просьбе на подводную лодку, начальником БЧ-2. Что это такое Славка толком так тогда и не узнал. А Володька не успел рассказать, замотанный хлопотами перед отъездом. Генка где-то крутился самостоятельно, и Славка, заскучав в одиночестве, засобиравшись назад, в Советский. Правда, еще разок они успели всей компанией выбраться на левобережье, порыбачить. Как всегда Косов прихватил с собой своих подружек, но начавшийся вечером дождь спутал все их планы. Пришлось сидеть безвылазно в палатке, и дожидаться до утра, когда же, наконец, подойдет речной трамвайчик. Вера пыталась напроситься к Вячеславу в гости, но он решительно отверг ее желание, соврав, что уезжает к приятелю в Биробиджан. А от Натальи, по

слухам разыскивающей его, и которая никак не хотела понять, что два раза в одну реку не войдешь, он пробирался, возвращаясь вечерами, домой, темными, окольными тропинками.

Правда, удалось еще встретиться с Вовой Греком, старым приятелем по школе. Посидели, вспоминая, как в каком-то за-тертом году вместе дрались с пацанами с улицы Гаражной, да как вместе вытащили однажды на рыбалке сома весом под де-сять килограммов.

- Помнишь, как мы Рыжей в портфель лягушку засунули? – хохотал Грек. – Визжала, как поросенок, когда его режут.

- Хорошие были времена! – смеялся вместе с Греком Вячеслав. – Ни тебе забот, ни тебе тревог!

Их классная руководительница Вера Петровна, хотя и была человеком энергичным и целеустремленным, лягушек боялась, как и всякая женщина.

А десятого августа Вячеслав поднялся по трапу в самолет, и, ни о чем, не сожалея, улетел в Москву, а оттуда уехал на электричке в Калинин, навестить родителей, разменявших квартиру и пересхавших в этот город из Куйбышева.

Глава 9

Вячеслав, внутренне волнуясь, жадно всматривался в пролетающие за окнами купе обширные болота с редкими, корявыми стволами умирающих сосенок среди рассыпанных клюквенных кочек. Вчера вечером он сел на поезд в Свердловске, а сегодня уже через одну остановку состав прибывал в Советский. Стоял конец августа, золотая пора ранней осени, когда гнус уже убит первыми утренними заморозками, но солнце днем все еще пригревает по-летнему. В такую погоду приятно посидеть в лесу, на берегу реки с удочкой. А если еще и клюет! Берега болот и белый мох вокруг пней на старых вырубках в это время краснеют поспевшей брусникой, а в мелком подлеске носятся, ничего и никого не пугаясь, выводки уже потемневших до черноты птенцов глухарей. Сказать по правде, Славка за этот долгий отпуск здорово соскучился по этим, ставшим для него уже почти родными, таежным местам, да и по службе тоже. У матери было, конечно, хорошо, но постоянная опека тоже надоедает. Мать никак не могла понять, что он уже вырос и стал взрослым. Отец советовал не обращать внимания:

- Мать, она и есть – мать! Пошли-ка лучше руки мыть, на ужин вон зовут.

В ванной комнате он доставал откуда-то из-под ванны бутылку с самогоном собственной выделки и наливал в кружку:

- Ну, давай, с Богом! Давай, давай, посуду не задерживай! На-ка вот огурчик соленый, закуси.

Потом они садились к столу, стараясь не дышать в сторону матери, но она, как всегда, сразу замечала, что они выпили, и начинала бранить отца за то, что тот спаивает ребенка. Славка заступался за отца, а потом они все вместе смотрели телевизор и курили с отцом на балконе. Так и пролетали дни. Пару раз, правда, ездили по грибы. Ехать нужно было часа полтора на электричке, а потом еще шагать от платформы километров пять, семь. Как говорил отец, разминать организм.

- Шевелиться надо, - учил он Славку. – А то сидим по квартирам, разлагаемся, вот и нет здоровья у людей.

Местные леса были исхожены многочисленными грибниками, утренние электрички подходили к платформам заполненными битком. Грибы попадались редко, но при известном упорстве и старании они с отцом все равно набирали по корзинке.

Редко, пару раз в неделю их навещала бабушка Поля, которую Славка очень любил за ее спокойный, уравновешенный характер. Вместе с мамой они чистили принесенные грибы и готовили ужин. И тогда маманя сама накрывала стол и выставляла на него спиртное:

- Теперь можно! – разрешала она. – Все, как у людей, за столом, культурно! А то пьете по за углами!

Первым, кого Вячеслав встретил, пройдя через КПП, после того, как оставил сумку в общаге и привел себя в порядок, оказался капитан Дубов, дежуривший по части.

- Здорово, Дубов! – радостно поприветствовал его Славка. - Ну, как тут живете, можете?

- О, Слава, здорово! Из отпуска, что ли, вернулся?

- Только что с поезда соскочил. Ты Ворошнина, или Гомянина не видел нигде случайно?

- Так они на Пельме сейчас парятся. Готовят жилье для батальона. Скоро и мы туда подадимся.

- Вон оно что. Ну, рассказывай тогда, чего нового тут случилось? Депо, кстати, сдали?

- Сдали. Через месяц, как ты улетел. Не без приключений, конечно! – Дубов как-то загадочно взглянул на Вячеслава и странно ухмыльнулся. – Ты в техчасть сейчас сходи, Фоминых вроде там. Он тебе все подробненько расскажет.

- А, что случилось-то? – спросил Славка, заинтригованный этой ухмылочкой капитана. – Давай, колись!

- Иди к себе в штаб. Тебе Фоминых складнее расскажет, – отмахнулся от ответа Дубов. – Давай, а я к начштаба полетел. Вызывает в караулку зачем-то.

Слегка встревоженный загадочным поведением сослуживца Славка поспешил в техчасть.

- Привет, господа инженеры! Здравствуй, Вера! На, это для сына, – протянул он женщине плюшевую игрушку, купленную накануне на вокзале в Свердловске.

- Ой, Славочка приехал! – радостно всплеснула руками сидящая за бумагами женщина. – Спасибо!

- Здравствуй, Вячеслав! – поднялся навстречу капитан Фоминых. – Ну, как ты?

- Да, вроде все нормально! Ты, Володя мне лучше скажи, что тут у вас случилось, пока меня не было? Ну, когда депо сдавали. А, то Дубов послал к тебе, темнила! Сам ничего не рассказал.

- А ты никого из начальства еще не встречал? – вместо ответа спросил Фоминых.

- Да, нет!

- Это хорошо!

- А чего хорошего-то? – начал злиться на товарища Славка. – При чем тут начальство?

- Да не томи ты его Володя! – вмешалась в разговор Вера. – Видишь, как человек разволновался!

- Начальство всегда причем! – назидательно произнес старший лейтенант. – Тут вот какое дело получилось. Помнишь, перед отпуском, в депо пахали? Так вот, только ты отбыл, мужики закончили бетонить резервуары.

- Ну и что?

- Да ничего. Забстонили. Даже водой испытали. А, когда

обваловывать песком начали, они возьми, да и рухни. Загнали бульдозер наверх и сбрыкали крышки в воду. И это за неделю до сдачи объекта. Представляешь, как комбат среагировал? Я думал, его Кондрат хватит, так орал, что за километр слышно было.

- Ну, можно представить. А я-то тут при чем?

- Так, когда начали искать виноватых, Дубов дурачком прикинулся, а комвзвода на тебя телегу покатали. Дескать, арматура в крышках не та, что по проекту, меньшего диаметра.

- Ну и что? Я же ее в сечении пересчитал. Другой на базе не было.

- Это я тебя понимаю. А начальству нужен кто? Козел отпущения ему нужен. С этих полудурков, что взять, Ваньки взводные, а ты – инженер! Вот комбат тогда сгоряча и пообещал с тебя по возвращению шкуру содрать!

- Ага, сейчас! Уже подмылся!

- Вот это ты правильно, Слава! – вновь вмешалась в разговор Вера. – Себя защищать нужно, если прав!

- Вот и доказывай, что прав, – возвратился на свой стул капитан. – Садись и пиши докладную на имя командира. Да поподробнее, с расчетами. Тебе еще повезло, что комбат в бригаду уехал, а то бы сходу попал под раздачу! А так, у тебя еще время есть. Так, что, садись, пиши!

- Успею. У меня еще отпуск сегодня. А где Перминов?

- В наряде. А на кой он тебе понадобился?

- Я ему наказывал, когда уезжал, посмотреть, что, да как. Как будто чувствовал.

- А. Ну, дуй тогда в караулку, там, наверно, дрыхнет.

Славка отправился в караульное помещение, куда чуть раньше слинял, уклонившись от ответов, Дубов, но того там уже не оказалось. Отбыли с начштаба и начальником караула обходить посты, доложил лейтенанту дежурный. Вячеслав попросил вызвать ему подчиненного. Вскоре на пороге появился заспанный сержант.

- Здорово! – протянул ему руку Вячеслав.

- Здравия желаю, товарищ лейтенант! – радостно заулыбал-

- ся, давно его не видевший, Перминов. – С возвращением вас!
- Спасибо! Давай-ка, присядем, покурим! Расскажи-ка мне поподробнее, что там, в депо-то произошло?
- Когда? – не понял Перминов.
- Когда, когда! Когда крышки на резервуарах хлопнулись! Или ты там после меня не бывал?
- Обижаете, товарищ лейтенант!
- Они присели на лавочку, и Славка услышал от сержанта, что когда сняли опалубку внутри резервуаров, центральные, поддерживающие крышки колонны оказались не пробетоненными до конца:
- Арматура голая торчала, товарищ лейтенант, с кусками налипшего бетона!
- Ну, и что дальше?
- Да, замазали мужики раствором, чтобы не было видно, и все.
- Не могли, что ли окошки для вибраторов в опалубке оставить? – возмутился Вячеслав. – Кому это в голову пришло, арматуру раствором замазать?
- Да меня тогда срочно в Першино на день отправили, вот и не досмотрел, - виновато понурил голову Перминов.
- А чего Фоминых не доложил?
- Так я же говорю, что в Першино уехал. А, когда назад возвратился, было уже поздно, - снова начал подчиненный.
- Я ему про Фому, а он мне – про Ерему! Почему не доложил, когда пустоты в колоннах увидел? Маленький что ли? Хорошо еще, что никого не придавило этими самыми крышками, когда опалубку снимали. Повезло засранцам! Ладно, иди, отдыхай, а я пойду комбату объяснение готовить.
- Тут вот еще что случилось, товарищ лейтенант! Почему, собственно, командир и рассвирепел так, - поднялся вслед за лейтенантом Перминов.
- Что еще такое? – заинтересовался Вячеслав.
- Да за день до этого, ну, как крышки обрушились, ЧП случилось.
- Что за ЧП? Ну-ка, садись, рассказывай, - заинтересовался Вячеслав, возвращаясь на скамейку.

- Да, старший лейтенант Суровцев решил остатки толовых шашек, которые от учений остались, ликвидировать. Ну, тех, пятидесятиграммовых, что под ноги молодым бросают, чтобы к взрывам приучить. Помните, на полигоне?

- Ну, и?

- Так их после учений почти полный ящик осталось, килограммов десять.

- Не тяни, что дальше-то?

- Сдавать их на склад муторно; кучу бумаг оформить нужно. Ну, вот, он что-то там посчитал, сволок ящик за бугор, приказал всем в укрытия спрятаться и бабахнул!

- Ну и что?

- А то! Все стекла с этой стороны в депо и высыпались! И это перед сдачей самой, почитай! Комбат, когда приехал на объект и весь этот бардак увидел, думали, что он от злости лопнет: такой малиновый стал! А на следующий день крышки эти самые вдобавок брякнулись.

Славка воочию представил лицо комбата, когда тот увидел пустые глазницы окон в депо, и заржал:

- Представляю себе картину! Прямо классика – «Гибель Помпеев»! Не хватило только окровавленных жертв! Коля – молодец, как всегда в своем амплуа! Подрывник, он и есть – подрывник!

- Дубов его предупреждал, что лучше сдать тол на склад, но он сказал, чтобы тот не лез в его расчеты своим свиным рылом, и что взрывная волна уйдет от бугра в другую сторону, к лесу.

- А она, блин, не ушла! – вновь захохотал Вячеслав. – Представляю его физиономию, когда звон раздался! Ладно, развеселил ты меня, Перминов. Давай, иди, отдохай!

Он вернулся в штаб и два часа готовил рапорт для комбата, стараясь как можно больше приложить к объяснению математических расчетов, благо закончил факультет по специальности конструктора-расчетчика. Чем больше мутни, тем солидней будет выглядеть! О том, что он узнал от Перминова, в рапорте не было ни слова. Чего толку подставлять молодых, да и некрасиво это. С Дубовым, конечно, нужно бы разобраться: не

мальчик все таки. Потом они с Фоминых сходили в столовую, пообедали, и Славка отправился отдыхать в общагу, тем более что отпуск у него действительно заканчивался только послезавтра, а сегодня вечером он решил сходить к Ворошнину, который по последним, свежим слухам уже вернулся из Пелыма. Удивительно, что они не встретились на вокзале, ехали-то, оказывается, одним поездом. Наверняка, Сашка, чтобы не покупать билет, кантовался в общем вагоне. Это он, Славка, как отпускник, мог себе позволить ехать в купейном. Вячеслав хотел еще позвонить Людмиле, но потом передумал, вспомнив, как они расстались. Соскучилась, сама позвонит.

Но вечером в общежитие, как всегда неожиданно, появился замполит Бугрим, и события потекли совсем не так, как планировал Славка.

- Давай-ка, лейтенант, срочно собирайся в Першино! Выезжаешь ночью, приказ командира!

- А что случилось, товарищ капитан?

- Не знаю, Решетников, но приказы, как ты понимаешь, не обсуждаются! Раз комбат приказал, значит надо!

- А он, что, уже вернулся?

- Нет, из Серова позвонил.

- Так у меня сегодня еще отпуск.

- Что ты мне голову морочишь! Зайди к Матвееву, он тебе должен был деньги принести. Ясно?

- Так точно!

- Ну, вот и хорошо! Не опоздай на поезд. Комбат тоже к утру будет в Першино.

Вячеслав в полнейшем недоумении подался в комнату к вернувшемуся со службы главбуху, и, получив на руки командировочные, попытался выяснить, что же такое произошло, что ему так экстренно приказано выехать. Но Матвеев и сам толком ничего не знал.

- Гомяшу тоже из Пелыма в Першино затребовали! Вспомни сам, что там натворили.

Но Славка, как ни ломал голову, ничего вразумительного не вспомнил. А рано утром он уже топал по перрону в Першино.

Его никто не встретил, и пришлось шагать пешком по разбитой дороге, перепрыгивая через подсыхающие после недавних дождей лужи. Первым на территории части ему повстречался Лева, сосланный сюда, как поведал ему вчера Матвеев, почти месяц назад в помощь Иванову, заканчивающему с двумя взводами отделку опор моста.

- Здорово, Лев! Рад тебя видеть!

- Привет, Слава! Вернулся, значит. Давно?

- Вчера только приехал, и сразу сюда заслали.

- Ну, и как там Хабаровск?

- Стоит, куда ему деться. Ты лучше расскажи, как вы тут живете. Не знаешь, что тут случилось-то? Прибегает вчера Бургим, взьерошенный такой, собирайся говорит и в Першино! Даже отпуск не дал догулять.

- Знаю. Пошли пока в столовую, поедим. Я тебе по дороге все расскажу.

По дороге Лева поведал Вячеславу, что дня два назад в поселке появилась та самая Ольга, у которой они с Ивановым и Гомяниным еще зимой гостевали. И появилась не одна, а с грудничком сыном и многочисленной родней.

- Да ты же знаешь, что она почти в одно время с Сашкиной женой родила.

Славка кивнул головой в знак согласия, а Лева продолжил дальше. А дальше было вот что. Родня эта самая разыскала-таки Иванова, хотя тот из части носа старался не показывать. Поймали где-то в поселке и стали уговаривать его, записать сына на себя. Понимаешь, дескать, парень, девушка замужем не была, а ребенок есть. Непорядок. А так они там, на Украине, куда ее тут же увезут, скажут, что погиб отец на Севере героической смертью. И всем будет хорошо.

- Так его вроде бы сюда уже отправляли в начале лета, когда у нас учения шли? По этому же вопросу.

- Тогда он отбил. Да и Ольги тогда не было. А сейчас заявили всем кагалом права качать. Сашка, конечно, не дурак! Это сперва все так хорошо и пушисто, а потом? Потом еще и алименты платить придется. Вот он в части и скрылся снова.

Появится на мосту и назад, под охрану. А я им лапшу на уши вешаю, что уехал родимый, и далеко уехал. Дескать, срочно отправили по приказу командования в длительную командировку. Ну и Дерягу предупредил, чтобы присматривал за Сашкой, да этих хмырей ни под каким соусом на территорию не пускал.

- А они?

- А они в бригаду, сволочи позвонили! А там комбат как раз ошивался. Того за задницу взяли, непорядок, мол. Дуй-ка, разберись с морально-политическим климатом среди твоего офицерского состава. Вот они час назад с замполитом бригады и прикатили на разборки. Сейчас с Ивановым встречаются, с Ольгой и родней ее. Иванова, значит, в чувство приводят, ну а вас, я думаю, как свидетелей, что ли, притащили. Так, что, готовься. Можешь подмыться.

- Да... дела! А Гомяша где?

- Здесь, где ему быть! В столовой уже наверно отирается.

- Пошли тогда скорее. Надо с Юркой перестолковать, что комбату с замполитом втирать. А то и сами по уши влипнем, да и Сашку подставим ненароком.

После завтрака они, вместе с уже позавтракавшим к этому моменту Гомяниным, отправились в дом, где обычно располагались командированные офицеры, а в девять из штаба прибежал посыльный, и сообщил, что Вячеслава и лейтенанта Гомянина срочно вызывают в штаб к командиру батальона. На крыльце они столкнулись нос к носу с выскочившим из штаба, словно ошпаренным, красным и взъерошенным Ивановым.

- Что? – спросил коротко Гомянин, но Иванов, не поднимая глаз, только безнадежно махнул рукой, и, резко повернувшись, зашагал куду-то в сторону поселка.

- Стой! – попытался остановить его Вячеслав. – Ты куда полетел, оглашенный?

- На кудыкину гору! Пацана в ЗАГСе регистрировать.

- Что, уломали?

Но Иванов вместо ответа зло сплюнул под ноги, круто развернулся и торопливо тронулся по дороге в сторону поселка.

- Пошли, что ли? – спросил у Славки Юрий, и они, загасив

окурки, вошли в штаб, ощущая себя хоть и не слишком комфортно, но вполне уверенно. Не они же дитя, в конце концов, сделали этой самой Ольге.

- Что говорить-то будем теперь? – спросил Славка Гомяшу, понимая, что обстановка круто поменялась. – Если этот дурак пошел пацана регистрировать, мы, вроде, как бы ни к чему здесь.

- А я почему знаю! По мне так это все дурно пахнет. Тут, как не кинь, везде – клин! Мне, как и тебе, кажется, что мы тут уже лишние, раз все так повернулось. Но начальству, как говорится, виднее!

- Это точно, начальству всегда виднее. Только, если будут рыться в грязном белье, лишнего, все-таки, не болтай!

Действительно, если разобраться, кому пристала охота копаться во всех этих чужих амурных делах. Что там начальство черепками своими думает? Тем более они-то с Гомяниным, по существу, вовсе ни причем. Однако чуть позднее Славка понял, что дело, с точки зрения бригадного подполковника, обстоит не совсем так.

- Лейтенант Решетников по вашему приказанию прибыл! – доложил он комбату, предварительно получив разрешение обратиться к командиру от седого подполковника, восседавшего рядом с Гуком за столом.

- Присаживайся, Решетников! – пригласил Вячеслава майор, и указал на стоящий рядом со столом стул. – Из отпуска прибыл? Ну, и хорошо. Тут вот какое дело...

- Разрешите, майор, мне сказать, - вмешался подполковник, почувствовав, что в голосе комбата нет обычной твердости. – Вот, что, лейтенант, расскажите-ка нам, чем вы тут занимались?

- Не понимаю вас, товарищ полковник, - состроил выражение искреннего удивления на собственной физиономии Славка. – Вы про мост, что ли? Не знаю, что вам и сказать, я только сегодня прибыл. Там, вроде, все в порядке.

- Он, что, у тебя, издеваться надо мной вздумал? – повысил голос подполковник, адресуясь к комбату. - Все вы прекрасно понимаете, товарищ лейтенант! К девкам в гости ходили в по-

село? – спросил он Вячеслава прямо в лоб.

- Так точно, товарищ подполковник, ходили! – поднялся и вытянулся в струнку Славка.

- Сядьте, лейтенант, не клоунчайте! Ну, вот и расскажите нам, чем вы там занимались? Может, что интересное услышим.

- Танцами занимались, товарищ подполковник! – стараясь быть, как можно простодушнее, ответил Вячеслав.

- Одними танцами, что ли? Что вы мне голову морочите, лейтенант. Танцами они, видишь ты, занимались! Спирт жрали?

- Так точно, товарищ подполковник, жрали!

- Что вы заладили: так точно, да так точно! Ну и что?

- Ничего, товарищ полковник.

- Как так, ничего? А лейтенант Иванов оставался там в гостях ночевать?

- Не могу знать, товарищ подполковник! Я, обычно, к ночи в часть возвращался, а за других сказать не могу.

- Не можете, значит, товарищ лейтенант! – набычился полковник. - А вести себя, как не подобает советскому офицеру, значит, можете? С девками болтаться и спирт жрать можете? Ложное у вас чувство офицерского братства. Вы бы вместо того, чтоб спирт с девками кушать, напомнили своему товарищу об офицерской чести и порядочности. Да и о том, что он женат, тоже. Да и сами бы вели себя, как подобает. Сегодня не стояли бы тут, перед вашими командирами и не краснели бы.

- А мне стеснятся нечего, товарищ подполковник, - огрызнулся Вячеслав. – Да и краснеть тоже не за что.

- Вы посмотрите-ка на него, ну, прямо, ангел небесный! Будто бы это я, а не он, по бабам шлындра и пил!

- Не могу знать, товарищ подполковник, я вас за ноги не держал! – отчаянно ляпнул Славка и сам испугался вылетевших слов.

- Молчать! – заорал побагровевший подполковник. – Это что такое, товарищ майор, - обратился он к хмурому комбату, - как это понимать? У вас, что, в батальоне субординации не учат? Объявляю вам пять суток ареста, товарищ лейтенант! – резко повернулся он к Славке.

- За что? – возмутился Вячеслав.

- А за то, что позорите честь советского офицера! И за все хорошее, что натворили!

- А чего я такого натворил, товарищ подполковник?

- Ну, если не понимаете, то вам бесполезно объяснять, - подполковник повернулся к комбату. - Придется мне с вашим замполитом побеседовать, Александр Александрович, а то, я гляжу, у вас все слишком далеко зашло. Надо меры принимать, а то куда это годиться! Вы ничего не хотите добавить, товарищ майор?

- Тебе все понятно, Решетников? – зыркнул недобрый взглядом в сторону Славки комбат. - Вижу, что понятно, - оценил он молчание Вячеслава и скромно опущенные вниз глаза. – Доложи про пять суток начштаба, пусть в личное дело запишет. Гомянин здесь?

- Так точно, в коридоре ожидает!

- Ну, что пусть идет, товарищ подполковник? – спросил комбат бригадного замполита, но тот только брезгливо поджал губы, и, достав огромный портсигар, вытащил оттуда сигарету:

- Пусть топают! Да другого позовет!

- Иди, Решетников, и Гомянина сюда зови.

Славка, выскочив из кабинета, глубоко и шумно выдохнул воздух.

- Ну, как? – испуганно спросил его Юрка.

- Терпимо. Пять суток схлопотал.

- За что? – удивился Гомянин.

- Вот и я спросил, за что? А меня за это к едрене-фене послали!

- Ни фиги себе! Не было у бабы заботы, так она себе купила порося! Подставил нас Иванов, пес смердящий!

- А, мелочи! Подумаешь: пять суток! Плевать я хотел на этого подполковника! Не ему мне указывать, с кем гулять и когда пить. Не робей, мальчик! В нашем деле главное не признаваться. Я, вот, например, никому свечку не держал, поэтому спокоен. Понял? Топай уже, ждут!

- А, что говорить-то?

- Да, что хочешь. Только аккуратнее, а то тоже пять суток запишут.

Юрка перекрестился, и, подтянув под ремень потуже гимнастерку, шагнул к дверям командирского кабинета, а Вячеслав вышел на улицу.

- Ну, что, цел? – спросил его куривший тут же, на крыльце Лева. – Или по частям растащили?

- Цел. Пять суток только получил.

- Да, ну!

- Вот тебе и ну!

- А за что?

- Что вы все заладили: за что, да за что! За все хорошее. А Иванов, кстати, куда делся? Неужели и вправду подался ребенка на себя записывать, олух царя небесного?

- Пошел взаимоотношения с новой родней утрясать. Получил указивку от начальства и подался! Мы его с Дерягой пытались удержать, но, куда там! Даже разговаривать не пожелал.

- На какого хрена вы его одного отпустили? Наломает дров, потом жалеть будет.

- Так он, как с цепи, сорвался! Слова не дал вставить.

- Запудрят они мозги парню, вот увидишь! Нашему начальству лишь бы тишь, да благодать, на остальное им наплевать и забыть! А у человека может жизнь повернуться медным тазом!

- А, что тут сделаешь? Каждый – сам себе голова и творец судьбы! К Сашке сейчас и на кривой кобыле не подъедешь. Так, что, ничего не сделаешь.

- Действительно – ничего! – сокрушенно произнес Славка. - Ты сейчас куда собрался-то?

- На мост.

- А на кой это тебе? Что там взводных не хватает?

- Люди-то мои там работают. Хочу посмотреть, что там да как. Вон и машина подошла, - указал Лева на подъехавший к штабу самосвал.

- А я думал: перед подполковником выслужиться хочешь: круглосуточно на боевом посту, дескать.

- Ага, как же! Комбат приказал дела у Деряжного принять.

Женьке пообещал, что на побывку в Советский отпустит. Должен же кто-то Дерягу подменить. Он жену уже месяц не видел, поди, забыла, как муж выглядит.

- А, где он сейчас, кстати?

- В магазин полетел.

- А на кой?

- Пацану малому игрушку купить. Не с пустыми же руками домой возвращаться. Ну, ладно, я поехал.

- Давай-ка, и я с тобой, подальше от всех этих приключений, да и от начальства тоже. Тем более, месяца три уже не был на объекте.

- Поехали, а то начальство еще что-нибудь придумает.

Они быстро загрузились в кабину автомашины и приказали водителю гнать, да побыстрее. Тот, не долго думая, лихо развернул самосвал и помчался по дороге, не считая ухабов, да так, что местами у Славки цокали друг о друга зубы.

На мосту за это время, как будто ничего особенно и не изменилось. Правда все опоры были закончены и взвода укладывали облицовочную плитку на береговых устоях. Славка просмотрел исполнительную документацию в прорабке, слазил на ближайший бык, и осмотрел только что залитую опорную часть под пролет.

- Кубики для испытаний забивали? – спросил он Леву.

- Обижает!

Они помолчали с минуту.

- Красота-то, какая! – произнес неожиданно Шварцер, оглядывая с высоты мостовой опоры левый берег Лозьвы.

Славка взглянул в ту сторону, куда смотрел его приятель и увидел тронутую осенью, многоцветную, под линиям голубым небом тайгу. Она уходила по гривам далеко за горизонт, растворяясь в легкой дымке, нагретых солнцем болот. Он вспомнил, что примерно в это же время, ну, может быть чуть позже, год назад ему впервые пришлось увидеть эти берега. Тогда здесь ничего еще не было, а сейчас стояли стройные и высокие, светло-серого цвета опоры, и уже можно было представить себе, как будет выглядеть мост, когда эти опоры

соединят парящие фермы пролетов. Внизу, у основания быка, как и раньше, сустились зеки, проталкивая застрявшие на мелководье стволы. Привычная картина. Но на душе стало как-то теплее.

- Товарищ лейтенант, вас к телефону! – сообщил снизу подбежавший солдатик.

- Кого, меня или Шварцера?

- Вас.

Славка спустился с опоры и прошел в балок. Звонил комбат. Славка получил команду дуть назад в Советский, поскольку тут и без него, как выразился майор, бездельников хватает.

- По дороге заедешь с Гомяниным в Пелым, посмотришь, что к чему, а потом доложишь, как там дела. Да долго не задерживайся, в батальоне дел по горло.

Странно, но, видимо, последние произошедшие события вытеснили все остальное, и комбат так и не вспомнил тех самых, злополучных крышек резервуаров, а Славка постарался и впредь в разговорах с начальством, как можно дольше не вспоминать вообще, что существует такой объект, как локомотивное депо. Объяснительная, как оказалось впоследствии, так и не понадобилась. Вечером они втроем: Гомянин, Деряжный и Вячеслав, прихватив с собой пару бутылок, погрузились в поезд, и отбыли, кто в Пелым, а кто в Советский, оставив командовать Леву. Надежды на то, что Иванов скоро придет в себя от потрясений последних дней у комбата, видимо, не было. Да и то, не каждый день с человеком случаются такие неприятности. Славка попытался представить, что бы он делал, если бы с ним случилась такая же оказия. Но в голову почему-то ничего толкового не лезло. Выпив пару рюмок, Деряга забрался на верхнюю полку спать, готовясь к встрече с женой, а они с Юркой до самого Пельма просидели молча, глядя в окно. Каждый из приятелей ехал исполнять то, что ему было предписано судьбой, ну, и отцами-командирами естественно.

Погода испортилась вконец. И не мудрено: на дворе заканчивался сентябрь. Холодный воздух со стороны Карского моря пах первыми выпавшими на севере снегами. Весь этот месяц

Вячеслава носило по трассам, как окаянного. То Северная ветка, где пускали рабочее движение, то Пелым, то Першино. Проводницы вагонов встречали его уже почти как родного. На коротких перегонах он даже билеты перестал покупать, предпочитая пить чай с девушками в дежурных купе. Да и то, если покупать билеты на все эти переезды, на материальных отчетах больше бумаги потратишь. и без копейки в кармане жить придется. Контролеры закрывали глаза на безбилетников в офицерских мундирах: кому охота нервы портить. Пару раз пришлось съездить в Серов на какие-то бригадные совещания. За все это время он вырвался на танцы, и, вообще, оторвался от дел только однажды, да и то не в Советском, а в Пелыме вместе с Сашкой Ворошниним. Батальон еще не перебрался в этот поселок, где планировалось строительство нового моста через речку, в честь которой и была названа станция. Начальство сидело в батальоне, а здесь пока царила относительная свобода. Взвод солдат охранял возведенный палаточный городок и переброшенную с Лозьвы свасбойную технику. Особых задач никому не ставили и по вечерам они с Сашкой попивали дешевое и вонючее яблочное вино из бочек по рубль тридцать за литр. А в один из выходных дней, как-то, выбрались в местный клуб, где под радиолу целый вечер отплясывали с какими-то маломерками восьмиклассницами. Все приличные, взрослые девочки давно покинули эти, увязшие в непролазных грязях, места, где медленно умирал, когда-то гремевший в отрасли леспромхоз. Лесовозы, груженные хлыстами, еще топтали поселковые дороги, превращая их в непроходимые овраги, заполненные жидкой глиной. И перебраться на другую сторону улицы можно было только в резиновых сапогах, да и то с опаской.

Грязным оврагом улица.

Восемь часов.

Ни зги.

Сосны стоят, сутулятся.

Дождь моросит.

Мозги

крутят мотив заученный:

*раз, два, три,
раз, два три.
Что ты, мой друг задумчивый,
вдруг загрустил?
Смотри:
над горизонтом полосы –
значит погоде быть.
Нам ли с тобою голосом
хриплым по волчьи выть?*

Вот такие стихи появились тогда у Вячеслава в записной книжке. Тоска зеленая. Почти вся местная молодежь подавалась осваивать недра в Комсомольский, Нягань и далее: там и платили больше, да и народ был помоложе и повеселее. Благо, ехать было недалеко. Кроме прочего, туда, на новостройки приезжали люди со всей страны, кто за длинным рублем, кто за романтикой, а кто делать карьеру. Можно было как-то устроить личную жизнь: выбор богатый. И, вообще, чуть подальше на восток жизнь шла куда как веселее. Людмилу за все это время Славка видел всего пару раз, да и то почти на бегу. Они как-то даже успели сходить в клуб, вместе с девушками поглазели на какую-то заезжую знаменитость, но дальше короткого и прохладного прощания в нетопленном, темном подъезде дело не пошло. Людмила хоть и проявила некоторый интерес к рассказам Вячеслава о Хабаровске, но долго слушать не пожелала, сославшись на усталость. А он и не стал настаивать, в который раз, огорошенный таким безразличием и высокомерием. Кочевряжится, будто он пацан какой-то! Казалось, что после разлуки, пусть и недолгой, отношения станут, ну, как бы это выразиться, потеплее, что ли. Ан, нет, все шло по-старому сценарию. Когда они расстались, Славка дал себе слово: больше в этот дом ни ногой! Хватит, надоело!

В Першино к этому времени уже поступили конструкции двух мостовых пролетов, и часть роты механизации готовилась туда выехать. Нужно было устанавливать и настраивать пескоструйные агрегаты, да и технику прибывших из Тюме-

ни монтажников обслуживать. Коля Зубков носился по своему хозяйству и зычно материл подчиненных, стараясь привести в стройный порядок весь этот, возникший в связи с передислокацией, кавардак. А Вячеслав вместе с Фоминых разбирался в документации: собирать пролеты, да еще «внавес», без поддерживающих лесов, ему, конечно, не только не приходилось, он даже представить себе не мог, что это такое. Да и в институте Вячеслав о таком не слыхивал.

- Это просто, – тыкал в чертежи пальцем более опытный старлей. – От береговой опоры до опоры номер один обычным железнодорожным или стреловым краном монтируется балочный пролет, который специальными хомутами намертво крепится к закладным деталям опорных частей, – разъяснял он. – Правда, кран, который этот пролет будет монтировать, армейский, специальный. Первая секция пролетной фермы своей мертвой опорой на нижнем поясе устанавливается на первую русловую опору. Верхний пояс секции тяжами крепится к балке на береговой, – для наглядности Фоминых начертил схему на листке бумаги. – Получается висячая консоль. Потом на верхние поперечные связи секции кладется рельсовый путь и устанавливается деррик-кран. Что-то вроде «Пионера», только на колесах. Ну, а потом по рельсам, уложенным на связи нижнего пояса, подаются детали ферм, и поехали. Ферма собирается в воздухе, пока вторым концом не ляжет на опору номер два. Понятно?

- Понятно-то, понятно. Только, это, ведь, надо угадать, чтобы второй конец попал точно на закладуху.

- Попадет. Фермы рассчитаны и изготовлены на заводе, в цехе. Это тебе не наши сварщики. Да и контрольная сборка производилась. Это, ведь, – не домишки какие-то ляпать, где можно угол завалить сантиметров на пять, и – ничего. Здесь точность нужна до миллиметра. Поэтому и гарантия. И не на два года, а на сто лет. А, потом, монтажники опыт имеют, не первый мост собирают. Наше дело за качеством следить. Ну, там затяжку болтов иногда проверять, очистку поверхности косянок. Правда, косянки нам самим драить придется, монтажники отказались.

В пятницу Вячеслава поставили дежурным по хате, а в субботу его сменил прибывший, наконец-то, в Советский Лева.

- Снова не повезло, блин! – причитал он, принимая от Славки дежурство. - Вы, конечно, на танцульки рванете, а мне тут париться.

- Не с кем на танцульки-то. Да и надоело.

- Как не с кем! Гомяша со мной приехал, да и Матвеев, вроде, на месте. Или я ошибаюсь?

- Куда он в задницу денется! А вот, что Юрка приехал, это хорошо! – искренне обрадовался Славка. - А то, думал, снова будем у Матвеева в дурацкий преферанс дуться, да водку кушать.

- Не, Юрка уже перья чистил, когда я тебя менять потопал. Заставил Боговича за банку тушенки штаны ему гладить.

- Ну, ладно, давай, дежурь, а я домой подался.

- Счастливо!

Славка сдал пистолет в оружейку, заскочил в бухгалтерию к Матвееву договориться насчет вечера, и подался в общежитие готовить праздничный ужин, как выразился главбух:

- Держи, Вячеслав бабки! Купите яиц и колбасы, да пару лимончиков не забудьте.

Когда к шести вечера Матвеев появился в общаге, они с Гомяшей уже накрывали стол у Славки в комнате, а на огромной сковороде скворчала яичница с колбасой. Отметив возвращение Юрки в родные пенаты, и переодевшись в штатское, приятели к девяти часам подались в клуб, куда уже подтягивалась поселковая молодежь. В зале их приветствовал барабанной дробью Евгений, видимо уже тоже изрядно накативший, так как морда у него была красной, как помидор.

- Здорово, служивые! Что-то давно не было видать!

- Привет, Женя! – протянул руку, здороваясь с приятелем, Вячеслав. – Соскучился? А мы все по трассам! Страна своих героев не забывает.

- Это в смысле, что по разным дырам гоняет?

- Точно! – оглядел зал с высоты своего роста Гомянин. – Ну, и что тут у нас? Что новенького?

- Да все по старому! Ваших девах тут пару раз видел. Но они же у вас из графьев, с поселковыми не шибко контактат! Потусуются мало-мало, и – по домам.

- Что-то не видать наших красавиц! – заметил Матвеев, но тут из дальнего угла ему помахали.

Там кучковалась стайка девчат, среди которой Славка признал знакомых Матвеевских поварих из пельменной.

- Пойдем, потанцуем, что ли? – предложил Юрий, но Вячеслав отрицательно мотнул головой:

- Идите с Виктором. Я выйду, покурю и подойду попозже.

- Ну, как знаешь!

Гомянин с Матвеевым пошли в противоположный угол зала, а Вячеслав вышел на улицу. По ночам уже крепко подмороживало, и в одном пиджаке было зябко.

- Здравствуй, Слава! – кто-то тронул его за рукав и он оглянулся.

Перед ним стояла Людмила, а у нее за спиной, как всегда вместе, улыбались неразлучные подруги Валя и Галя.

- Что в одиночестве Славик маешься? – выскочила вперед Галина. – Что-то тебя давненько в поселке видно не было. На Пельме работал, или в Першино? Что молчишь-то, как глухой.

- Привет, девушки! – поздоровался со старыми подругами Славка. – Все хорошеете!

- А, что нам молодым и красивым сделается! – подбоченилась Галина, поворачиваясь перед Славкой то одним, то другим боком. – Один пришел, или с приятелями?

Славка невпопад кивнул головой, не особо обращая внимания на трещавшую без умолку девчонку. Он с интересом смотрел на Людмилу и как будто не узнавал девушку. Что-то в ней изменилось с тех пор, как он видел ее в последний раз. Но вот что, Славка никак не мог уразуметь. То ли ярче горел румянец на щеках, то ли взгляд стал каким-то туманным и загадочным, то ли смягчилось привычное, не улыбочное выражение лица. Может быть, он просто давно с ней не встречался и отвык? Все давешние обиды на подругу мгновенно испарились, как утренний туман на солнышке. А девушка смотрела ему прямо в глаза

с едва заметной, загадочной улыбкой на ярких, слегка оттененных помадой губах, как будто чувствовала его внезапно возникшее душевное смятение, которое он никак не мог быстро побороть.

- Ну, Вячеслав, ты что молчишь-то, в самом деле? – затрясла лейтенанта за плечи Галя. – Онемел, что ли и, правда? А может быть, оглох? А, вот оно что! – наконец поняла девчонка, проследив за взглядом Славки. – Все понятно!

- Чего тебе понятно? – вышел из оцепенения Вячеслав. – Да не тряси ты меня так, голова отскочит! На Пелыме я был. Успокоилась?

- А ты, что такой грубый! – обиделась Галина. – Не хочешь разговаривать и не надо!

- Здравствуй! – поздоровалась подошедшая к троице и стоявшая до сих пор в отдалении Валя. – Ты, что, Слава, действительно в одиночестве здесь гарцуешь?

- Да, нет! Виктор с Юрой в зале остались, пляшут.

- С кем это еще? – мгновенно возмутилась Галина. – А ну, девки, пошли, разберемся, кто наших кавалеров умыкнуть пытаются!

- Пошли, - потянула лейтенанта за рукав Валентина, - а то ты уже посинел весь от холода. Пошли, Люда! – позвала она подругу.

- Неужели посинел?

- Как покойник. Пошли скорее.

Странно, но в этот раз неуступчивая Людмила, к удивлению Славки, послушно последовала за подругами в вестибюль. Обычно она не позволяла собой командовать и поступала всегда по-своему, иногда наперекор очевидному и единственно верному. Что-то странное и сразу непонятное за то время, пока Славка путешествовал по стройкам, случилось с девушкой. Может, влюбилась в кого-то? Или решила, что пришла пора менять поведение, а то без жениха останешься, на бобах? А может быть, наконец-то, повзрослела? Вопросы роились в голове лейтенанта, но ответа он не находил. Но то, что поведение девушки изменилась, было видно невооруженным взглядом. Особенно ему, знавшему ее довольно давно. Славка помог дев-

чатам снять пальто, сдал их на вешалку, и, дождавшись, когда они переоденут обувь, проводил в зал. Народ уже веселился вовсю: гремела музыка, кружились пары.

- Разрешите? – пригласил Галину внезапно возникший из веселой толпы Юрий, и, не дожидаясь ответа, потянул девушку за собой.

- Отстань! Ты где это был? – начала, было, капризничать подружка, но через мгновение, удовлетворенная виноватым выражением лица кавалера, смягчилась, сдалась, и последовала за Юркой в гущу танцующих.

- Пойдем, потанцуем? – с некоторой опаской, что может повториться сюжет одной из их предыдущих встреч, спросил Вячеслав, приглашая Людмилу.

Он боялся, что своим обычным ответом она разрушит тот новый, хрупкий и пленительный образ, что он впервые заметил сегодня в ней. И та радость, которую он ощутил от этой перемены, исчезнет бесследно. Но оказалось, что опасался он зря.

- Пойдем! – просто ответила она, протянув лейтенанту руку, и последовала за ним в центр зала, проталкиваясь между танцующими парами.

Первую минуту они кружились молча, и Славка почти осязаемо чувствовал, что пауза слишком затягивается. Какая-то незримая недосказанность витала вокруг них, нужно было что-то делать, и он, наконец, решился заговорить:

- Ну, и как вы тут жили все это время?

- Нормально. Да и что в нашем поселке случиться может? Скукота сплошная!

- Ну, это ты зря! Вот в Пелыме действительно скукота. Аж страшно делается! Все рушится и сыплется, да еще и грязь по уши. И податься некуда: кино пару раз в неделю, и танцульки убогие по субботам. Жалко народ. А тут, в Советском – цивилизация, все-таки. Какие-никакие гастролеры заезжают, мероприятия разные, да и народ хоть по тротуарам ходить может. А там после девяти – ни одной живой души в поселке не встретишь. Только лесовозы грязь по улицам месят. Да пьяные мужики, которых жены не подобрали, по обочинам валяются. Участковый и тот единственный на весь поселок.

- А тебя, каким ветром в Пелым-то занесло?

- По службе, естественно. Новый мост строить начинаем!

- А, что, на Лозьве уже закончили строительство?

- Да, нет. Просто зима скоро наступит. Нужно опоры нового моста успеть, со льда поставить. А на Лозьве, в лучшем случае, к следующему июлю, или к осени закончим, если, конечно, с монтажем все нормально сложится.

- Понятно.

Славка чувствовал, что нужно менять тему разговора, но не знал как. Кого интересуют эти подробности? Танец закончился, но они не пошли в свой угол, а остались стоять на месте. Да и чего лишний раз толкаться в битком набитом зале, тем более, что объявили перерыв. Через некоторое время к ним присоединилась остальная компания. Пока ждали музыки, Матвеев, как обычно, смешил девчат новыми анекдотами, Гомяша беззлобно переругивался с Галиной, а Славка стоял рядом с Людмилой и молча радовался. Девушка, как будто-то бы внезапно оттаяла: громко смеялась в ответ на дурацкие Витькины шутки, пыталась мирить подругу и Юрия, а когда объявили белый танец сама пригласила Вячеслава. Окрыленный этими переменами, он крепче, чем обычно прижимал в танце девушку, вдыхая пьянящий запах ее волос, ощущая прикосновения упругих бедер и чувствуя на своей щеке ее горячее дыхание. Она не сопротивлялась, как обычно, а просто и радостно отдавалась танцу, время от времени, улыбаясь чему-то своему. А изредка, откинув голову, внимательно заглядывала Славке в глаза, как будто пыталась что-то в них прочесть. От этих взглядов у него начинало быстрее биться сердце, захватывало дыхание, и замирала в неясном предчувствии душа. Ему хотелось, чтобы этот вечер длился, как можно дольше. После очередного танца он уже, не опасаясь отпора, стоял рядом с ней, обнимая девушку за талию, и горделиво, с превосходством бросал взгляды на остальных. Еще бы: самая красивая девушка Ивдель-Оби – его девушка! Но все, как это ни печально, имеет свой конец. В двенадцать всех попросили на улицу. Когда они вместе с Людмилой шли до ее дома, откуда-то из невидимого в кромешной темноте поднебесья начали пролетать первые в этом году, крупные пуши-

стые хлопья.

- Вот и первый снег пошел, - негромко, с неожиданной печалью в голосе произнесла девушка, когда они остановились у дверей подъезда. – Скоро все белым вокруг станет.

- Зима скоро, - подтвердил Вячеслав, чувствуя нарастающее в нем внутреннее волнение, оттого, что сегодня она не ушла сразу, как обычно, а задержалась.

Они еще с минуту постояли молча, касаясь друг друга плечами и вглядываясь в темный небосвод, пока, наконец, понимая, что дальнейшее его бездействие может быть просто неверно истолковано девушкой, Славка не решился, и не обнял Людмилу. Та, не сопротивляясь, обмякла, откинула голову назад и закрыла глаза. И он прижался своими губами к ее губам, пахнущим мятой. А потом еще два часа они целовались в темном подъезде под лестницей, горячо шепча друг другу какие-то ласковые слова, и не особенно вникая в их смысл. Время остановилось, была только она, его любимая, ее дыхание, ее грудь, обтянутая тонким свитером, безропотно принимающая ласки его грубых ладоней, ее руки, отяжелевшие у него на плечах. Впервые он понял: все, что происходило с ним раньше, до этого момента, не имеет абсолютно никакого значения. События и имена растворились и исчезли без остатка в том половодье чувств, что несли их, и только их двоих, сквозь эту сказочную, удивительную ночь. Он никак не мог заставить себя оторваться от нее, несмотря на предпринятые девушкой слабые попытки отправить его домой.

- Поздно уже, Славик, мама ругаться будет! – горячо шептала она ему в ухо, пытаясь высвободиться, а он только крепче прижимал ее невесомое тело к себе.

Вернувшись в общежитие, Вячеслав еще долго не мог заснуть, перебирая в памяти моменты этого взволновавшего его до глубины души свидания. Он понял, что все в их отношениях не так просто, как казалось раньше. Сейчас он уже не смог бы себе сказать, как раньше: ну, не любит и Бог с ней. Новое чувство, возникшее в нем, разрасталось, становилось глубже. И в этом чувстве тонули остатки прошлых обид и переживаний. Вспоминалось только хорошее, светлое. За окном на улице ка-

чался одинокий фонарь, свет которого уже всерьез, по-зимнему рассекала наискосок начавшаяся на улице нешуточная метель. Снег струился в этом свете, как вода в реке, подрагивая, вспениваясь, и вращаясь в водоворотах. И последнее, что увидел Славка, прежде чем провалиться в темноту, широко раскрытые, глядящие прямо на него огромными, влажными зрачками глаза любимой.

В ноябре окончательно окреп лед, и на реке Пелым взвод лейтенанта Ворошнина, как и положено копровому взводу, приступил к забивке шпунта под опоры нового моста. А Вячеслава вместе с отдохнувшим в лоне семьи Женей Деряжным забросили на Лозьву. И приковали там намертво. На все просьбы Славки побывать по каким-то, придуманным им неотложным делам в Советском комбат твердо отвечал одно:

- Тут и своих бездельников хватает!

Для поддержания в личном составе боевого духа и надлежущей политической грамотности сюда же сослали и Леву. Командиром всего гарнизона расположенного в Першино назначили заместителя командира батальона капитана Карева Владимира Ивановича, которому этой осенью так и не удалось вырваться в академию, впрочем, как не удалось перевестись в столицы и главному инженеру Виталику Понюшенко. Не сработали какие-то шестеренки в бюрократическом механизме министерства, и через месяц отсутствия он вновь появился в части. Исполнявшего обязанности главного в его отсутствие капитана забрали в бригаду, а расстроенного таким оборотом дел Виталика опять приземлили в Советском. Смотреть на него было жалко: поехал человек туда, куда мечтал, и – на тебе! Случаются обстоятельства, что поделаешь, но жизнь-то на этом не кончается. Особенно для людей с характером.

- Ничего, на следующий год поступим! – говорил Вячеславу, твердо веривший в свою звезду, капитан Карев, и Славка почему-то этим словам доверял безоговорочно.

Как он уже успел убедиться, Карев был человеком целеустремленным, а главное грамотным в вопросах организации строительства. И с опытом. К тому же он не был, как, например, Стешенков, служакой до мозга костей, и на всякие устав-

ные штучки смотрел сквозь пальцы. Главное – работа, а вся эта дисциплинарная мишура могла и подождать. Такое отношение к службе не слишком радовало начальника штаба, но вполне устраивало комбата, с которого в первую очередь спрашивали не за то, как его солдатики маршируют и стреляют, а за план.

- Хорошо, что нам Карева сюда поставили! – говорил Женья Деряжный, а Лева, слушая товарища, молча кивал головой в знак согласия. – Вон, к Сашке на Пелым Бугрима заслали! Тот Ворошнину плешь проел уже, наверное, насквозь, это точно!

- Зато Саня в политике станет разбираться лучше, чем свинья в желудях! – смеялся, встретивший их троих на станции Иванов.

- Насчет политики – не знаю, но спать Сашке стоя придется! А нам, мужики, крупно повезло, – высказался Лева, забрасывая рюкзак на плечо.

Кто-кто, а Лев досконально изучил своего непосредственного начальника.

- Ты то, как тут? – спросил старлея Вячеслав, и вопрос на минуту повис в воздухе.

Подтекст сказанного был понятен всем.

- Давайте, мужики, замнем для ясности! – едва заметная тень промелькнула по лицу Иванова. – Все в полном порядке.

- Ладно, не обижайся! Чего надулся, как мышь на крупу? Не хочешь говорить – не говори!

- Да я и не обижаюсь! С чего ты взял? Хорош, мужики, не будем про грустное! Кто старое помянет, тому – глаз вон! – вновь повеселел Сашка. – Хорошо, что приехали, а то я тут один с тоски пропадал.

Славка слышал по секрету от Коли Суровцева, что Иванову задержали присвоение очередного звания. Хотя это и был секрет полишинеля, но распространяться о нем лишний раз не следовало, можно было сдуру, обидеть и потерять товарища. Мужик, он и есть – мужик. Сам все пережить и переоценить должен, никто не поможет. Жена родная вон тоже к маме сбегала, но думается, что не надолго. Простит. Женщины – они отходчивые. Тем более – сын подрастает. Подумает головой, как сын без отца расти будет, и вернется...

- А Стешенков сообщил, что к тебе тут монтажники приехали, двое, капитан и лейтенант. Какого дьявола ты тогда в одиночестве скучаешь? – спросил Сашку Деряга. - Сели вечером, в картишки скинулись, ну, в крайнем случае, до «Лозьвы» прогулялись. Кстати, как она там, не развалилась?

- Куда она к чертям собачьим денется? Стоит родная, как стояла! А, насчет монтажников: у них своя компания, а у нас – своя! Грузите барахло в кузов, да поехали.

- Чего-то я не понял, - почесал затылок Деряжный, - скучает он! А Зубков Коля где? – спросил он Иванова.

- Вы же Колю знаете. Установил пескоструи, дал пендюлей своему старшине, и – на охоту! Благо, у него тут приятель живет, такой же любитель пострелять, да по тайге пошастать. Так, что, Колю только днем и то редко увидеть можно, а днем и у самого дел по горло: конструкции разгружать надо, за людьми следить, чтобы спирту где-нибудь не стрельнули и не нажрались. Да и девки местные обнаглели: днем прямо в расположение прутся, а то и на мост тащатся.

- Это хорошо, что девки не забывают! – подколот Сашку Вячеслав, но тут же понял, что ляпнул лишнее.

И так мужику не больно сладко живется, а тут еще он со своими подковырками.

- А, Владимир Иванович уже здесь? – спросил Иванова Лева, пытаясь сгладить Славкину бестактность.

- Кто это? – не сразу понял Иванов.

- Ну, Карев, - пояснил Шварцер.

- А... Нет еще. Передали: завтра поездом приедет. Ну, поехали, что ли? А то торчим тут, как три тополя на Плющихе.

- Тогда уж, как четыре, - уточнил Женька.

- Да, хоть сколько! – отмахнулся от приятеля Иванов и повернулся к машине. – Поехали быстрее, а то я уже задубел тут, вас дожидаясь.

- Поехали, Санек, поехали! – Славка забросил рюкзак в кузов «зилка» и сам полез туда же.

Товарищи последовали за ним.

Глава 10

На станцию прибыл консольный мостовой кран для надвижки на опоры первого, берегового балочного пролета моста. Его загнали на запасной путь, так как работу по монтажу предполагали осуществить только завтра. Сам пролет, как убедился, приехав на мост, Славка, был уже собран и лежал на рельсах временного подхода почти у самого берега. Он представлял собой сборку из четырех огромных, сварных, двутавровых балок, связанных между собой многочисленными металлическими конструкциями связей. Поверх пролета уже были прикручены болтами шпалы двух двенадцатиметровых рельсовых звеньев. Не было только пешеходного перехода и ограждений. Кран, похожий на огромную, длинную рыбину, с крюками величиной с кузов самосвала, должен был приподнять пролет на передней консоли, и, двигаясь по уже проложенным на насыпи рельсовым путям, надвинуть его, и положить на опорные части берегового устоя и быка. Пролет весил около восьмидесяти тонн, но и кран такой Вячеслав видел впервые. В институте на военке, конечно, рассказывали. Но одно дело – десять раз услышать, а другое – увидеть своими собственными глазами. Технари, обслуживающие кран, сновали по платформам, которые служили крану и средством передвижения и опорами, и были похожи на суетящихся муравьев, облепивших дохлую ящерицу. Славка

накануне познакомился с монтажниками и узнал, что те уже имели опыт сборки подобных мостов. В частности, первый мост железной дороги Тюмень – Сургут через Туру собирало это же подразделение. Славка вспомнил это серебристое, летящее над серыми водами реки, сооружение. С месяц назад его гоняли в командировку в воинскую часть, которая была расположена прямо около моста, на левом берегу Туры. Нужно было получить и отгрузить стальные монтажные пробки, что он и сделал, сдав в багаж, пять деревянных, сколоченных из горбыля ящичков, набитых металлическими железяками, похожими по форме на веретено. Как еще раньше пояснил ему Фоминых, пробки эти предназначались для сборки элементов ферм.

- На конструкции, например раскосе, или стойке, уже на заводе приварена косынка и просверлены отверстия под болты. Заметь, не простые болты, а высокопрочные, из легированной стали. Да к тому же с оцелментированной поверхностью. А на другой конструкции, ну, на нижнем, или верхнем поясе фермы, приварена подобная косынка, к которой и должен крепится этот самый раскос. Но вот дырки, которые просверлены во второй косынке на миллиметр, полтора смещены по отношению к отверстиям первой. Когда идет монтаж, косынки прихватывают на пару болтов в тех отверстиях, которые совпадают, а в остальные забивают монтажные пробки. Поскольку они конусные, металл косынок растягиваются, а отверстия – совмещаются. Понял?

- Понять-то, примерно понял! Но не совсем. Растянуть двадцатимиллиметровый металл, забивая какие-то пробки кувалдой?! С трудом могу себе представить.

- А зря! Сам увидишь: ни одна пробка не согнется. Металл в них – о-го-го! Да и материал косынок не хуже. Вроде должны остаться вмятины там всякие, или дырки станут эллипсовидными, а нет! Проверено. Ну, а дальше выбивают по одной пробке и вместо них вставляют болты. Потом динамометрическими ключами затягивают до положенных нагрузок и все. Ничего особенно сложного. Единственное: поверхность косынок должна быть очищена от ржавчины и грязи до матового блеска,

и нагрузки на болтах выдержаны согласно проекта.

Теоретически все было понятно, оставалось все это увидеть и пощупать на практике. Монтаж пролета назначили на вторник. Ну, а сегодня Славка слевой ползали по подготовленным к монтажу конструкциям балочного пролета, и сержант-монтажник с двумя бойцами показывал динамометрическим ключом нагрузки на головках болтов, указанных лейтенантами. Капитан, командир монтажного подразделения, даже не удосужился прийти на сдачу узлов, а прислал вместо себя молоденького лейтенанта.

- Митрофанов! – коротко представился тот.

Он передал Славке акт для подписи, а сам утопал в балок пить чай. Нахалы, подумал Вячеслав, но все соединения были выполнены четко, и ему ничего не оставалось, как только подписать акт приемки и передать его сержанту.

- Хорошо работают парни, ничего не скажешь! – похвалил он бойцов монтажной бригады. – Вот только начальство какое-то странное. Не хотят с нами дружить, что ли?

- Опыт! – многозначительно поднял палец Лева. – А опыт – его ни пропить, не потерять! А, насчет дружбы, что же, насильно мил не будешь! Пошли в расположение, что ли?

- Пошли. На минуточку только в штабной вагон заскочим: акты подошью. Да и с Дерягой переговорим, что вечером делать будем.

- А что тут делать? Пойдем, в кино сходим, потом в «Лозьву» пивка попить. А потом – спать. Или тебе лавры Иванова покоя не дают?

- При чем здесь Иванов? Я же, кроме всего прочего, о Деряге в первую очередь беспокоюсь. Мы утопаем, а он один останется, обидеться может. А, потом, может у него другие планы на сегодня, без нас сырых. Ладно, потопали, а то пятый час уже. Потом переговорим.

Утром кран перегнали со станции на подход к мосту и установили консоль так, чтобы главный грузовой крюк оказался посередине пролетного строения. После этого на крюк грузоподъемностью сто тонн подвесили автокраном траверсу метров двенадцати длиной и уже ее стропами зачалили про-

лет. К удивлению Вячеслава был приведен в действие и второй, дополнительный крюк. Пролет застропили и во второй точке. Только тут Вячеславу стало понятно назначение этого самого дополнительного крюка грузоподъемностью втрое меньше основного: он поддерживал балку строго по оси консоли, а стало быть, и пути. Попробуйте удержать восьмидесятитонную, да еще и тридцати двух метровую махину обычными веревочными чалками. А если еще и ветерок колыхнется?

- Сейчас поднимать начнут, - сообщил Женя, подбежавший со стороны путей к Вячеславу и Леве, стоящим чуть поодаль, около береговой опоры.

Было видно, как капитан монтажников отогнал всех от крана, и, взяв в обе руки флажки, отошел в сторону сам и подал сигнал крановщику. Заревели дизеля стоящей на платформе электростанции, загудели с воем электродвигатели крана так, что было слышно и за эти сто метров, что отделяли офицеров от места подъема до места монтажа, около которого они и находились. Троса со скрипом натянулись, и пролет медленно пополз вверх. Подняли его не больше чем на полметра от головок рельс. Потом монтажники вновь облепили конструкцию, видимо, проверили подвеску пролета, и привязали-таки длинные веревочные чалки по две с каждой стороны пути. Капитан сделал знак флажками машинисту, и кран медленно и осторожно пополз по рельсам к береговой опоре. Дальше пролет поплыл над опорой и пойменным берегом в сторону реки, пока консоль, на которой он был подвешен, не вынесла его строго между береговой и первой русловой опорой. Бойцы проверили совпадение опорных частей пролета и закладных деталей на бетонных подушках, и кран так же, не торопясь, поставил железяку на предназначенное для нее место. Вся операция, включая перегон крана со станции, к великому удивлению Вячеслава заняла не более двух часов.

- Красиво! – шумно выдохнул воздух, застывший на эти минуты от напряженного ожидания, Деряга.

- Да-а! – только и смог произнести, погрязенный увиденным действием, Вячеслав.

- Вот это мощь! – подвел итог восхищенный Лева. – Восемьдесят тонн, как пушинку поставил, даже не брякнуло.

Монтажники, не торопясь, собрали на платформу крана оснастку, погрузили стропы, и стоящий чуть поодаль маневровый тепловоз, зацепив кран, оттащил его назад на станцию. К закурившим офицерам подошли капитан и лейтенант, руководившие монтажом.

- Ну, что знакомиться будем? – протянул Вячеславу ладонь, видимо, приняв его за старшего, капитан. – Игорь. А это Митрофанов Слава, помощник мой, - он кивнул в сторону того самого лейтенантика, что накануне приносил акт.

- О, да он тезка твой, Вячеслав! А я – Евгений, - пожал по очереди руки и капитану, и лейтенанту Деряжный. – Лева! – представил он Шварцера, и тот широко улыбнулся новым знакомым.

- Ну, что, мужики, пойдем, отметим это событие по маленькой. Как вы, не возражаете? А банкет уже вечером сообразим, как-никак: почти праздник первой борозды! Или первого пролета! - предложил Женя, и вся компания, оживленно переговариваясь и делясь впечатлениями, двинулась в сторону штабного вагона, где у Деряги была спрятана в каптерке заначка в виде пары банок тушенки и литровой банки спирта.

Ближе к обеду на мосту появился приехавший дневным поездом капитан Карев, сопровождаемый Николаем Зубковым. Они уже осмотрели хозяйство старшего лейтенанта: пескоструйные агрегаты, передвижную мастерскую и всякую прочую механическую лабуду. А после всего этого нарисовались в прорабке.

- Здорово орлы! Ну, как вы тут!

- Нормально, Владимир Иванович, - радостно ответил капитану изрядно захмелевший от спирта Лева. – С приездом вас!

- Здравствуйте, товарищ капитан! – приподнялся с табуретки Вячеслав. – Привет, Николай! – кивнул он Зубкову. - Присаживайтесь, Владимир Иванович.

- Спасибо, - поблагодарил Славу капитан. - Вижу, Лев Борисович, что все нормально! Только чего это вы пить-то с утра

надумали? – Карев выглянул в окошко вагончика. – Ба! – поразился увиденному в окне капитан. – Уже балочный пролет смонтировали! Когда успели-то? А это, что за товарищи? – повернулся он, только сейчас заметив присутствие в прорабке двух незнакомых офицеров.

- Знакомьтесь, Владимир Иванович! – представил монтажников Вячеслав. – Капитан Васильев и лейтенант Митрофанов. тетка мой, кстати! Они сегодня герои. За пару часов все состряпали! Глядите, пролет-то, как вкопанный стоит!

Карев снова выглянул в окошко, удовлетворенно хмыкнул и присел к столу, на предупредительно пододвинутую ему Вячеславом табуретку:

- Комбату, Слава, доложили?

- Да, нет, не успели еще.

- Тогда сам доложу. Ну, раз такой праздник, плесни что ли и мне Деряжный пару капель. Присаживайся, Николай Васильевич! – пригласил он Зубкова. – Составь компанию.

- С превеликим удовольствием, товарищ капитан!

- Садись, Николай! – поднялся Лева. – Я на улицу выйду мужики, а то меня что-то совсем развезло.

- Ты же вроде спирт не пьешь? – удивился Зубков, но Лев не ответил приятелю, распахнул дверь и выскочил на свежий воздух.

- А коньяка, как на грех, не оказалось! – хохотнул Женька, разливая спирт по кружкам. – Готово.

- Ну, что, ребята, с почином вас! – поднял единственный, выделенный ему из уважения стеклянный стакан Карев, чокаясь с каждым из присутствующих. – Пусть все получится так и дальше!

Он залпом выпил неразведенный спирт, запил водой из банки, сунул в рот кусок тушенки, протянутый Женькой, и, прожевав закуску, поднялся:

- Ладно, мужики, мне пора! Норму смотрите, только держите! А то нехорошо как-то перед подчиненными шататься.

- Я за ними послезу, - пробасил Коля Зубков, - можете не волноваться, Владимир Иванович.

- Да, и людей не растеряйте, и не поморозьте, самое главное. Морозно становится. Завтра полушубки Шишкин обещал привезти и валенки, переоденем бойцов. Ну, до вечера! – попрощался капитан и вышел из вагончика.

За стенкой вагончика взревел двигатель «уазика» и вскоре постепенно стих, удаляясь в сторону поселка.

- Полетел комбату докладывать! – ни к кому конкретно не обращаясь, произнес Зубков. – Ну, давайте еще по одной, что ли, раз такое дело! За почин, и закончим.

- Ты где на Карева-то наткнулся? – спросил Вячеслав Николая.

- Да, перед обедом в расположение пришел, а он там с Ивановым по территории бродит. Меня увидел: поехали, мол, на мост, смотреть, как дела обстоят. А я только что с охоты нарисовался.

- Ну, и как успехи? – поинтересовался у Зубкова командир монтажников капитан Васильев.

- Не шибко. Пару рябчиков добыли, да пару глухарей. Правда еще лису видели, но ушла зараза.

- Она еще, поди, не облиняла?

- Да, нет! Огненная уже. Ладно, мужики, давайте закружаться, сейчас обед привезут. Пойду, посмотрю, что там мои архаровцы делают.

Зубков поднялся и вышел из вагончика. Следом засобирались монтажники.

- До вечера, господа строители! - попрощался капитан. – Может, кого нужно до поселка подбросить?

- Спасибо! Мы здесь обедаем. А, если что, своей тачкой доберемся, - поблагодарил капитана Деряжный.

- Ну, тогда бывайте!

- А, неплохие ребята на поверку оказались! – высказался о новых знакомых Женька. – Не заносчивые.

- Нормальные, - подтвердил Славка.

Вячеслав с протрезвевшим к этому времени на свежем воздухе Левого еще с полчаса посидели у Деряжного, пообедали вместе с ним и Зубковым, и с машиной, что привезла обед, отчалили на базу.

Карева подгонял комбат, а он подгонял подчиненных. Почти неделю Иванов с Женькой, собрав из всех взводов людей, имеющих хоть какое-то отдаленное понятие о плотницких работах и умеющих держать в руках молоток с пилой, возводили леса под первый блок фермы, который и предстояло заанкерить к балочному переходу. Монтажники уже на выстроенных плотниками лесах в течение недели закончили все, даже мелкие работы на береговом пролете, включая ограждение пешеходных мостиков. Собрали и первую смотровую корзину. Предназначались эти самые корзины для осмотра опорных шарниров и ползунов пролетных строений и располагались по проекту на каждой русловой опоре. Зубков за неделю до этого обкатал и запустил в работу пескоструйные агрегаты. К месту, где они были установлены, подвозили на тележках по рельсам конструкцию, разворачивали ее той стороной косынки, которую нужно было чистить, к соплу, и начинали. Струя мелкого, просеянного и прожаренного песка из сопла, разгоняемая воздухом компрессоров, с громадной скоростью била в металл. Ржавая поверхность пластины начинала очищаться, становилась все светлее и светлее. Черный от частиц ржавчины и металла песок падал вокруг, накрывая снег. Уже вскоре на всей прилегающей территории снег практически исчез под слоем не то пепла, не то мелкого шлака. Аппараты то и дело заедало. С почерневшим от копоти костров лицом, на огне которых тут же рядом, в огромных металлических противнях сушились новые порции песка, перемешивая валенками остатки снега вместе с отработанной грязью, носился от одного агрегата к другому Зубков, нещадно матерясь на всю округу.

- Какого, растуды, мать твою! – орал он на старшину. – Почему подшипники сразу не прошприцевали? Что значит, я не приказывал? Своих мозгов, что ли нет? Лично проследить нужно было! Не фиг на этих оглоедов надеяться! Получите вы у меня премию: от дохлого осла уши! Тащи ключи! Да пошевеливайся, что ползаешь, как беременная муха по стеклу! Холодно? А на кой черт вам полушубки выданы?

Агрегат, наконец, запускали вновь, и, когда заканчивали

очистку детали, поверхность ее становилась бархатно матовой, чем-то похожей на поверхность огромного куса сахара-рафинада. Смысл такой тщательной обработки состоял в том, чтобы после сбалчивания косынок при сборке их в пролет между их плоскостями не оставалось никакого зазора. Вследствие достигнутой таким образом плотности стыка происходила холодная диффузия металла, и косынки становились единым целым безо всякой сварки. Кстати, как и обещал Карев, полушубки и валенки для личного состава Шишкин действительно доставил уже на следующий день после приезда заместителя. Правда бойцы берегли их, стараясь, лишний раз не одевать, чтобы впоследствии покрасоваться перед местными барышнями, когда подойдет очередь увольнительных. На работе они моментом превращались в серые, грязные козухи, а так белели первозданным цветом. А морозы между тем крепчали.

Карев Вячеслава работой особенно не нагружал, и он, чтобы не бездельничать, выполнил на ватмане наглядный график сборки пролетов: начертил полный профиль моста и у каждого узла ферм проставил предполагаемую дату сборки. А красной пастой решил обводить смонтированные уже детали. Поэтому, любой, глянув на чертеж и посмотрев на число, там, где заканчивался красный цвет, мог сразу определить, отстают работы по монтажу, или идут в графике. Прodelанной работой Славка остался доволен, и к похвале Карева, увидевшего график, отнеся, как к само собой разумеющемуся. К середине ноября на лесах, возведенных людьми Иванова и Деряги, монтажники собрали первый блок фермы. Металлическими тяжами из швеллера его верхний пояс закрепили к закладным деталям, специально для этого вбстоненными при заливке в береговую опору. А на верхний пояс блока уложили звено узкоколейки, по которой должен был передвигаться деррик-кран. Как ни берегся Славка, его белоснежный полушубок, как, впрочем, и у всех остальных, стал сизым от копоти, пылящего на ветру черного песка и прикосновений к металлу. Да к тому же пропах соляровкой, так, что разило за версту. Если раньше в «Лозьву» можно было зайти мимоходом, и посидеть полчаса за столиком с пи-

вом, не раздеваясь, то теперь поневоле приходилось снимать верхнюю одежду уже в предбаннике. Армейцам даже отвели маленькую комнатку, куда они сваливали на стулья свои закопченные овчины, чтобы, не дай Бог, не испачкать в гардеробе вещи других, более аккуратных посетителей. Хотя, по совести сказать, кроме офицеров в это заведение мало, кто заглядывал. Местные не ходили сюда сроду. Разве, что редкие командированные, да вышедшие из зоны на волю зеки, спешащие пропить полученные на дорогу деньги. Поэтому неказистое, не то кафе, не то ресторан, помещение стало своеобразным офицерским клубом, где собирался контингент из всех частей и подразделений, задействованных в строительстве. Вечерами, тем, кто не был в смене, делать было совершенно нечего. Преферанс надоел до чертиков, да и проигрывать уже через пару недель после получки было, собственно, нечего. И, если у кого-то появлялись лишние деньги, офицеры топали сюда, чтобы скоротать время, пообщаться и вообще. Особо не разгуляешься, но посидеть можно.

Двадцатого ноября в Першино нагрянул Гук собственной персоной. Приехал он со Стешенковым, тоже пожелавшим убедиться самолично, как устроена жизнь личного состава батальона, как продвигается работа, да, и, вообще, как идет служба и выполняются требования многочисленных уставов и наставлений. И, если Гука, прежде всего, интересовал мост, где он сразу и нарисовался с Каревым, то начальника штаба – несение караульной службы, дежурства по части и прочая подобная белберда, на которую здесь, на трассе, в отрыве от батальона никто особенно и не обращал серьезного внимания.

- Ну, как дела, Решетников? – ввалился в вагончик вместе с заместителем комбат, после того, как они вместе с Дерягой обошли стройку. – Сидишь, баклуши бьешь?

- Здравия желаю, товарищ майор! – приподнялся со стула Славка. – Так точно, баклуши бью! С приездом вас, Александр Александрович!

- А ты чего веселый такой? Все хорошо, что ли?

- А то, товарищ майор! – бодро ответил комбату Вячеслав.

- Ну, ну! Давай, хоть чаем напои командиров.

- Вам с сахаром, товарищ майор? – спросил Гука Женька, доставая из тумбочки кружки.

- А чего его пустой-то пить? – вопросом на вопрос ответил комбат, снимая шинель.

...Неотложных дел у Славки и вправду не было. Монтаж фермы шел точно по графику. Документацию по сборке пролетов вели монтажники, акты на подготовку крепежных узлов подписывали либо Зубков, либо Деряжный, а он лишь изредка подменял кого-нибудь из товарищей, если тем надо было куда-либо отлучиться. Втихую гоняли даже в Советский. Вечерним поездом, после того, когда никто из руководства уже не мог искать, уезжали в райцентр, а рано утром, часов около восьми, прибывали обратно. По старому, обводному, на деревянных опорах мосту, состав шел со скоростью пешехода, поэтому, особо хитрые и дошлые просто выходили из вагона прямо на ходу и сразу оказывались на объекте. Проводницы ругались нещадно, но ничего не могли поделать с такой практикой. И, когда начальство пыталось разобраться, где был подчиненный, ответ был одним и тем же: на мосту! А, может, я ночевал здесь, лень было в часть возвращаться! Не пойман – не вор! Да и работа шла круглосуточно, несложно затеряться, или перепутать смену. Пару раз за это время в Советский съездил Иванов, к которому все-таки вернулась, простившая своего блудного мужа, жена, разок в самоволку сгонял Деряга, соскучившийся по семье, а Зубкова, как заслуженного ветерана, и так отпускали почти на каждые выходные. Карев, конечно, обо всех этих отлучках догадывался, не дурак, но спускал все на тормозах. Пашут ребята, дела идут неплохо, чего еще надо. Тем более что жены месяцами мужиков не видят, того гляди загуляют, что уже и случалось неоднократно. А кому в части эти все скандалы и разборки нужны? Никому. Славке, правда, за все полтора месяца, что он пробыл здесь, так и не удалось ни разу вырваться на базу. Как-то не сложилось. Но почти ежедневно он звонил по вечерам Людмиле и рассказывал ей о своем житье-бытье, упуская, конечно, сомнительные с женской точки зрения моменты...

- Сидишь в вагончике, значит, мух считаешь? – комбат повесил шинель на один из гвоздей, вбитых в стенку, приглашая Карева последовать его примеру. – Могли бы у зеков и вешалку заказать.

- Какие мухи, товарищ майор? Зима на дворе, - улыбнулся Вячеслав. – А вешалку закажем, как-то не догадались.

- А, ты не ухмыляйся, не ухмыляйся! Вижу, что работой не измучен. Докладывай обстановку.

- Решетников исполняет все, что положено, командир, - вступился за Вячеслава Карев.

- А ты чего его защищаешь, Владимир Иванович? Спелись что ли? – буркнул комбат, но и по голосу, и по лицу было видно, что он доволен увиденным на объекте. – Ну, что, чай-то наливать будешь?

- Момент, товарищ майор! – Славка мигом сгонял за кипятком в солдатский балок, и заварил начальству чай покрепче. – Сахар вот только кончился, – виновато пояснил он. - Но есть, правда варенье, даже два вида: абрикосовое и из айвы. Акопян ребят угостил.

- Давай варенье, попробуем. А это, что у тебя? – заинтересовался раскрашенной диаграммой, висящей на стене, майор.

- График монтажа ферм.

- Интересно, интересно, - приподнялся со стула Гук. – Сам придумал?

- Так точно.

- Ну, и как идет монтаж?

- А вы сами посмотрите, товарищ майор. Там красным цветом возле каждого узла проставлено фактическое число окончания сборки, а черным плановое.

- Вижу, вижу. На два дня вперед идете. Молодец, интересно придумал! – снова взялся за кружку с чаем майор. – Надо будет Кривякину показать, - повернулся он к Кареву.

- А, что, должен появиться? – спросил зам.

- Не знаю. Но, все равно, когда-то появится старик: один приличный мост в бригаде строится на сегодняшний момент.

Комбат с заместителем допили чай, и поднялись, одевая шинели.

- Он тебе здорово здесь нужен? – спросил заместителя Гук, кивнув в сторону Славки. – А то у Фоминых жена здорово заболела, пришлось отпустить на две недели, чтобы к матери отвез.

- А, что с ней случилось? – спросил Славка.

- Да не знаю точно, что-то по женской линии, но серьезное. Так нужен он тебе здесь, или нет? – повернулся комбат к Кареву.

- Да не очень. Дела, вроде, идут без срывов, и, дай Бог, чтобы и дальше так шли. Если нужен в батальоне, пусть едет.

- Ну, вот и хорошо! Тогда подчищайте бумажные дела, и пусть дует на Пелым.

У Славки от этих слов просто отвисла челюсть. Он то думал, что его в Советский отправляют, а тут – Пелым! Из огня – да в полымя! Хрен редьки не слаще! Вячеслав попытался что-то объяснить комбату, дескать, полтора месяца уже в Советском не был, но тот только отмахнулся и не стал слушать ошарашенного лейтенанта:

- Сказано на Пелым и баста! Нечего мне тут демагогию разводить и сопли распускать. У тебя жены нет?

- Нет.

- Вот и не гундось! Я еще мужиков понимаю – семья, дело святое! А тебе-то, какая разница, где служить! Баб что ли в поселках не хватает? Или тоже жениться надумал? – и, получив от Славки отрицательный ответ, комбат похлопал его по плечу и вышел из прорабки, оставив лейтенанта наедине со своими невеселыми мыслями.

- Пошли с нами Деряжный, - позвал Женьку Карев.

Женька сочувственно поглядел на Славку, шумно вздохнул и молча вышел вслед за командирами. А вскоре на мост нагрянул Стешенков, и лейтенант едва отбрыкался от него, сославшись на то, что нужно срочно идти собираться к отъезду.

- Приказ командира! – сообщил он раздраженному майору, которому кроме Славки никто не попался на глаза.

Но в Пелым Вячеслав прибыл не скоро, только после Нового года. В батальон внезапно нагрянула с проверкой какая-то очередная комиссия из корпуса. И он срочно понадобился руководству в Советском, так как в техчасти никого из офице-

ров, в силу сложившихся обстоятельств, на текущий момент не оказалось. Славка был несказанно обрадован этой неожиданно возникшей проверкой, потому, что появлялась возможность новогодний праздник отметить в нормальной обстановке, с любимой девушкой, а не в двухэтажной развалюхе на станции Пелым, которую приспособили под офицерское общежитие.

Когда они с Людмилой подошли к дому культуры, там уже во всю гремела музыка. На фасаде здания красовался яркий, расписанный снежинками щит из ДВП, на котором было начертано: «Новогодний бал. Цена билета – 1 руб 50 копеек». У крыльца толпились курящие, и прочие, кому стало чересчур жарко. Погода стояла прекрасная. После нескольких дней крепких морозов, предшествовавших Новому году, наступила оттепель. Людмила на минуту задержалась, столкнувшись у крыльца с какой-то своей старой знакомой, а Вячеслав закурил сигарету, деликатно отойдя в сторону. Девчата оживленно, постоянно переходя на смех, о чем-то переговаривались, а он незаметно смотрел на них и вспоминал, как встретился с любимой уже после его возвращения из Першино.

Встреча эта разительно отличалась от тех, к которым он уже привык за этот год знакомства с девушкой. Было сразу видно, что она соскучилась, и не собиралась этого ни от кого скрывать. Радость так и струилась из ее глаз, а на губах то и дело вспыхивала счастливая улыбка. Он и сам, вроде, слегка очумел в первые мгновения свидания, как только увидел ее, и долгое время боялся отпустить ее теплую ладонь, которая доверчиво угнездилась в его огрубевших от мороза и ветра пальцах. В тот день они, несмотря на жгучий холод, долго бродили по поселку, вечерние улицы которого были полны спешащими и озабоченными прохожими. Еще бы: Новый год на носу. Кто тащил на плече заледеневшую, ободранную елку, не удосужившись своевременно выбрать и срубить в лесу нормальную, кто сгибался под грузом авосек, набитых не слишком изысканной снедью, купленной в ближайших магазинах, а кто уже был готов и песни петь. Русский человек всегда рад празднику. А кто празднику рад – тот за неделю пьян! Основательно замерзнув, зашли в

гости к Валентине, где просидели, греясь, больше часа, ежеминутно обмениваясь короткими взглядами, смысл которых был понятен, только им двоим. Валентина не раз удивленно хмыкала под нос, когда ее подруга, до сих пор такая недоступная и гордая, заразительно смеялась в ответ на не самые удачные шутки Вячеслава. А потом они два, моментально промелькнувших, восхитительных часа провели у Людмилы дома, целуясь у окна и погасив в комнате свет, благо родители ее с младшим братом улетели на праздник к друзьям в Ханты-Мансийск, а старший брат на радостях от полученной свободы до полуночи гонял где-то по поселку. Она, уже не стесняясь, доверчиво прижималась к Вячеславу всем своим разгоряченным, гибким телом, а он млея оттого, что у него под рукой трепетало, временами почти совсем замирая, сердце самого дорогого и любимого им человека.

- Ты меня любишь?

- Да. А ты?

- А я тебя очень сильно.

Они не вдумывались в смысл заданных друг другу вопросов и полученных ответов, а просто говорили обо всем подряд, испытывая наслаждение оттого, что после долгой разлуки могут общаться, прикасаться друг к другу, не опасаясь быть непонятыми...

- Ну, что, пошли? – подхватила ожидающего ее Вячеслава под руку, распрощавшись наконец-то с подругой, Людмила.

- Пошли, - Вячеслав освободил руку и обнял Людмилу за талию. – А это кто? – спросил он о подруге.

- Анна Крапивина. Старше меня классом училась. Вышла замуж за лейтенанта из вашей части, двухгодичника, и уехала с ним после службы в Новокузнецк. А сейчас вернулись назад. Тут у нее отец с матерью живут и два брата. Дочка у них с Валерой.

- А Валера – это ее муж?

- Да.

- Чего же она тут одна, без мужа отирается?

- Почему без мужа, с мужем! Я тебя потом с ними познакомлю.

Бал был в самом разгаре. Гремящий барабанами и тарелками ударник Женя, заметив их, приветливо кивнул, как старым, добрым знакомым. Галина, как и положено, висла у окна в дальнем углу зала на Гомянине, а Валентина вальсировала с каким-то незнакомым пареньком. На противоположной стороне зала, за мелькающими перед глазами парами Вячеслав заметил Матвеева, который разговаривал с черноволосяй, художавой женщиной лет под тридцать.

- Фаина, - ответил на его вопросительный взгляд Юрий, когда они с Людмилой пробрались к приятелям - та самая.

- А, я ее и не признал сразу. Вроде светлее была?

- Подкрасилась, наверное.

- Что это вы, как бабки старые на скамеечке отсутствующим кости перемываете? Неудобно даже, - Людмила потянула Славку в гущу танцующих, и уже через мгновение, прижавшись к любимой, ощущая ее легкое волнение и вдыхая чудный запах девичьих волос, он забыл обо всех окружающих.

Какое им дело до всех этих людей? Пусть они влюбляются, ссорятся, решают свои наболевшие проблемы, страдают, наконец, все это так мелко и несущественно против тех чувства, что переполняют их. Они то кружились под музыку по залу, то стояли и разговаривали с приятелями на любимом месте у окна, то участвовали в каких-то дурацких конкурсах, придуманных организаторами бала. Но, расставаясь с Людмилой даже на секунду, Вячеслав каждой клеткой своего тела ощущал ее незримое присутствие, и отдавался всецело тому необъяснимому, почти мистическому состоянию души, охватившему его, когда мысли и чувства партнера понятны, осязаемы и до боли дороги даже на расстоянии.

- Познакомься, Слава, это - Валера, а это - Анна! - представила его Людмила своим старым знакомым, после одного из танцев.

- В ноль тридцать два сорок шесть служишь? - спросил Вячеслава высокий, чрезмерно, правда, художавый муж Людмилиной приятельницы, и, получив положительный ответ, широко улыбнулся. - Я тоже в ней родимой два года батрачил,

у майора Пашкова продслужбой командовал, а завскладом – старшина Нигматулин.

Глядя на худобу нового знакомого трудно было поверить, что он служил, командуя продовольственными складами и столовой. Все, кого знал Славка на этих должностях, имели вполне солидный, более того, чересчур упитанный вид.

- А Пашков от нас ушел, - сообщил он Валерию. – Сейчас Шишкин командует.

- Я знаю. Нигматулина тут намедни встретил, он мне все новости преподнес. А ты, значит, с Людмилой дружишь? – вполне голосом, так, чтобы не услышали девчата, спросил, а скорее сам себе ответил на вопрос Валерий. – А при мне за ней Пангаев ухлестывал. Правда, без толку.

Валерий Славке понравился: простой, веселый парень, к тому же тоже бывший офицер. Работать, как выяснилось, он устроился мастером в ту же контору, СМП, где прорабил Ягодкин.

- Передавай привет начальнику своему! – пожал Славка на прощание руку своему новому приятелю.

- А вы к нам с Людкой в следующие выходные в гости приходите. Мы сейчас, правда, у тещи живем, но дом у нее приличный, места хватает.

- Ладно, посмотрим. А за приглашение спасибо.

Когда они с Людмилой наконец-то вернулись к Гомянину с подружками, та в очередном танце спросила его, как ему понравились ее подруга с мужем.

- А она что, татарка? – спросил Людмилу Славка, намекая на внешность Анны. – А муж ее – ничего парень, компанейский! Только худой больно.

- А с чего ты взял, что она татарка? – удивилась Людмила.

- Да разрез глаз татарский и скулы азиатские.

- Слушай, а я и не замечала как-то. Русская она, конечно.

- Удивляться тут собственно нечему, во мне вон сразу четыре нации смешались.

- Это, какие же?

- Одна бабушка – русская, другая – бурятка, один дедушка – поляк чистокровный, а другой – хохол, сосланный в Забайка-

лье. Не сам дедушка, конечно, а предки, вроде бы еще при Екатерине. Вот такая петрушка получается. А я в итоге – русский, хотя и родился в Кривом Рогу, когда отец там службу проходил. Да и у тебя, кстати, тоже в глазах что-то африканское, погляди в зеркало повнимательнее.

- Да ну тебя! – шутливо хлопнула его ладонью по лбу девушка.

- А Матвеева-то, похоже, крепко спеленали, - заметил Юрка, намекая на то, что приятель, как приклеенный, не отходил от Фаины.

- Тише ты! – одернула его Галина.

- А чего тише-то? – не понял Вячеслав, но Людмила дернула его за рукав и указала глазами на стоящую чуть поодаль Валентину.

Та, казалось, беззаботно болтала с ангажировавшим ее на этот вечер парнем, но время от времени бросала короткие взгляды на другую сторону зала, где Матвеев охмурил Фаину.

- Вон оно что! – наконец-то дошло до Вячеслава, но тут снова загремела музыка, и он, подхватив Людмилу под руку, потащил ее в гущу танцующих.

Ближе к полуночи, когда бал закончился, они всей компанией вывалились из душного клуба на улицу. Первой пошли провожать Валентину, так как она почему-то отказалась от предложения проводить ее домой того самого, незнакомого Вячеславу паренька, который приглашал ее танцевать почти весь вечер. Да и Витя Матвеев, по которому девушка тайно вздыхала, и который обычно брал эту обязанность на себя, сегодня был захвачен в плен решительной Фаиной из райкома. Когда Валентина скрылась за калиткой дома, где она жила с родителями, Юрий с Галиной пошли в свою сторону, а Вячеслав и Людмила – в свою. Ночь была на удивление тихой, такой, что было слышно, как где-то в поднебесье, на огромной высоте гудят реактивные двигатели самолетов, летящих с востока на запад. Не было слышно даже обычных гудков маневровых локомотивов на станции. Мысль пригласить Людмилу к себе в гости созрела у Вячеслава внезапно. Тем более, ему здорово хотелось

показать девушке нарисованный им накануне, в то время, когда он дежурил по части, ее портрет на половинке ватмана. Рисовал он его с подаренной еще осенью фотографии, на которой девушка была запечатлена в вязанной шапочке и свитере, где-то на лыжной прогулке.

- Люда. А знаешь что? Пойдем, зайдем ко мне.

- Что, Слава? – не поняла сразу, задумавшаяся на минуту о чем-то, о своем девушка.

- Я говорю, пошли ко мне, минут на пять заскочим. Я тебе портрет твой покажу.

- Какой такой еще портрет?

- Обыкновенный, на ватмане. Нам, ведь, все равно по дороге.

- Ну, уж, нет! – неожиданно для Славки, который и сам немного испугался собственного смелого предложения, резко ответила Людмила. – Ишь, что придумал! Ты, вообще-то, сам понимаешь, что говоришь? Приглашаешь девушку в мужское общежитие!

- Не в женском же мне жить! – попытался отшутиться Вячеслав, уловив нотки неподдельного возмущения в ее голосе. – А, потом, там сейчас практически никого нет: все по трассам. Лева один, да и тот спит уже, наверное. Пойдем, - начал он уговаривать Людмилу, - погреемся маленько. А то, хоть и тепло на улице, а ноги все равно примерзли.

- Я же сказала – нет! – вновь возразила она, но в голосе девушки уже не было прошлой твердости.

В нем зазвучали тут же примеченные Вячеславом нотки сомнения, и он принялся с удвоенной силой уговаривать любимую:

- Ну, что тут такого? Зайдем на пять минут, согреемся, и я тебя домой провожу. Боговича, чтобы он тебя не видел, я в котельную загоню. Ну, пошли, не упрямясь!

Девушка с минуту не отвечала, раздумывая над Славкиным предложением, а потом к его радости согласилась, видимо любопытство взяло верх над опасениями:

- Только, если, на пять минут!

- На десять, а то и чаю по стакану выпить не успеем, - на-

чал, было, Славка, но, увидев, как она вновь нахмурила брови, решил не настаивать на продолжительности визита. – Ладно, ладно, молчу!

Через пару минут они подошли к знакомому крыльцу, и Вячеслав, открыв входную дверь, заглянул в пустой коридор общаги. Он-то знал, что в это время там никого нет. Матвеев с Юркой еще не вернулись, а Богович, тот дрыхнет, как обычно в своей котельной. Его и днем-то порой не дозовешься. Но Людмила настояла, чтобы он сначала проверил, что там, в общаге делается, ей не хотелось, чтобы ее здесь кто-то из ребят увидел.

- Разнесут по всему поселку! – заявила она.

- Кто разнесет? – обиделся за друзей Вячеслав. – У нас ребята не трепливые! А, потом, кому какое, собственно, до нас дело?

- Не обижайся! – погладила его по щеке девушка. – Это вам, парням, все – до лампочки, а девушку очень даже просто обидеть!

Она обняла Славку за шею и поцеловала:

- Пошли.

В комнате у Вячеслава был полный порядок. Уходя на танцы, он приказал Боговичу прибраться в помещении, подсознательно планируя этот визит:

- Найду где пыль – прибью! – пообещал он вестовому. – И белье постельное смени.

- Сделаем, - ухмыльнулся в ответ понятливый Богович, несколько не испугавшись. – Одеколоном побрызгать?

- Каким еще одеколоном? – не понял Вячеслав.

- Тройным, товарищ лейтенант, другого нет! – захихикал ефрейтор, и Славка, наконец, врубился, что этот нахал имеет наглость подхихикивать над ним.

- Брысь отсюда! – гаркнул он на Боговича, и попытался поддать тому коленкой под зад, но ефрейтор, ловко увернувшись, мгновенно скрылся за дверью.

- А товарищ капитан всегда одсколоном брызгает, - донеслось до Вячеслава из коридора, но он уже остыл, и ему стало просто лень реагировать на обнаглевшего Боговича.

И, потом: того не переделать. А, если серьезно, то чего лу-

кавить, Богович, хоть и лентяй порядочный, а команды выполняет четко. И в общежитии порядок относительный. Да к тому же – не стукач. А видит-то и слышит он в общаге немало. Но, наверное, хватает ума помалкивать в тряпочку. Да и то, если вылетишь с этого места, лучше не станет. На мосту сопли морозить, или здесь у печки спать – выбор небольшой.

Славка помог девушке снять пальто и выскочил на кухню поставить на плитку чайник. Когда он вернулся, Людмила все еще сидела на табурете в той же позе, в которой он ее оставил. Во всей ее хрупкой фигурке чувствовалось внутреннее напряжение.

- Ну, и где портрет?

- Так вот он, - Вячеслав указал на стену за спиной девушки, где у него над кроватью вместо ковра висело прибитое гвоздями байковое одеяло, а на нем канцелярскими булавками был пришпилен портрет Людмилы.

Она привсталала, и начала с интересом разглядывать Славкино творение. Он вновь сбегал на кухню, принес чайник и заварил чай.

- Ну, что, нравится? – спросил Славка Людмилу, все еще рассматривающую его творение. – Жалко, угля нет настоящего, а карандаш – уже не то!

Людмила, не отвечая, вновь присела на табурет, и он пододвинул ей наполненный стакан:

- Извини, к чаю ничего нет! Бери сахар.

- А я и не знала, что ты так хорошо рисуешь, - внезапно улыбнулась девушка, и Вячеславу показалось, что в комнате стало как-то светлее от этой искренней улыбки, а напряжение, висевшее в воздухе, растворилось без следа. – Портрет-то подаришь? – лукаво спросила она.

- Конечно, какой разговор! Я себе новый нарисую, если ты мне еще какую-нибудь свою фотографию дашь. Как тебе моя келья?

Девушка окинула комнату внимательным взглядом и вновь улыбнулась:

- Ничего, жить можно. мрачновато только.

- Почему мрачновато? – удивился Вячеслав, привыкший к своему жилищу.

- Все серое, а потому – унылое! - указала девушка на одеяло, висящее вместо ковра на стене, - занавески серые, - она перевела взгляд на окно. – Нет ничего яркого, разве ты не замечаешь?

Вячеслав огляделся и понял, что девчонка совершенно права. Ярким и светлым пятном в этой маленькой комнатухе была только она сама в своем нарядном платье. Славка почесал затылок, отхлебнул чаю, и пообещал, что в следующий раз такого безобразия не будет:

- Постараюсь что-нибудь сообразить насчет занавесок.

- Видишь, сам все понимаешь, - нотки знакомой назидательности вновь мелькнули в голосе Людмилы и царапнули по сердцу.

По выражению его лица она поняла, что сказала что-то не то, и виновато улыбнулась.

- Прости, не обижайся! Дура я.

- Ну, что за ерунду ты говоришь, девочка моя! – мгновенно отмяк Вячеслав.

Он присел на кровать и потянул возлюбленную к себе, крепко ухватив ее за руку. Некоторое время она сопротивлялась, но быстро сдалась и пересела с табурета на кровать рядом с Вячеславом. Он обнял ее, а она спокойно повернула к нему порозовевшее лицо и доверчиво подставила для поцелуя теплые губы. Славка прижал девушку к себе, повалил ее на подушку, и крепко поцеловал, заглушив своими губами, уже готовый сорваться с ее уст возглас протеста. Внезапно сопротивление Людмилы ослабло, она обняла его за шею, и притянула к себе, тяжело дыша. Кровь ударила Славке в голову. Почти задыхаясь от нетерпения, он начал расстегивать пуговички на платье девушки, осыпая беспорядочными поцелуями ее шею, глаза, и оголившуюся под шелковой тканью белую, пахнущую чем-то пряным и волнующим бархатную кожу плеча. Дрожь охватила тело девушки. Что было силы, она прижала голову Вячеслава к своей груди, пытаясь защититься от его поцелуев, а он, окончательно теряя голову, скользнул рукой вниз.

- Не надо, Слава! – горячим шепотом скорее выдохнула, чем произнесла Людмила.

Но он не остановился. Розовый туман качался у него перед глазами, а сознание перестало ощущать реальность, погружаясь в бушующее пламя страсти. Бедро девушки под его ладонью напряглось, и внезапно он почувствовал, что она отталкивает его, стараясь освободиться.

- Прекрати! – прозвучавший неожиданно громко и твердо голос Людмилы мгновенно отрезвил Вячеслава.

Девушка, изогнувшись всем телом, выскользнула из-под него, и, присев на табурет рядом с кроватью, начала быстро застегивать платье. Славка медленно приходил в себя, пытаясь разобраться, что же он сделал не так. Людмила поднялась с табурета, и, подойдя к висящему на стене у двери зеркалу, поправила прическу.

- Ты, что, обиделась? – спросил Вячеслав.

Но Людмила не ответила, продолжая заниматься прической. Славка понял, что он сглупил, но тут она повернулась, лукаво взглянула на него, кокетливо поведя плечом, и улыбнулась. От этой улыбки у Славки отлегло от сердца. Он встал и подошел к девушке. Она, словно ничего не случилось, положила теплые ладони ему на плечи, привстала на цыпочки, прогнувшись, как кошка, и поцеловала.

- Собирайся, мне пора! Ну, давай, давай! – подтолкнула она Славку, видя, что тот колеблется. – Хорошего помаленьку!

Она сняла с вешалки и набросила на плечи пальто, несмотря на его неуклюжие попытки уговорить ее остаться еще хоть на чуть-чуть. А потом твердо произнесла:

- Пошли Слава! Два часа почти. Надо еще проверить, дома брат, или нет? А то завтра родители позвонят, а мне и сказать будет нечего. Ну, пошли родной, не упрямясь!

- А что это изменит, дома он или нет? Большой уже парень, что за ним следить?

- Это, когда родители вернуться, пусть решают. А сейчас я за него отвечаю. Собирайся, а то я одна пойду.

Славка остыл, подчинился и оделся. Вместе с девушкой они

вышли из общежития в хрустящую подмерзшим после оттепели снегом ночь и тут же, на улице столкнулись с Юркой Гомянным.

- Ба, знакомые все лица! Посетили наши пенаты, Людочка?

- Посетили, - ответил вместо девушки Вячеслав. - А ты откуда такой взьерошенный?

- Володю Кудряшова с Галкой случайно встретили, ну и зашли на огонек.

- Что-то долгим огонек оказался.

- А, куда торопиться? Посидели культурно, поговорили.

- Галину-то проводил? - спросила Людмила Юрку, поправляя на Вячеславе шарф.

- Не, она у Натальи осталась ночевать.

- Ну, ладно, бывай, Юрок! Поздно уже беседы вести, - Славка подхватил подругу под руку и почти силой потащил ее в сторону.

После всего, что случилось с ними за последние два часа, продолжать никчемные разговоры даже с лучшим приятелем не хотелось.

- Счастливо! - донеслось вслед.

Почти всю дорогу до ее дома они прошли молча, думая каждый о своем. Несколько незначительных фраз и бесконечные нежные взгляды друг на друга. Брат оказался дома, и Людмила быстро выпроводила, пытавшегося остаться у нее еще на какое-то время Вячеслава, сославшись на то, что завтра рабочий день. Уже на подходе к общежитию Славку обложила свора собак, у которых начались в это время свадьбы. Чем-то он кобелям не понравился, и они, бросив на время предмет своего соперничества, маленькую, рыжую сучку, напустились на лейтенанта. То ли почуяли в нем такого же кобеля, то ли еще чего. Рычащая свора прижала его к штaketному забору, из которого он, пошарив за спиной рукой, незамедлительно выдрал доску для защиты от собачьих зубов. Но доска помогала плохо, а лающие и брызгающие слюной псы подступали. «Плохо дело! - подумал Славка, отмахиваясь бесполезным предметом. - Надо что-то предпринимать». Холодок животного страха пополз

между лопаток. И неожиданно для самого себя он вдруг встал на четвереньки и заревел, что было сил, протяжно, с надрывом, как тот тигр, что однажды пугнул их с пацанами, когда они еще школьниками собирали кедровые шишки на Хихцире под Хабаровском. Тогда со страха они чуть не обкакались. Побросав вещи, всей гурьбой понеслись через бурелом прочь и, не заметив, перемахнули пятиметровый ручей, протекавший поперек их пути, практически не замочив ног. Тигр просто почуял дым костра и выразил зевком недовольство, что на его территорию забрались какие-то уроды, но Славка до сих пор помнил, как у него в тот раз зашевелились на затылке волосы.

Псы просто остолбенели от такой неожиданной выходки противника, и сначала попятнулись, а потом, видимо решив, что лучше отступить, припустили вслед за удалившейся уже на приличное расстояние сучкой. Тьфу ты, чуть не разорвали! Вячеслав поднялся с коленей, отряхнул снег и, успокоив дыхание, двинулся дальше. На перекрестке, возле общежития Вячеслав встретил возвращавшегося с гулянки Матвеева.

- Ты слышал? – спросил тот.

- Что? – не понял Вячеслав.

- Да, ревел кто-то недалече! Аж мороз по коже пробрал!

Славка нервно захохотал: выходило наружу пережитое волнение и испуг. Он, не жалея красок, рассказал Виктору, как сражался на соседней улице с дворовыми псами.

- Чуть, заразы, не порвали! – закончил он.

Виктор, представив нарисованную Славкой картину, тоже ухмыльнулся, хотя радоваться-то было особенно нечему.

- Ладно, раз все благополучно закончилось. А я уж думал, что мишка или еще какая зверюга в поселок пожаловали. Пошли спать, - он подтолкнул Вячеслава в спину по направлению к дверям, - поздно уже, почти три. Кому расскажешь – не поверят!

Глава 11

Дела на Пелыме шли неважно. Дизель-молоты то и дело выходили из строя, срывая план забивки шпунта и свай. Комбат костерил почему зря Ворошнина, а заодно и Понюшенко, отправленного на объект ответственным от командования. Попадался под руку и Зубков:

- Баламуты, механики друженные! Когда, наконец, порядок наведете? Бестолковками вашими, что ли, сваи заколачивать?

Николай пытался огрызаться, но крыть было нечем: аварии случались почти каждый день. Для усиления работ и организации круглосуточной забивки с Першино сняли Дерягу, направив его в распоряжение главного, а из Советского – Гомянина. На Лозье остались только Иванов и Карев.

- Ничего, справятся с двумя взводами! – заявил Гук.

Коля Зубков мотался, как челнок, между двумя станциями, пытаясь обеспечить исправную работу вверенных ему механизмов, матеря в свою очередь комбата, да и все остальное начальство, не обеспечившее его нормальной подменой и запчастями. К несчастью в январе опять похолодало до сорока, и все это, вместе взятое, делало эфемерным и призрачным получение ежемесячной премии за выполнение плана. После очередного разбора полетов у комбата Вячеслав, собрав, как посоветовал ему майор, жопу в горсть, тоже отбыл на Пелым.

Общежитие для офицеров было устроено в заброшенном, двухэтажном, восьмиквартирном доме прямо у станции. Вставили новые рамы, отремонтировали печи, кое-как побелили стены, покрасили полы и – готово. А чего особенно стараться, если через год придется все это хозяйство снова бросить. Для солдат, на другой стороне путей, прямо напротив вокзала разбили палаточный городок. Двадцатиместные палатки утеплили завалинками, настелили дощатые полы, сварили из труб длинные металлические печи. Даже некоторое подобие плаца для общих построений соорудили, приспособив для этого пустырь, где местные мальчишки до этого летом гоняли в футбол.

В доме было холодно, изо всех щелей дуло. И сколько не кочегарили потрескавшиеся печи истопники, толку было мало. В палатках наоборот было тепло, а временами даже жарко. И, если бойцы, спавшие на нижних ярусах установленных в два этажа кроватей, чувствовали легкую такую прохладу, которую можно было и потерпеть, укрывшись потеплее, то на верхних этажах была Африка. Спать там можно было только в трусах и не иначе. Но все равно это было куда как лучше, чем чувствовать каждую ночь, как по комнате гуляет пахнувший морозцем ветерок, а окна превратились в сплошные куски льда, покрытые пушистым инеем. Ворошнин, например, возвратившись со смены, вовсе перестал снимать и гимнастерку, и бриджи, а потом, глядя на него, это стали делать и другие.

- А, зачем? – спрашивал Сашка. – Во-первых, так теплее, во-вторых, утром из-под одеяла выползть приятнее, ну, а в-третьих – всегда готов к труду и обороне! Как юный пионер.

- Скоро завшиведем тут, - ворчал аккуратист Гомянин.

- А по мне так лучше завшиветь, чем промерзнуть до костей по ночам! – легкомысленно возражал Ворошнин, залезая в верхней одежде под одеяла с наброшенным поверх полушубком.

Славка раздобыл через местного заместителя леспромхоза по снабжению, с которым познакомился, выписывая доску для нужд стройки, стеганное ватное одеяло, ставшее предметом зависти всех обитателей дома. Укладываясь спать, можно было все-таки снять пропахшую соляром верхнюю одежду, и, подот-

кнув под себя края одеяла, почувствовать некоторый комфорт и уют. А, согревшись, выпасться, как положено, не ежась и не дрожа от холода. Офицеры материли за неповоротливость нового зама по тылу Витю Шишкина, заменившего ушедшего на повышение Пашкова.

- Нажрал живот, скоро толще Пашкова станет, а снабдить контингент спальными мешками, ну, на худой конец, такими же одеялами, как у Решетникова, тямю нет! – возмутился, привыкший жить в нормальных условиях, Гомянин.

- А ты не обратил внимания, Юрий, как только Витя стал замом, тут же начал в весе прибавлять, - заметил Деряга.

- Э, ребята, здесь все не так просто: это должность такая разная! – вмешался в разговор Ворошнин, застилая на кровать третье одеяло, которое ему презентовал Славка, после того, как стал обладателем стеганного. – Тут хоть какого худого поставь, через год, все равно, сотню кило будет весить.

- Ну, да! Это хорошо еще, если только сотню, – с философским видом поддержал приятеля Деряга. – Меня тоже к тушенке в соседи определи, а лучше к стуженке, махом раздобрею. Скажи, Слав.

- А чего, говорить-то. Надо Понюшенко поднапрячь, пусть порадеет за общество.

- Как же, порадеет он, - сплюнул прямо на пол Ворошнин. – Он себе бабу в конторе леспромхоза надыбал, и у нее все время пропадает, а там, видимо, жарко, не то, что у нас! Узнает его благоверная, накроется Виталику перевод медным тазом, не простит ему тесть.

- Какой с Виталика спрос. Он спит и видит, как бы отсюда слинять в свои столицы побыстрее. Не до одеял ему.

- Что вы мужика костерите? – Славка вылез из-под одеяла и чиркнул спичкой, прикуривая. – Вам, что, нравится здесь? Будь моя воля, минуты бы в этом сортире не жил. А попусту воздух колыхать – большого ума не надо.

- Не тебе, Слава, тренькать, ты-то теперь не мерзнешь!

- А ты, что, Саш, под тремя одеялами застыл? Ну и топал бы тогда к какой-нибудь кралес, как Виталик. Ты же намедни тут на

танцах охмурил какую-то блондинку.

- За таких блондинок десять лет строгача дают. Она еще в девятом классе учится.

- А ноги, прямо, как у взрослой! – хихикнул Деряга.

- Вам бы все зубы скалить! – огрызнулся Ворошнин.

- Нет, Саша, вы тут не правы! – подковырнул приятеля Юрка. – Если сиськи в кулаке не помещаются, значит, дама дозрела. Вон у Славки поинтересуйся, он в Першино Катерину примерно такого же возраста зажимал. Помнишь, Слав?

- Забыл! – потушил окурок в блюдце Вячеслав.

- Такое не забывается, - заворочался на кровати Ворошнин.
– Сашка Иванов до сих пор икает.

- А это, потому, что дурак безмозглый, - подвел итог беседе Гомянин. – Я бы сроду такой дурости не сделал, как он. Записал пацана на себя, а теперь алименты платит!

- Ты, Юрок, наверно, забыл, что тебе летом на дембель. А Сашке здесь еще, как медному котелку, служить, да служить. Так, что себя с ним не ровняй. А, потом, пацан-то чей? Его. Вот пусть и кормит. А вообще-то, мужики, пора снабженцам морды бить! – закончил разговор Ворошнин. – Я Шишкину при встрече вспомню!

- Одеjala-то одеялами, мужики, но только одним этим вопроса не решить, - высказался Славка, залезая в кровать и поправляя в ногах полушубок. – Надо утеплять жилище, вся зима еще впереди.

- Это точно, - поддержал приятеля Гомянин. – Давай-ка, Славка, напруги все-таки Виталика, пусть порадеет за общество!

- Попробую.

Видимо, все эти разговоры достигли, наконец, чьих-то начальственных ушей, и вожделенные стеганные одеяла прибыли из Советского. Славка узнал позже от Коли Суровцева, что уши эти принадлежали начальнику штаба, майору Стешенкову. Тот вызвал Шишкина, и, пообещав отправить старлея туда, где у того яйца будут звенеть, как ледяные колокольчики, добился немедленного результата. Витя подсуетился и тут же раздобыл в бригаде требуемое. Кроме одеял из батальона прислали куба

три ДСП, которым бойцы обили рассыпавшиеся брусчатые стены в комнатах. А когда их еще и оклеили обоями, дом сразу повеселел. Даже окна, проложенные и заткнутые ватой, оттаяли, хотя и не полностью.

- Молодец Стешенков, хоть и зануда порядочная! – раздобрился на похвалу начальнику штаба Ворошнин, несмотря на то, что, как и все, не особенно жаловал майора. Хотя, если подумать, кто-то же должен следить за дисциплиной и выполнением уставов. Иначе, что же это за армия? В душе, каждый из офицеров это понимал, но кому приятно, что тебя время от времени тыкают носом в твои же промахи.

На новом мосту все шло тем же порядком, что и на Лозьве, только русловых опор было три, а не четыре, как там. Так же крошился от мороза металл шпунта, так же день и ночь горели костры, у которых согревались обмерзшие бойцы, и тарактели, чадя соляркой электростанции. Но, слава Богу, шпунт ни на одной из опор подо льдом не скололо и надевать водолазные костюмы не пришлось ни разу. Если бы еще нормально работали сваебойные агрегаты. А так что: второй мост, как никак, какой никакой, а опыт!

После работы делать было совершенно нечего, так как клуб в поселке разморозили в новогодние праздники, и он стоял, сиротливо отсвечивая разбитыми местными пацанами стеклами. После ужина садились играть в преферанс, да пили вонючее, яблочное вино, немислимое количество бочек которого, завезли в леспромхозовский ОРС. Местные торгаши, видимо, перехватили с заказом, так как выпить такое количество бурды местному населению было не под силу и за пятилетку. Собрав деньги, сколько у кого имелось, отправляли самого шустрого с трехлитровыми банками в магазин. Повар к ужину резал селедочку, приносил отварной картофель, и за разговорами о житье бытие, да за картами проходили все свободные от смен вечера. Приходилось, правда, чаще, чем в Советском, дежурить по части, но дежурство это было не в сравнение проще, чем на базе. Обошел палатки, побрякал на гитаре в организованном замполитом красном уголке, убедился, что все, кто не на смене,

улеглись, и дрыхни сам до подъема. А на мосту работа шла круглосуточно и там личным составом командовали взводные. Вот только работа, дьявол ее раздери, шла неважно, график постоянно срывался. Как ни старался Зубков, а техника подводила. Наконец, видя, что дела никак не выправляются, в поселок прибыло высшее руководство батальона: сам комбат, а с ним замполит. Всех офицеров собрали на совещание.

- Ну, что, господа офицеры, не можем работать! – с высоких нот начал Гук. – К концу февраля должны забить все сваи, а сегодня уже пятое число, и что мы в итоге имеем? Фиг с маслом! На первой Ворошнин кое-как закончил забивку, а на двух других только приступили. Доложите, товарищ главный инженер, что думаете делать?

Понюшенко поднялся и начал докладывать:

- Неисправны четыре молота, товарищ майор, и Зубков говорит, - он кивнул на Николая, - что они пришли в полную негодность. Если количество дизель-молотов не будет увеличено, с забивкой провалимся. Нужно брать с техвооружения новые.

- Да? Ну и как вы это себе представляете? Вы знаете, что снять агрегаты из резерва можно только по разрешению комбрига. Вы где раньше-то были, товарищ старший лейтенант? Спали? Почему заранее не просчитали такого поворота дел? И почему до сих пор не готовы кружала под первый ростверк? Я вас спрашиваю! – разозлился майор. – Что вам тут помешало? Доски, хоть задницей ешь, гвозди есть, нет только пинка хорошого, насколько я понимаю! Что молчите, товарищ старший лейтенант? Владимир Николаевич, - обратился он к Бугриму, что делать-то будем?

- Я думаю, что надо рассмотреть этот вопрос на бюро, товарищ майор. Надо дела как-то поправлять.

- Ну, так рассматривайте, товарищ замполит! Вот это-то как раз по вашей части! Что надо-то? Горчицы в штаны, что ли?

Комбат замолчал, и в комнате повисла тягостная тишина. Слышно было только, как потрескивает огонь в печи.

- Разрешите, товарищ майор? – спросил Гука замполит и, получив разрешение, поднялся из-за стола. - Может, кто еще

высказаться по этому поводу желает?

- А чего тут высказываться? – раздраженно бросил комбат. – Работать надо, а не высказываться!

- Разрешите мне, - решительно поднялся Ворошнин. – Я думаю, что без двух, трех новых молотов мы действительно не уложимся в график, товарищ майор. Не кувалдами же сваи заколачивать? А товарищ капитан пусть со своим бюро катится куда подальше. Тем более у нас здесь никого партийных нет. И необходимо из Советского перекинуть еще одну бригаду плотников. Но, только, не как в прошлый раз: без инструмента. Это вы, кстати, людей отправляли, товарищ капитан! – зыркнул на побагровевшего от такой наглости замполита Сашка. - Иначе Гомянин просто не успеет к концу месяца выставить две опалубки под ростверки. И все наши с вами разговоры окажутся пустой болтовней!

- А вы сядьте, товарищ лейтенант! – взвился Гук. - Вас, моему, никто не уполномочивал быть здесь адвокатом. И как вы с замполитом разговариваете? Бюро его, видишь, не устраивает. Я вам тут без бюро навтыкаю по самое нехочу! Каждый отвечает за свое дело!

- Это точно! – тихонько поддакнул Вячеслав, и сразу понял, что зря.

- А ты, Решетников, помалкивай, у самого грехов полная торба. Я думаю, что ваше непосредственное дело – это контроль над ходом строительства и качеством работ на объекте. Как, впрочем, и главного инженера тоже, – он повернулся к Понюшенко. - А вы тут сидите, штаны протираете за картами! – начал вскипать, как чайник на плите, комбат. – Не фиг вам тут вместе с Понюшенко отираться! На мосту ваше место, там надо находиться, где люди работают!

- Да мы и так по два раза на день там бываем, - огрызнулся обиженный Вячеслав.

- Мало, значит! Вы хоть раз в ночную смену на мосту были? Нет. Вот собирайтесь и дуйте оба! Нечего в общаге разлагаться! А вы, товарищ замполит, немедленно соберите бюро и по выговору всем особо отличившимся вкатите.

- Так у нас здесь партийный только Виталий Михайлович, - тихонько заметил притаившийся в углу от праведного гнева начальства Деряжный. – И тот кандидат только.

- А ты, вообще, помолчи! Разговорился, понимаешь, голос прорезался! Ничего, разберемся как-нибудь и с беспартийными, найдем на вас управу! – окончательно побагровел Гук. – Не обольщайтесь, господа офицеры слишком, что скоро дембель. Я вас еще заставлю кровью блевать! Почему у вас, товарищ лейтенант, в смену меньше свай забивается, чем даже у Ворошнина? Молчите. Нечем крыть? Вот я и думаю, что все работают абы как, вразвалку. Да и куда торопиться, проще все свои грехи на технику списать. Зубков!

- Да, товарищ майор, - поднялся Николай.

- Что, действительно молота сдохли?

- Ну, один, может, еще восстановим, а два выработались на нет. Лозьва их доконала, целую зиму молотили.

- Ладно, - уже немного спокойнее продолжил комбат, - с молотами будем что-то решать. Но предупреждаю всех, что никаких скидок за невыполнение графиков строительства не будет. Каждый будет отвечать за свои грехи персонально. Я сегодня уезжаю, а вас, Владимир Николаевич, попрошу еще на денек, другой задержаться, и посмотреть, кто как свои обязанности выполняет. А Понюшенко вместе с Решетниковым в ночь – на мост! Кто там сегодня в смене?

- Я товарищ майор! – пробасил из угла Ворошнин.

- Вот и посмотрим, сколько вы сегодня свай заколотите. А потом сделаем выводы!

Гук поднялся со стула, и сделал рукой жест, отпуская всех присутствующих:

- Пойдемте, Владимир Николаевич, посмотрим, как люди живут. Командиры взводов – со мной, остальные – свободны!

Вячеслав поднялся и пошел вслед за главным инженером в комнатушку, где хранилась документация и, которая использовалась, как техническая часть в миниатюре.

- Ну, что? – спросил он Понюшенко.

- А что, что? – махнул рукой Виталий. – Дурная голова но-

гам покоя не дает, вот что! – намекнул он на странное распоряжение комбата. – Наше дело маленькое: приказы выполнять. Собирайся, на мост потопаем.

- Сашке, что ли мешать?

- А куда деваться? Комбат Бугрима специально еще на сутки оставил, чтобы доложил, как тут его приказы исполняются. А этот доложит обязательно. Так, что, собирайся.

- Слушай, Виталий Михайлович, давай-ка я в магазин слегаю, прикуплю кое-что. А ты тут пошустри с закусью. Я мигом!

- А стоит ли? – вяло запротестовал главный, но Вячеслав сделал рукой успокаивающий жест, дескать, не дрейфь, и начал одеваться.

- Целую ночь кантоваться придется, что делать-то будем? – задал он риторический вопрос.

- Только мне шампанское, - протянул Славке деньги главный.

- Ну, ты, Виталий Михайлович, извращенец! – хмыкнул Вячеслав. – На улице под сорок, а ты – шампанское! Ладно, ладно, возьму, не суетись.

Он выскочил из дома на крыльцо и застал там курящего Сашку.

- А ты, чего, с Гуком не пошел? Он же вроде командиров взводов с собой позвал?

- А мне на смену топать – отпустили! Да там и без меня обойдутся. По палаткам ползать и базлать – большого ума не надо! Ну, найдут, пустую бутылку, ну, влепят еще один выговор, подумаешь. Что нам молодым и красивым доспеется? – хмыкнул Сашка.

- Мы с Понюшенко к тебе на мост, так, что, без нас не смывайся.

- Ладно, подожду. А ты-то сейчас куда намылился?

- В сельпо. Гони, кстати, трешку!

- Нет у меня, кончились.

- Совсем, что ли, нет?

- Рубля полтора наскребу.

- И то хлеб. Ты пожрать что-нибудь сообрази, а то у

меня на Понюшенко большой надежды нет. Он, вишь ты, шамланское пить будет, гурман хренов! Ну и пусть пьет. А мы с гобой, что покрепче.

- Ладно, на деньги, лети, а я пойду, взвод отправлю на работу и за вами вернусь. Заодно разведу, что там комбат еще надумал.

- Я мигом!

Еще через полчаса они втроем уже шагали по проторенной от палаточного городка к реке дороге, загруженные купленным Славкой горючим и собранным Ворошниним съестным. Понюшенко, как и предполагал Вячеслав, взял только хлеба, и, невесть откуда у него здесь появившуюся, коробку шоколадных конфет.

- Я же говорил! – подмигнул Славка Ворошнину, намекая приятелю на давешний разговор.

- Вы о чем? – спросил главный.

- Да так, о своем, о девичьем, - ответил Ворошнин. - Не забивай себе голову, Виталик, она тебе еще пригодится!

- Ты это на что намекаешь, Саша?

- Да я ни на что не намекаю, я думаю.

- О чем, если не секрет?

- А вот о чем: чего тебе тут на мосту ночь париться, сменим Гомянина и топайте с ним домой. Тем более у тебя есть куда податься, чтобы Бугриму на глаза не попасться, - усмехнулся Ворошнин.

- Не, - немного подумав, ответил главный. – Не дай бог кого-нибудь ночью на мост принесет.

- Брось ты, какой дурак будет ночью по лесу шастать! - поддержал предложение Сашки Вячеслав, но Понюшенко все же отказался.

На мосту они оставили припасы в будке, где сидела охрана действующего временного моста, и пошли все вместе принимать смену у закончившего работу Юрки Гомянина.

- Заодно, поглядим, что тут на самом деле делается, а то сегодня с этими бестолковыми разборками и побывать-то здесь не пришлось, - вздохнул главный.

- Да сиди ты в будке, - попытался остановить Понюшенко Ворошнин, - чего мы со Славкой, что ли не справимся? Сопли морозить охота?

Но главный потащился вместе с ними. Когда они спустились на лед, взвод Ворошнина уже возился у агрегатов, бойцы предыдущей смены утопали в расположение, а Юра Гомянин объяснял что-то Сашкиному замкомвзвода возле работающей электростанции.

- Здорово, мужики! – повернулся он к подошедшим сослуживцам, отправив сержанта заниматься своими делами. – А чего это вас сегодня так много? Сашку что ли контролировать надумали?

- А ты, что, не знаешь, что комбат с Бугримом прикатили? – спросил Вячеслав.

- Почему не знаю? Они у меня сразу после обеда побывали.

- Ну, и как?

- А, что как? Поорал Гук, как обычно, что ни черта не делаем, потопал ножками, да и отбыл.

- А в расположении устроил разборку. Вот нас с Понюшенко и отправили к Сашке в ночь на исправление.

- И, что, здорово разбирали?

- По частям. Вон, Виталию выговорешник по партийной линии пообещали, ну а нам грешным просто шкуру содрать!

- Как дела Юра? – вмешался в разговор главный.

- Да нормально, Виталий Михайлович, почти норму отбухали. Хорошо, что Зубков один молот подшаманил, а то бы опять пол нормы заколотили. Принимай, Саша, хозяйство, а я потопал: жрать хочется, сил нет!

- Да мы тут с собой кой чего прихватили, - предложил приятелю перекусить Ворошнин, но Гомянин отказался.

- Спасибо, Саша, но я – в часть! Горяченького хочется, да и устал, как собака.

- Ну, тогда счастливо! Начальству на глаза только не попадайся, а то они с проверкой по палаткам поползли, нарыли чего-нибудь, как пить дать, пилить и строгать с удовольствием будут, это точно. А к ночи Гук в Советский отвалит.

- А Бугрим?

- Замполита комбат оставил тут, в ссылке на пару дней, порядки, значит, наводить. Чтобы караси, короче, не дремали, пока щука плавает!

- А... Ну, ладно, я пошел, - Юрка похлопал Ворошнина по плечу, пожелав удачи, попрощался с Понюшенко и Вячеславом, и, круто развернувшись, зашагал по дороге в сторону поселка.

Вскоре его высокая, нескладная в бесформенном полушубке и валенках фигура, скрылась в синеющем сумраке. Вячеслав вместе с Ворошниним и Понюшенко обошли агрегаты и, оставив командовать людьми сержанта, поднялись по косоугору к будке охраны.

- Не фиг людям мешать работать, - заявил Ворошнин, когда главный предложил по очереди дежурить на льду, - им без начальства сподручнее. Не сломаются машины, норму сделаем, а может и побольше. Но это все от железа зависит. Зубков после ужина обещал ремонтников пару подослать. А от вас тут, мужики, все равно, толку никакого нет! Это у начальства от испуга мозги набекрень, а вы-то чего? Ну, не дадут премии и что? Сдохнем, что ли? Плохо, конечно, но куда деваться! Я бы на твоём месте не раздумывал, Виталий: пока не стемнело, свалил бы в поселок.

- Кончай! – оборвал его главный. – Чего об одном и том же пять раз мусолить?

Славка с разумным предложением приятеля согласился сразу же, да и главного, который полушубок носил редко, и к этому времени уже порядочно промерз в своей шинельке, убедил в том же. Согревшись в тепле помещения, они поужинали вместе с охранником, выпили, поговорили о том, о сем, а часа через два, когда Сашка пошел на лед проверить людей, расположились, кто, как сумел на лавках, и задремали. Заснул Славка крепко, так, что даже ни разу не слышал грохота проходивших по перегону поездов. К утру, избушка выстыла, и Славка, проснувшись от залезшего под одежду холода, взглянул на часы. Было около пяти. Он выскочил на улицу, принес охапку дров и растопил печь. Когда огонь весело загудел в топке, он не

стал будить сладко спящего Понюшенко, а попил вместе с железнодорожником чайку, надел шапку и отправился вниз, туда на лед реки, где звонко бухали копровые установки, и жарко горели не потухающие всю зиму костры. Сашку он нашел спящим в будке электростанции, где было относительно тепло от работающего двигателя. Он бесцеремонно растолкал приятеля:

- Подъем, земля, утро уже!

- Отвали, - замахал руками, отталкивая Славку, не проспавший лейтенант, но через секунду поднялся, протирая глаза. – А который час?

- Без четверти шесть. Давай, поднимайся, да подходи к нам, перекусим, чайку попьем. А то уже скоро подъем сыграют, замполит пожаловать может. Хотя? Начальство голодным работать не любит, после завтрака, скорее всего, вместе со сменой нарисуетя.

Он вернулся в будку, разбудил Понюшенку и, долив, поставил на печку чайник, который через пару минут опять закипел на раскалившейся плите. Подошел Ворошнин, и они снова сели пить чай, заедая остатками вчерашнего ужина.

- Прохладно сегодня, - заметил Сашка, - за тридцать.

- А мне что-то не показалось, - возразил главный.

- Откуда тебе покажется, - хмыкнул Вячеслав, - ты же только на минуту за угол выскакивал.

- Не, точно за тридцать. Я по звуку определяю. – Сашка отхлебнул кипятка из кружки, и пояснил. – Когда мороз, шпунт под молотком звенит тонко, подвывая, а когда потеплее – просто звенит.

- Ладно, - когда они закончили чаевничать, и, видимо, вспомнив, что он какой-никакой начальник, скомандовал Понюшенко, - ты, Саша, заканчивай смену, а мы с Решетниковым пойдем в часть.

- Слушай, Виталий, - возразил Вячеслав. - Я вчера, конечно, не все понял, но нас, вроде, в ночную смену отправили, а она еще не кончилась. Вот, подойдет Юркин взвод, тогда и можно топать.

- Думаешь?

- А ты, Саш, как считаешь? – вместо ответа спросил приятеля Вячеслав.

- Да я никак не считаю! – отмахнулся Ворошнин. – Вы, начальство, вам виднее!

- Я, вот, как думаю, - снова продолжил, секунду поразмыслив, Славка. - Ты, Виталий Михайлович, дуй в часть и доложи Бугриму, что здесь все в порядке, а я смены дождусь. Если что, скажешь, что меня ответственным оставил.

- А сколько свай забили? – поинтересовался главный.

- Почти три десятка, - с гордостью ответил Сашка. – Это все потому, что ни один молоток не отказал нынче, - пояснил он.

- Нормалек. Почти полторы нормы, - снова налил себе в стакан кипятку Вячеслав. – Сушняк! - ответил он на удивленный взгляд Ворошнина. – Пить хочется. Так, что, Виталий Михайлович, - повернулся Славка к главному, - дуйте смело в часть, докладывайте. А мы с Сашей вместе с бойцами придем попозже.

- Ну, ладно, если вы не возражаете, - засобирился главный.

- Пошли, что ли, к людям? – предложил Славке Ворошнин, и они вышли из будки.

Чистое, слегка подернутое дымкой от булькающей в пробитых полыньях воды небо уже порозовело на востоке. Бойцы на льду сворачивали работу, готовя агрегаты для дневной смены. Подошедший к офицерам сержант с довольной улыбкой на обветренном и закопченном дымом костров лице доложил Сашке, что взвод забил за смену ровно тридцать одну сваю.

- Молодцы, архаровцы! – похвалил подчиненных лейтенант. – Давай, закругляйся! – приказал он сержанту. – Чая горячего людям организуй, пусть погреваются, заслужили. Минут через тридцать смена подойдет.

Они со Славкой подошли к костру, у которого начал собираться взвод, и закурили. Согретьшиеся у огня люди шутили, пили кипяток из прокопченного чайника. Кое-кто приплясывал на льду, разминая застывшие ноги, а двое самых резвых даже затеяли борьбу. Настроение у бойцов было приподнятое. Как же, наконец-то, смена прошла без сбоев и простоев, что сразу сказалось на результате. Да и на настроении тоже. Не пришлось

морозить пальцы и обдирать их до крови гасчными ключами, разбирая и собирая капризные дизеля.

- А что, товарищ лейтенант, премия в этом месяце будет? – спросил Ворошнина кто-то из бойцов.

- Будет, если ты, Сидоров, поменьше болтать будешь, - бросил окурок в огонь Сашка. – Конечно, если как сегодня забивка пойдет, то будет! А если опять копры сыпаться станут, то – не знаю.

- Обещал комбат решить этот вопрос, - пояснил Славка в ответ на обращенные к нему, как к представителю штаба, взгляды солдат. – С техвооружения снимут молота.

- Вот это дело, товарищ лейтенант! – заулыбался сержант. – А то задолбала проклятая техника! Ее еще после Лозьвы надо было списать.

- Ладно, Матвеев, начальство само знает, что делать! – прикрикнул на сержанта Сашка. – Поднимай, строй людей, вон смена топают, - указал он рукой на дорогу, по которой со стороны леса, уже освещенного восходящим солнцем, спускался к реке взвод Гомянина.

Еще через полчаса они сидели в комнате, отведенной под столовую и, нежась в согревающем озябшие члены тепле помещения, слушали Деряжного. Тот сообщил последние новости, которые прошли мимо них по причине отсутствия вечером в расположении части:

- Комбат Бугрима с собой забрал, передумал оставлять.

- Да ты что? – удивился Сашка. – Зря ты, значит, Славка на мосту ночь ошивался! – захохотал он. – А Виталик-то, когда узнает, от злости лопнет! А где он сейчас кстати? – спросил он Женьку.

- Появился после подъема, а как только узнал, что Бугрима нет, сразу к крале своей смылся.

- Ну и славненько! – сказал Вячеслав. – Поменьше начальников – воздух чище!

- Пошли что ли, подрежем? – предложил Славке разомлевший от еды и тепла Сашка.

- И, правда, идите! – поднялся со стула Деряжный. – А я пойду в расположение схожу.

В этот день он дежурил по части.

А через неделю случилась страшная, непоправимая, потрясающая Вячеслава, да и всех, кто находился в Пельиме, беда. Да и весь батальон тоже. Дело было так. Во взводе у Ворошни на одном из бойцов исполнилось двадцать лет, круглая дата, так сказать. Парень, вроде, неплохой, на работе не филонит, к тому же весной уже на дембель. Не гусь лапчатый – старик! Ну, и отпустили его в увольнение, вроде, как поощрили. А куда в Пельиме податься? Некуда. Хотя у парня были, оказывается, подружки; местные учительки из школы, где-то на танцах, видимо, познакомился. Сначала он в клуб подался, но там почти с самого Нового Года висел амбарный замок. Стекла и те почти все повынесли. Местное начальство так и не удосужилось закончить ремонт отопления. Ну, потоптался парень около клуба и подался в магазин, благо вино дешевое до сих пор лилось рекой. Там наткнулся на каких-то местных аборигенов, а деньжата у ефрейтора, видать, водились. Ну и набрались, как положено, где-то в баньке вместе с этими самыми новыми знакомыми. А потом, когда расстались, вместо того чтобы топтать в часть спать, подался наш именинник к подружкам своим. И морозец-то стоял не так чтобы. Градусов двадцать – плевенький мороз. А в подпитии и вовсе не ощущается. Пришел, значит, наш красавец с лучшими чувствами к барышням, а ему от ворот – поворот! Не пустили в дом гадюки. Ну, он и треснул им кулаком в окно от обиды. Стекло в раме разбилось, а осколком парню вену на руке перерезало. Он, конечно, в таком состоянии ничего не почувствовал, и пошел дальше по поселку мотаться. А кровь-то текла и текла, пока парнишка не потерял сознание и где-то на краю поселка не упал. Время было позднее, все уже по домам сидели, никто и не наткнулся на служивого. А парень-то и замерз насмерть. В части его тоже не сразу хватились. Ну, бывало, задержится кто-то на часок, другой из увольнения, зачем лишний шум поднимать. Но к полуночи, помощник дежурного по части забил тревогу, а дежурный разбудил Сашку. Подняли взвод, пошли искать по поселку, и по кровавому следу на снегу нашли. Поднялся кипиш неимовер-

ный! И то, человек-то погиб, как ни крути. И погиб во время командировки, то есть на работе. Понаехали комиссии и из бригады, и из корпуса, да и все начальство батальонное, кроме Стешенкова, слетелось. Вот тут-то работа стала праздником, только на мосту можно было избавиться от всевидящего ока командированных, да и своих начальничков. Сашку, ну, прямо, истрепали. А чего он недосмотрел? Ну, отпустили парня в увольнение, так не ходить же за ним хвостом по всему поселку. А если захочет нажраться, так свинья всегда грязи найдет, можно не сомневаться. Начальство, оно и есть – начальство, ему, чтобы зад прикрыть, нужно среди подчиненных стрелочника сыскать! Здесь все понятно, и обижаться особенно не на что. Но, вот, когда за сыном приехала почерневшая от горя мать, и начала кричать на офицеров – убийцы! – стало по настоящему тошно и стыдно. Начальство волчком крутилось вокруг опухшей от слез женщины. Вячеслав представил, что бы было с его матерью, случись с ним то же. И женщину можно было понять: отдала мать на службу Отчизне здорового и неглупого парня, а получила назад труп. И никакие слова не могли ничего ни пояснить, ни исправить. А вот такой противный, тошнотный осадок от брошенного ей в лицо командирам слова «убийцы!» остался надолго. Этакой вязкой горечью во рту, как с похмелья. После этого случая, дежурить по части пришлось в полный рост. Прилечь стало некогда, в любой момент мог появиться неожиданный проверяющий, только на мосту, подальше от поселка и отдыхали. В общаге выпить винца стало невозможно, замполит лютовал. Преферанс запретили, и комбат пообещал, что если еще раз в расположении части он увидит карты, то не поздоровится всем.

- Ишь, ты, поручики сопливые, господи офицера, мать вашу! – орал он. - Понасмотрелись фильмов всяких. Это в прошлом веке можно было в три листа дуться, да состояния проматывать, а вы у меня, как положено, служить станете! По струночке теперь ходить будете! А кому не нравится, с тем отдельно разберемся! Короче, Владимир Николаевич, - приказал он Бугриму, - давай-ка, вводи строевые занятия для офицерского состава!

Расхлябались до невозможности! А, если кто кочевряжится будет, докладывайте незамедлительно! Быстро глаз на одно место натяну! Что касается командира первой роты Дубова, то его судьбу будут решать в бригаде. Ну а с Ворошнина взять нечего, поэтому объявляю ему пять суток ареста.

- Слушаюсь, пять суток ареста! – сделав глуповатый вид, подскочил с места Ворошнин.

А, чего было не кочевряжиться, если ареста, как такового не предполагалось. Ну, запишут в личное дело приказ и забудут.

И понеслось. После завтрака все свободные от смен часа по два кряду занимались на плацу строевой подготовкой, матеря про себя и замполита, и комбата. В общегитии делать стало совершенно нечего. Славка с удовольствием подменял товарищей на дежурстве по части. Во-первых, целый день чем-то занят. Во-вторых, ночью, в спокойной обстановке, когда все уже спали, можно было, в ленинском уголке поучиться играть на гитаре, да и так, посидеть, подумать в одиночестве. К тому же ночью можно было легко дозвониться до Советского, линии были свободны. А звонил он Людмиле часто. Ну, а в-третьих, дежурный не долбил, как дятел, каблуками лед плаца. Не положено отвлекаться по службе!

И такое напряжение в батальоне продержалось почти до мартовских праздников. Февральский план, кстати, не без труда, но выполнили. Помогли новые молота, снятые с технического вооружения и присланные на объект в самые кратчайшие сроки. Но вот премию получили только солдаты, а офицеров рот почти всех лишили. Из всего офицерского состава деньги получили как раз те, кто постоянно сидел в Советском, и о строительстве мостов имел самое отдаленное представление.

- А, это всегда так! – возмущался разозленный на судьбу Ворошнин. – Кто пашет, тому фига с маслом под нос, а кто в штабе штаны протирает – тому премия! На кой ляд мы жилы рвали, можно было и не надрываться.

- Ну, ты, прямо, надорвался! – останавливал Сашку Гомянин. – Люди, это да, пахали, но они и получили. А нам, сам знаешь, почему сняли. С тобой-то, конечно, все ясно и с Дубовым

тоже. Еще хорошо отделались.

Дубову всего лишь выговор припаяли, а могли и звание снять. А, вот мы-то, бедолаги, почему пострадали? А, Слав?

Но Славка только отмахивался от таких пустых и порядком надоевших вопросов. Чего воздух понапрасну согреть, если изменить ничего не изменишь? Пусть собачатся, пар лишний спустят, поутихнут! А шестого марта его перебросили в Советский, где сразу же поставили дежурным по хате. Не отходя от кассы, так сказать! Он пытался вразумить Колю Суровцева: дескать, в день приезда он еще находится в командировке, но тот пообещал Славке, что поставит его дежурить в праздники. Поразмыслив, Вячеслав пришел к выводу, что лучше отдежурить до, а потом отдохнуть, как все приличные люди, пару дней. После ужина и вечерней поверки, разогнав роты по казармам, он сразу же направился в клуб, где надеялся увидеть Перминова и взять еще один урок игры на шестиструнке. Или просто посидеть, порисовать. Начинало примораживать, хотя накануне днем было уже совсем по-весеннему тепло. Весна в этот год пришла рано, и, если ночью мороз мог опуститься до минус тридцати, то днем термометр поднимался почти до нуля. В клубе он действительно нашел Владимира, который старательно выводил гуашью какой-то плакат.

- Привет! – поздоровался Вячеслав.

- Здравия желаю, товарищ лейтенант! – поднял голову и улыбнулся, оторвавшись от плаката, Перминов. – Вы когда прибыли?

- Да, только сегодня утром из Пелыма приехал.

- И сразу дежурным?

- Начальству виднее. А ты, что это тут рисуешь?

- Замполит попросил объявление написать, да покрупнее.

- А, что там?

- Партсобрание.

- А... - махнул рукой Славка.

- А вы, наверное, пришли на гитаре поиграть? – поинтересовался сержант. – Так я сейчас, минут через пять освобожусь. Присядьте Вячеслав Георгиевич, хотите, чаю наливайте. Чай,

кстати, цейлонский, мать из Свердловска прислала. Со слониками.

- Чаю, так чаю, - присел за соседний стол Вячеслав, - а сахар-то хоть есть?

- Вон там, в тумбочке доставайте, - кивнул головой Владимир, продолжая макать кисточки в краску. -- Там и печенье есть.

- Ну, а как тут в поселке жизнь? – спросил Вячеслав, прихлебывая ароматную жидкость.

- Все, как обычно, - отложил кисти Перминов, и, приподнявшись над столом, начал разглядывать, что у него получилось.

Видимо, оставшись довольным своей работой, он собрал гуашь в картонную коробку и пошел мыть кисти. Снова в помещении он появился уже с двумя гитарами.

- Присаживайтесь поудобнее, товарищ лейтенант! – сержант протянул одну гитару Вячеславу, а со второй сел на табурет напротив и начал настраивать. – Да, чуть не забыл самое главное: восьмого у Наташи собираемся, все девочки будут, и Люда ваша.

- А ты откуда знаешь?

- Меня в поселок отправляли, кое-что для канцелярии купить, вот я к Наталье и забежал на пару минут. Ждут нас, он тронул пальцем струну. - Ну, что, начнем. Давайте, я вашу подстрою, - протянул он руку.

- Постой, - Вячеслав на секунду задумался. – Праздник-то женский, как-никак, Володя. Подарки нужно готовить, однако. Да, кстати, а кто там еще будет?

- Гомянин, конечно, если с Пелыма вырвется, Матвеев, ну, может, кого хозяин пригласит еще. А подарок я уже Наталье приготовил.

- И что же это, если не секрет?

- Да, какой секрет! Вырезал ей шкатулку под всякие женские прибамбасы. Из кедра, правда. Отшлифовал, да лаком покрыл, дерево-то красивое. Розоватая такая вещица цветом получилась. Ну, что, будем заниматься?

- Ну, давай, полчаса поиграем, - согласился Вячеслав, мысли которого уже были заняты совершенно другим.

Что же подарить Людмиле? С этой засевшим, как заноза, в голове вопросом он и ушел через полчаса из клуба проверять караул. Интересно, а что она любит? Ведь, по сути, почти за год знакомства он так толком и не узнал всех ее привычек и привязанностей. Может духи купить? Мелковато как-то и пошло. Цветов тут, конечно, не достать, а как бы было хорошо: и просто, и девушке приятно! Торт и шампанское? Тоже не фонтан. Торт скушается, а шампанское выпьется. Что на память останется? Так Славка и промучился почти всю ночь, не перейдя ни к какому решению. Под утро он надумал, что надо посоветоваться с Матвеевым, все-таки тот постарше и поопытнее в такого рода делах.

В шесть часов дневальные сыграли подъем, и в батальоне начался новый день. К семи роты отправились на завтрак. А Вячеслав, доложив первым прибывшему в часть начштабу, что во время его дежурства, слава Богу, часть не сторела и не провалилась в тартарары, тоже решил сходить в столовую. Комбат обычно подъезжал без десяти восемь, ни минутой раньше. Да и правильно делал, а то карауль его здесь, у КПП. В столовке еще никого из офицеров не было, и, позавтракав в полном одиночестве, Вячеслав отправился на КПП, встречать приятелей. Пока он шел по дорожке от столовой к КПП, навстречу ему стали попадаться, спешащие не опоздать к разводу, сослуживцы.

- Здорово, Слава! Как дежурство? Хозвзвод, как прошлый раз не пересажал?

А момент такой в биографии Вячеслава случился. Вот так же, на дежурстве у него сперли пачку «беломора», которую он заказал бойцам, идущим в увольнение. Да еще на последние деньги, что у него имелись. Когда он вновь появился на КПП, оказалось, что возвращавшиеся из поселка подчиненные Шишкина сперли эти, оставленные ему на проходной папиросы.

- Больше некому, - оправдывался опростоволосившийся дежурный по КПП, - они последними из увольнительной возвращались.

- А ты, охламон, где был? - задал вопрос разозленный Славка. Теперь ему светило всю ночь обходиться без курева, или

идти занимать сигареты у бойцов.

- Я только на минуту, по нужде отлучился. - виновато пове-
сил голову младший сержант.

Наглость совершенного поступка не могла остаться безна-
казанной. Недолго думая Славка поднял батальон для провер-
ки и обнаружил, что половина хоззвода отсутствует в казарме.
Вот тут он и оторвался по полному! Выловил всех отсутствующ-
их по разным гадюшникам и балкам, да и пересажал на губу.
Правда, чуть завтрак в батальоне не сорвал...

Вячеслав охотно со всеми здоровался, отшучивался, от-
вечал на вопросы, но зловредная мысль о подарке то и дело
всплывала из подсознания, мешая адекватно реагировать на
все происходящее вокруг. Он чуть не прозевал, подъехавшего
на «уазике» комбата, хорошо, что дневальный не сплеховал:
выскочил из КПП и просигналил.

- Батальон, смир-р-на! – проорал что было мочи Вячеслав,
и, чеканя, как учили, шаг, двинулся по бетонному тротуару на-
встречу майору. – Товарищ майор, за время моего дежурства в
батальоне никаких происшествий не случилось! Дежурный по
части лейтенант Решетников!

- Здорово, Решетников! – комбат пожал Вячеславу руку. –
Так, говоришь, никаких происшествий не случилось?

- Так точно, товарищ майор!

- Кончай горланить, как кочет! Начштаба здесь?

- У себя.

- Ну, ладно тогда, иди, отдыхай! – командир пошел в штаб,
а Вячеслав перед тем, как пойти спать в караулку, решил все-
таки навестить Матвеева.

- Надо помараковать, - задумался капитан в ответ на вопрос
Вячеслава о подарке. – А ты подари, что ей нравится. Ну, там,
помаду, какую, или косметический набор.

- В том-то и дело, что я не знаю, что ей нравится.

- Слушай, Слав, а подари ей пеньюар, - заржал Матвеев в
ответ на вопросительный взгляд Вячеслава, - со смыслом по-
дарочек будет! Пришел в гости, а тебя уже ждут!

- Да, пошел ты! Я к тебе серьезно, а ты!

- Ладно, не обижайся. Да, кстаги, гони червонец.

- Это еще зачем?

- Подарок Володькиной жене на восьмое марта купить надо, да попримечнее. А то ходим к ним в гости, пьем, жрем, а женщину отблагодарить некогда! Гони, гони, не жмотничай!

- А я, что, против, - Вячеслав достал из заднего кармана брюк и протянул Матвееву десятку. – Значит, не поможешь мне?

- Слушай, Слав, сам-то, что, не способен шариками поворачать? Подарок – он что?

- Что, что?

- В подарке не стоимость, а оригинальность ценится. Чтобы память осталась, ну и там прочее. Подари ей собрание сочинений Ленина, благо у нас в клубе их комплектов пять на полках пылится. Один возьмешь, никто и не заметит. А девушке приятно будет! - вновь захохотал капитан.

- А пошел бы ты! - не на шутку обиделся Вячеслав.

- Ладно, не обижайся, - капитан перестал смеяться и сделался серьезным. - Постой. Ты же стихами балуешься? Вот и сочини девушке что-нибудь на память! Да на открытке красивой напиши. Они это любят. Ну, а для приличия купи книгу о вкусной и здоровой пище. Вещь хорошая, в хозяйстве сгодится.

Вячеслав побагровел от возмущения, и, не ответив, выскочил из бухгалтерии, хлопнув дверью. Но последние слова Матвеева запали ему в голову и показались не лишними здравого смысла. А, действительно, надо попробовать, может, выйдет что путное. Он отправился в караульное помещение, расположился на трубах сушилки, где смекалистые ребята из комендантского взвода устроили из досок настил прямо на этих самых трубах, и, бросив под себя полушубок, улегся отдыхать. Первые строчки пришли на ум, едва он закрыл глаза:

Напиши мне пару строчек

О тайге, о синей ночи,

Напиши мне, если хочешь,

Для кого в невесты прочат.

Он открыл глаза, достал записную книжку и ручку, и, чтобы не забыть, записал четверостишье на чистом листке. Дальше

дело застопорилось, но Вячеслав особенно не расстроился. Надо поспать. Ночное бдение давало знать о себе навалившейся на тело тягучей усталостью. Как говорится: утро – вечера мудренее. Допишется. И он провалился в глубокий сон, успокоенный этой мыслью.

Проснулся Славка оттого, что кто-то сильно тряс его за плечо.
- Просыпайтесь, товарищ лейтенант!

Вячеслав открыл тяжелые веки и, словно в тумане, увидел лицо начальника караула.

- Обед уже, товарищ лейтенант. Второй час, – продолжил старший сержант.

Славка помассировал ладонями виски, протер глаза и резко сел на импровизированной кровати. Махнув рукой сержанту, что тот свободен, он натянул сапоги, сходил, умылся из раковины, подвешенного на стене в коридоре, и, затянув на шинели португепю, вышел из караулки. На улице совсем потеплело, даже с крыш кое-где начало капать. Что-то рановато весна пришла, подумал Вячеслав, и пошел обедать. Остальной день прошел на удивление спокойно. Про него как будто забыли, чему он был особенно рад, так как его внезапно одолел поэтический зуд. Писать пришлось урывками, но часам к пяти, когда нужно было сдавать дежурство, он, в принципе, закончил этот свой опус.

*Напиши про запах моря,
Цену радости и горя,
Отчего глупеют в споре
И заискивают в ссоре?
Отчего грустить – напрасно,
А смеяться – неуместно?
Отчего твердят – неясно! –
Если все давно известно,
Ищут бурь в воде стакана
И пасуют перед силой?
Отчего не хочет мама,
Чтобы ты меня любила?*

Переписав все это на листок бумаги начисто, и перечитав еще раз, Вячеслав остался вполне доволен собой. Прилично написано, да и рифма, вроде, не хромает. Настроение у него приподнялось, и после сдачи дежурства он, не дожидаясь ужина, отправился в поселок. В книжном магазине на Кирова он приобрел подарочный томик стихов Лермонтова и красочную поздравительную открытку, большой ассортимент которых завезли, видимо накануне. Тут же, на прилавке Вячеслав печатными буквами перенес стихотворение на открытку, вложил ее в книжку, и попросил продавщицу упаковать все это как-нибудь покрасивее. Получив упакованный и перевязанный серебристой ленточкой сверток, он с легким сердцем отправился в общежитие, где к своему немалому удивлению встретил Гомянина.

- А ты откуда тут взялся? Сбежал что ли?

- Ну, типа того. Попросил Понюшенко подменить на денек, начальства на объекте все равно на праздники не предвидится. Ты в курсе, что завтра мы приглашены на банкет?

- В курсе. А ты откуда узнал про банкет?

- Сорока на хвосте принесла. А, если серьезно, Галина позвонила в Пелым и пригласила.

- И ты, значит, сразу поднялся на крыло! А, если, кто заложит?

- Ты что ли? Или Богович?

- Мне-то это до лампочки! Но ты, все-таки, поосторожнее будь, не маячь лишней раз в коридоре. А то, не дай Бог, кому-то припереться сюда надумается!

- Кому мы тут в задницу нужны? Все сейчас своими делами заняты, подарки покупают, к застолью готовятся. Кстати, ты подарок приобрел уже?

- Я? Приобрел.

- Ну, а я еще в Пелыме духи купил. «Если» называются. Дурацкое название, но продавщица рекомендовала. Ты, я вижу, тоже сегодня без ужина?

- Боялся, что магазины прикроют, день-то предпраздничный.

- Ну, тогда пошли ко мне, я только что яичницу с тушенкой

пожарил. Да и принять есть что.

- Момент, только шкуру сброшу.

Вячеслав пошел к себе, переоделся, и, захватив с собой банку маринованных огурцов, полученных днем на складе в допайке, отправился в комнату к Юрию. После ужина они покурили в котельной у Боговича, а потом часов до двенадцати, несмотря на строжайший запрет комбата, дулись в карты у Матвеева, который к этому времени вернулся со службы.

- Смотри у меня! - перед тем, как запереться в комнате, наставлял Боговича капитан, - Прокараулишь начальство – ноги вырву и спички вставлю!

- Не прокараулю, товарищ капитан, - зевая, отвечал вестовой.

И тут же, едва за Матвеевым захлопнулась дверь, отправился дрыхнуть к себе в котельную. Кроме них троих в общежитии больше никого не было, и, когда они разошлись по своим комнатам, в здании воцарилась никем не нарушаемая, мертвая тишина.

Глава 12

Утро восьмого марта выдалось на удивление солнечным и тихим. Часам к десяти утра всюду зазвенела по оконным сливам капель, а грязный снег на северных обочинах дорог стал ноздреватым, похожим чем-то на пчелиные соты. Поднялись часов в девять, торопиться было некуда. К девчатам в гости нужно было идти к двенадцати, а три часа нужно было чем-то занять. Матвеев сгонял Боговича в магазин, и тот принес авоську картошки, так как привезенный со склада части мешок как раз закончился намедни. Кроме этого, Матвеев достал откуда-то из загашника кусок вполне приличного свиного сала и наказал вестовому пожарить на сале картошку:

- Только не сожги, как в прошлый раз, а то я тебе, пень еловый, шкуру живьем спущу. И не ухмыляйся, а то, как бы плакать не пришлось. Топай, давай, хмырь болотный!

- Давай-ка, лучше я пожарю, - отобрал у Боговича сковороду Гомянин. – Не хватало изжогу перед застольем заработать!

Славка достал из шкафа, купленный с месяц назад, когда он в очередной раз был в Серове, темно серый штатский костюм и светлую, в полоску рубашку. Костюм он нагладил еще в прошлый свой приезд в Советский, но надеть его так и не успел. Рубашка была новой, в упаковке и подгладить ее хватило двух

минут. Еще у него в гардеробе имелся красный, вязаный джемпер, подаренный Людмилой. Связала она его сама, и Вячеслав дорожил этим подарком. Приготовив одежду, он направился к Матвееву, из комнаты которого уже соблазнительно пахло. Гомянин тоже был там.

- Ну, как, не сжег? – спросил Вячеслав аппетитно жующих товарищей, имея в виду вестового.

- Садись, а то не останется, - ответил набитым картошкой ртом Матвеев. – Юрка жарил, пальчики оближешь! Режь колбасу и капусту черпай.

Гомянин на этот раз превзошел самого себя. Картошка оказалась прожаренной в самый раз: и похрустывала, и горелой не была. Капуста тоже оказалась отменной, но это и не удивительно. Повара в офицерской столовой умели ее квасить. После завтрака разошлись по комнатам переодеться, а в половине двенадцатого, нарядившиеся и надушившиеся, встретились у выхода.

- Ну, что, господа офицеры, потопали? – оглядел лейтенантов Матвеев. – Красавцы! Приятно посмотреть.

- Слав, глянь на улицу, не наткнуться бы на отцов командиров, попросил Вячеслава Гомянин.

- Да, отцы командиры давно за столом сидят, водку кушают, - усмехнулся капитан, но Вячеслав все-таки выполнил просьбу приятеля.

Улица действительно была пустынной. Да и кто в выходной день до обеда выбегает из дома, только ненормальные, да те, кто вчера не запасся продуктами. Но таких растяп, как правило, бывает по пальцам пересчитать.

Добропорядочные жители уже давно сидели за праздничными столами и поздравляли своих женщин.

- Чисто! – сообщил Вячеслав в приоткрытую дверь, и его спутники последовали по улице Советской вслед за ним. Девчата, приглашая их на праздник, сообщили, что покупать ничего не надо, но Матвеев настоял, и в ближайшем на пути магазине купили шпроты, коньяк и лимоны.

- А ты хозяйке-то подарок приобрел? – спросил Вячеслав Матвеева.

- Не беспокойся, все в лучшем виде, - ответил Матвеев и достал из внутреннего кармана коробочку. - На, посмотри!

Вячеслав открыл футляр и увидел на белом шелке внутри серебряную с позолотой брошь, в которую были инкрустированы яркие, разноцветные камешки.

- Ух, ты! – воскликнул Гомянин, разглядывающий подарок из-за плеча Славки. – И сколько же такая красота стоит?

- Почти пятьдесят, - забрал коробочку Матвеев. – Володька двадцатку сам добавил. Приглянулась, говорит, вещица жене, давайте скинемся. Ну, вот я и приобрел. Ладно, пошли быстрее, двенадцать скоро.

Они ускорили шаг и через десять минут уже стучались в дверь знакомого дома. На крыльцо, встречать их, вышел сам хозяин:

- Где вы запропалились? Водка стынет, и невесты копытами стучат. Проходите, раздевайтесь!

- Да в магазин на всякий случай заскочили, - пропустил вперед Володю Матвеев и сам вошел следом.

Вячеслав затушил недокуренную сигарету каблуком, подтолкнул вперед Гомянина, и плотно закрыл за собой входную дверь.

- Ой, мальчики пришли! – обрадовалась, проносившая что-то из кухни через прихожую, Галина. – Девочки, встречайте гостей! – донесся ее голос из гостиной, куда она упорхнула с тарелками.

Из комнаты появились Людмила и Наталья. Людмила подошла к Вячеславу и, улыбнувшись, поцеловала в щеку.

- Ба! – протянул Гомянин. – Чего я вижу! Наша царевна-несмеяна сменила гнев на милость! Спелась, значит.

- А тебе, что, завидно? – отпарировала в ответ Людмила, и обняла Вячеслава, прижавшись щекой к его груди. – Соскучилась! – сказала она, не обращая внимания на присутствующих. – Какой ты сегодня красивый! И костюм я такой у тебя не видела.

- Это он специально, чтобы тебя охмурять приобрел! – заметил мимоходом Матвеев.

- Здравствуйте, мальчики! – проворковала, улыбаясь гостям, вышедшая в прихожую Наташа.

- Здравствуйте, Наталья! – ответил за всех Матвеев, успевший снять свое демисезонное пальто и шапку. – А где наша дорогая хозяйюшка?

- Где ж ей быть – на кухне. Раздевайтесь мальчики и проходите в комнату.

- А Перминов уже здесь? – спросил Вячеслав Наталью, оторвавшись от Людмилы.

- Нет. Он позвонил тут недавно, сказал, что через часик будет. Дела какие-то на службе появились, или еще что.

- Какие дела могут быть у Перминова, когда начальник здесь? – указал на Славку Гомянин. – Темнит что-то.

- Ну, не знаю, - спокойно ответила Наталья. – Появится, сам расскажет. Пошли, Люда! Приглашай ребят за стол.

Вячеслав прошел в комнату вслед за девушками. Здесь уже находились две неразлучные подружки Галя и Валя. Галя ставляла на столе посуду, а Валентина сидела в кресле и смотрела телевизор.

- С праздником! – приветствовал всех находившихся в гостиной, вошедший вслед за Вячеславом Юрий.

- Проходи, проходи! – откликнулась Галина, а Валя, не отрывая взгляда от экрана, подняла руку и легонько помахала ладонью из стороны в сторону, приветствуя приятелей.

- Что там ты такого интересного увидела? – пристроился Юрий рядом с девушкой и попытался обнять ее за плечи.

- Тебе, Юра, это не интересно, - встряхнула плечами Валентина, сбрасывая ладони лейтенанта. – Смотри, а то Галка обидится, не порти девушке праздник.

- Прошу всех к столу, - пропела хозяйка, появившаяся из кухни вместе с Володей и Матвеевым.

На блузке у нее была приколата та самая брошь, которую приобрел Матвеев. По лицу хозяйки блуждала довольная улыбка, видимо Витькин подарок пришелся ей по душе. Произнесли первый тост за женщин, а дальше все пошло, как обычно. Через час появился запыхавшийся Перминов, и расцвела,

приунывшая было, Наталья. Вячеслав не отходил от Людмилы до самого вечера, ощущая, как замирает в предчувствии чего-то дыхание, а сердце начинает биться быстрее, от счастливой улыбки, вспыхивающей на ее лице каждый раз, когда их взгляды встречались. На улице еще горела закатная полоса, когда они, попрощавшись с гостеприимными хозяевами, вышли с девушкой на улицу. Температура слегка упала, но все равно тихая, безветренная погода так и располагала к прогулке. Они пошли по хрустящему, снежному насту, образовавшемуся на деревянном тротуаре, держась за руки и не думая ни о чем, а просто купаясь в незримо разлитом вокруг них в морозном воздухе ощущении безграничного счастья.

- Ты по мне скучала?

- Конечно, глупенький!

И сердце Славки падало в пропасть и сладко замирало, когда он нежно прижимал к себе Людмилу, а губы их в который раз становились единым целым.

- Ой, медведь, опять чуть не задушил! – Людмила едва переводила дыхание, а он уже вновь был готов повторить все сначала. – Ну, Славка, отпусти! У меня уже губы опухли! Прекрати, противный! – пыталась сопротивляться девушка, но он понимал и чувствовал, что все это понарошку, что ей тоже, как и ему, приятно.

Сами того, не заметив, они оказались на окраине поселка, где уже начинался лес, и лежали глубокие, не тронутые, а потому девственно белые сугробы, ни разу за всю зиму не потревоженные ножом грейдера или бульдозера. Пахло хвоей, и тем особенным запахом начинающего просыхаться весной болота, с пряным привкусом багульника, который даже зимой странным образом витал в чистейшем, морозном воздухе. Только сейчас Славка очнулся и, глубоко вздохнув, заметил, наконец, что Людмила замерзла в легком своем пальтеце, хотя и не показывала вида.

- Как красиво! – задумчиво произнесла она, глядя широко открытыми глазами куда-то в глубь, вдоль вырубленного в лесу визира. – Интересно, а что там, где эта просека заканчивается?

Вячеслав оглянулся, определяя стороны света, и уверенно ответил:

- Комсомольский. Если пойти по этой просеке, как раз туда попадешь. Слушай, ты ведь замерзла, я вижу! Пошли-ка, скорее, домой, а то, не дай Бог, еще простынешь! – он подхватил Людмилу под руку и они почти бегом двинулись назад, в сторону центра. – Ты, давай, на меня не обижайся, но все-таки заскочим ко мне на минуту, - предложил он девушке, когда они поравнялись с любимой общагой. – До тебя еще минут десять топать, а ты уже вся синяя! – убедил он окончательно застывшую подругу.

И та, состроив на стянутом морозом лице одними дрожащими губами подобие улыбки, на этот раз безо всякого сопротивления согласно кивнула в ответ.

В комнате он помог ей снять пальто и разуться, посадил ее на кровать, закутав ноги в одеяло, а сам побежал на кухню греть чайник. К счастью он только что кипел, и через минуту Славка уже поил любимую чаем с малиновым вареньем, которое без спроса позаимствовал у хозяйственного Матвеева в комнате. Капитан еще не возвратился, но ждать Славка не мог, и поэтому решил похозяйничать без его согласия. Выпив стакан горячей, ароматной жидкости Людмила порозовела, и Вячеслав, облегченно вздохнул. Несмотря на протесты, он растер ей ступни ног, и девушка совсем повеселела и ожила.

- Спасибо, Славик! – пропела она, проведя отогревшейся, мягкой ладонью по его щеке. – Ой, да ты колючий какой! А я-то думаю, отчего это у меня щеки горят всю дорогу после наших встреч? А это вон от чего! – лукаво погрозила она пальчиком.

Вячеслав потрогал лицо и ощутил вылезшую за день щетину. Он сконфузился и попытался что-то сказать в свое оправдание, но она закрыла ему ладошкой рот, а потом и вовсе прижала его голову к своей груди. Славка почувствовал волнующий, уже почти родной запах девичьего тела и крепко обнял ее. Теплые, припухшие от поцелуев губы подались навстречу его губам, и время для них обоих остановилось.

- Ты меня любишь?

- Конечно, мой хороший!
- Нет, ты ответь, любишь?
- Люблю, дурачок!

Он даже не понял, когда снял с нее кофточку и примостился на кровать рядом, целуя ее то в глаза, то в шею, то в распахнувшийся ворот блузки. Она не сопротивлялась, покорно отдаваясь его ласкам. Но, когда его рука скользнула ниже и попыталась проникнуть под юбку, она встретила твердое и энергичное сопротивление ее рук.

- Не надо, Слава! Не обижай меня, ну, пожалуйста!

От этих простых слов пыл Славки мгновенно поостыл. Он попытался все обратить в шутку, но любимая, погладив его по голове, покоящейся у нее на груди, и поцеловав в щеку, решительно засобиравалась домой.

- Поздно уже, Слава! Родители будут беспокоиться!

Вячеслав сделал обиженный вид и начал молча собираться. Девушка тоже молчала, но когда они вышли, постаралась как-то рассеять возникшую между ними неловкость:

- Ну, что ты? Я же тебя люблю. Не будь такой букой, - заглянула девушка в глаза лейтенанта. – Ну, Слава!

- Да, я, ничего, - мгновенно отошел Вячеслав, и настроение у него снова поднялось.

Они шли по улице, весело болтая о всякой всячине, вспоминая прошедший вечер, и стараясь, случайным словом вновь не расстроить друг друга. Пошел легкий снежок. В свете фонарей он падал невесомой кисеей, превращая силуэты зданий и деревьев в размытые образы, как на картинах французских импрессионистов. Уже в подъезде они снова начали целоваться, стараясь вложить в эти поцелуи всю переполнявшую их юные души нежность.

- Приходи завтра ко мне вечером, часов в пять, я тебя с мамой познакомлю.

- А удобно?

- Конечно, удобно, дурачок!

- Странновато что-то. И к пяти я не успею.

- Эх, ты! А еще офицер. Офицеры же ничего не боятся,

сами все время повторяете. А когда сможешь?

- К половине седьмого, не раньше. А отец тоже будет?

- Нет, он в Ханты на партийную конференцию улетает. Только мама и братья дома будут. И то неизвестно, будет ли Юрка дома. Всю дорогу с друзьями по поселку гоняет, тем более, что каникулы сейчас.

- Надо что-то, наверное, с собой принести. Ну, там, подарок, какой, или торт.

- Ничего не надо. И в столовую не ходи. Я ужин приготовлю. посидим, поговорим. Да, кстати, а ты мне, что такое подарил, книга какая-то? – Людмила повертела в руках сверток, который он вручил ей еще днем, и который она так и не распечатала.

- Это – Лермонтов, – ответил Вячеслав, – мой любимый поэт. Я думал, что тебе подарить, но так и не придумал. Ты уж извини! Я еще тебе стихи написал.

- Правда? – в глазах Людмилы появился неподдельный интерес.

- Правда. Не знаю, какие уж получились, но написал.

- Так ты еще и стихи пишешь? Вот здорово!

- Так, балуюсь со школьной скамьи.

- Так уж и балуешься? Скромничаешь, наверное?

- Ну, печатали пару раз в газетенках, а так ничего особенного.

- А можно я прямо сейчас прочту?

- А почему нельзя? Читай! Для тебя написано.

Людмила распечатала сверток и достала книгу, из которой выпала на пол открытка. Она нагнулась, подхватила ее и поднялась по лестнице выше, на площадку, где тускло светила лампочка. Пару минут она внимательно читала написанные им вирши, а потом, вставив открытку назад между страницами книги, спустилась назад к Славке, который молча, внутренне волнуясь, ожидал ее суда внизу у батареи. Глаза у Людмилы стали задумчивыми и серьезными. Она, как-то совсем по-новому, взглянула на Вячеслава снизу вверх:

- Очень красиво! Правда. И смысл глубокий. Спасибо тебе, Слава! – она поцеловала его, и он облегченно вздохнул про себя.

- Рад, что тебе понравилось.

- Очень. Ой, да уже пол третьего! – она взглянула на часы.

– Ну, я пошла? Хорошо? Поздно очень. Так я тебя жду завтра, - донесся до него на прощание шепот девушки, когда она, стараясь не шуметь, входила в дверь квартиры, - приходи обязательно!

Домой Славка летел, как на крыльях. Еще бы, ведь его пригласили домой к любимой, да еще обещали познакомить с мамой, а это накладывало на их отношения совершенно другой оттенок. Да еще и братья будут. Хоть и младшие, а все же! Надо приодеться поаккуратнее, и побриться вечером, а то еще подумают, что он неряха какой-то. Встречают-то, как ни крути, по одежке. Да и торт все-таки перед тем, как в гости идти, нужно купить, подумал он, уже засыпая.

А следующий день принес неожиданное известие. Перед обедом ему позвонил Суровцев и попросил зайти в секретку.

- Знаешь, - произнес он в полголоса, почему-то оглядываясь по сторонам, - начальство тебя хочет в Питер послать.

- Это еще зачем? – удивленно спросил Вячеслав.

- Учиться. На офицерские курсы.

- А мне это надо? Я же не кадровый, мне до дембеля чуть больше полгода осталось.

- А не кого больше послать. Иванов, сам знаешь, проштрафился. А другие: у кого детей не с кем оставить, жена болеет, у кого понос, у кого золотуха. Короче начштаба твою кандидатуру комбату предложил. Так, что, будь готов.

- Вот блин! Не было печали. Чего-чего, а тащиться куда-то к черту на кулички, ну, хоть убей, никакого желания нет. И надолго это самое повышение квалификации?

- Э, Слава, твое желание, прости, это просто пшик! Сам знаешь: приказы не обсуждаются! Курсы рассчитаны на два месяца, ну, может, сократят маленько. А, потом, это же все-таки – Питер! Что, здесь гнить лучше? Или свою зазную оставить одну боишься? Так, если сбежит, тебе же лучше! Так, что, готовь проставу.

- А когда схать-то?

- Не схать, а лететь. Завтра. Бумага из бригады поздно пришла. Уже и так на день задержались, все никак не могли человека подобрать. А тут из кадров позвонили, какого черта, дескать, волюнку тянете?

- А тут я под горячую руку и попался! Вон, послали бы Дерягу, или Володьку Фоминых.

- Ну, во-первых, Фоминых пару лет назад там уже был, а у Деряги жена с маленьким ребенком на руках. Печку топить надо, воду таскать. А ты у нас человек холостой, свободный, тебе собраться – только подпоясаться! Так, что, собирайся!

- Ладно, я пошел, - покинул секретку в подавленном настроении Вячеслав, в тайне все еще надеясь, что в последний момент начальство передумает.

Только-только у него с любимой девушкой все как будто бы наладилось, и – на тебе! Снова на два месяца разлука, черт бы ее побрал! Но после обеда его вызвал Стешенков и вручил приказ, подписанный Гуком, где Вячеславу предписывалось десятого марта отбыть в город Ленинград, на центральные учебные курсы железнодорожных войск. Славка вновь безуспешно попытался возразить, приводя майору вполне не его взгляд разумные аргументы и доводы, но тот мгновенно осадил красноречие лейтенанта, посоветовав не обсуждать, а исполнять полученный приказ. Настроение у Славки упало в конец.

- А, как насчет билетов, товарищ майор? – задал он вопрос начштаба, надеясь, что их отсутствие отдалит неминуемый срок отъезда, но расчет его не оправдался.

- Билеты заказаны, товарищ лейтенант! Прямо до Ленинграда. Поэтому отправляйтесь в бухгалтерию, получайте зарплату и командировочные, а потом зайдите ко мне. Завтра организуем вам машину до аэропорта. А сейчас возьмите «уазик» командира, я с ним договорился. Съездите в аэропорт, приобретете билеты по броне. Все ясно, надеюсь?

- Так точно!

- Вот и прекрасно! Поторопитесь, авиакасса работает до пяти.

В бухгалтерии его с распростертыми объятиями встретил Матвеев.

- Наслышан, наслышан! Повезло тебе, Славик! А чего вид такой угрюмый? Из нашей дыры, да в Питер, что может быть лучше?

- Сам бы и ехал.

- Я бы с удовольствием! Но не посылают. И потом там инженеров в этот раз собирают, а не бухгалтеров. И чего ты расстроился? Подумай только: Эрмитаж, музей восковых фигур! Пива приличного, наконец, попьешь с вяленной корюшкой, - мечтательно закатил он глаза. - Хочешь пива с корюшкой?

- Мне бы твои заботы, - ответил Вячеслав, расписываясь в ведомости.

- И, что это у тебя за заботы такие, которые нельзя отложить? Людмилка, что ли? Так подождет девушка, куда ей деваться, если замуж хочет, - Матвеев внимательно взглянул Славке в глаза, и, видимо, что-то там увидев, приснул в ладонь. - Ба, да у нас любовь! Мальчик не хочет уезжать от сладкого.

- А вот это не твое дело!

- Как это не мое? Мое. Самым непосредственным образом - мое! Я, как старший товарищ, должен вмешаться и помочь молодому офицеру в эту трудную, можно сказать решающую для него минуту. Вот поэтому я и не могу молчать!

- Да, пошел ты!

- Фу, как грубо, товарищ лейтенант! Во-первых, старшим по званию грубить не полагается, а, во-вторых, молодой человек, пора бы вам знать непреложную народную мудрость, что разлука только закаляет чувства. Если они, конечно, настоящие. Не на сто же лет уезжаете, а на каких-то два паршивых месяца. Так, что, советую не кукситься, а все доходчиво объяснить девушке. Так, мол, и так! Жди меня и я вернусь, только очень жди, - заржал Матвеев, подмигнув наблюдающему за ними с нескрываемым интересом бойцу, своему помощнику. - Думаю, что никакой такой трагедии не случится. Выше нос, товарищ лейтенант! - он подтолкнул Вячеслава к двери, и, как Суворовцев, мимоходом напомнил о проставе. - Сам понимаешь, в Ленинград не каждый день отправляют! Так что, придется тебе раскошелиться. Кстати, если деньги быстро закончатся, телеграфируй, поможем!

Славка ответил капитану, что готов проставиться без разговоров, но пить придется без него, так как он приглашен сегодня в гости, а завтра в десять утра уже должен взлетать. Матвеев что-то попытался возразить, но Славка закрыл за собой дверь, и, не мешкая, отправился к начальнику штаба, поинтересоваться, чего еще тому надо.

- Получите, Решетников, на складе новые хромовые сапоги, - приказал майор, - на ваши смотреть больно.

- А кто же мне их выдаст? – спросил Вячеслав.

- Выдадут, - коротко ответил начштаба.

Потом он еще с полчаса инструктировал Славку. Получив от майора наставление, как себя вести в столицах, чтобы достойно представить их часть, Славка отправился в аэропорт за билетом. Времени было в обрез. До шести еще надо бы забежать в магазин за тортом, а на часах была уже половина третьего.

Ровно в половине седьмого наглаженный, и наодеколенный он нажал кнопку звонка знакомых дверей. За дверью послышались шаги, и она распахнулась. Моложавая, слегка полноватая женщина с легкой проседью в темных волосах, появившаяся в проеме, внимательным взглядом окинула Вячеслава. В ответ на ее немой вопрос Вячеслав, мгновенно сообразивший, что перед ним мать Людмилы, изобразил на лице приветливую улыбку:

- Здравствуйте! А Люда дома?

- Здравствуйте! Нет, она в магазине, но скоро будет. А вам она зачем?

- Извините, я тогда подожду на улице, когда она придет, - смешался Вячеслав, неловко пряча за спину купленный торт, и пытаюсь ретироваться.

- Чего же на улице ждать? Заходите в дом. Вы ведь Вячеслав? – слегка улыбнулась женщина, сообразив, наконец, кто перед ней, и отступая в сторону. – Проходите, пожалуйста! А я Людина мама, - продолжила она, закрывая за Славкой дверь. - Елена Владимировна. Можно просто тетя Лена.

- Очень приятно! – смутившийся вконец Славка не знал, куда деть проклятый торт. – А я – Вячеслав!

- Давайте торт, и раздевайтесь, - вновь улыбнулась женщина. – Да не стесняйтесь вы так, никто вас здесь не съест!

Славка молча передал торт и, сняв пальто, повесил его на вешалку. В этот момент входная дверь распахнулась и на пороге появилась с сумкой в руке слегка растрепанная и запыхавшаяся от быстрой ходьбы Людмила:

- Ты уже тут! – обрадовалась девушка, увидев Славку. – Мама, возьми, пожалуйста, - она протянула сумку Елене Владимировне, сбрасывая пальто. – А что это вы в прихожей стоите? Познакомились? Мам, ты его тут не обижала? А то он какой-то замороженный, - Людмила подошла к Вячеславу и чмокнула его в щеку, смутив лейтенанта окончательно. – Проходи в комнату. Мама, тебе помочь?

- Да, нет, я сама. Уже почти все готово. Ты лучше гостем займись. Проходите, Слава! Можно я вас так буду звать?

- Конечно, Елена Владимировна, - Вячеслав наконец-то успокоился, слегка расслабился, и послушно пошел за Людмилой, потянувшей его за руку в сторону распахнутой, застекленной двери, провожаемый оценивающим взглядом Елены Владимировны.

Как только они с Людмилой оказались за дверью, она повисла у него на шее:

- Ой, как я рада, что ты пришел! – прошептала она, целуя Славку в губы.

- Я же обещал! – Вячеслав нежно прижал любимую к себе, вдыхая знакомый и такой родной запах ее волос.

- Мало ли что обещал. А вдруг по службе, что случилось бы? – девушка откинула голову и взглянула Славке в глаза. – Ну, как тебе моя мама? – спросила она.

- Нормально, - Вячеслав неопределенно пожал плечами, - приветливая женщина.

- Кто это – приветливая женщина? – в комнату плавно вплыла с тарелками в руках Елена Владимировна. – Я, что ли?

Славка мгновенно расслабил объятия и отпрянул от Людмилы, а та, вновь разглядев смущение на его лице, только рассмеялась:

- Ты, мама, ты!

- Нет, Слава, я очень строгая! – Елена Владимировна поставила тарелки на приготовленный стол, накрытый бежевой скатертью, и, выпрямившись, повернулась в сторону влюбленной парочки. – Да к тому же еще и привередливая!

- Да, ну тебя, мама! Что ты его пугаешь? Подумает, что и правда. А где Юрка с Володей?

- Где же им быть? Юрка-то, гоняет где-то с друзьями. Я ему, правда, наказала, чтобы к ужину был. Проголодается, примчится! А Вовчик у себя в комнате, уроки делает. Пошли-ка, со-рока, поможешь мне.

- Может быть, и я чем-нибудь смогу быть полезным? - вызвался Вячеслав, но женщины приказали ему включить телевизор и сидеть смирно.

- Не беспокойтесь, Слава, сами справимся!

- Потерпи пять минут, - поцеловала его Людмила, исчезая вслед за матерью.

Через минуту после их ухода дверь распахнулась вновь, задребезжав стеклами, и в комнату вошел мальчишка лет десяти от роду. Как сразу понял Вячеслав, это был младший брат Людмилы, Владимир.

- Здравствуйте! – поздоровался он со Славкой.

- Здравствуй! – поднялся и протянул ему руку Вячеслав. – А ты, значит, Владимир?

- Да. А вас как зовут?

- Вячеслав. Можно просто – дядя Слава! Как дела? Чем занимаешься?

- Задание по математике делал.

- Так сейчас, вроде, каникулы в школе? Да и поздно уже.

- Ну и что. У меня за четверть тройка по математике, вот мать и попросила классную подтянуть меня. Вот она и подтягивает.

- А что, старший брат не поможет?

- Юрка, что ли? Не. Ему, как мать говорит, не до меня.

- Понятно. Ты, в каком классе-то учишься?

- В третьем. А вы в армии служите?

- Служу.

- В желдорбате?

- А ты откуда знаешь?

- Так это все знают. У нас здесь кроме желдорбата других военных нет.

- Ну, почему же, а военкомат, например. Там и из других родов войск люди работают.

- Так они там работают, а не служат.

- Ну, у некоторых служба такая.

В этот момент в комнате появились принаряженные, пахнущие парфюмом женщины.

- Ну, что, уже познакомились? – увидев рядом с Вячеславом своего младшенького, поинтересовалась хозяйка.

- Познакомились! – ответил вместо Вячеслава мальчишка и залез с ногами на стул.

- Опусты ноги, пожалуйста! – потребовала Елена Владимировна тоном, не терпящим возражений.

Малец тут же сел, как положено. «Действительно, строгая», - мелькнуло у Славки в голове. Когда, наконец, стол был накрыт, Елена Владимировна достала бутылку шампанского и попросила Славку открыть ее:

- Папа у нас в командировке, а мы не умеем, - пояснила она, улыбнувшись. – А может вам, Слава, что покрепче?

- Да, нет, - вновь смутился Вячеслав.

- Что нет! – вмешалась Людмила. – Как будто они у себя на трассе шампанское пьют? Сам же рассказывал, как неразведенный спирт с парнями употребляли!

Славка, открывая шампанское, попытался откреститься от собственных рассказов и перевести все в шутку, но только раззадорил Людмилу.

- Ну, что ты, Слава, стесняешься, как красна девица? Достань мама своего, фирменного. Ну, того самого, что папа любит. А то, что это мужчине какое-то шампанское.

- Да не надо, - начал было отнекиваться Вячеслав, но Елена Владимировна уже принесла бутылку с коричневатой жидкостью и поставила на стол перед ним.

- Наливайте, Слава! Нам – шампанского, а себе – вот этого.

- А что это?

- Настойка, на зверобое и прополисе. Да не бойтесь так, Слава, я вас не отравлю! Это полезная настойка, еще моя мама меня делать научила. Анатолий Иванович наш, тот перед ужином обязательно стопочку принимает для здоровья.

- И не только для здоровья, - влез в разговор младший брат, за что тут же получил выговор от матери.

- Не обращайтесь на него внимания, Слава!

- Наливай, наливай! – улыбнулась Славке девушка, а младший брат хихикнул.

- А ну-ка давай, быстро ешь и к себе в комнату заниматься! – прикрикнула на пацана Елена Владимировна.

- Да, пусть сидит, мама! – попросила рассердившуюся мать девушка. – А то, каникулы скоро кончатся, а он все над своей математикой карпеет. Надо же когда-то и отдыхать.

Пацан бросил благодарный взгляд на старшую сестру, а Вячеслав, распечатав, наконец, бутылку, наполнил два фужера и рюмку, предупредительно выставленную на стол.

- Вот, Слава, накладывайте грибочков! Сами собирали и солили. Грузди.

- Мы прошлым летом тоже красноголовики собирали и жарили, - откликнулся Вячеслав. – А солить, конечно, никто не солил. В общежитие хранить все равно негде. Гомянин, правда, сушил и к себе в Москву посылками отправлял родственникам.

- Ну, что, молодежь, - подняла свой фужер Елена Владимировна, приглашая Вячеслава и Людмилу, - давайте, что ли за знакомство!

- А мне? – спросил младший брат.

- А тебе морс! Наливай, давай, и присоединяйся! – усмехнулась старшая сестра.

Они чокнулись и выпили. Напиток из рюмки оказался самогоном, но вполне приличного качества: сивухой, как обычно, не отдавало. Он действительно был настоян на каких-то травах с медовым привкусом и пился мягко, не обжигая.

- Ну, и как? – поинтересовалась Людмила, когда все выпили.

– Как напиток? Это у нас мама специалист по изготовлению всяких настоек. Мам, угости его еще рябиновой.

- Да, нет, спасибо! – начал отнекиваться смешавшийся вонец Вячеслав.

Еще подумают, что он алкаш какой-то. Первый раз в доме появился и сразу выпивать!

- Угощайтесь Слава, - Елена Владимировна подложила ему в тарелку еще одну котлету, - А вы, значит, в армии служите?

- Да, в мостовом батальоне.

- Предполагаете и дальше продолжить службу, или как?

- Мам, ну, что ты его допрашиваешь? – вмешалась Людмила.

- А мне интересно. И, потом, что это, секрет что ли?

- Да, нет, ну что вы, Елена Владимировна, конечно не секрет, - Вячеслав отложил вилку. – Через полгода служба заканчивается, оставаться, особого желания нет. Не мое – это! Я с детства, вообще-то, летчиком хотел стать, как отец, но не получилось. Хотя и здесь, в желдорбате есть своя романтика.

- А какая у вас гражданская специальность?

- Инженер-строитель. В Хабаровске институт заканчивал.

- Ну, а родители ваши, где живут?

- Сейчас в Калинин перебрались, на родину к маме. Отец закончил службу, вышел на пенсию.

- После службы к ним поедете?

- Нет, что мне там делать в незнакомом городе. Хочу здесь на некоторое время остаться, денег подзаработать, а там видно будет. Тем более, что строители здесь сейчас нужны позарез, я интересовался. Вон, какой комбинат строится.

- А где жить собираетесь?

- Да, как-то не задумывался. Есть, наверное, и в организациях общежития, без крыши над головой не оставят.

- Послушайте, товарищи, - вмешалась в разговор Людмила, - а вы про меня-то, что, забыли? Разговаривают друг с другом, будто меня тут и нет! Мам, неси рябиновую! А ты, Слава, кушай, а не болтай, - она погладила Вячеслава по щеке, - вон какой худой стал, щеки и те ввалились. Володька и тот больше тебя съел!

- Правда? – удивился Славка. – Действительно похудел? Я, вроде, ничего не чувствую, – он расправил плечи и напряг бицепсы. – Шутишь, наверное?

- Похудел, похудел! Со стороны виднее, так что кушай. Котлеты понравились?

- Вкусно.

- Давай я тебе еще подложу. На, вот, морсом запей.

Елена Владимировна тем временем принесла графинчик с напитком рубинового цвета, и по ее настоятельной просьбе Вячеслав налил себе в рюмку.

- Ну, и как вам? – спросила она, когда они все вместе выпили за здоровье Славкиных родителей.

- Приятный вкус, будто свежей рябиной отдает. И что-то еще, что, не пойму!

- Шиповник. Но не плоды, а цветки.

От всех этих возлияний Вячеславу стало жарко. С разрешения дам, он ослабил галстук и расстегнул верхнюю пуговицу рубашки. Елена Владимировна предложила всем выпить чаю, и в этот момент раздался звонок в дверь. Людмила пошла, открывать, и через пару секунд в комнату влетел розовощекий подросток в модной, джинсовой курточке, с торчащими в разные стороны волосами. Он с разбега шлепнулся за стол и, не обращая никакого внимания на присутствующих, сразу принялся, что-то жевать. Как понял Вячеслав, это и был неуловимый Людин брат.

- Юра, поздоровайся с гостем! – укоризненно произнесла Елена Владимировна, с нескрываемой любовью оглядывая подростка.

- Здравсте! – оторвался от тарелки розовощекий пацан, бросая на Вячеслава оценивающий взгляд. – А вы Людкин жених? – бесцеремонно спросил он.

- Прекрати! – прикрикнула на брата, ставшая пунцовой, Людмила.

- Юра, веди себя прилично! – одернула сына Елена Владимировна. – Познакомься, это – дядя Слава, знакомый нашей Людочки! А это, как вы уже поняли, мой сын и брат Людмилы

и Володи Юрий, - пояснила она, обращаясь к Вячеславу. – Где, кстати, тебя черти весь вечер носили? Ты рисунки для выставки закончил, кстати?

- Не все, - ответил набитым ртом подросток, - сейчас пойду, доделаю.

- Одиннадцатый час уже! Давай, доедайте, и марш с Володькой спать! И не возражайте!

- Чаю-то хоть попить можно?

- Пейте, конечно, и спать! Видите, Слава, какие балбесы растут, - сказала Елена Владимировна, но по теплым ноткам ее голоса можно было понять, что она без ума от своих сыновей.

Пока пили чай, Елена Владимировна успела рассказать, что ее Юрий прекрасно рисует, и не раз занимал призовые места в каких-то конкурсах.

- Жалко, нет у нас художественной школы, - пожаловалась она. – Занимается с ребятами в доме культуры один молодой человек, но это все, конечно, не то. Я у Людмилы портрет видела, это вы нарисовали?

- Я, - ответил женщине Вячеслав.

- И где же вы учились?

- Да нигде. Отец у меня хорошо рисует, ну, и в одном гарнизоне месяца два в кружок рисования ходил, как и ваш сын сейчас.

- А нарисовано хорошо, - похвалила Славку Елена Владимировна, - профессионально.

- Куда там! Просто руку набил. Со временем и ваш Юрий не хуже будет. А, чтобы профессионально карандашом или кистью владеть, нужно, все-таки, школу иметь.

Искоса бросающий на Вячеслава изучающие взгляды Юрий наконец допил чай и нахально подмигнул лейтенанту.

- Вовка, пошли, - потянул он за руку младшего брата. – А вы тут еще долго сидеть будете? – бесцеремонно спросил он у сестры.

- Марш спать! – скомандовала Елена Владимировна. – Не приставайте к взрослым!

После чая Людмила утащила Вячеслава к себе в комнату,

где они целый час, пока мать возилась с посудой на кухне, рассматривали фотографии из семейных альбомов, то и дело, прерываясь на поцелуи. Славка помнил, что завтра ему лететь, но все никак не мог найти подходящего момента, чтобы сообщить об этом Людмиле. Наконец, в очередной раз, оторвавшись от ее губ, он решился:

- Люда!

- Что, любимый?

- Я завтра уезжаю, - замявшись на секунду, с виноватым видом сообщил девушке Вячеслав.

- Что? – встрепенулась, не разобрав сразу, Людмила. – Куда уезжаешь? В Першино?

- Нет, - обнял Вячеслав девушку, - надолго и далеко.

- Куда это? И почему завтра? – уперлась она ему кулачками в грудь, тревожно заглядывая в глаза. – А ну, рассказывай! Куда тебя опять послали? И, что такое – надолго?

- В Ленинград отправляют, учиться, - Славка сделал паузу, - на два месяца.

В комнате воцарилась гнетущая тишина. На лицо Людмилы набежала тень. Было видно, что она огорчена и обижена неожиданным известием, хотя уже достаточно притерпелась ко всем этим армейским фортелям и ясно понимала, что в данной ситуации ничего нельзя ни изменить, ни исправить. Армия – есть армия! Здесь приказы не обсуждаются, а исполняются немедленно и со всем старанием. Чтобы, как-то загладить свою невольную вину, Вячеслав нежно обнял любимую и зарылся носом в ее волосы, вдыхая их знакомый запах и ощущая каждой клеточкой своего тела, как до боли дорога ему эта хрулкая, нежная и невыразимо прекрасная девчонка. Она сидела молча, будто оцепенев, глубоко переживая в себе предстоящую и скорую разлуку с дорогим и любимым человеком. Славка потихоньку гладил девушку по спине, стараясь изо всех сил, как-то ее успокоить, шептал на ухо какую-то ерунду, не переставая целовать то в глаза, то в губы, то в шею. Наконец, она глубоко вздохнула и зашевелилась, приходя в себя.

- Уезжашь, значит?

- Уезжаю.

- Завтра?

- Завтра.

- И как долго тебя не будет? А, ты же говорил! – Людмила окончательно пришла в себя от оглушившей ее вначале новости, и вновь обрела способность говорить и мыслить.

- Почти два месяца, до конца апреля, - ответил Вячеслав. – Но ты не расстраивайся, время быстро пролетит, не успеем оглянуться.

- Два месяца. Ничего себе – быстро! Целых два месяца! – девушка сделала паузу. - Письма-то писать хоть будешь?

- Каждый день! Ты и не заметишь, как это время пролетит. Ну, что ты так расстроилась, я же не навечно уезжаю, - Славка затормозил любимую, целуя и щекоча усами. – Я же, сй Богу, не хотел ехать, пытался отказаться. Но, сама понимаешь, приказ – есть приказ!

- Ладно, - наконец-то улыбка облегчения вновь промелькнула на лице девушки, - не подлизывайся! Сам, небось, до смерти рад: Ленинград – не наш Советский, цивилизация! Я тебе даже завидую немножко; в музеях побываешь, в Маринку можно сходить, настоящий балет посмотреть, да и просто на город полюбоваться.

- На кой он мне сдался, если тебя рядом целых два месяца не будет.

- Не ври, бессовестный! – шутя, упрекнула она его, толкнув сжатыми кулачками в грудь. – Попробуй только не писать! Не прощу ни в жизнь! И на девушек столичных не слишком заглядывайся!

- Ну, что ты, какие еще девушки!

- Да, знаем мы вас, парней! – отмахнулась Людмила. – Ни одной юбки мимо не пропустите!

Вячеслав начал энергично разубеждать ее, что он не такой, и в этот момент в дверь комнаты осторожно постучали.

- Молодые люди, половина первого уже, завтра на работу! – раздался из-за двери голос Елены Владимировны.

Людмила неохотно поднялась и открыла.

- Заходи, мама! Слава уже собирается. Он, кстати, завтра на два месяца в Ленинград уезжает.

- Да, что вы! – заинтересовалась Елена Владимировна. – И за чем?

- На учебу, - ответил Вячеслав.

- Как я вам завидую! – мечтательно произнесла женщина. – После нашей глухомани, и – Питер! Ну, счастливого вам пути, Слава! Вам еще, наверное, собраться надо?

Вячеславу после этих слов ничего не оставалось делать, как только кивнуть головой в знак согласия, и выйти в прихожую одеваться. Людмила вышла вслед за ним.

- Слава у нас на два месяца уезжает, - сообщила она, высушившемуся из спальни, видимо не спавшему до сих пор Юрке.

- Правда? – не то удивилась, не то обрадовался брат. – Вот повезло-то!

- Это еще почему? – недовольно спросила сестра.

- Тебя два месяца видеть не будет! – хихикнул мальчишка и показал сестре язык.

- А, ну, марш в кровать! – грозно прикрикнула на брата де-вушка, но тот и не подумал пугаться.

- Служба, - коротко пояснил мальцу Вячеслав, застегивая пальто. – Спасибо за ужин, Елена Владимировна! Все было очень вкусно. Ну, я пошел, что ли. До свидания! Еще раз спасибо!

- До свидания, Слава! Было очень приятно познакомиться, - Елена Владимировна уже переодетая в домашний халат слегка кивнула головой, прощаясь с Вячеславом, и, повернувшись кругом, отправляясь, видимо, спать.

- Лейтенант, а вы краски приличные акварельные не сможете из Ленинграда привезти? – спросила голова среднего брата, торчащая из щели приоткрытой двери.

- Отвяжись! – цыкнула на него Людмила. – Спать иди!

- Почему же нет? Привезу, конечно! – ответил голове Вячеслав, и она, просияв, тут же исчезла за дверью.

- Постой, я тебя провожу, - накинула на плечи пальто Людмила, и вышла вслед за Вячеславом на лестничную площадку.

Обняв Людмилу, он уткнулся носом в ее лицо, и вдруг почувствовал, что щека у нее мокрая. Невыносимая щемящая жалость к ней охватила все его существо, да так, что он и сам чуть не расплакался.

- Не плачь, родная! – Славка смахнул губами слезы с ресниц девушки, едва протолкнув образовавшийся в горле горький ком. – Время пролетит незаметно!- Славка еще несколько мгновений прижимал девушку к груди под распахнутым пальто, пытаясь оставить в памяти все изгибы и выпуклости ее горячего, податливого тела. - Иди, любимая, а то простынешь, холодно здесь.

Он слегка подтолкнул Людмилу к двери, и, резко повернувшись, скатился по ступеням вниз.

- Пиши! Обязательно! – донеслось ему вслед.

Хлопнула входная дверь в подъезд, захрустел под ногами подмерзший наст. Славка глубоко, полными легкими втянул в себя чистый, морозный воздух, и энергично зашагал в сторону общежития. Начинался новый день и новый этап его армейской службы...

Ленинград встретил Вячеслава оттепелью. Грязный, мокрый снег скользил под ногами, превращаясь в кашу на тротуарах, и летел брызгами во все стороны из-под колес проезжающих мимо машин. В Новый Петергоф, где были расположены центральные курсы железнодорожных войск, Славка добрался от города на электричке. Ехать пришлось часа полтора. На контрольно пропускном пункте городка, обнесенного глухим, трехметровой высоты забором, ему объяснили, куда обращаться дальше, и уже через час он поселился в новеньком, пятиэтажном общежитии офицерского состава. Позже, уже обедая в столовой, он познакомился с двумя лейтенантами-близнецами, братьями Вагиными, которые, как выяснилось, тоже со вчерашнего дня приступили к учебе как раз в его группе. Ребята были чуть моложе его, но в армейской жизни уже хлебнули немало. Оба они были высокими, под метр девяносто, красивыми и компанейскими парнями. Любо дорого смотреть. И если Славке шел двадцать пятый год, а он прослужил всего полтора,

то им было по двадцать три, а армейскую лямку они тянули почти по три года. Объяснялось это просто. Во-первых, Вячеслав в школе заканчивал одиннадцать классов, а не десять, как все остальные. Проводился во времена Хрущева такой эксперимент, и состоялось всего два выпуска в шестьдесят пятом и шестьдесят шестом годах. Поэтому выпускные экзамены Вячеславу пришлось сдавать уже в восемнадцать лет. А, во-вторых, учеба в институте была на два года дольше, чем в военном училище, которое закончили тут же в Питере братья.

- Тут, в общем-то, все нормально, - сообщили они Вячеславу о распорядке и условиях учебы. - Учишься до пяти, а потом свободен, как птица. В субботу учеба - до обеда, потом офицерское собрание, подведение итогов недели, ну, и всякая другая ерунда часов до трех, четырех. А вечер субботы и воскресенье - выходной. Можно в город съездить, в музей там, или в театр.

- Сами-то откуда?

- Москвичи. А служим в Кирове, обходы вокруг города строим. А ребята из мостового батальона через Вятку второй мост возводят. Нормальная служба и город хороший. Но хочется чего-то такого! Чтобы себя проверить, что ли? Написали рапорта начальству, попросились куда-нибудь на Север. Обещали рассмотреть в кратчайшие сроки. Может к вам в часть и попадем.

- Было бы здорово! У нас мужики нормальные, да и комбат с понятием: служить можно. Но, боюсь, что вас если и переведут, то, скорее всего, на Тюмень-Сургут. Там сейчас горячо, к сдаче дороги готовятся. А после Сургута собираются ветку до Уренгоя тянуть, к нефтегазовым промыслам. А там, может и еще куда, куда партия прикажет.

- Вот и нам так же сказали. А мать наша выступать начала: куда, дескать, вас черт несет. Служите, мол, как люди в городе, так нет! Папашу нашего даже подключила.

- А он, что у вас, большой начальник?

- Ну, большой, не большой, а вес в войсках имеет. Вот она его и назюкивает, чтобы это дело сломать.

- Мать, она на то и мать! А он-то как?

- Да ни как! Матери, конечно, лапшу на уши вешает, что старается, а нам сказал потихоньку: сами решайте. Слушай. Там у вас в батальоне командиром взвода Саша Иванов служить должен?

- Есть такой.

- Ну, как он там, не женился? Мы вместе с ним в одно время училище здесь заканчивали.

- Как не женился, женился. И сын у него родился, даже не один.

- Вот здорово! Ну и Сашка! Тоже близнецы сыновья-то, или двойняшки?

- Не совсем, - усмехнулся Вячеслав, и рассказал им историю, приключившуюся с Ивановым. - Но сейчас, вроде, все утряслось, - успокоил он братьев. - Нагрели, конечно, Сашу, очередное звание приостановили, но без этого, как вы понимаете, начальству никак нельзя. Морально политический климат блюдут!

Через пару дней Вячеслав, уже освоившийся на курсах, совершенно неожиданно для себя встретил в учебном корпусе своего сокурсника по институту Виктора Чернова. Удивительного в этом было, конечно, мало: военную кафедру в институте прошли все полноценные особи мужского пола. Но встретить приятеля и сокурсника почти через два года разлуки особенно приятно. Служил Виктор в Молдавии, а призвали его на полгода позже Вячеслава.

- Почти всех ребят с курса в армию прибрали, - рассказал он Вячеславу. - Кстати, Генка Новиков, приятель твой закадычный, тоже недалеко от меня служит, в Григориополе.

- Да, я знаю. Летом в Хабаровске был, видел его.

- Во, блин, повезло вам! А я уже полтора года дома не был. Никак отпуск не хотят дать, сволочи! Ну, а ты-то, как хоть?

- Обыкновенно. Через пол года - дембель! А так, все нормально: трудимся потихоньку.

- Не женился еще?

- Да, нет, не пришлось пока.

- Но девчонка-то на примете есть, наверное. Или в вашей

Тмутаракани только белые медведи бродят по улицам?

- Ну, во-первых, они у нас не белые, а бурые! А девушка есть, конечно, как не быть.

- А у меня уже сын растет. Помнишь Наташку с экономического?

- Это та, которая за тобой, как хвостик, года три ходила: куда ты – туда и она? Помню, как же!

- Когда-то ходила, а теперь на веревке держит. Женились мы сразу, по окончанию. Вас, правда, тогда черт на заработки куда-то унес, поэтому на свадьбе и не были. А кого еще из сокурсников в Хабаре видел?

- Витьку Подлесного. Он сейчас вместе с Помпой живет, расписались.

- С Нагашкой Помпухой?! Добилась она все-таки своего, окрутила Витьку. А, помнишь, как мы ее однажды с Витькой мирили? Они тогда разругались из-за какого-то пустяка в очередной раз.

Славка этот случай помнил отлично. Однажды, когда у Подлесного родители уехали в отпуск на юг, они с Черновым притащили к нему в гости двух старых школьных приятельниц, длинноносую Таньку Гайзер и Ленку Серебрякову, генеральскую дочку. Девчата учились тогда на втором курсе в педагогическом. Лето было в разгаре, и каким-то чудом они вырвались в город всего на пару дней из пионерского лагеря, где проходили практику. Ну, и случайно наткнулись на них с Черновым. Хозяин квартиры был в подавленном состоянии, потому, что накануне Помпа, так одноклассники прозвали Наташку, послала его, куда подальше. Посидели, выпили, как обычно, винца, поплясали, а потом расползлись по комнатам. А утром, Чернову в голову, с похмелья наверное, пришла гениальная, можно сказать, выдающаяся мысль:

- Хочешь, - предложил он Витьке, - я тебя, не глядя, за пять минут с Помпой помирю?

- Это как? – настороженно, зная шебутной и непредсказуемый характер приятеля, спросил Витька.

- А, молча. Сейчас все устроим в лучшем виде.

- Может, не надо? – спросил тогда Вячеслав, опасаясь какой-нибудь очередной каверзы Чернова, от которой никому лучше могло и не стать, но того уже было не остановить.

- Надо Федя, надо!

Балкон Подлесного выходил как раз напротив балкона Наташки в соседнем доме. Они, не спеша, всей компанией попили в гостинной кофе с заварными пирожными, купленными накануне. А, когда Наташка, по своему обычаю, вышла с утра делать на балкон зарядку, Чернов неожиданно для всех завернул Таньку Гайзер в простыню, и, несмотря на ее отчаянное сопротивление, выпихнул на балкон. Через пару секунд она вне себя от возмущения ворвалась назад, колотя его кулаками в грудь. Но дело было сделано. Увидев раздетую женщину в развивающейся простыне, да еще на балконе у воздыхателя, Помпа тут же бросила свои утренние художества и исчезла за дверь.

- Все девочки, кофе попили, пора и честь знать! – Чернов самодовольно улегся на диван.

- Ты, что, Вить, умом тронулся? – спросила Ленка, которая, как и Татьяна не могла взять в толк, чего хотел, в конце концов, Чернов, выкинув свой очередной фортель.

- Да, нет, не тронулся! Вы вон на тот балкон внимания не обратили? – Витька ткнул пальцем в сторону стекла.

- А что там такого особенного? – спросила отдышавшаяся, наконец, Татьяна.

- Да, ничего, - закурил Витка, подложив руку под голову и пододвинув поближе стул с пепельницей. – Только теперь, поспешайте, девочки! Помпа тут, я думаю, минут через пять нарисуетя.

Когда до подруг дошло, зачем Витька выпихивал Таньку на балкон, они в пять секунд собрались, облаяли на прощание обалдуя, и исчезли за входной дверью. А минутами позже в квартире раздался звонок. Славка пошел открывать. Как и предполагал Чернов, на пороге стояла Помпуха.

- А, Витя дома? – спросила она Вячеслава, заглядывая ему за спину.

- А ты, что не здороваешься, Наталья? – Вячеслав загородил

проход девушке, попытавшейся прорваться сквозь его заслон в квартиру сходу. – Сто лет тебя не видел.

- Здравствуй, Слава! – поздоровалась Наташка, одернув платье и сообразив, что сходу ворваться внутрь, не удастся. – Так Витя дома, или нет? Чего ты мне проход-то загородил?

- Дома твой Витя, - уступил дорогу Славка, и возбужденная девица пронеслась мимо него, как метеор, только коса хлестнула.

- Привет, Чернов! – на бегу поздоровалась Помпа с ухмыляющимся Виктором, нырнув сразу же в спальню.

Тот, не поднимаясь с дивана, небрежно помахал девчонке ручкой. Никого не обнаружив в спальне, Наташка понеслась на кухню, где Подлесных готовил всей компании немудреный завтрак. До приятелей донеслись громкие звуки перепалки. А еще через минуту красная, как рак, Наташка выскочила из кухни и покинула квартиру так же быстро, как и появилась.

- Ну, и чего ты добился? – спросил Чернова, появившийся из кухни взъерошенный Виктор. – Психолог дрюченный!

- А, вот, посмотришь! – назидательно произнес Чернов. – Клин клином вышибают!

- Это, смотря какой клин применить, - высказался Славка, ни к кому конкретно не обращаясь.

- Да нормально все будет! – легкомысленно заявил Чернов, поднимаясь с дивана.

- Ладно, проехали! – сказал Виктор, понимая, что уже ничего не исправить. – Пошли завтракать.

Удивительно, но вскоре взаимоотношения у Натальи с Подлесных наладились. Неизвестно, повлиял ли на это эксперимент, проведенный Черновым, или что-то другое, но факт остался фактом: Виктор и Наташа в конечном итоге поженились...

Учеба шла своим чередом. На второй день, после прибытия, Вячеслав накупил на почте конвертов и написал Людмиле первое письмо. Писал, что любит, скучает, пока еще ничего толком не видел, но в выходные хочет проехаться с ребятами куда-нибудь в город, до которого почти час хода. Закончив письмо, он запечатал конверт и снес его в почтовый ящик, бла-

го он висел на каменном заборе через дорогу напротив, почти у самого КПП.

В субботу, после еженедельного собрания офицеров, они вместе с Черновым и Вагиными пошли в баню, тут же, в Новом Петергофе. Баня Славку удивила, прямо, как в кино: скамьи с высокими спинками накрыты белыми простынями, банщики по первому вашему зову готовы принести пивка или еще чего покрепче. А, самое главное, пока ты моешься, твое белье и постирают, и погладят. Так, что, брать с собой практически ничего было не надо: мыло и одноразовые мочалки продавались тут же за какие-то гроши. После бани, посвежевшие и умиротворенные, они зашли в «Стекляшку». Так здесь офицеры прозвали кафе недалеко от бани по дороге к общежитию, где обычно и собирался в свободное от занятий время офицерский состав курсов.

Скинувшись по пятерке в этом заведении можно было выпить на двоих бутылку горячительного, закусив заливной осстриной и даже съесть еще что-нибудь горячее. Оставалось и на пару бутылок минеральной, так что цены были вполне приемлемыми. Тут же крутились местные девчонки, пытаясь захомутать себе кавалеров.

- Один и тот же контингент, - пояснил один из братьев Вагиных. - Не меняется много лет.

- А вы откуда знаете?

- Из уст в уста передается, как фольклор. Мужики, естественно, треплются, кто же еще.

- Хочешь, познакомлю с кралей, - предложил Чернов, уже успевший здесь побывать, Славке. - Вижу на горизонте кое-какие знакомые лица. Так, ты, как?

Но Вячеслав вежливо отказался от предложения приятеля. У него еще зримо стоял перед глазами тот последний вечер прощания, что он провел в гостях у Людмилы, и крутить шарики-ролики незнакомым девицам не было никакой охоты.

- Ну, как знаешь! - и Чернов бросился в атаку, приглашая братьев последовать его примеру.

В воскресенье, расспросив у старожилов общежития, как

удобнее добираться до центра, Вячеслав, не дождавшись приятелей, сел на электричку, идущую со стороны Ораниенбаума, и отбыл в город. Вагины, как он потом узнал, в Питер не поехали вовсе, так как за ними пришла машина от родственников из Луги. Ну, а Чернов, так тот до самого обеда не возвратился из похода, в который отправился накануне с рыжеволосой толстухой из кафе. Впрочем, Вячеславу так было даже удобнее: он собирался в Эрмитаж, в котором никогда в жизни не был, и посмотреть выставленные там шедевры мечтал всю жизнь. Особенно живопись. Ну, а искусство, как говорится, не терпит суеты и спешки.

В Эрмитаже Вячеслав пошел наобум, без экскурсовода. Ему хотелось не спеша, со вкусом рассмотреть те сокровища и картины старых мастеров, которые здесь находились. А экскурсоводы водили народ толпами, почти бегом, скороговоркой рассказывая о том или ином раритете. Чтобы охватить, как можно большее число залов, ног тут не жалели. Бежать вслед за этим стадом Славка не стал. Он поднялся на второй этаж, спросил у сидящей на стуле восемнадцатого века дежурной, куда ему идти, и, пройдя по длинному коридору мимо стендов с коллекцией старинных монет, сразу попал в галерею, где по стенам были развешаны портреты героев Отечественной войны двенадцатого года. Он долго бродил по галерее, внимательно рассматривая работы художников того времени и вглядываясь в лица генералов. Делал он это не без тайной цели. У Вячеслава была давняя мечта научиться когда-то, рисовать маслом. И ему хотелось однажды удивить Людмилу именно таким ее портретом. Юные и покрытые сединой генералы смотрели на Вячеслава с полотен и в их одухотворенных, суровых и одновременно сияющих глазах, как будто бы читался вопрос: а ты кто такой и что ты сделал для своего Отечества? Практически ничего, сделал для себя неутешительный вывод Вячеслав и пошел дальше по музею. В одном из залов он наткнулся на картину Леонардо «Мадонна с цветком». Вот тут он и понял, что все его собственные художественные изыски, просто мазня, по сравнению с кистью Мастера. Экскурсовод, подошедшей к

портрету группы, пояснил присутствующим, что да Винчи писал эту картину на протяжении почти тридцати лет. Что характерно, понял ошеломленный Вячеслав, рассматривая полотно, женщина на картине выглядела, как живая и издалека, и когда он приближался к ней почти вплотную. Был выписан каждый волосок в прическе, а отпавшая, белокурая прядь почти осязаемо колыхалась под ласковым ветром Италии. Титан – он и есть титан!

Поразил Вячеслава и саркофаг князя Александра Невского Громадный, покрытый червлёным серебром, позолотой и многочисленными барельефами с видами битв и мифических зверей, он производил неизгладимое впечатление на неискушенного зрителя из провинции.

Часам к трем уставший, но довольный Вячеслав, наконец-то покинул музей, и, пообедав в привокзальном кафе, на Витебском, отправился восвояси. Ехать надо было больше часа, так что в расположение он вернулся уже к половине шестого. Чернов дрых без задних ног в своей комнате, утомленный ночным походом. Славка поднял его в семь вечера:

- Подъем, золотая рота! – рявкнул он над ухом у Виктора. – Хорош спать, гулена! Пора на ужин!

- Что? Где? Куда? – подпрыгнул на кровати, очумевший от дневного сна, Чернов. – А, это ты, Слав, – в глазах приятеля не сразу, но появилось осмысленное выражение. – Что, уже на ужин пора?

- Пора. Семь уже.

- Айн момент! – живо соскочил с кровати Виктор. – Подожди пять минут, морду сполосну. А где Вагины?

- Не знаю. Заходил к ним, никого нет. Не приехали из гостей еще, видимо.

- А, что, они в гости куда-то напросились? Вроде, вчера вместе с тобой в общагу ушли. И в город тоже собирались.

- У них отец в Луге у сестры проездом. Вот и прислал за ними машину. Поехали к тетке на дачу.

- А, тогда ясно! Ну, я сейчас! Подожди минутку.

Они сходили в столовую, потом посмотрели в вестибю-

ле этажа хоккей, по телевизору. Шло первенство мира, побоели за наших, и Вячеслав, уставший от целого дня мотаний и массы впечатлений, отправился спать. Последней мыслью, мелькнувшей у него в сознании, перед тем, как он провалился в сон, было то, что теперь в письмах Людмиле можно, о чем-то и написать: в Эрмитаже не каждый день бываешь, и картины Леонардо не каждый день видишь.

Дни летели стремительно, как пули. Не успели оглянуться, а уже прошел первый месяц. Вячеслав постепенно привык к ритму занятий и к большому городу, посещая по выходным то музей восковых фигур, то художественный музей, то какой-нибудь концерт. Он уже не так уставал от сутолоки вечно куда-то спешащего мегаполиса. А первое время ноги гудели. Это Советский можно было при известном старании пересечь за пятнадцать минут. Но здесь, в городе и десять верст – не крюк. Так иной раз набегаясь, что как убитый потом спишь. Он получил от Людмилы два письма, из которых узнал, что ничего особенно выдающегося за это время в их большой деревне не произошло. Погода, правда, вновь стала морозной, но так как ходить особенно некогда и некуда, то на погоду-то можно было, в общем, и не обращать внимания. «Сижу дома, думаю о тебе, - писала Людмила. – Скучно без тебя любимый!» Сердце у Славки от этих прочитанных слов сладко замирало.

Несколько раз их возили на лекции в академию тыла и транспорта, где учили воздушной разведке и минному делу. Моложавый подполковник рассказывал слушателям, как обезвредить и нейтрализовать, заложенный противником под насыпь, в принципе не обезвреживаемый и неизвлекаемый ядерный фугас.

- Берем кумулятивные заряды и направленным взрывом раскалываем фугас. Тем самым, исключая полноценную цепную реакцию.

- А полноценную? – спросил у подполковника Чернов.

- Часть заряда, конечно, может среагировать, но сами понимаете, взрыв будет гораздо меньшей мощности, или его вовсе не будет.

- Хрен редьки не слаще! – почесал затылок Виктор. –

Местность-то все равно станет зараженной.

- Не без этого, - продолжил преподаватель. - Но для того мы вас здесь и учим, чтобы в любых условиях обеспечить прохождение подвижного состава по вверенному вам участку пути.

- Ха! - потихоньку хмыкнул Чернов, обращаясь к Вячеславу. - Разминировать-то, вроде, разминируешь, но потом обязательно сдохнешь. Красота!

- Ладно, не гунди, дай послушать! - отмахнулся от приятеля Вячеслав.

Лекции ему в академии нравились: много полезного узнал. Особенно, когда тренировались на тренажерах, имитирующих самолет-разведчик. На экране, устроенном под вид переднего, лобового стекла, где-то внизу проплывали пейзажи незнакомой местности, на которых надо было определить масштабы разрушений, составить примерные кроки и наметить план восстановительных работ. Ощущение полета было вполне реальным: гудели двигатели, кабина самолета дрожала, иногда проваливаясь в воздушные ямы, в воздухе, за стеклом рвались снаряды несуществующих зениток. Полное ощущение полета за линией фронта.

Но еще больше ему нравилось, когда они, возвращаясь на автобусе в Петергоф, останавливались по дороге у пивного ларька и всей компанией выпивали по кружке свежего и на удивление вкусного пива. Пиво наливалось из металлических танков, и, что вовсе удивляло Вячеслава, можно было взять, как холодного, так и подогретого. Не то, что в Советском. Там пиво всегда было в дефиците, и почиталось любителями, как редкость, соответственно. А тут, пожалуйста: хочешь холодненького, а боишься горло простудить - подогретого. Изыски, дьявол их побери, этих избалованных цивилизацией ленинградцев.

Погода в Питере весь месяц стояла не то зима, не то - весна. Слякоть, одним словом.

- Никакой обуви не напасешься! - ворчал Чернов, надраивая ваксой побелевшие от соли, которой щедро посыпали дороги и тротуары, сапоги. - Вечно ноги мокрые. И, как они тут только

с этим живут? Гниют на корню, бедолаги!

- А, никак! – бурчал в ответ Вячеслав, макая сапожную щетку в трехлитровую жестяную банку. – Видел, все ходят, носами шмыгают! Сопливчики хронические! У нас хоть и мороз, но сухо и тихо! А тут ни зима, ни лето, и всю дорогу ветерок, да еще ноги сырые. Вот, сопли постоянно кулаком и размазывают.

- Ну, у нас в Молдове тоже не холодно, но как-то поприятнее. Посуше что ли? Да и ветров таких не бывает.

Но к середине апреля в Ленинграде неожиданно ударили морозы, удивляя даже старожилов. Не такие, конечно, как в Советском, но градусник опустился почти до минус двадцати, а при такой влажности морозец переносился хуже, чем при сорока. Привыкшим всю зиму ходить в фуражках офицерам пришлось надеть шапки. И это в апреле месяце!

В воскресенье местные власти праздновали проводы зимы, и в парке с фонтанами развернули народные гулянья с блинами, шашлыками и катанием в санях на тройках. Они с Черновым и братьями тоже отправились в Старый Петергоф. Славка даже не заметил, как отморозил одно ухо, но все равно было весело и радостно, зима заканчивалась, как заканчивалась и их учеба. Дворцы Петра сияли куполами, народ распевал песни, и ощущение праздника долго не покидало Вячеслава. Через пару недель предстоял путь домой, к товарищам, знакомой службе и любимой девушке.

Глава 13

Май на севере начался с жары. Резко потеплело еще в конце апреля. И за те несколько дней, что Вячеслав после возвращения из Ленинграда провел в родных пенатах, снег с открытых мест сошел, обнажив пожухлую, прошлогоднюю траву, а земля на косогорах кое-где даже подсохла. Сердце у Вячеслава ликовало, встреча с любимой после долгой разлуки окрылила его, вселив надежду на счастливое и безоблачное будущее. Счастье переполняло его. Еще бы не дежурства по части, которыми его щедро потчевал начштаба почти через день. Почти все люди находились в Першино, и в опустевшем батальоне нести службу было попросту некому. Если бы не это обстоятельство, то он бы вечерами не вылезал от Людмилы.

Первая встреча произошла в первый же день после Славкиного возвращения в Советский и была бурной и горячей. Молодые люди истосковались друг по другу, и разговоров с поцелуями и нежными прикосновениями друг к другу хватило далеко за полночь. Он рассказывал ей о Ленинграде, она делилась последними новостями поселка, но после каждой фразы они вновь и вновь не могли удержаться от того, чтобы не обняться и не прильнуть губами к губам любимого и дорогого человека.

- А ты здорово скучала?

- Конечно, глупенький! Тошно тут без тебя было. С девчата-

ми практически не виделась, сходили один раз на танцульки и все. А ты скучал? Или с местными девицами любовь крутил? А ну-ка, рассказывай, противный! – тормошила она Славку.

- Ну, какие такие девицы, Люда! – возмутился Вячеслав. – Скучал, как и ты. Особенно вечерами. Днем как-то все время заняты были: то уроки, то полигон. А вечером – один телевизор, да по субботам – баня. В кафешку, правда, с ребятами несколько раз заходили, в кино. Кинотеатр только в Старом Петергофе был, остановки три на автобусе от ЦОКа.

- Это еще, что за ЦОК такой?

- Да курсы, где мы учились! Центральные офицерские курсы железнодорожных войск.

- Понятно.

- Правда, в Старом Петергофе пивбар расположен, шикарней такой. Петровским называется. В подвале. Скамьи дубовые, вместо дверей – своды в залах. Впечатляет, короче. Да, мы там с парнями Юрия Кукина видели. Ну, того самого, барда, что песни сочиняет. Помнишь: «А в тайге по утрам туман, дым твоих сигарет. Если хочешь сойти с ума, лучше способа нет...»

- Да ты что!

- Точно. С девицами был, пиво с краснухой мешали и этой бурдой заправлялись.

- Ну, вот, а ты говорил, что никаких девиц не было. А тут еще и пиво с вином употребляли.

- Да не было никаких девиц. Это же у него девицы, а не у меня. И потом я сроду такого ерша пить бы не стал.

- Ну, не знаю, не знаю.

- Чего ты не знаешь? – и он закрывал ей рот очередным поцелуем.

Вячеслав охотно делился с девушкой всем, что ему пришлось испытать и увидеть за это время.

Отца, Анатолия Васильевича, дома снова не оказалось, а мать, Елена Владимировна, к удивлению Вячеслава в этот раз не стала их тревожить, и они просидели, не отрываясь друг от друга в Людмилиной комнате, почти до трех часов утра.

Перед самым праздником Вячеслава вызвал появившийся

с трассы Бугрим и приказал собираться в Пелым, подменить сидевшего там со взводом охраны Деряжного. В связи с предстоящим разливом реки, да и лед уже толком не держал ни технику, ни людей, основные силы освободившихся рот были переброшены, кто на Першино, кто в Советский.

- Подменишь Деряжного Решетников! Он там уже дней пятнадцать находится, а тут к нему в гости жена с сынишкой приехали. Надо дать человеку отдохнуть.

- А я, что, не человек, Владимир Николаевич? У меня, может, тоже планы на Первомай есть.

- Разговорчики, лейтенант! Пословицу знаешь?

- Какую еще пословицу, товарищ капитан?

- Сам погибай, а товарища – выручай! Ты же Решетников, только что из Питера приехал, наотдыхался!

- А что, учеба – это отдых?

- Ну, не на мосту же крутиться и за людей отвечать! Коротче, отставить разговоры и быстро – на Пелым! Разговорился тут, понимаешь! Разболтались совсем, - заворчал уже скорее для себя замполит, оставив стоять с раскрытым ртом расстроенного Вячеслава. – Дежурство сдашь, и, чтобы духа твоего в Советском не было, Решетников! – крикнул он уже издали, открывая дверь в клуб батальона.

Славка тотчас же позвонил на работу Людмиле и сообщил ей, что все планы, которые они строили на первомайский праздник, летят ко всем чертям.

- Вечером еду поездом. Если сможешь, подходи.

- Подойду, конечно, - ответила ему упавшим голосом девушка. – Неужели совсем ничего нельзя сделать? – спросила она расстроенного Вячеслава.

- А что тут сделаешь, служба! Да ты не грусти больно-то, я все равно что-нибудь придумаю, не с первый раз. Нужно будет, так потихонечку дембельским приеду. Все равно на вечерок вырвусь.

- Только смотри, Славочка, чтобы ничего плохого не случилось?

- А что может случиться? Меньше взвода – не дадут, дальше Кушки не пошлют!

С досады Вячеслав наорал на попавшегося ему под горячую руку дежурного по КПП, за беспорядок в помещении, на который ему мимоходом указал замполит. И, пока тот вместе с помощником подметал полы и протирал пыль в избушке, Славка стоял на улице, нервно куря сигарету за сигаретой. Ну, прямо напасть какая-то! И надо же было Бугриму нарисоваться в части как раз накануне праздника. Хотя, чего тут удивительного: к семье человек приехал на праздники, отдохнуть.

- Ты, чего такой взъерошенный? – спросил Вячеслава, появившийся со стороны первой роты Лева.

- А, лучше и не спрашивай! На Пелым погнали, Дерягу подменить. Не было печали, так черти накачали!

- А, ведь точно, у него вчера жена прикатила на праздники. Сочувствую.

- Да ладно, Бог с ним! – махнул рукой почти успокоившийся Вячеслав. – Пережили голод, переживем и изобилие! – он сплюнул себе под ноги. – Жалко, конечно! Хотели с Людмилой на природу вместе с компанией сходить, да и тебя пригласить.

- Что, помолвку, что ли, отпраздновать? – заулыбался Шварцер. – Поздравляю!

- Какую еще помолвку? – не сразу понял Вячеслав.

- Как какую? С Людмилкой, естественно!

Только тут до Славки дошли слова Левы. Он несколько мгновений переваривал свалившуюся на него, как гром с ясного неба, фразу приятеля, взвешивая плюсы и минусы неожиданного предложения, но потом, очнувшись от раздумий, ответил сдержанно и серьезно:

- Не знаю, Лева. Рано, наверное, об этом думать. Да и Людмила никогда не намскала насчет таких дел.

- Так она же девушка! Что она тебе, сама, что ли будет предлагать взять ее замуж? И что значит рано? Тебе сколько до мобилизации осталось, гусь ты лапчатый?

- Четыре с половиной месяца.

- Ну, вот, а ты говоришь – рано! Пора и определяться, Людмиле-то уже двадцать почти. Подросла девочка. Это, когда Пангаев за ней ухлестывал, да нос ей подтирал, было рано, а

теперь в самый раз. Да и девчонка она по существу неплохая. Я лично не задумывался бы.

- Ладно, замнем пока для ясности! – ушел от неудобного ответа Вячеслав. – Пойду дежурство сдавать. Кстати, а не ты у меня, его принимаешь?

- Я, конечно. Ты же вчера у Суровцева принимал, а позавчера Николай Зубков ишачил. А насчет праздника – не расстраивайся! – хлопнул Лева Славку по плечу. – Не впервой. Оставишь хозяйство на замкомвзвода, и через три часа – дома!

- Не впервой, оно, конечно, не впервой, но после того случая зимой, когда паренек замерз, страшновато. Вдруг, что случится! Хотя, сейчас уже не замерзнешь, лето почти.

- Ну, тут уж сам понимаешь: кто не рискует, тот не пьет шампанского. А потом, если захотят бойцы покуролесить, все равно не укараулишь. Не будешь же ты с ними все время, как насадка сидеть? Так, что, если на первое мая, наверно, ничего не получится, поскольку начальство еще будет трезвым и бдительным, то на второе – без вариантов. Отзвонишься вечером первого, и – на паровоз! Три часа хода всего. А ночью со второго на третье вернешься.

Славка не сразу ответил товарищу, размышляя о дельном и заманчивом предложении лейтенанта, а потом мотнул головой, будто стряхивая надоевшие мысли:

- Ладно, пошли, а то уже пять скоро. Подумаю на досуге, когда в поезд сяду. А то мне еще собраться до отъезда нужно.

- Да брось ты! Чего тебе собирать? Цыгану собраться – только подпоясаться.

- Надо еще с Людмилой повстречаться, переговорить, что да как. А так, в принципе, предложение твое принимается: переносим пикник на второе и баста!

- Пошли дежурную смену строить, скоро Стешенков из штаба выпозет! Опять плевать будет.

- Пошли.

Минут за сорок до отправления поезда к кутившему на перроне вместе с Ягодкиным Вячеславу присоединился капитан Дубов, которого тоже направили в командировку, только на Лозьву.

- Здорово, Вова! – пожал он руку Ягодкину, отмахнувшись от протянувшего было руку Вячеслава. – С тобой раза два нос к носу в части встречались, забыл что ли?

- Тоже в ссылку? – поинтересовался у Дубова Ягодкин.

- И не говори, оборзело начальство! Праздник через день, а нас – подальше от дома! Гляди-ка, - толкнул он Славку в плечо, - твоя, кажись, летит! Точно! Давай, шагай, шагай, в вагоне встретимся, товарищ жених. А мы тут с Володей потолкуем пока о жизни нашей грешной. Вон, кстати, Ворошнин топает, сто лет его не видел. Привет, Саша!

Славка повернулся, увидел пересекающую улицу перед вокзалом знакомую хрупкую фигурку и поспешил навстречу, поприветствовав Ворошнина взмахом руки. Не стесняясь прохожих, они обнялись, застыв на секунду, а потом Вячеслав увлек девушку на скамейку под тополем, не ко времени растопырившим на ветвях набухшие, смоляные почки. Присесть возлюбленным не удалось, вся скамейка была в прилипших к доскам скорлупках с тополя. Славка безнадежным взглядом осмотрел это безобразие и понял, что посидеть им не удастся.

- Опять уезжаешь, - расстроенным голосом произнесла Людмила.

- Приказ, - вздохнул Славка.

- Каждый раз, как выходные, так приказ.

- Не расстраивайся, - Вячеслав поведал девушке о предложении приятеля. – Так, что, готовься, второго идем на природу! Махнем куда-нибудь подальше от поселка.

- Слушай, а может не надо? – не на шутку встревожилась Людмила, представив, видимо, возможные последствия. – Вдруг поймут, что тогда будет! Не последний праздник, ведь.

- Не так страшен черт, как его малюют! – изобразив на лице бесшабашность, отпарировал Вячеслав. – Я же тебе говорил: меньше взвода не дадут, дальше Кушки не пошлют. Тем более мне уже скоро не служить, пять месяцев осталось. Выговором больше, выговором меньше. Какая разница. Не боись, все будет о,кей!

- Дурачок ты у меня! – девушка улыбнулась и прижалась

шекой к его груди. – Ну, прямо мальчишка!

- Значит договорились, второго встречаемся, - Славка уткнулся носом в волосы Людмилы и глубоко вдохнул их знакомый запах.

В этот момент диктор объявила, что до отправления поезда номер сто тридцать восемь осталось пять минут. Замершие влюбленные встрепенулись, и пошли к вагону.

- Здорово, Люда! – поздоровался с девушкой давно ожидающий сослуживца у вагона Дубов. – Тысячу лет тебя не видел! Как живем, можем? Гляжу, все хорошеешь!

- Да все нормально! – улыбнулась Дубову Людмила. - Здравствуй, Николай! Тоже уезжаешь?

- Эти декабристы отбывают в ссылку, а мы, грешные здесь остаемся! – засмеялся подошедший от ларька с лимонадом в руках Ворошнин. – А, вот, дамы их сердца, почему-то, не спешат вслед за декабристами. Нате, орелики, в дороге попьете, - он протянул Дубову бутылки.

- Здравствуй, Ворошнин! Ты чего не здороваешься?

- Извини, привет!

- Как у Алины дела? Как сын? – спросила Ворошнина Людмила. – Растет смена?

- Нормально все, - начал, было, разговор Сашка, но в этот момент проводница пригласила отъезжающих пройти в вагон, грозя закрыть дверь, так как уже загорелся зеленый светофор.

Славка торопливо расцеловал Людмилу, вскочил вслед за Дубовым на подножку, и прощально махнул рукой. Поезд, разгоняясь, застучал по стыкам рельс, они с капитаном вошли в вагон и, устроившись у окна, достали захваченные из дома припасы, так как на ужин в части попасть не удалось в связи со срочным отъездом.

В Пелым прибыли к полуночи. На темном, в лужах от недавнего, первого в этом году дождя перроне Вячеслава встречал Женька. Дубов, который ехал в Першино, тоже выскочил из вагона: поезд стоял минут десять, и можно было покурить на свежем воздухе, благо, погода позволяла.

- Здорово, Деряга! – облапил капитан лейтенанта. – Ну, как

ты тут? Не сгнил в этой дыре?

- Здорово, мужики! – приветствовал их, радостный от мысли, что скоро увидит жену и сына, Деряжный. – Вы, что, оба сюда, что ли?

- Нет. Николай в Першино катит. Ты, когда в Советский-то собираешься? – спросил Вячеслав.

- Ночным экспрессом.

- А, что, дела передавать не будешь?

- А какие тут дела? Спим целыми днями, кто не в карауле. У меня тем более замкомвзвода грамотный, так, что, делать особенно нечего. Да ты его знаешь – старший сержант Соловьев.

- Это тот, который в Першино еще ефрейтором был? Ну, когда мы с Петькой мост разбивали?

- Эко вспомнил! Когда это было! Полтора года почти прошло. Тот самый, конечно.

- Ладно, парни, вы тут гутарьте, а я поехал дальше, - вмешался в разговор Дубов, - отправление уже объявили.

- Ну, счастливо! – пожал протянутую ладонь приятеля Вячеслав.

- До встречи! – Женька помахал вслед тронувшемуся вагону, - Пошли, - повернулся он к Вячеславу, - на ночлег тебя устрою.

В комнате, куда Женька привел Вячеслава, стояли две кровати, одна из которых была застелена свежим бельем.

- Ложись, - предложил Деряжный. – Я, пожалуй, не буду, у меня поезд через три часа, собраться надо. А ты ложись, спи, двенадцать почти.

- А народ-то где ночует?

- В палатках. Так надежнее. Технику и все остальное сторожат. Да и народу постороннего поменьше болтается по территории. А то пацаны местные одолели, так и норовят что-нибудь стащить. А тут, в доме только повар ночует, да Соловьев иногда остается спать. Но, это редко. Ну, и, если кто приедет ненароком, тоже здесь устраиваем: места полно. Да ты ложись, ложись! Тебе то чего дожидаться? А я потихоньку соберусь пока.

Славка не заставил себя долго ждать, разделся, и, закрывшись одеялом с головой, тут же уснул. Он даже не услышал,

как ушел Женька, и проспал до утра безмятежным сном молодого, здорового человека. Видимо сказалась легкая усталость от всех этих тревожностей и неприятностей, свалившихся ему на голову за один день. Хотя, по существу, разве это были неприятности? Так – мелочь! Но поразмыслить об этом Славка толком даже и не успел.

Утром Вячеслав проснулся оттого, что луч солнца, отраженный оконным стеклом, уперся ему прямо в переносицу. Он прикрыл глаза ладонью и прислушался. Стояла такая тишина, что было слышно шуршащих, где-то под полом, мышей. Не было даже привычного лязга маневровых локомотивов, обычно будивших Советский по утрам. Вячеслав поднялся, отворил форточку, и, закурив сигарету, вновь улегся в постель. За окном начали чирикать проснувшиеся воробьи. Пьяный, прохладный весенний воздух наполнял комнату ароматами распускающихся на тополях почек, запахом сена от стоящих на той стороне железной дороги прошлогодних стожков, и прелой травы. Нахальный луч солнца сместился в сторону с подушки и Славка снова задремал. Окончательно разбудил его энергичный стук в дверь:

- Разрешите?

- Входите! – Вячеслав поднялся, натягивая на себя брюки и торопливо застегивая рубашку.

В дверях появился сияющий, как начищенный пятак, Соловьев.

- Здравия желаю, товарищ лейтенант! Сто лет с вами не виделись! Извините, что потревожил, половина десятого уже. Давненько вы у нас не бывали.

- Здорово, Соловьев! Я гляжу, лычка-то у тебя на погонах шире стала, не то, что на Лозье, - польстил Славка сержанту. – Слышал, ты уже замкомвзвода стал?

- Так сколько лет прошло, товарищ лейтенант. А сейчас уже приказа жду.

- Майского что ли?

- Ну да! Бугрим вот, предложил аккорд, чтобы в конце мая в первых рядах на дембель.

- А, что за аккорд?

- Клуб в части отремонтировать. Не знаю только, отпустит меня Деряжный в Советский, или нет? Может, посодействуете?

- А, что не отпустит-то? Отпустит. Он ведь тоже в июле демобилизуется, понимать должен.

- Хорошо бы. Завтракать будете, товарищ лейтенант?

- Обязательно, умоюсь только.

- Ну, тогда подходите, как умоетесь, в столовую, а я пойду, повара предупрежу.

После завтрака они с Соловьевым обошли территорию городка, проверили выставленные около техники посты, побывали у бойцов в палатках, а потом отправились на мост. Вячеславу было интересно посмотреть, что там изменилось с тех пор, как он был здесь в последний раз. Два месяца прошло, не шутка.

- Три опоры закончили, товарищ лейтенант. На дальней, береговой, правда, только ростверк успели залить, а третью русловую выше уреза льда вытащили, - докладывал Соловьев, пока они шли по дороге к реке, выбирая места посуше.

Лед с Пельма уже сошел. Темная, поднявшаяся метра на два вода, билась грудью о бетонные блоки облицовки, возведенных до половодья опор и о высокий правый берег. Левобережье ниже по течению было залито водой. Старый мост на своих деревянных сваях и решетчатых рамах дрожал и скрипел от напора разгулявшейся реки. На вновь возведенной насыпи, около будки охраны, где они когда-то ночевали с Понюшенко, был соскладирован не использованный железобетон, остатки опалубки и всякая прочая ерунда.

- Да, забыл сказать, мехбат еще с этой стороны успел подход отсыпать, - заметил Соловьев, - метров триста.

- Правильно сделал. А что пути-то не положили?

- Не знаю, товарищ лейтенант. Может путевики куда в другое место перебросили? Или Еременко проспал. Хотя, не думаю. Слышал, что две роты из их батальона в Нягань перебросили станционные пути достраивать. Ну, а точнее сказать не могу.

- Ладно, пошли. Охранять тут действительно нечего, - подвел итог увиденному Вячеслав.

Они вернулись на станцию, и Славка отправился в штабную комнату, где дрых от безделья дежурный связист, чтобы позвонить в батальон. Доложив Стешенкову, что на вверенном ему объекте все в порядке, он позвонил Людмиле в суд, где она работала секретарем. Но в суде шло заседание и Славке пришлось перезвонить еще раз через час.

- Ну, как ты там? – обрадовалась звонку девушка.

- Освоился. Здесь уже тепло совсем, почти лето. Прогулялся на мост, посмотрел, что да как. Хорошо ребята поработали. Да и обстановка окружающая в полном порядке. А остальное все, как мы договорились. Ну, ты понимаешь?

- Понимаю, конечно! Ладно. Спасибо, что позвонил! Я тебя целую. У меня сейчас опять процесс начинается, так что, извини Славочка, я заканчиваю. Не скучай, я тебя люблю.

- И я тебя целую.

Довольный разговором Славка вышел на улицу и, не спеша, прогулялся по вытаявшему из-под снега поселку. В магазине, у знакомой продавщицы он купил ручку и блокнот, решив, что раз нечего делать, нужно написать к празднику стихи какие-нибудь. Тем более, что настроение было по-весеннему восторженным, а накопившаяся в теле энергия требовала какого-то выхода. Он вернулся в дом и засел за сочинительство. Но в голову, как назло, ничего не приходило. Настроив, забытую здесь кем-то из сослуживцев старенькую, дребезжащую гитару, Славка попытался изобразить на ней какую-нибудь подходящую мелодию. Получился немудреный вальс. Под эти ноты у него и родились первые строки:

*На обоях цветы голубы,
А глаза у тебя глупы, глупы,
Я от ласки твоей отвык, я – старик,
Ну, а ты еще любишь цветы.*

Раз, два, три, раз, два, три, раз. Он тщательно переписал первое четверостишье в блокнот, перечитал, и остался, вполне, доволен. Не фонтан, конечно, но сойдет. Смущало слово

«глупы», но другой рифмы на ум не приходило, и он решил оставить все, как есть.

В этот момент его позвали на обед, а после обеда он завалился спать, благо никто не тревожил ни из батальона, ни из переданных ему в подчинение людей. Проснулся он полтретьего и, сполоснув лицо под рукомойником, пошел в расположение палаточного городка, посмотреть, что там делается. Но там, как и ожидалось, ничего интересного за это время не случилось. Встретивший его Соловьев доложил, что служба идет по расписанию, а все отдыхающие – отдыхают. От скуки Славка подался на местный вокзальчик, где почти до вечера проболтал со знакомым мастером путевого околотка. Они даже выпили, когда у железнодорожников закончился рабочий день. А еще позже к ним присоединилась подруга мастера, дежурная по станции, вернувшаяся со смены. Она предложила Вячеславу познакомиться его со своей замечательной, как она сказала, во всех отношениях приятельницей, но лейтенант вежливо уклонился от такого предложения, и к десяти вернулся к себе в комнату. На табуретке возле кровати стоял остывший ужин, заботливо принесенный поваром, но кушать не хотелось и Славка, слегка охмелевший и уставший за день, просто разделся и заснул. Когда он на следующее утро проснулся, первое, что пришло ему в голову, были строки четверостишья, написанные им накануне: «на обоях цветы голубы». Тьфу, подумал Славка, какая гадость! Потом он вспомнил, что наступил первый день мая. Праздник, черт возьми! И первое, что он сделал, приказал повару сварганить к обеду что-нибудь этакое:

- Праздник, все-таки, или ты по-другому думаешь, Ахмет? У вас-то этот праздник отмечают, или нет?

- А как же! – заулыбался повар. - Нэ, беспокойтэсь, товариш лейтенант! Все будет, как в приличном рэсторане, можетэ не сомнэваться. Я у сэбэ дома такой шашлык-башлык готовил, палчики облыжешь!

- Кончай базлать! Изготовь, что-нибудь вкусенькое и попроще. Без этих самых шашлыков-башлыков. Я на тебя надеюсь, - без тени сомнения приказал повару, Вячеслав и подался

в расположение пересчитывать подчиненных.

Как и предсказывал Лева, с утра начались звонки с поздравлениями и наставлениями от старших товарищей по службе и друзей. Первым позвонил комбат, и, как отец родной, пожурил за то, что Славка не позвонил сам.

- А, чего звонить, Александр Александрович? У нас тут тихо, как в гробу. На мосту уже побывал, опоры не сперли. Ох, извините! С Первым Мая вас, товарищ майор!

- Вот-вот, дошло, наконец! Это у тебя от пересыпа в голове тихо и пусто! Шутник, блин! Смотри, чтобы бойцы у тебя в какую историю не влипли, да не нажрались. Понял? Ну, бывай! С праздником тебя. Решетников!

- Спасибо, товарищ майор! И вам всего наилучшего.

- Спасибо. Позванивай дежурному изредка.

Шел бы ты подальше со своим праздником и звонками подумал про себя Вячеслав, но вежливо так попрощался. Потом звонили и замполит, и начальник штаба, и просто ребята, кому было нечего делать. До обеда телефон просто раскалился от звонков, а после обеда смолк намертво. Народ после демонстрации подался за столы. В Пельиме тоже состоялось некое подобие праздничного шествия. Парторг леспромхоза произнес с дощатой трибуны, обитой красной материей речь, выступило несколько увешанных медалями ветеранов. Потом народ покричал «ура», потряс флагами и надутыми разноцветными шариками, и спокойно разошелся по домам пить водку. Между звонками Вячеслав посетил это действо, напомнившее ему, что сегодня действительно Международный День Солидарности Трудящихся.

- Ну, как ты, жив? – спросил его вчерашний компаньон железнодорожник, как и весь народ, притопавший на площадь у клуба вместе со своей подругой. – С праздником тебя!

- Спасибо, и вас тоже!

- Знакомься, Слава, это моя подруга Света, - представила накрашенную девицу, стоящая рядом с мастером вчерашняя дежурная по станции.

- Ну, что, пошли к Светке? – предложил железнодорожник.
- Погода шепчет!

Но Вячеслав вежливо отказался, сославшись на неотложные дела. Постояв еще какое-то время вместе с новыми знакомыми в толпе, он откланялся и урыл в расположение, несмотря на настойчивые просьбы местных товарищей составить им компанию. После обеда он вызвал Соловьева и проинструктировал того:

- Если кто налопается, чтобы в палатке дрых, и в поселок – ни шагу! Ты меня понял, сержант?

- Не беспокойтесь, товарищ лейтенант! Мне залеты тоже не нужны! Дембель на носу.

- Ладно. Я до завтрашнего вечера исчезну. Приятели тут местные пригласили. Если кто позвонит, знаешь что сказать.

- Да не беспокойтесь вы, товарищ лейтенант, - состроил хитрое лицо кающегося монаха, догадавшийся о намерениях Славки, Соловьев, - сделаем все, как нужно! Без базара и ненужных подробностей.

- Ты это на что намекаешь? – нахмурился Вячеслав.

- Да ни на что, товарищ лейтенант, - по стойке смирно вытянулся сержант. – Не волнуйтесь, все будет в полном ажуре! Я с этих архаровцев глаз не спущу, будьте уверены!

- Топай, - закончил беседу Вячеслав и улегся на кровать, где и проспал до самого вечера не потревоженный никем.

Выспавшийся от души и посвежевший он еще раз, на всякий случай, побывал в палаточном городке. А после отбоя позвонил в Советский, дежурному по части, где таковым опять-таки оказался Лева. Он в это время сдавал дежурство почему-то уже вернувшемуся на родину Дубову.

- Привет, страдалец! – поприветствовал Славка комроты, которому Лева передал трубку. - Опять тебя захомутали в самый разгар? Что там Стешенков, совсем оборзел?

- Привет, Слав! С праздником тебя! Ну не Дерягу же ставить, сам понимаешь. У нас начальство – сплошные гуманисты! А у тебя-то как дела?

- Все нормально. Поэтому и позвонил, чтобы ночью не тревожили. Дай еще раз трубку Леве.

- Сюда-то собираешься? – спросил его Шварцер.

- Лев, ты что? Это же не телефонный разговор.
- Да, кончай ты! Нет никого в части!
- Найдется какой-нибудь гаденыш, чтобы настучать, не заржавеет!
- Найдется, яйца открутим!
- Открутить-то открутим, а толку? Мы же обо всем, вроде, договорились.
- Ладно, я все понял, бывай!
- До встречи, - закончил разговор Вячеслав и пошел еще раз, на всякий случай, проверить личный состав.

Дневальный был на месте. Он доложил, что личный состав отдыхает, а Соловьев находится в клубной палатке, готовит дембельский альбом. Старший сержант действительно находился там, где указал дневальный, и старательно, высунув кончик языка, что-то рисовал цветными фломастерами.

- Чего не спишь, Соловьев?

Сержант оторвался от своей работы и привстал, приветствуя лейтенанта:

- Не хочется, товарищ лейтенант! Присаживайтесь. Чаю не хотите?

- Давай, поьем, - присел за стол Вячеслав.

- А, может, чего покрепче? – хитро улыбнулся Соловьев, и достал из тумбочки бутылку с прозрачной жидкостью. – Ребята из Першино к празднику прислали.

- Спирт, что ли?

- Он самый! Чистейший!

- Не, не буду на ночь, глядя, да и тебе не советую. А, вот чаю наливай, да погуше.

- Как хотите, товарищ лейтенант, но пятьдесят граммов никому еще не повредили!

Но Вячеслав решительно отказался от предложения сержанта. Ему предстояла бессонная ночь в дороге, и, чтобы завтра быть свежим, стоило побереечь здоровье. Попив чаю, он распрощался с Соловьевым, напомнив тому, чтобы завтра его не искали, и ушел к себе. Глубокой ночью он сел на поезд и уехал в Советский.

- Вы же, вроде в Пелыме, - удивился, увидев ранним утром Вячеслава, новый вестовой, появившийся в общаге недавно, и прозванный офицерами привычно, по фамилии предыдущего Боговичем. Милый сердцу, смешной и почти любимый Богович закончил службу и благополучно отбыл домой. Провожали его с почетом, искренне желая всего хорошего. Человек он был, как ни крути, бесконфликтный и полезный. Парни насовали ему в дорогу целый сидор консервов и соленой горбуши.

- Давай, давай, забирай! – приказал отнекивающемуся от подарка Боговичу Матвеев. – В твоей деревне сроду горбуши не видали.

- Спасибо, товарищ капитан! – улыбался смущенный таким повышенным вниманием к собственной персоне Богович.

Новый вестовой вначале попытался не отзываться на эту, ставшую именем нарицательным среди жителей общаги фамилию предшественника, но Матвеев быстро привел в чувство новобранца:

- Еще раз услышу скулеж, по стенке размажу! Да и глухоту заодно вылечу!

- Поменьше болтай, рядовой, спокойнее жить будешь! – вместо объяснений буркнул удивленному его появлением солдату Вячеслав, и отправился к себе в комнату поспать еще хотя бы часов до девяти, предупредив новенького дневального, во сколько его разбудить.

В девять Славка проснулся от стука в дверь. Новоявленный Богович разбудил его секунда в секунду. Понял, видимо, что шутить Славка, как и Матвеев, не намерен, и исполнил все в точности, как приказали. Вячеслав умылся, побрился и вышел на улицу, предварительно оглядев ее через щелку приоткрытой двери: не хватало еще попасться кому-нибудь, особо болтливому на глаза. Стояла оглушительная тишина, ни дуновения ветерка, ни звука. Поселок спал после вчерашнего веселья. Солнце уже катилось высоко по небосклону, пригревая истосковавшуюся по теплу землю. «Градусов под двадцать, не меньше», - подумал Вячеслав, подставляя лицо ласковым лучам. Он несколько раз глубоко вдохнул, ощущая аромат на-

гретой солнцем хвои и слушая треск лопающихся на тополях смолистых почек. Постояв с минуту, он направился будить Гомянина с Матвеевым, а заодно поднял и Леву, крепко спавшего после дежурства. Рандеву на природу, как ему вчера сообщила по телефону Людмила, было назначено на десять.

- Ну, как там у тебя в Пелыме? – спросил приятеля Лева.

- Пока нормально все было. Думаю, и дальше все будет нормально. Соловьев парень опытный.

Ровно через час они вчетвером сидели за поселком, на поваленной сосне у обочины дороги, ведущей в сторону Комсомольского, и дожидались девчат.

- Так я предлагаю до Уха прошвырнуться, - продолжил настаивать на своем предложении Гомянин. – На реке все-таки, поинтереснее.

- Не, - возразил ему Матвеев. – Во-первых, топтать почти четыре версты, а, во-вторых, у воды, как ни крути, прохладно еще, простынут девки. Да и ты тоже.

- Не бойсь!

- А в Швейцарии мы от жары не сопреем? – спросил Лева.

- Не сопреем! Снег еще кое-где не стаял, жарко станет – окунешься!

Вячеслав в разговор не вмешивался, перебирая струны старенькой общежитской гитары, захваченной с собой. Наконец со стороны поселка на дороге появились три знакомых фигурки, а рядом незнакомая пара: мужчина с авоськами и женщина в ярком летнем платье. Через пару минут девчата и примкнувшие к ним Валера Крапивин с женой были рядом.

- Здравствуйте, мальчики! – вальяжно поздоровалась с сидящими на обочине Анна.

- Привет, мужики! – поздоровался со всеми Валера. – Давно на солнышке паритесь?

- Минут пятнадцать, - ответил Матвеев. – А ты, Валера, когда в Советском-то нарисовался? – спросил он бывшего сослуживца.

- Да, уже месяц почти.

- А чего у нас не появился?

- Да дела все. То работу искал, то пристрой у тещи отделывали.

- Понятно.

- Фу, запарилась тащить, - отдышавшись, заявила Галина, вручая авоську со снедью Матвееву. - Несите, красавцы, дальше! Куда, кстати, идем-то?

- На Швейцарию, - ответил Гомянин, забирая вторую авоську у Валентины.

- А чего?

- Спроси Матвеева, он настаивает.

- Матвеев, а почему в Швейцарию? – повернулась к капитану Галина.

- Потому, - не стал вдаваться в объяснения капитан, подхватил Валентину под руку и тронулся по дороге.

- Холодно у воды, - начал растолковывать Галке Юрий, но та, видимо, обидевшись на хамство капитана, только отмахнулась от объяснений лейтенанта, и последовала вслед за отдалившейся уже на некоторое расстояние и о чем-то оживленно болтающей, парочкой.

Юрка пожал плечами и последовал за разгневанной девицей. Лев, как всегда, не стал вмешиваться в перепалку: себе дороже, и тоже подался следом, подхватив под ручку Анну. За все это время Вячеслав и Людмила не промолвили не слова. Они держали друг друга за руки, боясь разжать пальцы. Он внимательно рассматривал ее лицо с сияющими от счастья влажными глазами и находил в нем все новые и новые, дорогие сердцу черточки, которые не заметил до сих пор. Наконец, очнувшись от оцепенения, Людмила нежно поцеловала Вячеслава прямо в губы в ответ на его легкое прикосновение губами к ее щеке, и широко улыбнулась:

- Ну, пошли, что ли? А то ребята вон уже куда утопали.

- Пошли! – одной рукой подхватил гитару и пакет с бутылками Вячеслав.

Второй рукой он обнял девушку за талию, не желая расставаться с ней ни на секунду, и повел вслед за удалившимися уже на довольно приличное расстояние друзьями.

- Не искали тебя еще? – поинтересовалась Людмила, повернув лицо к Вячеславу и заглядывая ему в глаза.

- Да нет, Бог миловал! Спят все после гулянки. Я в Пелым Соловьеву позвонил из общаги, там все в порядке. Жалко, конечно, что вечером уезжать нужно, - он вновь поцеловал, подставленные Людмилой податливые и такие желанные, уже припухшие от поцелуев губы. – А ты-то хоть скучала? Или не успела соскучиться?

- Дурачок! Скучала, конечно.

- А откуда этот Валерка со своей бабой взялись?

- Вчера с Анной случайно встретились, поболтали, ну, я и сказала, что в лес пойдем отдыхать. Она с нами напросилась, а я и не возражала, подруга все-таки. Валера тоже в вашей части служил, только раньше.

Они, наконец, догнали оторвавшуюся вперед группу, и, весело болтая о том, о сем, продолжили путь в местную Швейцарию. «Швейцарией» молодежь Советского прозвала высокие, с крутыми склонами песчаные гривы, нависшие над огромным болотом. Окаймленное по берегу густым березняком со стороны дороги на Комсомольский, и столетними соснами на вершинах грив с другой стороны, оно располагалось километрах в двух на запад от поселка в сторону реки Ух. Склон самой высокой и протяженной, изогнутой луком гривы смотрел на юг, и, поэтому, солнце припекало здесь особенно сильно. С вершины склона открывался живописный вид на кочковатое, рыжее болото, поросшее редкими, кривыми и полузасохшими сосенками. Нагретый воздух, дрожа, поднимался от поверхности болота, и казалось, что грива парит в воздухе, аж дух захватывало. Летом тут в изобилии росли белые и красноголовики, а на болоте к осени вызревала клюква. Сюда и привел приятелей и подружек Матвеев. Южный склон был уже без снега и практически сух. Кое-где на кустиках брусничника висели красные, прошлогодние ягоды, которые не успела скушать местная живность. Девчата расстелили на хрустящий беломошник старые одеяла, прихваченные кавалерами из каптерки Боговича, и тут же, на куске полиэтиленовой пленки разложили еду. Вячеслав

с Юркой притащили пару обломков сваленных когда-то ветром стволов, на которые и угнездилась вся компания. На правах старшего первый тост предоставили капитану, Виктору Ивановичу Матвееву.

- Ну, что, господа и дамы? Как говорится, весна неизбежна, что мы и наблюдаем, - Матвеев поднял голову и зажмурился, подставляя лицо уже не на шутку припекающему с небес светилу. - Поэтому, прошу поднять эти бокалы, - продолжил он, поднимая алюминиевую кружку, - за весну! Ну, и за международный день трудящихся, разумеется. Будем!

- Мудёр ты, Иваныч! - восхитился Лева. - Цицерон. Я предлагаю первый тост поднять за присутствующий дам, все-таки. За то, что они накрыли такой прекрасный стол и скрасили нашу угрюмую, мужскую компанию. А за трудящихся - попозже!

- Это еще почему? - поинтересовался у друга Гомянин.

- А потому, что Лева джентльмен, - оборвала Юрку Галина, - в отличии от тебя!

- Кончайте, граждане! - вмешалась в разговор Валентина, почувствовав, что он может закончиться перепалкой.

- Правильно, Лева, давайте за - дам, господа офицеры, - поддержал друга Вячеслав и ласково поглядел на сидевшую рядом Людмилу.

- За - дам, так за - дам! - не стал возражать Матвеев.

Все дружно выпили, закусили, и вскоре наперебой заговорили, кто о чем, не особенно вникая в смысл сказанного, да и толком не слушая собеседников. Просто хотелось говорить друг с другом, смеяться в ответ на простенькие анекдоты, и слышать знакомые голоса, возвращающие к жизни, всю зиму молчавший в оцепенении бор. Что тут было все эти долгие и томительные зимние месяцы? Только шуршание падающего с сосновых ветвей снега, плотно укрывшего метровым слоем землю под стволами, да вой нередких, злых метелей. Ну, может быть еще треск коры на стволах берез, растущих вдоль болота, когда жестокий мороз рвал ее, как перкаль, которой когда-то обтягивали крылья самолетов. А сейчас девичий звонкий смех разносился по всей округе, привлекая любопытных синиц и

поползней. Нахальные синицы садились, никого не боясь, прямо на импровизированный стол, и таскали хлебные крошки, чуть ли не из-под рук. К двенадцати стало совсем жарко, и все разделись до купальников, подставляя белые, истосковавшиеся по солнечному свету тела под ласковые лучи весеннего солнца. Расположившись на одеялах, девочки достали карты, а Матвеев с Гомяниным и Валерой присоединились к ним. Людмила с Анной вели о чем-то оживленную беседу слевой, а Славка в одиночестве поднялся на самую макушку гривы, обозревая окрестности. На противоположном, северном склоне гривы, защищенном от солнца тенью сосновых крон, еще лежал не растаявший, слипшийся в крупные зерна, а от этого рассыпающийся в ладонях, как крупа, снег. Упавшие иглы хвои покрывали его белоснежную поверхность.

- Слава, иди к нам! – донесся до него голос Людмилы.

- Подгребай, старик, повторим! – крикнул Матвеев, и Вячеслав спустился по склону назад.

- А там за горкой снег лежит, - сообщил он приятелям. – Не растаял до сих пор.

- Вот и хорошо! – высказался Матвеев, разливая по кружкам вино. – Станет совсем жарко, пойдем в снегу купаться. Не возражаете? Как девочки, пойдем?

- Вот еще! – зябко поежилась Валентина.

- А что, и пойдем! – поддержала Матвеева слегка захмелевшая от вина, а потому расхрабрившаяся Галина. – Вот только выпьем еще и пойдем! Правда, Люд?

- Вот это я уважаю! – поднял кружку Матвеев - Ну, давайте, с Богом! Чтобы хотелось и могло!

- Слава, спой что-нибудь, - попросила притулившаяся к присевшему на ствол Вячеславу Людмила.

Гомянин протянул Славке гитару, тот подстроил струны, взял два, три аккорда и на мгновение задумался о том, что бы ему спеть.

- Давайте все вместе, «Ты у меня одна», - предложила Валентина, и, не дожидаясь никого, запела своим приятным, бархатным голосом.

Славка вступил с гитарой и все хором подхватили знакомую песню. Испуганные синицы, облепившие кусты, взлетели на березы. Когда допели эту песню, начали новую. Славка вспомнил, что в поезде дописал-таки слова стихотворения на мелодию вальса, пришедшие ему в голову еще в Пелыме.

- Вальс! – объявил он, привстав и поклонившись, как со сцены, и запел:

*...Провела по щеке рукой,
Заглянула в глаза – покой, покой.
Сигарета погасла моя, и я,
А тебе уже снится другой.*

- Сам сочинил? – спросила Галина, когда Вячеслав закончил.

- А то! - ответил вместо друга Гомянин. - У нас в части все таланты, отчасти! – скалабурил он. - Так, что, прошу любить и жаловать! Поэт и композитор Вячеслав Решетников!

- Хорошая песня, - Валентина одобрительно улыбнулась Вячеславу, - только грустная. Давай, Слава, что-нибудь повеселей!

Славка поглядел на Людмилу, ожидая от нее реакции на его сочинение, но она только улыбнулась в ответ и ничего не сказала. Тогда он запел что-то бодрое, и все подхватили, оглашая лес громкими звуками.

- А как там Богович в общаге поживает? – поинтересовался у офицеров Крапивин. – Все так же тушенку из доппайков таскает?

- Богович домой с почетом отбыл. Сейчас другой работает, - пояснил бывшему сослуживцу Матвеев. – Этот еще не научился.

- Научится! – лениво произнес Гомянин. – Ему еще, как медному котелку, служить и служить.

- Ну, что вы так сразу о человеке, толком его не зная? – привстал, опираясь на локоть, загорающий Лева. – И потом, что вы с голоду опухли без этой самой тушенки?

- Слава, а спой еще что-нибудь, - попросила Анна, подсаживаясь рядом с Людмилой.

- Попробуем! – Славка вновь коснулся пальцами струн, подстраивая их.

Часам к двум солнце начало припекать не на шутку. Выпитое вино тоже разогрело организмы, только изнутри, и молодые люди на спор начали нырять в тающий снег. Визг и хохот огласили лес. Девчата, кроме Галины, так и не рискнули броситься в белую, зернистую, ледяную массу, но с удовольствием смотрели на бесплатное представление. Снег быстро отрезвил захмелевшие головы и освежил восприятие мира. Отогревшись на солнце и обсохнув от ледяной купели, все засобирались домой, и часам к шести вечера были уже в поселке, где и расстались, разбившись на пары. Вячеслав пошел провожать Людмилу домой, по дороге на минуту заскочив в общежитие и переодевшись в армейское. Пробирались они к ее дому, крадучись, переулками, чтобы не попасться на глаза кому-нибудь знакомому, или начальству. Елена Владимировна напоила их на кухне чаем с пирогами, а сама, извинившись и сославшись на какие-то неотложные дела, исчезла из дома.

- К приятельнице побежала, - пояснила Людмила, - недалеко тут, в соседний дом. Они там с отцом гуляют. Скоро придут.

- Э, тогда я, пожалуй, пойду! – засобирался Вячеслав, не имеющий особого желания встречаться с отцом девушки именно сегодня.

- Испугался, что ли? Эх, ты, а еще офицер! – рассмеялась подруга. – Сиди. У меня папа спокойный, не съест!

- Ничего я не испугался, - попытался оправдаться Славка, но у него это плохо получилось.

Людмила присела к нему на колени, и, обняв, прижала его голову к своей груди.

- Не бойся, я тебя в обиду не дам, мой хороший!

Вячеслав притих, ощущая биение ее сердца и вдыхая полными легкими пьянящий запах молодого женского тела. Он повернул голову, и губы их встретились. Так они просидели с полчаса, пока в дверь деликатно не позвонили. Вернулись родители, и Славке поневоле пришлось познакомиться с Анатолием Васильевичем, отцом его Людмилы. Мужиком он оказался ком-

панейским, они даже выпили по рюмке водки за знакомство, но потом Люда утащила Славку в свою комнату, посоветовав изрядно принявшему на грудь отцу идти отдыхать:

- Ты уже свою норму принял, папа! Да и Славе в половине восьмого нужно на поезд.

- Ладно, ладно, дочка, не учи старших, - попытался возражать отец. - Мы еще по одной со Славой примем и все! Правда, Слав? - спрашивал он лейтенанта, но под давлением жены и дочери отправился все же на покой.

Вячеслав до семи пробыл у возлюбленной, а потом быстрой рысью, постоянно оглядываясь по сторонам, долетел до вокзала и забрался в общий вагон. Поезд тронулся, и Славка с облегчением вздохнул: кажись, пронесло, никто его в Советском не видел. К двенадцати он уже входил в свою комнату на станции Пелым. Как он выяснил у Соловьева на следующий день, его так никто и не хватился.

- А тут-то, как дела обстоят? - поинтересовался Вячеслав у сержанта, - все живы здоровы?

- А, что тут может случиться, товарищ лейтенант? Скука тут одна и все. Выпили, правда, вчера винца маленько, но все в норму, без голдяжа.

Перед самым обедом позвонил Коля Суровцев, и, как человек особо приближенный к императору, а поэтому осведомленный обо всем, сообщил неожиданную новость:

- У нас новый комбат будет, понял? Ты пока только про это помалкивай.

- Да ты что!

- Точно. Грузин. Чабрава его фамилия.

- А Гука куда?

- А Гука - на повышение, в управление бригады забирают, начальником производственного.

- Дела, - задумчиво протянул в трубку Вячеслав.

- Дела, как сажа бела! - продолжил Суровцев. - Чабрава этот командиром роты, где-то на Тюмень-Сургуте ишачил.

- А он, что, уже в части появился?

- Нет. Завтра приезжает. Ты то, как там?

- Да, нормально все! Ну, бывай, не хворай! – закончил разговор с приятелем Вячеслав.

Он на несколько мгновений задумался, переваривая сообщенную приятелем новость, но потом, решив, что это его особенно не касается, занялся своими повседневными делами.

К ночи следующего дня прибыл Деряга с копией приказа по части, где Вячеславу предписывалось отправляться на Першино. В ночь Вячеслав не поехал, решив выспаться, как следует, а отбыл к новому месту назначения только на следующий день, к обеду, проспав почти двенадцать часов и плотно подкрепившись на дороге.

Глава 14

На Лозьвинском мосту заканчивалась сборка второго пролета. Вячеслав сошел прямо на объекте, соскочив с подножки вагона, когда состав едва полз по скрипящему и проседающему от веса поезда старому мосту. Вид огромного, металлического сооружения, взметнувшегося рядом, уже вызывал уважение. На высоте примерно пятого этажа от уреза воды, по верхним поясам ферм безо всякой страховки сновали крошечные фигурки людей, занятых работой. «И как только не бояться? - подумал Вячеслав, направляясь к вагончикам. – Навернешься с такой высоты – костей не соберешь, несмотря на то, что внизу вода! Куда только Васильев смотрит? Падали, ведь, уже!». К его немалому удивлению, первый, кого он здесь встретил, оказался доктор, Виктор Абрамян.

- Здорово, Витя! Сто лет тебя не видел! – радостно поприветствовал однополчанина Вячеслав. - А тебя сюда, каким ветром занесло? Или тоже в ссылку загнали?

- Привет! Да, вот, прислали санитарное состояние проверять. А чего тут проверять? – вздохнул доктор.

- И давно ты тут его проверяешь?

- Третьи сутки, - уныло ответил Абрамян, который страшно ненавидел всякие командировки.

- Ага! – понимающе кивнул Вячеслав. – Кстати, Иванов тут?

- Уехал с полчаса назад в поселок, но сейчас уже должен вернуться, - Виктор посмотрел в сторону вагончиков. - Да, вон, «газон» стоит, - указал он рукой в сторону ГАЗ-66, припаркованного у насыпи. - Наверно, нарисовался уже.

- А, чего мы тут тогда торчим? Потопали, что ли!

- Пошли, - Виктор двинулся вслед за Вячеславом в сторону прорабки.

- Как тут, в общем и целом, дела? - спросил приятеля Вячеслав.

- Работают, - неопределенно ответил Юрий.

В вагончике сидели и пили чай трое: Иванов, Игорь Васильев, капитан-монтажник из Тюмени и его лейтенант.

- Привет, господа! - поздоровался, бросив сумку с вещами в угол, Вячеслав, и пожал старым знакомцам руки. - Ну, как дела тут у вас? Как живете можете?

- Присаживайся, - пододвинул ему табурет Иванов. - Чай будешь? А ты. Витя?

Абрамян утвердительно кивнул.

- Игорь, у тебя людишки с ферм не звезданутся? - вместо ответа товарищу заметил капитану Вячеслав. - Гляжу, носятся, как угорелые, а внизу шпунт. Навернется кто, как топором раз-делает!

- Пусть носятся, - спокойно ответил капитан, - к середине июня нужно монтаж закончить. Кому суждено утонуть, тот не сторит! Ты, Слава, кстати, не забыл, чтобы все расписались за монтажные пояса? - обратился он к Славкиному тезке.

- Не забыл, Игорь Васильевич! И инструктаж внеочередной провел, - ответил лейтенант, предваряя последующие возможные вопросы.

- Вот и все! - повернулся капитан к Вячеславу. - Навернутся, сами виноваты будут, не могу же я каждого за руку водить. Не маленькие: не первый мост собирают!

- Тут один уже искупался, - вмешался в разговор доктор, пристроившийся на какой-то ящик в углу вагончика и шумно прихлебывающий горячий чай - Аккурат, между шпунтом и опорой угодил. Повезло мужику!

- А тут один рецепт: начал падать – толкайся в сторону, как можно сильнее. Река, она помягче, чем шпунт, будет! – философски заметил капитан. – Ну, в крайнем случае, только почки отпадут.

- Ты чай-то будешь, или нет? – вновь спросил Иванов Вячеслава.

- Наливай. Кстати, мужики, завтра или послезавтра Кривякин появиться должен. Мне так, по крайней мере, Бугрим перед отъездом по телефону нарисовал. Так, что, готовьтесь к очередной вздрючке!

- Только его и не хватало, - засуетился Иванов. – Надо хоть журнал работ заполнить, да акты просмотреть.

- Вот-вот! А я остальные бумажки перешерстю и подготавлию! Да и вам советую, - обратился Вячеслав к капитану.

- А нам-то что? У нас своего начальства хватает, - ответил капитан.

- Ну, как знаете. Мужиков-то на время проверки к лесрам пристегните на всякий случай. А то брякнет полковник вашему начальству, а вам это нужно?

- Пристегнем! Ты бригадира предупреди, когда приедут, - сказал капитан лейтенанту, и тот согласно кивнул в ответ.

- Ладно, я пойду, посмотрю, чем мои архаровцы занимаются, - поднялся из-за стола Иванов.

- Подожди, я с тобой! – поднялся вслед за приятелем Вячеслав. – Кстати, ребята, что вечером делать будете? Имеется предложение отметить мой приезд в «Лозьве». Ну, так как, никто не возражает?

- Что, разбогател? – спросил Игорь.

- Ну, разбогатеть – не разбогател, но на пару пузырей найдется! А на закуску наскребете, думаю.

- Наскребем, о чем речь! – сказал Иванов, открывая дверь.

- Тогда заметано! – выразил свое согласие с предложением Вячеслава и капитан. - Во сколько?

- В пол седьмого, как обычно! Да раньше, поди, и не освободиться. Ну, бывайте, до вечера! – попрощался Вячеслав, и двинулся вслед за Сашкой, уже вышедшим из вагончика.

- Я тоже прогуляюсь, - поднялся доктор, - подожди, Слав!

- Жду, - ответил Вячеслав и вышел на свежий воздух.

Следом из вагончика выскочил Юрий. Они поднялись на насыпь, где работал взвод Иванова, очищая детали конструкций пролетов и готовя их к монтажу.

Шипел воздух, вырывающийся из сопел пескоструйных агрегатов, отлетал от металла черный песок, пыля на всю округу. Бойцы, прокопченные, как черти в преисподней, подвозили на вагонетках подготовленные для очистки детали, а после очистки транспортировали их на мост.

- Лето скоро! – мечтательно протянул Абрамян, подставляя лицо ласковому ветерку и солнечным лучам.

Хотя уже было около пяти, солнце еще стояло довольно высоко. До белых ночей оставалось не больше полмесяца. По рельсовому пути они с Виктором прошли на мост, оставив бранящегося со своим сержантом Иванова у пескоструйных аппаратов.

- Поберегись! – раздалось за спиной, и вагонетка с очередной деталью пролетного строения, которую толкали два бойца, прокатилась мимо посторонившихся лейтенантов. В конце повисшего над водой второго пролета ее тут же зачекеровали, и деррик-кран с удивительной легкостью установил деталь на место. Было видно, что у Васильева люди умеют работать, и опыт какой-никакой имеется. Застучали кувалды, забивающие временные пробки. С интересом, понаблюдав некоторое время за ловкой, слаженной работой монтажников, лейтенанты решили, что нечего болтаться под ногами у занятых людей и вернулись на берег. Иванов уже закончил свои разборки, и, сидя на пригорке, курил, пуская дым в небеса. Вячеслав присел рядом и тоже закурил. Юрий подался в вагончик, где что-то там забыл, и Вячеслав попросил доктора захватить оставленное барахло, когда тот будет возвращаться.

- Ну, что, в поселок? – спросил приятелей Вячеслав, когда вернулся из прорабки Виктор, принесший его сумку.

Лейтенанты поднялись и пошли пешком, не дожидаясь машины. Хотелось подышать воздухом, да и лишний раз не гонять

«газон» туда-сюда, благо погода позволяла. Славкину сумку с вещами оставили бойцам с наказом подвезти после работы. Прибыв в расположение, Вячеслав пошел доложиться Кареву.

- Здравствуйте, Владимир Иванович! – бодро поздоровался он с заместителем, сидевшим в штабе за какими-то бумагами.

- Привет, Решетников! – поднял голову капитан, оторвавшись от чтения. – Давно прикатил?

- Да, нет, только что, дневным.

- В курсе, что штабники из управления нагрянут?

- В курсе. Бугрим предупредил. Сказал, что, вроде, Кривякин прибудет, да и комбат завтра тоже подъехать обещал.

- Насчет Кривякина, не знаю, но кто-то из заместителей точно прикатит. Сам понимаешь, мост к июлю сдавать надо. Иди, устраивайся, а я тут бумаги разберу, а то за целую неделю почти принесли. Отвратительно почтамп работает, спустя рукава, неделями корреспонденцию копят. Или работать у них некому, зарплата-то копеечная.

- Кстати, Владимир Иванович, вы в курсе, что комбата в бригаду переводят, а нам нового с сургутской трассы присылают? Или это Суровцев просто так балаболит?

- Вот трепло несчастное! Никак не может помолчать. Уже разнес по батальону раньше времени.

- Да, нет, вроде! Мне, как бы по секрету сообщил.

- А он всем по секрету сообщает. Поговорку помнишь: что знают двое, то знает весь мир!

- Так это, все-таки, правда, или нет?

- Правда, не правда. Не знаю! А если и переводят Гука, то попутный ветер ему в паруса. Четыре года мужик на батальоне, пора уже. Ладно, иди, не нашего ума это дело. Тем более, тебе на гражданку скоро, а мне, надеюсь, в академию.

Вячеслав отправился в общежитие, где его уже ожидали. Зубков, которого для усиления контингента на объекте тоже накануне вышибли из Советского, гладил рубашку, Иванов просто валялся на кровати, а Виктор, как обычно, что-то читал.

- Коля, привет!

- Привет, Слава! Что, как говорится, из огня, да в полымя? –

намекнул старлей на затянувшуюся командировку. – Слышал, прямо из Пелыма – сюда!

- Усегда готов, товарищ старший лейтенант! – вытаращив глаза и вытянувшись в струнку, прокричал в ответ Зубкову Славка. – А ты чего валяешься? – повернулся он к Иванову. – Подъем! Уже шесть, а опаздывать непорядок, тем более что горячее финансирую я. Ребята могут подумать, что зажались мы. Коля, ты с нами?

- А вы куда собрались?

- В «Лозьеву». А, что, тебе эти вахлаки ничего не сказали?

- Не удостоили.

- Вот засранцы! Старшего товарища решили обнести, не общили. Так ты как?

- Можно часика два посидеть, - на секунду задумался, что-то взвешивая про себя Зубков.

- Что, опять на охоту прицелился? – понимающе спросил Вячеслав.

- А как же! – отозвался с кровати Иванов. – Утка же полетела! Мы ему, поэтому и не сказали, думали не пойдет.

- Ты помолчи лучше, эмбрион! - цыкнул на Иванова Николай, надевая наглаженную рубашку. – Один хотел нажраться, на халяву! Поднимайся, бить буду!

- Вставайте мужики, некогда уже, - начал сердиться Славка. – А то мы с Колей вдвоем уйдем.

- Видишь, встал уже! – поднялся с кровати Сашка.

- Ну, а ты? – спросил Абрамяна Вячеслав.

Тот отложил книгу, посмотрел на ожидающих его товарищей, встал и пошел к вешалке за фуражкой:

- Я тоже с вами, пожалуй.

- Ну, вот и хорошо.

К «Лозьеву» лейтенанты подошли одновременно с монтажниками. Те только что возвратились в поселок.

- Даже домой не заходили, - пояснил Игорь. – А ты, Коля, какими судьбами здесь. Ты же это злачное место обычно категорически игнорируешь.

- А у него зазноба куда-то отъехала! – подколол старшего

лейтенанта Иванов, но тот только отмахнулся от Сашки, как от надоедливой мухи, пожав капитану руку.

Заказав выпивку и закуску светловолосой Зое, приятели откинулись на спинки пластмассовых кресел, и в ожидании заказа заговорили о предстоящей инспекции.

- Беспокоится высокое начальство, - начал Славка, - зачистило что-то.

- А как ты думал, - достал сигарету и чиркнул спичкой Игорь. - Начальству в первую очередь нужно свой зад прикрыть. Вот ты подумай: ну, влепят тебе выговор за не ввод моста, ну даже десять суток, допустим, впарят, и что? А, ничего! Как был ты Славой Решетниковым, лейтенантом техчасти, так и останешься. Нечего с тебя взять. А если главному инженеру бригады выговор объявят? Катастрофа! Ему уже на батальон идти никак нельзя, да и не пустят, поскольку не справится. И куда его после этого? На пенсию в лучшем случае. А в худшем, в соседнем корпусе, где-нибудь в отделе штаны протирать за гроши у сопливых старлеев в подчинении. А вот, если он вперед с тебя шкуру сдеет, то ему, глядишь, за рвение и простят. Понял? На то она и щука, чтобы карась боялся!

- Как-то вы, Игорь, слишком просто все объясняете, - откликнулся на слова капитана Абрамян. - Неужели все начальство только из-за своих портфелей крутится? Может быть, и среди начальства есть энтузиасты? Не все же только ради карьеры работают?

- Про всех не знаю, но из тех, которые попадались до сих пор, большинство точно - не альтруисты. Так, что, подмывайтесь, пацаны, и терпите!

Зал ресторана был наполовину пуст, да и понятно - время еще было раннее. Через столик пирировала странная компания то ли бывших зэков, то ли рабочих с гидролизного. Отличить одних от других было весьма проблематично, тем более что они то и дело перетескали из одной категории населения в другую. Наконец, из кухни появились обе официантки с подносами, на которых красовались бутылки с «Перцовой», кружки с пивом и нехитрая закуска, селедочка с луком.

- Горячее попозже принести? – спросила Зоя.

- Конечно попозже, Зочка, - подтвердил Иванов. – Тысячу лет тебя не видел. Замуж не вышла?

- А за кого? За тебя, что ли? Так у тебя и так две жены. Га-рем, что ли хочешь открыть?

- Здравствуй, Игорек! Что-то тебя давно не видно? – обратилась к капитану брюнетка, накрывая стол. - Не заболел ли?

- А, привет, Клава! – с неподдельным удивлением в голосе, как будто он только что заметил девушку, встрепенулся капитан. – Что ты спрашиваешь? Нет, не болел. Просто работы навалилось невпроворот, да и начальство без конца с проверками надоедает, - соврал он девушке, не моргнув глазом.

- Ну-ну! Вы все в делах значит, - Клава закончила разгрузку подноса и выпрямилась. – Может, еще что желаете, господа офицеры? – в голосе женщины мелькнули схидные нотки.

- Ты, что, Клава? Обидел кто, что ли? – удивленно спросил Вячеслав, зная незлобивый и легкий характер давно знакомой официантки.

- Не беспокойся, Слава, никто не обидел. Они все сами знают, а Бог не фраер – все видит! – сверкнула в сторону Игорька взглядом из-под бровей и круто развернулась официантка.

Она едва не задела по носу взметнувшимся подолом напустившего на лицо выражение отстраненности и безразличия капитана, продолжавшего сосредоточенно ковыряться в тарелке с закуской.

- Ишь, ты! – удивилась поведению подруги Зоя. – Какие мы, однако, нервные. Ты бы Игорь как-то объяснился с ней, все-таки! - обратилась она к капитану, - А то девка, невесть что, намечтала, а сейчас мается, дура! Я-то все понимаю, конечно, но мои-то слова до нее не доходят.

- Что? – спросил Славка у официантки, переведя взгляд на капитана, и отхлебнул из кружки. – Любовь неразделенная?

- А то!

Зоя, поджав губы, сунула опустевший поднос под мышку и, не говоря больше не слова, отправилась вслед за подругой на кухню. Славка снова вопросительно посмотрел на молчащего

и, как ни в чем не бывало, жующего Игоря. Так и не получив никакого пояснения случившемуся у него на глазах недоразумению, лейтенант перевел взгляд на Зубкова.

- Не бери в голову, сами разберутся! – Зубков разлил по рюмкам «Перцовую», но Абрамян к удивлению Славки неожиданно отодвинул свою.

- Я Зое коньяка заказал, - пояснил он в ответ на молчаливый вопрос сослуживцев, - сейчас принесет.

Вячеслав от такого только хрюкнул нечленораздельно. Ишь ты, интеллигенция проклятая, коньяк ей подавай!

- Не беспокойся, Слава, я сам заплачу, - пояснил приятелю в ответ на возмущенное хрюканье Виктор, - а от «Перцовой» у меня изжога, - сообщил он остальным.

- Сам ты – изжога! – вымолвил, наконец, на минуту онемевший от изумления Зубков. – Не хочешь, ну и черт с тобой! Давайте, мужики! – обратился он к остальной компании.

Все дружно чокнулись, выпили и принялись закусывать. Появилась Зоя, неся в руках лафитник с коньяком для Абрамяна.

- Вот, пожалуйста, Витя!

- Спасибо, Зочка!

- Не за что. Может еще чего принести?

- Слышь, Зой, - неожиданно встрепенулся капитан. – Ты Клавье передай, что я сегодня к ней после смены зайду, или здесь подожду, если хочет.

- А, что, самому сказать – язык отвалится?

- Ну, я тебя прошу, передай!

- Ладно, передам.

Ресторан постепенно наполнялся. В противоположном углу устроились знакомые офицеры из батальона Еременко, которые прибыли в Першино для приемки грузов и обустройства жилья. Задачей очередного прибытия путейцев была врезка постоянных стрелок в действующий путь, и окончательная отделка подходов к мосту, как только окончательно оттаит земля на насыпях. Остальная публика была разношерстной и по-своему живописной. Женщин было мало, и, когда в предбаннике, у гардероба появилась шумная компания девиц, мужская часть зала

оживилась. Девушки устроились за столиком у окна, на котором до этого красовалась табличка «заказано». Абрамян, узнавший в одной из девушек свою старинную приятельницу, бухгалтершу с гидролизного, тоже засуетился и, едва дождавшись, когда тех обслужили, тут же отплыл с полной рюмкой своего паршивого коньяка к столику девушек. Судя по бурной жестикуляции лейтенанта и доносившемуся оттуда хохоту, он начал им рассказывать что-то такое смешное. Хохот компании то и дело перекрывал звучащую из магнитофона музыку.

- Гляньте, ребята! – кивнул в сторону охмуравшего девушек Виктора Зубков. – Ну, прямо, вылитый Кирк Дуглас!

- Работает! – заметил прихлебывающий пиво Иванов. – Перья распустил!

- И правильно делает, - Вячеслав разлил перцовку по рюмкам.

- Мужики! – внезапно предложил, обычно всегда сторонящийся такого времяпровождения Зубков. - Надо бы и нам пойти, потанцевать, да потискаться с девочками, а то сидим, как бирюки. Женщины – они облагораживают мужской пол! Ты, как, Игорь?

Славка сразу понял, что Николай пытается отвлечь от неприятных мыслей замкнувшегося в себе капитана и разрядить возникшую в компании после неожиданного выпада Клавдии неловкость.

- Нет, я пас, – отказался капитан. - Вон, бери Славика! Он у нас не целованный, - Игорь похлопал по плечу зардевшегося от таких слов подчиненного. – Ему надо! А то он у меня никогда и никуда не ходит.

- Да, ладно вам, Игорь Васильевич! Ничего мне не надо, - порозовел смущенный лейтенант.

- Надо, надо, - подтвердил слова капитана Зубков, окончательно вогнав в краску Славика. – Да не красней ты так! Девки вон, какие ядреные, с огоньком! Ну, что, давайте повторим, что ли, и в бой?

В этот момент, заглушая последние слова капитана, в зале возник какой-то непонятный шум. Повернув голову в сторону девушек, Вячеслав увидел, что рядом с их столиком топчется пара

местных аборигенов, пытающихся пригласить разнаряженных красавиц на танец. Те, видимо, отказывали, но аборигены решительно и не совсем адекватно настаивали на своем.

- Вы чо, девки, совсем оборзели! – махал перед девицами пачкой денег один из алкашей. – Видите, люди с зоны откинулись, гулять хотят! Ну, ты что, чернявая, морду-то воротишь?

Вячеслав не успел даже заметить, когда со стула поднялся Виктор, пытаясь урезонить подпивших мужичков. Боковым зрением он уловил уже тот момент, когда Абрамян начал падать, получив неожиданный и хлесткий удар в челюсть. В первый миг Вячеслав просто ошарашен от такого поворота дел. Но уже мгновением спустя с криком – наших бьют! – он летел в сторону, обнаглевших до крайности, мужиков. Они что, головками тронулись, бить офицера!? Все события, произошедшие дальше, воспринимались чередой отрывков, как в замедленном кино. Ясно Вячеслав запомнил только медвежью фигуру Зубкова, от которого, как от стены, отскакивали подоспевшие на помощь своим, уже валяющимся на полу собратьям остальные зеки. Да еще Игоря со Славиком, стоящих посередине этой кучи малы спиной к спине. Визжали девицы, а бесстрашная, привыкшая и не к таким переделкам Зоя, колотила подносом всех, кто попадался ей под руку без разбора. Вмешавшиеся в драку путейцы склонили чашу весов в пользу армейского состава, и минут через пять зал был очищен от разгулявшихся бичей. Те, кто могли передвигаться, сбежали сами, а тех, кто уже не шевелился, просто выкинули на улицу, раскачав за руки и за ноги.

- Кто мне теперь за заказы заплатит? – причитала напуганная до смерти Клава, но решительная Зоя тут же успокоила ее:

- Куда они в задницу денутся? Завтра приползут и заплатят, как миленькие! Еще и извиняться будут, скоты!

У Вячеслава огнем горело левое ухо, по которому он изрядно получил от Виткиных обидчиков, а Иванов зажал распухший нос платком, измазанным кровью. К удивлению помятых победителей Зубков не получил ни царапины, хотя в принципе ничего удивительного в этом и не было; как никак мастер спор-

та по вольной борьбе. Да и вес за сотню килограммов. Игорь со Славиком тоже уцелели, а пострадавший первым Виктор уже получал первую медицинскую помощь от охающих над ним девиц, из-за которых и возникла вся эта буча. Когда все улеглось окончательно, выпили за дружбу вместе с пришедшими на выручку ребятами из путевого батальона, а потом все вместе разводили по домам напуганных девиц, опасавшихся мести со стороны побежденных. Но в поселке было на удивление тихо и спокойно. Вячеславу припомнилось, как однажды, тут же, на танцах, местные парни точно так же пытались обидеть ребят из мехбата. Но те мгновенно охладили пыл разгоряченных спиртом юнцов, подняв роту бойцов в ружье. Мало не показалось. Местные органы попытались жаловаться, но командование, пообещавшее разобраться с подчиненными, спустило все на тормозах. Да, и то, не хватало еще, чтобы какие-то синяки обижали офицеров безнаказанно. Ну, а категорически запретить молодым людям ходить в клуб, влюбляться и жить жизнью нормального человека никто приказать не мог.

Короче, вечер удался на славу, как потом рассказывал всем, кто интересовался причиной возникшего у Абрамяна лилового фингала под глазом, Иванов. Кое-что, конечно не без участия какого-то стукача-доброхота или просто болтуна, дошло и до начальства, поскольку на объект внезапно прибыл сам Бутрим. Он долго вынюхивал, что же все-таки произошло, но не получив ни от кого из участников определенных и точных сведений, долго разглагольствовал на ужине о воинской дисциплине в батальоне, и правилах, как надо себя вести с местным населением. Все внимательно слушали капитана и кивали, соглашаясь с ним. Но на вопрос, почему у Абрамяна синяк под глазом, тот бодро ответил, что случайно ударился о спинку кровати, когда ложился спать:

- Свет погасили, товарищ капитан, а кто-то табурет из прохода забыл убрать, вот так и вышло.

- Шел – споткнулся, очнулся – гипс! – прокомментировал слова Витьки фразой из популярного фильма Иванов.

- Осторожнее надо быть, - ехидно посоветовал Виктору Бутрим, и отбыл в Советский ни с чем.

А на следующий день нагрянула очередная, правда давно ожидаемая, и потому не опасная, комиссия из бригады. Но, самое главное, за некоторое время до прибытия комиссии, из Советского подъехал новый комбат, который, и это понятно, еще ни разу не бывал в Першино. С ним прибыл и Гук, чтобы представить человека личному составу, ну, и передать, так сказать, дела на месте.

На утреннем разводе Карев доложил Гуку, что вверенный ему личный состав здоров, никаких происшествий не случилось, а строительство моста ведется согласно графику. Гук в свою очередь представил народу нового командира батальона.

- Капитан Чабрава, Шалва Александрович. Прошу любить и жаловать. Прибыл к нам из Свердловска, из управления корпуса. А до этого служил в Пыть-Яхе, на Севере.

Сухощавый, молодой грузин, с легким акцентом в речи сразу понравился Вячеславу. Он просто, с легкой, ироничной улыбкой в уголках губ поведал вкратце о себе, выразив надежду, что личный состав не подведет его, да и себя тоже в их дальнейшей совместной службе, и познакомился с каждым из офицеров, которых представил ему Гук.

- А теперь на мост, Шалва Александрович? Решетников, садись с нами в машину, будешь показывать, – приказал Славке Гук. - А вы, мужики, по местам, встречать начальство из бригады! Ты проследи, Владимир Иванович, чтобы все в порядке было. Комиссия часам к одиннадцати нарисуеться, их вагон с порожняком под лес подтянут.

- Не беспокойтесь, Александр Александрович, все будет в полном порядке!

- Когда встретишь, вези всех на мост. А лучше не надо. Мы с Чабравой сами сюда к той поре подъедем.

- Александр Александрович, - задержал Гука на минуту неожиданным, но, видимо, наболевшим вопросом Карев, - как там у меня с академией, вы не в курсе?

- Извини, Владимир Иванович, не в курсе. Сам понимаешь, замотался с этой передачей дел. Но ты не беспокойся, я сегодня же перезвоню в корпус Шимановичу.

- А что, капитан в академию собирается? – поинтересовался у Гука новый комбат.

- А! – безнадежно отмахнулся Карев.

- Да, вот, Шалва Александрович, в третий раз уже, - пояснил такое настроение Карева Гук. – Может в этот раз повезет.

- Не расстраивайтесь, капитан! – подбодрил Чабрава заместителя. – В этот раз обязательно получится. Ну, что, поехали? – повернулся он к Гуку.

- Поехали, Шалва Александрович. А ты, Владимир Иванович, действительно не расстраивайся раньше времени.

Минут тридцать Вячеслав водил начальство по стройке, рассказывая, где и что расположено. При разговоре капитан к его удивлению оказался вполне компетентным и подкованным в инженерных вопросах человеком. Он живо интересовался подробностями строительства, с интересом просмотрел исполнительную документацию и графики, и, похоже, остался доволен состоянием дел на объекте.

- Вы только, товарищ лейтенант, полы подчиненных заставьте помыть! – указал он покрасневшему от этого замечания Вячеславу на грязь в штабном вагоне.

- Есть, товарищ капитан!

- Надеюсь, что у нас с вами никакого недопонимания не будет в дальнейшем, Решетников, - пожал Вячеславу руку капитан. – Вижу, что в делах вы толк знаете, ну, а остальное мы выясним, когда поближе познакомимся.

- Ну, и как общее впечатление, Шалва Александрович? – спросил капитана вошедший в вагон Гук, оставшийся на улице переговорить по какому-то вопросу с Виктором Абрамяном.

- Хорошее впечатление, Александр Александрович! Хозяйство у вас крепкое. Да, и офицеры грамотные, - кивнул он в сторону Вячеслава.

- Грамотные – это да! Но не без закидонов. Глаз да глаз нужен! Я прав, Решетников?

- Ну, что вы, товарищ майор, - скромно потупился Вячеслав. – Мы же ангелы!

- Ага, особенно, когда зубами к стенке спите и поскрипываете!

Знаю я вас, архаровцев, - махнул рукой комбат. – Ну, что, Шалва Александрович, поехали на станцию встречать начальство?

- А, что, уже пора, - взглянул на часы Чабрава. – Действительно, уже половина одиннадцатого. Поехали, Александр Александрович.

Он пожал Славке руку, и, пожелав успехов, вышел вслед за Гуком. Вместо начальства в вагоне тут же возникли Иванов и Абрамян.

- Ну, и как тебе капитан? – спросил Вячеслава Сашка.

- Да, ничего, вроде, мужик, понимающий, - неопределенно пожал плечами Вячеслав. – Узнаем получше, понятнее будет.

- А мне понравился, - заявил Абрамян, наливая чайник. – По разговору видно, что интеллигентный человек.

- Это ты в нем родню свою признал, вот он тебе и понравился! – заржал Иванов.

- Фу, какой вы Саша, однако, русофоб и, к тому же, придурок, - отмахнулся от лейтенанта Виктор. – Достань-ка лучше сахар из ящика. Давайте лучше чаю попьем, пока есть время, а то комиссия нагрянет, некогда будет, господа.

- Не первая и не последняя, - отозвался насчет комиссии Сашка, - переживем!

- Это – точно! – подытожил Вячеслав. – Наше дело правое – мы победим, как говаривал товарищ Ленин! Или Сталин? Не помню. Наливай, Витя, да покрепче!

Три дня спустя, Вячеслав сидел, вечером, ближе к концу смены на берегу Лозьвы, чуть пониже моста, вместе с прибывшим из Советского Левоу. Они смотрели на неподвижные поплавки заброшенных в воду удочек. Багровое солнце клонилось к закату, подсвечивая алым, взметнувшиеся к самому небу, стальные конструкции пролетов. При таком освещении не было заметно пятен грунтовок, которой закрашивали сборочные стыки и соединения. Мост казался одноцветным: в тени – чуть сиреневым, ближе к свету – розовым, а на гранях огненным. Вячеслав достал сигарету и чиркнул зажигалкой.

- Красиво! – сказал он, показывая глазами на мост, не сразу понявшему, о чем идет речь Левоу.

- Ничего, - подтвердил приятель. – Вот, только, эту старую развалину разобрать надо, - показал он рукой на старый мостовой переход, - а то весь вид портит. Словно карлик-горбун возле великана.

- Надо сначала по этому проехать, а старый в пять минут монтажники разберут. Им это, как два пальца.

- Ну, что, Слав, будем удочки сматывать? – предложил Шварцер. – Один черт ни разу не клюнуло.

- Да, что-то сегодня совсем глухо. А мужики говорили, что позавчера плотва, как бешеная брала.

- Ты побольше слушай, и не такое расскажут. Хотя, всякое может быть. Погода, видимо, меняется, видишь, какое солнце красное.

- Пошли, - поднялся Вячеслав, - а то вон, народ уже к машинам потащился, как бы не оставили.

- Там же Иванов, не забудет, поди?

- А он-то, откуда знает, где мы. Может, уже и сам в поселок отбыл.

- Ну, тогда пошли быстрее, а то пехом придется шкандыбать.

- Где вы ошиваетесь? - встретил приятелей возле машин взъерошенный и возбужденный Сашка. – Слышали новость?

- Что случилось-то? – спросил Лева. – Война началась?

- Какая к черту война! – не понял Иванов.

- Ядерная, конечно.

- Да ну вас в задницу!

- А тогда, че ты такой запаренный? – поддержал приятеля Вячеслав, направляясь к грузовику.

- Позвонил Суровцев из Советского, говорит, что новый комбат шею свернул.

- Да ты что? Прямо так и сказал? – недоверчиво переспросил Лева.

- Вот и что!

- А ты Колю слушай побольше, он тебе и не такого наплетет! – сплюнул под ноги Вячеслав, доставая сигареты.

- Да, нет, правда! Говорит, были вместе с Гуком в депо, осматривали надземные резервуары, ну, эти, здоровые башни

из колец, что возле главного корпуса торчат. Шалва полез на один посмотреть, что да как, а потом решил на другой перейти, там бойцы пару досок перебросили, чтобы каждый раз вниз не спускаться. А досочка-то возьми и подломись. И полетел наш новый, как горный орел. Хорошо еще, что внизу никакой арматуры не оказалось, а то бы кранты!

- Так ты же сказал, что шею свернул!

- Ну, это я так, образно.

- Балабол ты, Сашка! – Славка прикурил и глубоко затянулся.

- Может пойдем, позвоним Кольке, уточним? – спросил Лева.

- Да, он сам толком ничего не знает. Сказал, что позвонит снова, когда все разузнает.

- Я же говорил, что трепло он! – вновь сплюнул под ноги Вячеслав.

- А чего вы собачитесь попусту? – остановил приятелей Лева. - Поехали в поселок, оттуда и перезвоним попозже.

Через двадцать минут они уже подъезжали к расположению. Капитан Карев встретил офицеров на крыльце штабного помещения.

- Отработали мужики? Ну, как дела?

- Дела нормально, товарищ капитан, - отрапортовал за всех Сашка. – А вы в курсе, что новый комбат с резервуаров в депо свалился?

- В курсе, Саша, в курсе! Ну и что?

- Ну, как же! Без головы, можно сказать, батальон остался! – замялся, обескураженный совершенно спокойным видом капитана, Иванов.

- Во-первых, Гук еще дела не сдал, Саша, а во-вторых – свято место пусто не бывает! Тебе, что, Стешенкова мало, или замполита? А потом, Чабрава всего лишь руку в предплечье сломал. Даже не перелом у него, а трещина. Наложат гипс, и – порядок! А командовать и с загипсованной рукой можно. Так, что, не кипишись, Саша, без командиров не останемся. А вы-то откуда про Чабраву узнали?

- Коля Суровцев, как обычно, панику развел, - чиркнул зажигалкой, прикуривая, Славка.

- Баламут ты, Саша! – сказал Лева. – Шею свернул, да шею свернул!

- А я-то тут при чем: мне сказали, а я вам сообщил. Что купил, то и продаю.

- Хорошего, конечно мало! – достал сигарету и Карев. – Производственная травма. Так, что, собирайся-ка Решетников в Советский, ты же у нас техника безопасности. Акт составить надо. Подмойся, кстати, когда проверка придет, да бумаги все подшерсти. Выговорешник тебе и так и сяк обеспечен.

- А я-то тут причем?

- А вот тут, товарищ лейтенант, вы глубоко заблуждаетесь.

- Вот, блин, не было печали, - чертыхнулся Вячеслав, вспомнив, что за технику безопасности в батальоне отвечает он лично.

Последние полгода в батальоне не было ни одной серьезной травмы, и – на тебе!

- Пошли, мужики, ужинать, - пригласил всех Владимир Иванович, - по рюмке спиртика налью!

- По какому поводу, товарищ капитан? – оживился Иванов.

- Да, день рождения у меня!

- Ну, вы даете, товарищ капитан! Зажилить хотели событие? – заулыбался Лев. – Поздравляем!

- Тут одной рюмочкой не обойтись, - присоединился к поздравлениям Вячеслав.

- Ну, тогда по две, - согласился Карев, - но не больше. Тебе к тому же ночью выезжать.

- А что ему сделается, из вагона не выпадет, поди! – засмеялся Иванов. – Ну, что, мужики, пошли в столовку?

Всей группой, разговаривая между собой, они направились в столовую, по дороге козыряя встречным бойцам. А ночью Вячеслав отбыл в Советский.

Был канун Дня Победы, и Славка посчитал, что ему здорово повезло встретить праздник с любимой девушкой, а не с надоевшими приятелями в «Лозьве». Если бы еще не этот нелепый случай с новым комбатом, то можно было бы расслабиться, как следует. А тут не разгуляешься больно, сиди, жди проверки. Надо точно все бумаги просмотреть, как посоветовал Карев. А

то, к чему-нибудь да прикопаются.

К немалому удивлению Вячеслава проверяющие из бригады так до праздника и не появились. То ли посчитали, что несчастный случай не заслуживает столь высокого внимания, то ли праздник помешал выехать. Да и кому охота в выходные дни мотаться по поездкам, начальники ведь тоже люди. Тем более, что Славка накануне позвонил в бригаду инженеру по технике безопасности, капитану Железнякову, что акт по несчастному случаю составлен своевременно, расследование произведено, а материалы отправлены по назначению. Девятого, в честь праздника, переодев часть людей, тех, кто более менее прилично умел маршировать, в парадную форму, батальон вывели в поселок. Здесь он в составе сводной колонны военнослужащих всех трех воинских частей, базирующихся в Советском, принял участие в своеобразном военном параде перед демонстрацией. Местные власти хотели, видимо, придать празднику Победы этакий, столичный шарм. Раз там проходят парады, почему и у нас не провести? Роту мостостроителей возглавил капитан Бугрим. Так посоветовал Чабраве пока так и не отбывший к новому месту службы Гук. Во-первых, потому, что замполит лучше всех умел маршировать в строю, а, во-вторых, мужик он был высокий, статный и симпатичный, тем более, что Чабраве с гипсом на руке участвовать в параде было совсем несподручно. Они с Гуком, который к этому моменту уже передал капитану дела, и полковник Еременко, командир путевого батальона, стояли вместе с районным руководством на деревянной трибуне, установленной на площади около дома культуры, рядом с гипсовым памятником вождю и принимали парад. Вячеслав с Матвеевым смешались с толпой, сбившейся по обе стороны улицы Ленина, и глазели на происходящее. От парада их, слава Богу, освободили: Виктора, видимо, посчитали староватым для этого, а про Вячеслава просто забыли по запарке. Пока не началась демонстрация, он, вытянув шею, обводил глазами это пестрое, шумящее сборище людей, пытаясь разглядеть в толпе знакомый силуэт.

- Что, все Людмилу высматриваешь? – спросил, усмехнув-

шись, Матвеев. – Не волнуйся, появятся наши девочки, тем более, смотри, какая погода – на загляденье!

Погода, действительно выдалась отменная. Накануне было прохладно, а в этот день и ветер стих, и солнце пригревало, почти, как летом. Ветераны вышли на улицу в костюмах, обвешанные медалями и орденами. Они, улыбаясь, радостно здоровались друг с другом, как будто не виделись много лет. Ну, а молодежь с нескрываемым интересом рассматривала награды за ту великую войну, которую пришлось пройти этим людям. Наконец, первый секретарь райкома выступил на трибуне вперед, поднял руку, и толпа стихла. После короткой речи духовой оркестр заиграл «Прощание славянки», три сводных роты браво прочеканили шаг по бетонным плитам улицы, и колонны работников местных предприятий, украшенные знаменами, транспарантами и цветными шариками, пошли мимо трибуны под несмолкающие крики «ура». В этот момент две теплые, мягкие ладони закрыли Вячеславу глаза. Он сразу узнал запах знакомых духов, и, развернувшись, подхватил счастливо улыбающуюся Людмилу, крепко прижав ее к груди.

- Отпусти, раздавишь ведь! – взмолилась девушка, но влюбленный взгляд сияющих серых глаз говорил совершенно о противоположном.

Не отпуская ее, и не стесняясь окружающих, Вячеслав поцеловал Людмилу прямо в губы, и она ответила ему тем же, обняв лейтенанта за шею.

- Ну, хватит нацеловываться, а то просто завидки берут! – услышал Вячеслав за спиной знакомый голос Галины и осторожно опустил Людмилу на землю.

- Привет, Слава! – рядом с Галиной стояла ее неразлучная подружка Валентина.

- Здравствуйте, девочки! – опередил Славку Матвеев. – С праздником вас, красавицы! Счастья вам и женихов богатых!

- Вот-вот! – засмеялась Валентина. – Это бы точно не помешало. А то мужиков вокруг тьма, а замуж идти никто не предлагает.

- Ну, Валечка, еще не вечер! Может, кто и предложит вдруг

руку и сердце, так сказать! – Виктор подхватил обших подружек под руки. - Куда двинемся мои хорошие?

- К Володе, - вмешалась в разговор Людмила. – У Перминова и Натальи сегодня что-то вроде помолвки: подали заявление в ЗАГС, - она, как-то загадочно, взглянула на Вячеслава.

Славка почувствовал некоторое смущение от этого странно-го взгляда, тот посыл, который в нем присутствовал, но тут же постарался взять себя в руки, и сделал удивленный вид.

- Да ты что? – воскликнул он. – А я и не знаю даже. Правда, я и Перминова-то не видел после возвращения.

- А чему ты удивляешься, - повернулся к Славке Матвеев. – У него же через месяц дембель. Тут или пан, или пропал! Или, если выразиться точнее: либо женись, либо отваливай, не морочь девушке голову! Ты-то, Решетников, когда Людочке предложение сделаешь? – ошарашил он Вячеслава неожиданным вопросом.

- Вот еще! – пришла на помощь Славке Людмила. – Нам и так хорошо, правда, Слава? – но при этом она вновь с каким-то странным выражением на лице посмотрела на возлюбленного.

- Рассказывай кому! – отпарировал девушке Матвеев. – Знаем мы вас, - он обнял обеих неразлучных подружек за плечи. – Это вы только с виду такие пушистые, а внутри – ух! Замуж хотите, девочки?

- Вот еще! – повторила вслед за Людмилой Галина, стряхнув руку капитана с плеча. – Обойдемся, как-нибудь!

Матвеев рассмеялся, подхватил Валентину под руку, и повел ее по тротуару вперед, что-то нашептывая на ухо. Вячеслав последовал за приятелем, не выпуская ладони Людмилы из своей. А Галина, обиженная тем, что осталась в одиночестве, отстала немного, но все же пошла за ними следом. Метров через тридцать, пробираясь через толпящихся возле торговых лотков людей, компания столкнулась на перекрестке с Дерягой. Он вел под руку стройную, одетую в светлое, демисезонное пальто женщину, с рассыпанными по плечам темными локонами волос, а лицо Женьки, обращенное к ней, светилось счаст-

ливой улыбкой. Он, что-то говорил женщине, наклоняясь к уху, а она в ответ согласно кивала головой. Взгляд ее, обращенный к Женьке, тоже лучился неподдельной любовью и нежностью. В женщине Вячеслав сразу признал Женькину жену Наташу.

- Здорово, станичник! – распахнул объятия Матвеев, и обнял Женьку. – Добрый день, Наташа! С приездом тебя и с праздником!

- Здравствуй, Наташа! – улыбнулся женщине Вячеслав. – Знакомься, - он представил девушек, - это – моя Людмила! А это Вала и Галя. Привет Жень! – пожал он руку Деряге. – Сколько лет, сколько зим? Тысячу лет тебя не видел!

- А у меня жена вот приехала! – Женька освободился от Славкиного рукопожатия, подошел к жене сзади, и обнял ее, положив сияющую морду женщине на плечо. – Насовсем приехала. Домой уже вместе поедем.

- А сын-то ваш где? – спросил Матвеев счастливую пару.

- Дома Витя остался, - ответила Наташа, - побоялась я его в дорогу брать, да и мама уперлась, ни в какую не отпускала. Погода неровная, простыть может: у нас, когда я из Новосибирска выезжала, еще градусов двадцать мороза стояло, а у вас здесь уже весна.

- Здесь тоже еще может завернуть в приличный минус! – поддержал беседу Славка. – А вы куда собрались? Может с нами, к Володе? – он вопросительно оглядел своих спутников, нет ли кого против.

Но против никого не было.

- Правда, пойдете! – поддержала Вячеслава Людмила. – Праздник все-таки!

- Спасибо! – поблагодарила за приглашение Наталья. – Но мы не можем, нас Ворошнины к себе пригласили.

- Это точно! – подтвердил Деряга.

- А он же, вроде, на Пелыме торчал, - удивился Славка. – Или сбежал, как обычно?

- Отпустили на праздник, - пояснил Женька. – Да и Наталья Алину давно не видела, хочет повстречаться. Так, что, извините ребята! – виноватым тоном продолжил он. – Мы пойдём!

- Да ладно! – махнул рукой Вячеслав. – Увидимся еще!

- Конечно, увидимся, Слав! – улыбнулась Наталья, поправила Женьке шарф под плащем, и влюбленная семейная пара покинула притихшую внезапно компанию.

Чужие, неприкрытые, но такие светлые и трепетные чувства не могли не тронуть за живое, особенно женский пол. Да и мужчины, став на минуту серьезными, задумались каждый о своем. Мимолетное прикосновение к тому великому чувству, которое исходило от этой пары, и которым она щедро делилась с окружающими, волновало и тревожило.

- Счастливые! – сказала Людмила, неподвижно глядя вслед Деряжным широко открытыми, и, как заметил Вячеслав, отчего-то повлажневшими глазами.

- Да-а! – протянул Матвеев, но тут же тряхнул головой, как будто сбрасывая охватившее его наваждение. – Ладно, пошли что ли? А то сглазите еще!

- Такого не сглазишь, - произнесла в ответ Валентина. – Такое на всю жизнь! – и она, подхватив Матвеева под руку, последовала за ним.

Потом они сидели в гостях у старого приятеля, и праздновали что-то, вроде, помолвки Володи Перминова и Натальи. Те накануне подали заявление в местный ЗАГС и спустя месяц их должны были расписать. Настала пора, как пояснил Славке сержант.

- Куда после дембеля-то? – спросил Вячеслав Перминова.

- Поедем в Свердловск. Родители обещали с квартирой помочь. Да и роддом у нас поприличней, чем здесь, - он погладил Наталью по плечу.

- А, что, уже можно поздравить? – заинтересовалась Людмила, а сидевшая рядом Галина наострила уши.

- Да ну его! – шутливо замахнулась на Володю зардевшаяся от смущенья Наталья. – Ничего еще точно не известно.

- Ну, это дело поправимое! – засмеялся, услышав, о чем идет речь, Матвеев.

День прошел незаметно, но, когда к вечеру собрались по домам, внезапно ударила такая метель, какой не видали за всю долгую зиму. Ветер завывал за дрожащими оконными стеклами, из-за летящего стеной снега не стало видно даже освещен-

ных окон дома на противоположной стороне улицы и одинокого фонаря на столбе.

- Во, блин, попались! – заявил Матвеев, выходявший посмотреть, что да как, стряхивая с себя налипший снег.

Он выскакивал всего на минуту за дверь, взглянуть, что там творится. Этой минуты хватило, чтобы озябнуть. Он тут же пристроился на диване, втиснувшись между девочками и зябко поводя плечами. Дело в том, что с утра, собираясь в общаге на демонстрацию, обманутые погодой Вячеслав с Виктором решили надеть легкие, болоньевые плащики. До прихода в гости они вполне соответствовали синему небу и яркому солнцу на нем. А теперь, без головных уборов и в этих самых плащиках нужно было переть до дому сквозь метель через весь поселок.

- Оставайтесь, - предложил Володя, - куда вы в такую замять! Места, слава Богу, всем хватит.

- Действительно, - поддержала хозяйина Наталья. – И вы, девочки, не рыпайтесь! В ваших пальтишках простыть – раз плюнуть!

- Я не могу, - заявил Перминов, - мне к одиннадцати в часть надо. Там Суровцев дежурит, доложит о нарушении режима – последним на дембель пойду! Хочется тебе? – спросил он расстроенную Наташу. – Не хочется!

- Ну, ты-то в шинели, все-таки, да и фуражка у тебя есть, - сказала хозяйка. - А шарфик, какой-никакой, нос прикрыть мы тебе сейчас найдем.

- Я тоже не могу, - виноватым тоном произнес Славка, обнял сидящую рядом Людмилу и поцеловал ее в щеку. – Мне ночным экспрессом снова в Першино нужно катить. Приказ.

- Да, как ты в такую погоду в своем плащике куда-то пойдешь, Слав? – выглянула в окно, отодвинув занавеску, Валентина. – Тут и замерзнуть недолго, - зябко поежилась она.

- Доберусь, как-нибудь, - улыбнулся Славка и вновь поцеловал Людмилу, - не впервой!

- Э нет, так дело не пойдет! – поднялся Матвеев. – Тогда я тоже с тобой. А девочки, действительно, пусть остаются, у них завтра все равно выходной.

- Да как вы в такой одежке-то пойдете? - всплеснула руками хозяйка. - Видите, что на дворе-то творится!

- Ничего! - заявил Матвеев. - Вы нам какие-нибудь шарфики спроворьте вместо шапок, а лучше платки какие.

- Точно, у меня шаль мамина есть, пуховая, - воскликнула хозяйка и пошла куда-то в комнату искать.

- И у меня платок есть шерстяной. Мы под него косынку подложим - не продует! - сказала Наталья.

Через десять минут Славка с Матвеевым стояли одетыми в прихожей, а девочки наматывали им на головы платки так, что от лиц оставались видны только глаза и рот.

Вячеслав взглянул на Матвеева и захохотал.

- Чего ржешь? Ты на себя в зеркало посмотри! - толкнул приятеля Матвеев.

Славка глянул в висевшее на стене зеркало и увидел в нем голову деревенской бабы в цветастом полушалке.

- Да-а! - протянул он. - Вот бы Стешенков увидел! Его бы Кондрат точно хватил!

- Да никто вас не увидит в такую погоду, - сказала Людмила, поправляя Вячеславу платок и поднимая воротник плаща.

- Готов? - спросил Матвеев.

- Готов, - Вячеслав подставил губы под прощальный поцелуй любимой, засунул руки в карманы плаща и шагнул за Матвеевым в распахнувшуюся дверь.

Ветер тут же вцепился в свободные концы намотанного на голову сооружения, хлеща ими по плечам и плюясь снегом в глаза. Но девчата все выполнили на совесть, и сооружение устояло. Продираясь по колена в снегу, и матерясь про себя, они замёрзшие, но вполне живые, добрались до родного гнезда. Богович, увидев их, ввалившихся с улицы в коридор, вытаращил от изумления глаза, приняв за пьяных баб, спутавших адрес, и разродился отборным матом. Но, когда они размотали намокшие, залепленные снегом платки, он предпочел сразу свалить к себе в котельную, так как знал крутой характер капитана Матвеева.

- Куда? - рявкнул Виктор, возвращая новоявленного Бого-

веча на место. – А, ну, быстро сооруди чайку, пень грухлявый!
Видишь, замерзли, как собаки!

- Сей момент, товарищ капитан! – засуетился вестовой.

- Давай, давай, - уже более спокойным голосом скомандовал оттаявший Матвеев. – Переоденешься, приходи ко мне! – пригласил он Вячеслава. – Посидим, чаек пошвыркаем. Тебе ведь до поезда еще часа три?

- Два с половиной.

- Успеешь.

Глава 15

Лето выдалось на удивление теплым, и если еще шестого июня выпал последний в этом году снег, то с середины месяца наступил настоящий зной. Почти ежедневно, или в первой, или во второй половине дня небо внезапно накрывалось тучами, сверкали молнии, гремел гром и на разогретую солнцем землю проливались щедрые дожди. После чего снова начинало парить, и рубашка тут же прилипала к спине, хотя Чабрава ношение галстуков и кителей уже давно отменил приказом. Если на Лозье можно было в любой момент окунуться в теплую, ласковую воду, то в Советском ближайшая речка, Ух, протекала почти в четырех километрах от поселка. Вода в ней всегда была холодной, то ли от множества ключей, подпитывающих местные болота, по которым пролегло ее русло, то ли оттого, что кедры и ели, стоящие стеной по берегам, не давали солнечным лучам пробиться сквозь кроны. Уже к самому концу службы, на втором году Вячеслав выяснил, что название реки придумали не местные первопроходцы, ошпаренные ее ледяной водой, а так ее называли ханты, немногочисленные отпрыски которых проживали в поселке, растворившись среди населения. Друг друга они, конечно, знали, но Вячеслав вряд ли распознал бы представителя древнего народа среди, скажем,

татар, которых было полно в этих краях еще с времен Ермака и хана Кучума. По территории части, утомленные невыносимой жарой, представители личного состава, не занятые выполнением срочных заданий, ползали, как дохлые, осенние мухи по стеклу. Но служба – службой, ее нужно исполнять! Войдя в положение, комбат разрешил офицерам во время обеда брать ГАЗ-66, чтобы ездить на речку купаться. Что, собственно, все, кто в этот момент были свободны, с удовольствием и делали.

- Красота! – восторгался Гомяша, растянувшись на маленьком песчаном пляже под железнодорожной насыпью.

- Это точно! – вторил ему Сашка Ворошнин, подставляя охлажденное купанием в ледяной воде тело под солнечные лучи.

- Была бы только эта чертова речка поближе к поселку! – возмущался Зубков. – А, то, другой раз машины можно и не допроситься!

- А на кой тебе другой раз? Дает же комбат пока, и спасибо! – возражал капитану, утирая мокрое лицо рубахой, Вячеслав. – Это нынче месяц такой, а вспомни прошлый год. Да и эта жара может скоро закончиться.

- А, что прошлый год? Тогда тоже были теплые деньки.

- Это в июне-то? Да не смей меня, Коля! Снег, сдается мне, в первой половине падал. Почти до самого июля плащей не снимали.

- Кончайте спорить, господа офицеры! – лениво останавливал сослуживцев Дубов. – Чего вы прошлый год вспоминаете? Радуйтесь, что хоть сейчас имеете возможность освежиться, спасибо комбату.

Вода в Ухе теплой не была никогда, но какое это было блаженство броситься даже в такую воду, а потом спокойно, не торопясь нежиться прямо на солнцепеке. Вот бы еще не вездесущие комары, которых напарило в лужах без меры. А у реки их было тем более невпроворот.

- Почему у нас не Сочи? – спрашивал приятелей Гомянин, надоевший всем рассказами, как он еще до армии отдыхал в Лазаревском. – Вот там тоже, вроде, растительности полно, да

и сырости хватает, но ведь нег этой гадости, – он с наслаждением давил очередное насекомое, впившееся ему куда-нибудь в нежное место.

– Ага, – лениво отзывался Матвеев. – Но там и оленей нет, одни оленихи. А они, как известно, не только кровь пьют, но и деньги кушают. Или не так, Юрий?

– Пошляк вы, товарищ капитан! Все какими-то гнусными намеками изъясняетесь, – так же лениво огрызался Гомянин.

– Эх, а неплохо бы, действительно, посидеть где-нибудь за шашлычком, с бутылочкой «Цинандали», послушать шум прибоя, – сокрушенно вздыхал Дубов.

– Во, во! – усмехался Ворошнин. – Комбат тебе в пять минут устроит отдых на водах в Агирише. Еще и слабительное пропишет.

– Ладно, мужики, собираемся, обед кончается.

К началу июля в части появилось новое пополнение офицерского состава. Прибыло несколько молодых лейтенантов, а в их числе и братья Вагины, с которыми Вячеслав познакомился еще на курсах в Питере.

– Какими судьбами, мужики! – радостно встретил старых знакомых Вячеслав.

– Попросились на Север, ты же помнишь? Вот, нашу просьбу командование и удовлетворило.

– Здорово! Это хорошо, что вы к нам в часть попали. Пошли, я вас с ребятами познакомлю, а то через пару дней кой-кого уже можете и не застать!

– А, что такое?

– Демобилизуются парни, домой возвращаются. Некоторые, правда, здесь, в Советском, остаются работать. В основном те, кто женился на местных девчатах. Хотят подзаработать, все-таки районный коэффициент семьдесят процентов, да и северных уже по двадцать накопилось.

Из офицеров уходили на дембель сразу трое: Гомяша, Деряжный и Саша Ворошнин. А в техчасть пришло пополнение в виде розовощекого, полноватого шатена, лейтенанта Семушкина.

- Тебе, Слав, замена, - представил новенького Фоминых, - натаскивай пацана.

Пацан от слов старлея заалел, как маковый цвет, но промолчал, видимо еще не зная, как отвечать на подобное обращение.

- Да ты не смущайся! – улыбнулся лейтенанту Славка. – Садись, не обращай на Володьку внимания. Он, все равно, скоро отсюда в бригаду отвалит, так что тебе здесь одному командовать придется через пару месяцев. Кстати, тебя как зовут-то?

- Варфоломей!

- Ну, блин! И кто же тебя таким имечком наградил?

- Мама с папой, - вконец обиделся лейтенант. – Между прочим Варфоломей, это православный святой!

- Да, ты не обижайся! Нормальное имя, только необычное. А так, даже красивое. Варфоломей – аж на языке сладко!

- А как тебя в детстве звали? Варюшей, что ли? – спросил лейтенанта Фоминых.

- Варфоломеем и звали! – огрызнулся новичок.

- Отстань от человека, Вячеслав! – вмешалась в разговор Верочка Семенова, молчаливо до этого за ними наблюдавшая. – Идите сюда, Варфоломей, вот этот стол ваш, устраивайтесь! – заступилась она за парня, чем вогнала новичка в еще большую краску.

- Ладно, давай, устраивайся! – великодушно разрешил Вячеслав. – Я через полчаса вернусь – пройдемся по батальону! А пока тебе Вера расскажет, что да как.

Вячеслав вышел из техчасти, и подался в роту, узнать у Гомянина, когда тот едет в Першино.

- У меня тут смена появилась. Знаешь, как зовут?

- Как?

- Ты не поверишь! Варфоломей его зовут, понял! Хочу с собой на мост захватить, - сообщил он Юрию. – В компании-то ехать веселей!

- Мне тоже молодого прислали. Вагин его фамилия. Их два брата близнеца к нам прибыли.

- Да я их знаю.

- Откуда?

- Еще в Питере, на курсах с ними познакомился.
- Вот завтра утром Серовским поездом и поедом. Дела передавать этому Вагину буду.

- Ну, и мы с вами! Кстати, когда отвальную-то с мужиками ставить-то будете?

- Пятнадцатого, в офицерском клубе.

- Чабрава, что ли, расстарался?

- Ну, да. Говорит, хватит по углам шариться, проводим, как людей! Вот так-то!

- А, он, наверно, и прав! Что вы, не заслужили? Два года по трассам комарье кормили, да от холода зубами лязгали.

- Кончай пургу гнать, для молодых оставь! – прервал красноречие Вячеслава Гомянин. – Ворошнин тоже завтра утром сдет, только до Пелыма.

Второго близнеца с обьсктом знакомить.

- Вот и ладненько! Пойду к комбату договариваться насчет командировки.

- А чего тут договариваться? – усмехнулся Юрий. – На трассу тебя и без всяких просьб выпнут, не на курорт же.

- Это точно. Короче, завтра утречком и отвалим, - попрощался Вячеслав.

Он сходил к комбату, потом выписал в спецчасти командировочные удостоверения на себя и на лейтенанта Семушкина.

- Ну и как тебе новое пополнение? – спросил его Суворцев.

- А, фиг его знает! Поживем – увидим! – отмахнулся от Николая Вячеслав, и подался к себе в кабинет, где Верочка с увлечением рассказывала этому самому Варфоломею что-то, видимо, очень интересное, судя по широко раскрытым глазам лейтенанта.

- Хорош тут Верочку охмурять! – бесцеремонно вмешался в их беседу Славка. - Семенов увидит, голову оторвет!

- Не пугай человека, обалдуй! – отмахнулась от Вячеслава Вера. – Не слушайте его, Варфоломей.

- Обалдуй, может и обалдуй, но плохого не посоветую. Пошли, лейтенант, достопримечательности смотреть.

Не меньше часа они с Варфоломеем ходили по части, знако-

мясь по ходу с ребятами. Побывали и в клубе, где шел ремонт. В ленинской комнате Вячеслав показал новому сослуживцу купленный замполитом ансамбль новых инструментов; три гитары и ударные.

- Играешь на чем-нибудь? – спросил он лейтенанта.

- На аккордеоне, - ответил тот.

- Ну, тогда ты первым человеком будешь на деревне и у замполита тоже. Готовься принимать группу. Тут до тебя Перминов всем заправлял, но демобилизовался недели три как. Пошли, в РММ ходим, я тебя еще с Колей Зубковым познакомлю. Как там, кстати, в корпусе Шиманович поживает, поди, полковник уже?

- Нет, подполковник до сих пор.

- Хороший мужик. Он тебе карту показывал?

- Показывал.

- Ну, значит все в порядке, жизнь продолжается!

Славка хорошо помнил веселого, разбитного начальника отдела кадров корпуса. Заявился он к нему после прибытия в Свердловск, даже не сбрав редкой бородки на физиономии, отращенной еще в бухте.

- Это еще, что такое? – спросил подполковник.

- Что? – не сразу понял Славка.

- Да сопли вот эти на подбородке, - ткнул пальцем в сторону Славкиной бородки Шиманович.

- Это борода, товарищ подполковник, - обиделся Славка, - а не сопли!

- Да ты что? А я-то думал! – ухмыльнулся кадровик. – Ну, раз борода, тогда дуй бриться!

Пришлось Славке вновь топтать в гостиницу и сбривать бороду в парикмахерской. Когда он вновь появился в кабинете у Шимановича, ток оглядев его, удовлетворенно хмыкнул.

- Ну, вот, теперь совсем другое дело! А то отрастил черти, что на лице, как дьячок какой-то! Я бы на твоём месте и усы сбрил.

Усы Славка оставил, так как носил их с того самого времени, как они у него появились.

- Ладно, - завершил первую часть их знакомства подполковник, - ближе к делу. Строительный, значит, закончил?

- Так точно!

- Это хорошо, - подполковник подошел к огромной карте на стене, и, немного подумав, ткнул в нее пальцем. – Отправим-ка мы тебя вот сюда, лейтенант!

Славка подошел поближе, пытаясь разглядеть название населенного пункта рядом с пальцем Шимановича.

- Не гляди, лейтенант, ты все равно не знаешь где это, - вновь ухмыльнулся начальник отдела кадров, почувствовав Славкино напряженное ожидание. – Ивдель-Обь, Советский.

- Это не Тюмень-Сургут? – спросил Вячеслав, наслышанный о строительстве такой железной дороги и совсем не тепличных условиях, в которых велась эта стройка.

Подполковник после этих слов развеселился вовсе.

- Это не Тюмень-Сургут, лейтенант, это – Ивдель-Обь! Не бойсь, тоже мало не покажется! Давай-ка, дуй на Уралмаш, я тебе сейчас адрес напишу, и экипируйся. На, держи предписание! Поезд вечером, билеты тебе купят, смотри, не опаздывай!

- Разрешите идти, товарищ подполковник? – спросил Слака, понимая, что за него уже все решили.

- Толай! – махнул рукой кадровик. – Гуку привет передавай! Это комбат твой, - ответил он на вопросительный взгляд Вячеслава, - хороший мужик. Считай, что тебе повезло, лейтенант!

Вечером в общежитии у Матвеева отметили прибытие новых кадров, а утренним поездом, вместе с Гомяниным и Ворошнинным, прихватив с собой троих молодых, поехали на трассу. В Пельме Сашка с одним из братьев Вагиных сошли.

- Ну, давайте, мужики! – помахал рукой Ворошнин. – Не забудьте, что пятнадцатого отвальная.

- Не бойсь, не забудем, - хлопнул его по плечу Гомянин, вышедший вместе с Вячеславом на перрон. – Счастливо!

- И вам не болеть!

- Давайте в вагон, мальчики! – скомандовала проводница. – Вон, уже зеленый загорелся.

Славка с Юрием забрались в вагон и улеглись на верхние

полки подремать. До Першино было еще три с половиной часа. А молодые, Варфоломей и второй Вагин, остались сидеть внизу, переговариваясь о чем-то между собой и с интересом разглядывая плывущие за окном пейзажи. Пейзажи, правда, были весьма однообразны: ельники, да болота. Ближе к Ивделю начались уральские предгорья: березняки и сосняк, не похожий на тот, что окружал Советский. Ветви у местных сосен начинались почти от земли, а сами они были кряжисты и не столь высоки, в отличии от взметнувшихся к самому небу мачтовых сосен на песчаных дюнах давно исчезнувшего Пермского моря.

Сошли прямо на мосту, несмотря на отчаянный протест разгневанной проводницы, пока состав, скрипя суставами деревянных опор временного строения, полз через Лозьву. Монтаж мостовых пролетов уже практически закончился, и открывшийся лейтенантам вид вызывал в душе некий восторг и чувство гордости за сопричастность к созданию такого огромного и значимого инженерного сооружения.

- Ну, как? – спросил у молодых Вячеслав, остановившись на насыпи.

- Впечатляет! – задрал голову Вагин, чтобы разглядеть, как по верхним связям ферм ползают люди с краскопультами.

- Пошли, - пригласил всех Гомянин, - посмотритесь еще. Через две недели сдача. Осталась практически мелочь, докрасить, да контрольный состав прогнать.

Они пошли по мосту на другой берег, держась подальше, чтобы не испачкаться, от бойцов, красящих из пневматических пистолетов серебрянкой конструкции пролетов. Было интересно смотреть, как темные, грунтованные поверхности конструкций покрываются ровным, серебристым слоем краски. Но ветерок разносил по сторонам мельчайшие капли этой самой краски, и спецовки воинов тоже отсвечивали на солнце серебром. Пескоструйные агрегаты уже демонтировали и перебросили на Пелым, а о том, что они здесь стояли, напоминали только россыпи черного песка на обочинах насыпи подхода. В штабном вагончике Иванов и капитан Карев пили чай, когда четверо офицеров вошли внутрь помещения.

- Здравия желаем! – плюхнулся на стул Гомянин. – Налей-ка Саша чайку!

- Здравия желаю, товарищ капитан! – пожал Кареву руку Вячеслав. – Вот, прошу познакомиться! – он кивнул в сторону оставшихся стоять у дверей лейтенантов. – Пополнение привезли.

- Лейтенант Вагин и лейтенант Семушкин! – представились новенькие.

- Капитан Карев! Можно просто, Владимир Иванович! Садитесь, лейтенанты, в ногах правды нет! – капитан указал на свободные стулья.

Лейтенанты скромно примостились около дверей.

- А моя фамилия Иванов, - кивнул головой молодым в знак приветствия Сашка, - Александр Иванович.

- Варфоломей, вы чаю хотите? – спросил лейтенантов Вячеслав. – Тогда садитесь поближе.

- Так вас Варфоломеем зовут? – заинтересовался Карев. – А вас?

- Меня – Владимиром! – поднялся со стула Вагин.

- Сидите, сидите! Здесь у нас все по-простому, в Советском наказырятся. А, Варфоломей редкое имя, - продолжил капитан, - библейское. В честь кого это вас так называли, товарищ лейтенант?

- В честь деда, товарищ капитан! Он с Вологодчины, кержак. Там такие имена не в редкость.

- А сами-то, откуда, ребята будете?

- Я из – Ленинграда, - ответил Вагин, - а Семушкин – из Новосибирска.

- Давайте, ребята, чаю! – поставил на стол кружки Вячеслав.

С полчаса пили чай, и познакомились. Выяснилось, что Семушкин окончил тот же факультет, что и Деряга.

- Я его по институту хорошо помню, - рассказывал лейтенант. – Он в нашей сборной по баскетболу играл.

- Ладно, бросайте здесь свое барахло, пошли с объектом знакомиться! – поднялся из-за стола Карев.

Все вместе они вышли из вагончика и вновь направились к мосту. Полуденное солнце отражалось от серебристой поверх-

ности конструкций, роняя яркие блики на рябь протекающей внизу реки и слепя глаза. Бетонные опоры растворились в этом блеске и мост, как будто бы парил в воздухе, опираясь только на зеленеющие берега.

- Красиво! – остановился Карев. – Сколько лет уже строю, а привыкнуть никак не могу. Почти два года бились, мужики! А все-таки добились!

- Давайте, сфотографируемся на память, товарищ капитан? – предложил Семушкин, доставая из футляра, висевшего у него через плечо на тоненьком ремешке, фотоаппарат.

- А, что, – оживился капитан, – пошли, мужики, сфотографируемся. На память останется. Я ведь все-таки ребята уезжаю. – сообщил он присутствующим.

- Приняли! – обрадовался за капитана Вячеслав.

- Приняли.

- Рад за вас, Владимир Иванович, – пожал руку Кареву Гомянин. – Дождались все-таки!

- Куда приняли? – спросил Вагин.

- В академию, куда еще! – пояснил Гомянин. – Поздравляем от всех нас, товарищ капитан. Надо бы это дело спрыснуть!

- Спасибо, мужики, спасибо! Спрыснем, Юра, как не спрыснуть! Ну, пошли, в полете прямо снимемся.

Они остановили проходившего мимо бойца, и тот пару раз щелкнул лейтенантским «Зенитом».

- Смотри, фотографии не забудь подарить! – предупредил Семушкина Вячеслав. – Гомяша, вон, через неделю уже в свою столицу отбудет.

- Успеем, товарищ лейтенант! – Варфоломей вновь упаковал фотоаппарат в футляр и тронулся вслед за всеми к другому берегу, где Игорь, капитан монтажников, распекал своего ком-взвода.

- Краска, блин, у них кончилась! – пояснил он причину конфликта подошедшим. – Подвести, вишь, вовремя не могли, обормоты! Меня Игорь зовут, – представился он новичкам, – а это – Слава, – мотнул он головой, повернувшись в сторону расстроенного выговором лейтенанта.

- Успеешь до четырнадцатого, - спросил Владимир Иванович.

- Успеем! Я их здесь ночевать заставлю, на железе! - метнул Игорь хмурый взгляд на Митрофанова. - Или за одно место подвешу! Успеют! Да, - вспомнил он, - вы, кстати, разгон пролетов перепроверьте, а то в пятницу пробный прогонять будут.

- Перепроверим, - ответил Вячеслав. - Вот тебе и первое задание, Варфоломей. Делал когда-нибудь разгон пролетов?

- Не-а!

- Научишься, ничего сложного нет, - подбодрил лейтенанта Карев, - завтра с утра с Решетниковым и начнете. Вагина, кстати, с собой прихватите, пусть тоже посмотрит. Пригодится в жизни. За день, думаю, управитесь. Ну, давайте, мужики! - попрощался он с монтажниками. - Пошли, ребята, посмотрим, что там, на береговой делается.

На восточной береговой опоре взвод Иванова заканчивал облицовку откосов. Бойцы на раствор укладывали бетонную плитку размерами полметра на полметра. Плитка была довольно тяжелой и гимнастерки на спинах потемнели от пота.

- Еще пару дней и закончим! - обратился к капитану Иванов. - Эй, бойцы, кончай работу, перекур! Построй-ка мне их по быстрому! - приказал он подошедшему сержанту.

Через минуту взвод построился.

- Смирно! - рявкнул Иванов.

- Вольно, - махнул рукой Карев. - Товарищи солдаты, разрешите вам представить новых офицеров, прибывших для прохождения службы к нам в батальон. Лейтенант Вагин будет работать с вашим взводом вместе с лейтенантами Ивановым и Гомяниным, пока не войдет в курс всех дел. Прошу оказать лейтенанту всяческое содействие и помощь. А это - лейтенант Семушкин, он будет служить в техчасти, вместе с Решетниковым. Все ясно? Ну, тогда разойдись! Можно перекурить полчаса.

Строй рассыпался и бойцы, переговариваясь, начали доставать папиросы. Вячеслав присел на бревно, лежащее рядом с откосом, и тоже закурил. Рядом примостился Варфоломей с

Ивановым, а Вагин с Каревым и Гомяшей отошли в сторону, о чем-то оживленно беседуя. Вячеслав вспомнил, как почти два года назад, осенью они с Петей Панкратовым вот так же сидели у притихшей реки, но на другом берегу. А этот, болотистый, поросший редким березняком и ивами берег казался таким недостижимым и далеким.

- О чем задумался, детина? – спросил Иванов, прикуривая от Славкиной сигареты.

- Да, так! Вспомнил, как мы с Панкратовым разбивку оси делали, да репера закладывали. Как все изменилось-то. На том берегу косогор с травкой был, а здесь болото. А теперь все исчезло; там срыли, а тут – засыпали.

- Но, зато, какого красавца отгрохали! Любо дорого посмотреть. Потом будешь ездить, и хвастаться: смотрите, мол, ребята дорогие, это я, когда служил, построил!

- Если еще ездить по нему придется.

- А куда ты денешься. Через две недели сдача, а через месяц старый мост разберут. А тебе еще два месяца до дембеля, так, что, прокатись по красавцу. Ты куда после службы собрался, на гражданку, как говорил, или, может, надумаешь все-таки остаться, как Фоминых. Я слышал, его тоже куда-то в корпус скоро забирают, вот и будешь начальником.

- Нет уж, спасибо! Мне Стешенков за эти два года до кости плешь проел. Так, что, извините, но, как говорить, лучше вы к нам.

- Что ты на Стешенкова-то так обиделся? Нормальный мужик.

- Да это я так, просто.

- А... Домой поедешь?

- Домой бы хорошо, но, только, где он дом-то? Родичи переехали к матери на историческую родину, в Калинин. В Хабаровске ни кола, ни двора, так, что, ехать-то особенно некуда. Может, здесь останусь, денегат подзаработаю, а там видно будет.

- Правильно! Женись на Людке, папаша ее с хатой поможет, не зря же в райкоме штаны протирает. Ворошнин вон, уже и с работой договорился где-то в СМП, надо бы и тебе заранес поискать.

- А чего ее искать? Комбинат в поселке строится: работай – не хочу! Успеется.

- А что за комбинат, товарищ лейтенант? – спросил молчаливый все это время Семушкин.

- Деревообрабатывающий, в Советском. А, что ты все запарил: товарищ лейтенант, да товарищ лейтенант! Проще будь!

- Извините, товарищ лейтенант! Не привык пока.

- Привыкай! – отшвырнул окурок Иванов. – Козырять в батальоне будешь, там это любят.

Подошли Вагин и капитан.

- Рассказывал лейтенанту, как тут все начиналось и строилось, - поделился с присутствующими Карев.

- Молча строилось, - поднялся с бревна Вячеслав. – Тут Вагин столько спирта было выпито, что роту бойцов спокойно можно утопить! А в остальном – все просто, как валенок! Поехали, что ли, в расположение? Как вы, товарищ капитан?

- Поехали, скоро обед тем более. Ну, давай Саша, трудись! – пожал он руку Иванову.

- А можно я тут останусь? – попросил разрешения Вагин. – Хочется все повнимательней рассмотреть!

- И мне тоже хочется, - поддержал Вагина Семушкин.

- Оставайтесь! – разрешил Карев. – Здесь пообедаете. Иванов, накормишь лейтенантов?

- О чем речь, товарищ капитан, накормим в лучшем виде.

- Ну, тогда оставайтесь, а мы с Решетниковым поедем.

- Ты, Варфоломей, давай оставайся, только часам к трем подкатывай! Мне еще тебе надо текущую документацию показать, - наказал Вячеслав подчиненному. – А с утра разгон пролетов перепроверим. Понял?

- Так точно!

- Ну, тогда бывайте! До вечера, Саша! Вечером в «Лозьву» смотаемся, а то неизвестно, когда еще тут окажешься. Гомянина там из кустов турните, а то тоже здесь останется.

Они с капитаном пошли по мосту на противоположный берег, а молодежь с Ивановым подалась вниз, к реке, видимо осматривать опоры. Шпунт вокруг опор так и торчал из воды

на полметра, ее уровень опустился до нижней отметки, а обрезали металл в начале лета. По правилам шпунт надо было извлечь из реки, но когда сломали две стрелы у экскаваторов, эту затею отбросили. Не помогал и громадный вибратор, подвешенный на тросе, так приржавели замки. Поэтому, не долго думая, шпунт обкорнали бензорезами, и вся недолгая. Когда вода поднималась повыше, его и видно не было.

- Подрезать бы шпунт-то надо, - заметил Вячеслав, - пока вода низкая.

- Подрежут, - откликнулся Карев. - Я Игоря попросил, чтобы своих сварных из Советского не вызывать. Обещал сегодня завтра сделать.

На следующий день, плотно и вкусно позавтракав, они с Варфоломеем, Вагиным и двумя солдатами, которых выделил в помощь Иванов, погрузили на «газон» четыре домкрата, похожих на пивные бочонки, кое-какой инструмент и отправились на мост.

- Маленькие какие-то домкраты, - высказался Семушкин, которому Вячеслав уже рассказал суть предстоящей работы.

Ефрейтор, сидящий в кузове рядом с ним только усмехнулся:

- По восемьдесят тонн грузоподъемности каждый, товарищ лейтенант! Это только с виду они маленькие.

- А сразу и не скажешь, - почесал переносицу Варфоломей.

- А, что тебе с ними целоваться, что ли? Какие есть, такие и есть, других не держим. Поехали! - крикнул шоферу Вячеслав, решивший тоже ехать в кузове.

Погода была прекрасной, только что прошел проливной, короткий дождичек, и воздух пах травами и цветами, покрывшими сплошным ковром пригорки вдоль дороги. Он прибил дорожную пыль, и прокатиться вот так, чувствуя, как ласковый, свежий ветер обдувает лицо, было просто приятно. Портила все только постоянная вонь со стороны иловых полей, куда сливали опилочную барду, остававшуюся после перегонки спирта на гидролизном. Через четверть часа пути они разгрузились на объекте и с помощью еще двух бойцов подняли домкраты на первую опору. Установив их рядом с катучими опорами про-

лета, начали подъем, проложив между домкратами и металлом обрезки досок, чтобы, не дай Бог, не помять конструкцию. Пока поднимали пролет, Вячеслав, замерив текущую температуру воздуха, занялся расчетами зазора между балкой и фермой и точкой установки нижней опорной части шарнира. На первой опоре справились за час, но на второй один из домкратов закалился, и до обеда провозились с ним.

- На, Варфоломей, считай! – Вячеслав сунул в руки лейтенанта таблицы и тетрадь, когда они после обеда вновь забрались на вторую опору.

- Боязно, Вячеслав Георгиевич, а вдруг ошибусь.

- Не дрейфь! Перепроверим. Не боги же горшки обжигают, давай, считай!

К трем часам пополудни пересобрались на третью, последнюю опору. Расчетами новичка Вячеслав остался доволен.

- Нормально, - похвалил он Варфоломея. – Самое главное в этом деле аккуратность. И торопиться не надо. Что получится, если ошибешься в миллиметрах? Знаешь?

- Сколет опорную часть, когда появятся нагрузки в пролете.

- Заумный ты, Варфоломей! Вон, тебя люди не понимают, - кивнул Вячеслав в сторону заинтересовавшихся их разговором солдат, складывающих инструмент. – Нагрузки! Скажи проще: когда состав пройдет! Ладно, выползаем на берег. А вы, ребята, грузите все это барахло на машину, и езжайте отдыхать, я с Ивановым договорюсь. Спасибо за помощь!

- Товарищ лейтенант, а можно в поселок заскочить, сигареты кончились? – спросил Вячеслава ефрейтор.

- Заскочите. Только ненадолго.

Покуривая, они с Семушкиным неторопливо двинулись по шпалам в штабной вагон.

- Сегодня ночью на Пслым покатым, - сказал Вячеслав, - здесь нам больше делать нечего.

- Как дела? - спросил сидящий в вагоне и только что закончивший телефонный разговор Карев.

- Как всегда! Порядок.

- Звонили из батальона, сказали, чтобы больше суток на Пе-

лыме не задерживались, - сообщил капитан. – Опять какая-то персона из корпуса прикатит! Да к тебе, кроме того, еще перекрестная проверка из Нягани по технике безопасности прибудет.

- А, - отмахнулся Вячеслав, - знаем мы эти проверки. Сходи Варфоломей к Иванову, скажи, чтобы спирта литра два, хотя бы, раздобыл к вечеру. У него на гидролизном связи издавна налажены, - пояснил он в ответ на удивленный взгляд Семушкина. - Передай, что я попросил, – он повернулся к Кареву. - Такие же бедолаги, как и мы, приедут, Владимир Иванович. Напишем акт, треснем по маленькой, и разойдемся довольные друг другом.

- Тебе виднее, - Карев поднялся и вышел из вагона.

- Ну, а ты, что стоишь? – задал вопрос застывшему Варфоломею Вячеслав. – Я тебя куда послал?

- Неудобно как-то, товарищ лейтенант. Мы с товарищем лейтенантом совсем мало знакомы.

- Неудобно портки через голову надевать! Пошли, раз стесняешься, сам договорюсь.

Ночью, собрав вещички и упаковав банку спирта, раздобытого таки Сашкой, они вместе с Каревым сели в поезд. Капитан ехал в Советский. По секрету он сообщил Вячеславу, что бумага с приказом о его поступлении в академию уже лежит на столе у комбата.

- Главное – не сглазить!

- С вас коньяк, товарищ капитан! – сказал Вячеслав, когда они, попрощавшись, выходили с Семушкиным в Пелыме.

- О чем речь, Слава, ящик!

Ворошнин, которого они увидели только утром, был угрюм и небрит. Он хмуро поздоровался с Вячеславом и без интереса взглянул на Семушкина, как будто не узнал. Опять, поди, с Алиной нелады, подумал про себя Вячеслав, но разговаривать с приятелем на эту тему поостерегся.

- Варфоломей! – обратился он к лейтенанту. – Дуй в столовку, скажи, пусть накрывают! – Чего такой хмурый? – решился наконец спросить Ворошнина Вячеслав.

- Да так, неприятности всякие мелкие.

- Ну, не хочешь, не говори. Пошли тогда в столовку завтракать, что-то у меня живот подвело.

В столовой за одним длинным общим столом уже завтракали Семушкин и младший Вагин. А может быть старший? Как они там между собой договорились, Бог их знает, кто из них какой? Близнецы все-таки. Мать-то, наверное, одна точно знает, а больше никто.

- Пойдем, молодому мост покажем. Ему доковыривать объект, - пригласил Ворошнина после того, как завтракали, Вячеслав.

- А чего грязь месить-то? Сейчас, машину налажу!

- Да, брось ты свою машину! Пойдем, подышим воздухом, лето все-таки.

- А можно, я с вами? – попросился Вагин.

- На хозяйстве побудь! – отрезал парню так и не повеселевший Ворошнин. – Проверь палатки, заставь навести порядок! Вернись с моста, если где бардак найду, шкуру спущу!

С кого, не понял Славка: то ли с виновных, то ли с самого Вагина? Однако вопросов задавать не стал.

На мосту трудились человек тридцать, доводили до ума опоры. Монтажники были заняты на Лозьве, да и конструкции пролетов начали поступать только-только.

- Скоро монтаж начнется, - сказал Славка, обращаясь к Семушкину, - вот тогда тут весело станет, только успевай, поворачивайся! Скажи, Саша!

- Это уже без меня, - ответил Ворошнин, оглядывая свое хозяйство. – Через неделю – свобода!

- А не жалко, товарищ лейтенант? – спросил Семушкин. – Все-таки столько лет в батальоне.

- Сопли поморозишь, да комаров покормишь по трассам, вот тогда и посмотрим, жалко или нет.

Втроем, по натопанной дороге они спустились к реке. У кромки волы, рядом с береговым быком моталась на прижиме лодка, привязанная к, сохранившейся, невесть как, кряжистой ветле. Рядом копошился мужик, в котором Вячеслав сразу признал своего знакомого железнодорожника, работающего на станции, в околотке.

- Николай! Привет!

- Здорово! – сердито ответил на его приветствие, приподняв голову, мужик, и снова отвернулся.

- Ты, что, такой странный? Не узнал, что ли?

Мужика так колбасило с похмелья, что он бы сейчас и мать родную не признал. Поэтому он долго и тупо вглядывался в лицо Вячеслава мутным взглядом, пока этот взгляд не обрел некую осмысленность. Рот мужика тут же растянулся в улыбке, и он радостно завопил:

- Ты, что ль, Славка?!

- Да я, я. – Вячеслав спустился к урезу воды, и они с мужиком обнялись, топчась по гальке, как два медведя.

- Ну, и несет от тебя! – поморщился Вячеслав, высвободившись, наконец, из тесных объятий. – Знакомься, это мой новый помощник! Зовут его Варфоломей! А это – Николай, мастер местного околотка! Гроза и ужас всей местной рыбы и живности!

Варфоломей молча, кивнул, пожав протянутую руку.

- Ну, а этого хмыря ты и сам знаешь! – продолжил Вячеслав, махнув рукой в сторону отставшего от друзей и стоящего несколько в стороне Ворошнина.

Но к его удивлению Николай никак не отреагировал на последние слова, и вновь занялся лодкой.

Что-то видимо, произошло между ними накануне, раз такой общительный и жизнерадостный человек, как мастер, не желал общаться со своим старым знакомым и собутыльником. Вячеслав, конечно, удивился, но решил не вдаваться в подробности: сами разберутся.

- Ну, что, может, прокатишь по речке? Пусть молодой природой полюбуется, – обратился он к Николаю.

- А чего не прокатить-то? Можно и прокатить! – мастер оторвался от навесного мотора «казанки». – Помогите лодку вон к тому камню стащить! Отчего бы и не прокатиться. Бензином поможешь, надеюсь?

- А то! Саша, ты с нами? – крикнул Славка Ворошнину, курившему, присев на косогор, но тот отвернулся и сделал вид, что не расслышал.

« Да и черт с вами, - подумал Вячеслав. – Нервные все какие-то, на кривой кобыле не подъедешь!»

- Ну, дак куда, поедем? Может, сетешки на протоках проверим? – спросил Славку мастер. - Я вчера вечером поставил, должна быть рыбка.

- Вот и славненько!

Вячеслав с Варфоломеем помогли Николаю подтянуть лодку к огромному валуну, торчащему из воды в метре от берега, и забрались вслед за ним в посудину.

- Сань, ну, ты как, с нами? – снова крикнул дымившему сигаретой поодаль Ворошнину Вячеслав, но тот отрицательно махнул рукой, дескать, поезжайте без меня.

- Чего это вы друг на друга быччитесь? – спросил Славка Николая, когда они отплыли от берега и мастер начал заводить мотор.

- Да ничего! – вновь нахмурился, уже было повеселевший и пришедший в себя мастер.

- Ну, не хочешь рассказывать и не надо! Какие-то вы все здесь нервные не в меру! – отстал от знакомого Вячеслав и переключился на Семушкина.

Тот с видимым удовольствием и интересом разглядывал проплывающие берега, поросшие зарослями ивняка.

- Что, лейтенант, нравится?

- Красиво! – восторженно протянул Варфоломей. – Как у нас на протоках дома.

- А, что у вас там за речка-то? – спросил лейтенанта вновь оживший и, видимо, уже окончательно мастер. – Ты сам-то, откуда будешь, парень?

- Из Новосибирска. А река у нас – Лена!

- О, почти земляк! Я-то сам с Енисея, из-под Красноярска.

Вид берегов действительно радовал глаз. Поросшие ивой, они то и дело перемежались с живописными, цветущими полянами, окаймленными березняком, которые в свою очередь сменялись каменными срезами и осыпями.

- Далеко еще? – спросил Николая Вячеслав, когда первые впечатления от плавания и созерцания местных красот приутихли.

- Приехали! – лодка завернула в широкий рукав с заливом, вода которого почти полностью была покрыта крупными, сердцевидными листьями кубышки.

Вдоль этих листьев Николай и поставил наметки сети, поплавки которых белели на воде, протянувшись от одного берега залива до другого. Мотор заглушили. Вячеслав сел на весла, а мастер начал проверять сети, бросая пойманную рыбу в захваченное с собой пластмассовое ведро. Попалось десятка два крупной плотвы, пара килограммовых щук, и один единственный окунь. Но окунь был, что надо! Весом килограмма полтора он пучил огромные глаза, а расщеперился так, что пришлось резать нитки, когда его пытались достать из ячеи.

- Красавец! – констатировал Вячеслав, когда окунь был благополучно переправлен в ведро под плотву, чтобы не выпрыгнул.

- Да, экземплярчик! – подтвердил Николай. – Давненько такие не попадались.

- А чего тут еще водится? – спросил возбужденный рыбалкой Варфоломей, споласкивая водой запачканные слизью руки.

- Да вот это в основном и водится. Ну, есть еще карась по старицам, налим попадает, редко – язь, – Николай дернул за шнур, заводя мотор, и лодка вновь поплыла вдоль берегов, но уже в обратную сторону, навстречу течению.

Когда они вернулись к мосту, Ворошнина на берегу уже не было.

- Ну, что мужики, может, ушицу сварим? – предложил Вячеслав.

- Было бы здорово! – поддержал его раскрасневшийся от прогулки и впечатлений Варфоломей.

- Отчего бы и не сварить, – согласился Николай, – котелок в будке у обходчика есть. Ну, а за хлебом надо в поселок бежать.

- Давай-ка, молодой, собирайся! – распорядился Вячеслав.

- На тебе денег, купи хлеба и пузырек. Что за уха без водки?

- Вот это дело! – мгновенно повеселел Николай.

- А лук-то хоть есть? – спросил Вячеслав у мастера.

- Есть. И лаврушка с перцем тоже есть.

- Ну, тогда, давай, лети! – подтолкнул Семушкина Вячеслав.

– Одна нога здесь, другая – там!

Через пару минут лейтенант скрылся из вида, припустив по дороге почти бегом.

- Так что у вас все-таки с Сашкой произошло? – вновь заинтересовался у мастера Вячеслав.

Тот вновь нахмурился, но Славка протянул ему пачку сигарет, приглашая присесть и покурить.

- Тут, понимаешь, какое дело, - неохотно начал мастер. – Сидели вчера вечером, выпивали помаленьку, а тут звонок. Из Советского. Какая-то сволочь, как я понимаю, позвонила.

- И что?

- А то! Сообщили Саньке, что баба его с кем-то опять спуталась.

- А ты-то тут при чем?

- А я, возьми дурак, да и влезь в это дело. Брось ты ее к чертовой матери, говорю!

- А он?

- Ну, а он: не лезь, мол, не в свои дела. Своей бабой, говорит, занимайся! Ну, слово за слово, и сцепились. Видишь, морда по-карябана.

Действительно, на левой скуле у Николая виднелась свежая ссадина, которую только сейчас заметил Славка.

- Нашли из-за чего морды друг другу бить, хмыри болотные. Совсем с ума сбрендили! – хмыкнул Вячеслав. - Ладно, пустое все это, помиритесь!

Пошли, что ли, рыбу чистить?

- Пошли, - вздохнул Николай и выбросил окурок в воду.

Через полчаса, когда уха уже кипела во всю, со стороны поселка появился Варфоломей с булкой хлеба и бутылкой водки.

- Молоток, быстро слетал! – похвалил лейтенанта Славка. – Ворошнина видел?

- Нет, товарищ лейтенант! Я сразу в магазин проскочил.

- Ну, ладно, режь хлеб, да ложку бери! Готова уха.

Обед удался на славу, а поздно вечером Славка с молодым отбыли в Советский, утром нужно было встречать проверяющего из Нягани.

Проверяющим оказался знакомый лейтенант, с которым Вячеслав уже неоднократно сталкивался в бригаде на всяких там совещаниях и учебах. Поэтому, что бы не терять времени, тут же, в техчасти написали акт, где указали, как положено, всякие мелкие огрехи, которых хватало у всех, и разошлись довольные друг другом. Лейтенант пошел к каким-то своим знакомым, которые жили здесь, в Советском, а Вячеслав, радостный от того, что освободился пораньше, побежал в общагу переодеваться, предварительно позвонив Людмиле. Обрадованная его приходом девушка сообщила, что вечером в клубе будет выступать какой-то бард, кажется Клячкин, и, если он хочет пойти, она купит билеты.

- Ну, ты даешь, какой-то Клячкин! Ты хоть знаешь, кто это такой? Не знаешь? Когда встретимся, расскажу. Бери билеты, я тебя с работы встречу, хорошо?

- Конечно, хорошо! Я тебя целую.

- И я тебя! До вечера!

К пяти часам, одетый в светлые брюки и кремовую рубашку Славка поджидал любимую у деревянного крыльца местного райсуда, где Людмила работала секретарем судебных заседаний. По дороге сюда он встретил Ягодкина, у которого попытался выяснить насчет Алины.

- Не лезь ты в эти дела, Слав! Я не лезу, и ты не лезь. Сам понимаешь: горбатого могила исправит!

- Может с ней поговорить? Мается Сашка-то.

- А что толку? Моя, вон, сколько раз с ней разговаривала! Угомонись, говорит, дитя же у вас! Хоть бы гуляла по-тихому, а то на всю деревню слышно и видно.

- Сашка аж черный ходит, не случилось бы чего. Еще прибьет ее сдуру и сядет!

- Отвалить ему от этой Алины надо, вот и все. Мало что ли баб хороших вокруг?

- А ребенок?

- А, что, ребенок? Вырастет. Ему тоже в такой обстановке не сладко.

Хорошо, что еще совсем маленький, не понимает. А когда

подрастет? Я бы и дня в таких обстоятельствах не терпел.

- Ну, тут сам понимаешь: на вкус и цвет товарищей нет!

- Это точно!

Разговор оставил неприятный осадок на душе, но все мгновенно улетучилось, как только на крыльце появилась его самая дорогая и любимая на этом свете девчонка. Людмила слетела с крыльца и повисла у него на шее, болтая ногами.

- Ой, как хорошо, что ты приехал! Я так соскучилась!

Вячеслав осторожно поставил девушку на землю.

- Люди смотрят! – указал он глазами на окна суда, где маячили любопытные женские лица.

- А, и пусть! – беззаботно отмахнулась девчонка. – Пошли, - она взяла его под руку и прижалась щекой к плечу. – А ты по мне, что, не скучал, что ли?

- А ты, как думаешь? Скучал, конечно! Пошли, а то ваши женщины мне на рубашке дырки прожгут своими взглядами.

- Пусть завидуют! – рассмеялась Людмила, и, никого не стесняясь, поцеловала его в губы. – Давай только на минуту домой к нам зайдем, я переоденусь. Да и покормить тебя нужно. Хочешь кушать?

- Ну, вообще-то я не ужинал. Думал в «Тайге» потом, после концерта посидим.

- Да ну ее эту «Тайгу». Пошли, я тебя домашними пельменями попотчую. Мы вчера с мамой стряпали.

Зрительный зал клуба был забит до отказа. Не избалованные местные жители, и особенно молодежь, с удовольствием собирались в этом кладезе культуры, когда его посещала какая-нибудь заезжая знаменитость. А Женя Клячкин, кумир всей советской молодежи шестидесятых, у которой хоть что-то было в черепной коробке, кроме приевшихся штампов, тем более собрал почти все население поселка. Вячеслав помнил, как еще до института, когда он только-только начал брякать на гитаре, они с парнями пели: «Не гляди назад, не гляди, только имена переставь. Спят в твоих глазах, спят дожди, ты не для меня их оставь...». А девчонки, их тогдашние подружки, млели, слушая щемящие душу слова.

Клячкин показался староватым, и то – за сорок! Но пел зараза так, что слезу вышибало. Зал то и дело взрывался овациями. Веяло от этих песен чем-то таким, свободой, что ли. Трогали они в душе какие-то не звучащие доселе струны:

*«Крошатся в лужах фонари,
Знакомый адрес повтори,
Застонут доски под ногой,
К другой идешь, совсем к другой.
А сам ты, разве, не другой?»*

- Привет, Люда! Ну, и как вам? – спросил Вячеслава уже на улице, после концерта вновь встреченный ими уже под руку с супругой Ягодкин. – Понравилось?

Славка, переполненный впечатлениями, не стал слишком распространяться, пробормотав в ответ что-то неопределенное. Они с приятелем закурили, отойдя в сторону, под тополя, а женщины, давно не видевшие друг друга, затрещали о чем-то, о своем.

- Мост в Ивделе скоро сдасте? – спросил Володя.

- К концу месяца, может быть. А, вообще, не знаю. Так, вроде, готов, а когда госкомиссия соберется, начальство не информировало. Кстати, в пятницу мужиков домой провожаем, приходи.

- Кого? – заинтересовался Ягодкин.

- Да, всех практически. Гомянин, Деряжный, Ворошнин, - перечислил Славка фамилии приятелей. – Сашка, правда, куда не едет, здесь остается. Да ты не хуже меня знаешь. Гомянин – назад, в Москву, а Женька – в Новосибирск. В кабаке хотят отстреляться, так, что, милости просим! И Ольгу с собой бери, тем более, что у Деряги жена здесь, да и я Людмилу с собой прихватчу. Да и девчат знакомых мужики, я думаю, пригласят. А женатые и так все с супругами приглашены. Так, что, приходи!

- Володя, пошли, ребенок не кормлен! – позвала Ягодкина жена.

- Ну, ладно, бывай! – пожал протянутую руку Владимир. – До пятницы тогда! До свидания, Люд! – попрощался он с по-

дошедшей к ним девушкой. – А, начет остального, я тебе советую, не вмешивайся!

- О чем это он? – спросила Людмила.

- Да, так, о нашем, о девичьем!

- Ну, не хочешь, не говори! – обиделась девушка.

- Ну, вот, только этого и не хватало! – затормошил Людмилу Славка. – Кончай сердиться! Ты, что, забыла? Парней провожать в пятницу будем, вот я Володю с женой и пригласил.

- Точно! Мне же девчонки напоминали! Из головы вылетело, как тебя увидела, – потерлась о щеку Вячеслава своей щекой вновь повеселевшая девушка. – Пошли, что ли?

- Пошли.

Прогуливаясь по стихающему в ночи поселку, они и сами не заметили, как оказались на самой его окраине. Дальше уже начинался глухой лес, над которым горело ярким пламенем огромное, закатное солнце.

- Куда это мы забрели? – очнулась от каких-то своих мыслей примолкнувшая на какое-то время Людмила. Как красиво, правда, Слав! И солнце, смотри, какое громадное.

- Красиво! – согласился с подругой Славка. – Комары только здесь, возле леса. Ко мне зайдем? – спросил он девушку, как будто невзначай, после короткой паузы. – Все равно по дороге.

Она чмокнула его в губы, подхватила под руку и, не слова не говоря в ответ, просто зашагала рядом. Минут через пятнадцать они были у общаги. Рядом, на спортивной площадке, несмотря на то, что было уже довольно поздно, резались в волейбол с ребятами из соседнего батальона почти все обитатели общежития.

- Привет, Люд! – махнул им рукой Юрка Гомянин. – Ты когда, Слав, прикатил?

- Ночью еще. А вы чего в такое время колготитесь? Спать уже пора, а не мячик колотить.

- Да, договорились со студентами в четверг сыграть, а у них мужики серьезные. Вот и тренируемся помаленьку. Подавай, Николай! – крикнул Юрка Зубкову, стоящему на подаче, и, помахав прощально рукой, вновь включился в игру.

- Ну, что, зайдем? – спросил девушку Вячеслав.
- Только на минуточку, а то неудобно как-то!
- А чего неудобно? – начал, было, Вячеслав, но Людмила осталась непреклонной.

- Это вам, мужикам, все – ничего! С вас все, как с гуся вода!
- Ну, на минуточку, так на минуточку! – согласился Вячеслав, скорчив обиженную мину.

- Не обижайся! – погладила его по щеке девушка, когда они вошли в комнату. – Я же – девушка! А завтра вся деревня знать будет, что я у тебя была.

- Ну и что? Ты, что, боишься? И так все знают, что мы с тобой ходим. Подумаешь, девушка к парню в гости зашла.

- Вот и подумаешь! Ладно, ну ее, эту тему! – поцеловала Славку Людмила и прижалась к нему. – Обними лучше меня.

Вячеслав обнял хрупкие плечи подруги, и сердце его наполнилось теплом и нежностью. Так они и простояли минут двадцать, непрерывно целуясь, плотно прижавшись, друг к другу, пока она не высвободилась и не настояла на том, чтобы он тотчас же проводил ее домой.

- Мама попросила долго не задерживаться, - пояснила она. – Ты не обижайся, пожалуйста!

На улице мужики все еще резались в волейбол.

- Что так рано уходите? – крикнул им Гомяша, но Людмила в ответ только прощально помахала ручкой и тут же потянула за собой, остановившегося было поговорить, Вячеслава.

- Пошли, пошли! А то мне завтра на работу.

Вячеслав покорно последовал за подругой. Когда он вышел из Людмилиного подъезда на улицу, после того, как они распрощались окончательно, то на крыльце столкнулся почти нос к носу со своим старым знакомым Юркой.

- Здравствуйте, дядя Слава! – радостно приветствовал его пацан.

- Здорово, Юрка! А чего это ты снова один по ночам шляешься? Где приятель-то твой неразлучный?

- Да я не один. Мы только что с парнями разошлись. Дядя Слав, - внезапно переменял тему разговора мальчишка, - а вы про портупею не забыли?

- Не забыл, Юрка! Через два месяца твоя будет. А может и раньше, - вспомнив, что приятели уже на неделе уходят на дембель, пообещал Вячеслав.

- Здорово! – обрадовался отрок.

- Давай, дуй домой, а то мать, поди, с ума сходит уже!

- Не. Они с батей на курорте, а дома только сеструха! Да и та где-то носится. Вы про португею только не забудьте, - напомнил вместо прощания сорванец и скрылся за подъездной дверью.

Славка улыбнулся, достал из пачки сигарету, и, закурив, отправился восвояси, тем более что было уже около часа ночи. На душе у него было светло и радостно.

Утром его направили на Яныгью, станцию Северной ветки, где сдавался в эксплуатацию железнодорожный разъезд, и вернулся назад он уже совсем поздно.

А в пятницу вечером в «Тайге» собрался почти весь офицерский состав батальона, ну, естественно, те, кто находился в это время в Советском. Мужики уже получили расчет и официально распрощались с подчиненными и командирами, а сейчас начиналась неофициальная часть. Растерянная Галина сидела за столом рядом с Юркой и теребила в руках носовой платок. Глаза у нее были явно на мокром месте. Валентина, наоборот, все время как-то натянуто улыбалась, что было ей отнюдь не свойственно. «Вот-вот, недотроги, - пожалел про себя девченок Вячеслав, - корчили из себя всю дорогу черти что, а теперь локти кусаем! Уедет ухажер ваш, что делать-то будете?» Сидевший напротив Ягодкин щедро подливал Вячеславу в рюмку, не забывая и себя, несмотря на энергичные протесты супруги. Рядом с ними сидели Валера Крапивин с Анной, тоже приглашенные на проводины.

Славка уже к середине вечера изрядно захмелел. Счастливый Деряга, гордо восседал за столом, то и дело, с улыбкой оборачиваясь на свою очаровательную жену и что-то шепча ей на ухо. Та отвечала ему такой же счастливой улыбкой. Всем окружающим было понятно, как эта пара без памяти любит друг друга.

- Ну, ты что, Слава! – шептала Вячеславу на ухо Людмила.

– Не пей, пожалуйста, больше, а то совсем расклеишься. Видишь, Анна над тобой смеется.

Славка поднял глаза и увидел, что жена Валерки действительно смотрит на него своими татарскими, с поволокой глазами, в которых затаились искры смеха. Так, чтобы никто не заметил, он показал ей язык, чем вызвал новый приступ веселья у женщины.

- А и пусть смеется, - повернулся Славка к Людмиле, наклонившись к ее уху, - от меня не убудет.

Анна, видимо, почувствовав, что говорят про нее, тут же успокоилась. Отвернувшись, она занялась мужем, который, пользуясь тем, что про него на какое-то время забыли, уже накатил с Ягодкиным по паре рюмок.

Вернувшийся из Пелыма Ворошнин сидел вместе с Алиной и Зубковыми, и было не понять, то ли он помирился с супругой вновь, то ли нет. Но, по крайней мере, на первый взгляд, все выглядело достаточно благочинно. Батальонное начальство, побыв немного, благоразумно удалилось. Часам к двенадцати все высыпали на улицу Ленина и гурьбой тронулись в сторону улицы Титова. Коля Суровцев, как всегда, сэкономив где-то на полигонах, раздал всем желающим ракеты и взрывпакеты, и в поселке началась настоящая канонада. Вспыхивали над головами огни ракет, хлопали, взрываясь, подброшенные в воздух шашки, и весь этот грохот перекрывался здоровым гоготом молодых глоток. Случайные поздние прохожие на всякий случай обходили веселую компанию молодых офицеров стороной, да подальше. Неожиданно встретившийся на перекрестке районный милицейский начальник по прозвищу Городовой, попытался урезонить разгулявшийся молодняк. Кстати, прозвище полковник получил от населения за то, что и зимой и летом ходил по улице в одной и той же серой, парадной шинели, туго перетянутой ремнями португепи и с кобурой на боку. Всегда гладко выбритый и слегка поддатый он походил на оловянного солдатика затянутого в шелковый кокон, но своим суровым видом чаще вызывал не уважение и опаску окружающих, а скрытые или явные ухмылки. По существующим правилам ни он,

ни его подчиненные не могли каким-то образом воздействовать на офицерский состав воинских частей, и обычно так и поступали. Но в этот раз полковник почему-то решил встать на пути и сделать замечание не в меру шумевшей компании, а зря: в армии всегда не особенно почтительно относились к милицмейским чинам.

- Товарищи офицеры, немедленно прекратите безобразия! – выставив грудь колесом, прокричал, пытаясь перекрыть шум, полковник.

Шедший впереди с Гомяшей Деряга не сразу врубился, чего от них хочет разгневанный милиционер.

- Тебе чего, мент? – недоуменно спросил он полковника в наступившей внезапно тишине.

- А, действительно, чего? – поддержал приятеля Гомянин.

- Я вам сказал: ведите себя прилично, товарищи офицеры! От вас собаки шарахаются, а не только люди! Ночь уже.

Тишина стала оглушающей. Чувствовалось, как в застывшем воздухе нарастает напряжение.

- Послушай, полковник, шел бы ты по своим делам! – обратился к Городовому, вышедший из компании вперед, одетый в штатское, Матвеев. – Видишь, люди боевых товарищей на дембель провожают, никого не трогают, а ты лезешь!

- А я не к вам обращаюсь, молодой человек, – побагровел полковник – а к ним! – ткнул он пальцем в сторону Деряги и Гомянина. – Позорят, понимаешь, погоны, сопляки!

- Это, кто сопляк? – закипел Женька. – Это мы? Ах ты, тля ментовская! Ишь, харю отъел! Тебя бы на трассу, да подальше! А то ползаешь здесь по поселку, генерала из себя корчишь! Муха ты навозная!

- Брось ты его, Жень! – попытался остановить не в меру раззадорившегося товарища Юрка, но было уже поздно.

- Погоны захотел, полковник? – рывкнул Деряга, и одним движением, содрав с кителя лейтенантские погоны, прилепнул их сверху на полковничьи. – На, носи, старый хрыч!

Городовой остолбенел от такой наглости, и только беззвучно, как карась, открывал и закрывал рот, пытаясь что-то сказать

в ответ. Деряга похлопал полковника по плечам с новыми погонами, и ухмыльнулся, вполне довольный увиденным. Затем обогнул булькающего что-то, как вскипевший чайник, Городового и вместе с Гомяшей, двинулся по дороге дальше. За ними, как ручей, обтекающий возникший на пути валун, тронулась, постепенно оживая, остальная компания. Алина с Колиной супружкой успокаивали напуганную случившимся жену Деряги:

- Не беспокойся, все будет в порядке!

- Я же тебя предупреждал, полковник! – укоризненно покачал головой отставший от толпы Матвеев. – А ты не внял! Ладно, - примирительным тоном продолжил он, - не обижайся, иди, отдыхай!

Вместо ответа побуревший полковник резким движением сбросил с плеч погоны Деряги, и, круто развернувшись на месте, так, что с дорожных плит поднялась пыль, рванул в сторону райотдела. Матвеев догнал компанию.

- Коменданту жаловаться полетел! – сообщил он приятелям. – Через полчаса весело станет.

- А нам все равно! – пропел Ворошнин слова из известного кинофильма. – Мы, вроде, уже не в армии.

- Чего это ты такой смелый стал? – одернула мужа Алина. – Завтра гражданским станешь, вот тут Городовой на тебе и отоспится!

- А ты молчи! – сквозь зубы процедил Сашка.

- Это точно, Саш! – чиркнул зажигалкой Вячеслав. – Теперь тебя Городовой, как гражданское лицо в два счета угомонить может! Зря вы его так! Человек все-таки на службе, общественный порядок блюдет!

- Это точно! – повторил за Славкой Зубков. – Пошли, Мария, спать пора! – обратился он к жене. – Да и вы, ребята, идите отдыхать. Утро вечера мудренее. А то сейчас налетит воронье, кому эти неприятности нужны? Тем более, молодым нашим, - кивнул он в сторону Семушкина, - им еще служить да служить, как медным котелкам!

- Нехорошо получилось, Женя, - погладила по щеке Деряжного жена. – Обидели пожилого человека.

- А чего он лезет! – попытался оправдать приятеля Гомяша, но Вячеслав одернул его:

- Кончай! Что случилось, то случилось! Давайте по домам, мужики! Утром на работу топать.

- Пошли, правда, Слав! – подхватила лейтенанта под руку Людмила. – Я тебя провожу!

- О, с превеликим удовольствием! – поцеловал подругу в щеку уже почти протрезвевший на свежем воздухе Вячеслав. – А потом я тебя. До завтра, парни! – помахал он приятелям и свернул в ближайший проулок. – Зайдешь? – спросил он девушку, когда они подошли к общежитию, и та, ни слова не говоря в ответ, внимательно посмотрела Славке в глаза и кивнула головой в знак согласия.

Почти час они в полной темноте лежали на Славкиной кровати, обнявшись, и, слушая, как взволнованно и гулко колотятся их сердца от ласковых прикосновений рук и губ друг друга. Она почти не сопротивлялась, и он осыпал нежными поцелуями ее шею, плечи и грудь с твердыми и острыми сосками. Потом в общежитии возник шум: прибыл комендантский патруль, вызванный милицейским начальником. Богович, конечно, доложил лейтенанту, начальнику патруля, что в общежитии никого нет, а те, кто есть, давно и сладко спят. Прибывший вместе с патрулем Городовой пытался убедить лейтенанта проверить комнаты, но тот категорически отказался.

- Не имею ни права, ни оснований, товарищ полковник, обыскивать помещения! – заявил он.

- Я завтра коменданту доложу, как вы службу несете! – попытался нажать на лейтенанта Городовой, но тот только улыбнулся в ответ:

- Доложите, товарищ полковник, это ваше право! Пошли ребята! – скомандовал он патрулю, и в общежитии вновь стало тихо.

- Какой въедливый начальник милиции, - едва слышно прошептала Людмила, - никак не успокоится!

- Ну, его! – прошептал в ответ Славка и вновь зарылся носом в волосы любимой.

- Ну, Славочка, не надо! – напряглась девушка, когда он

стал особенно настойчив. – Не обижайся, ладно! – погладила она его по щеке, почувствовав, что Вячеслав ослабил объятья и откинулся на спину, сдерживая тяжелое дыхание. – Я тебя понимаю, милый, но мне страшно! – прошептала она и снова прижалась к нему.

Вячеслав, ничего не ответив, осторожно снял ее руку с груди, поднялся, открыл форточку и закурил, постепенно успокаиваясь. Девушка не сказала ни слова, и он понял, что она обижена таким его поведением. С чувством раскаяния Славка вновь присел на кровать и положил руку девушке на плечо. Та прижалась щекой к его ладони и замерла. Так они и молчали, глядя на мерцающие звезды за оконным стеклом и велушиваясь в тишину, нарушаемую только редкими паровозными гудками, да лязгом колес маневрового тепловоза. Воздух из форточки пах хвоей и дымком, занесенным ветерком со стороны нижнего склада леспромхоза, где в заброшенном карьере сжигали горбыль. Славка протрезвел и успокоился окончательно, и на сердце у него вновь стало светло и спокойно.

- А у меня на той неделе день рождения, - внезапно сообщил он подруге. – Двадцать пять уже! Старик.

- И что же ты молчал, Славик! – оживилась девушка. – Какой же ты старик, дурачок! Здорово! Давай отмети, позовем девчонок. Ты как?

- Я-то нормально. Жалко Юрки с Женькой не будет: они завтра уезжают.

- Ничего, - она присела на кровати и обняла его, - я же с тобой!

День рождения отмечали в «Тайге», а потом поредевшей без Магвесева и Ворошнинных компанией отправились в гости к Крапивиным, так как все девчата еще со школы были подружками Анны, а Славка за этот короткий отрезок времени тоже успел подружиться с Валерой. Тот так уморительно рассказывал истории из прошлой жизни батальона и тех временах, когда он сам носил военную форму.

- Хорошо, что зашли! – обрадовался Валера. – А то не с кем даже рюмку опрокинуть!

- Тебе бы все опрокинуть, - недовольно поджала губы сухощавая женщина, чем-то отдаленно похожая на Анну, и как позднее понял Славка, это и была ее мать, теща Валерки.

- Шли бы вы мама к себе! – не слишком любезно отправил женщину зять, и та, фыркнув, удалилась в соседнюю комнату.

- Опять вы с мамой сцепились, - укорила мужа Анна, - никак вас лад не берет.

- Ничего, вот свой дом поднимем, тогда милости просим. Никто скрипеть не станет.

- А что, частный дом строите? – спросил нового приятеля Славка.

- Да, нет! Двухквартирник СМП для своих работников поднимает. А пахать самому приходится, чтобы квартиру выделили. Ну, как в армии – аккорд дембельский!

Посидели, вспомнили недавние проводы.

- Ну, что, не телеграфировал еще Юрка, как до столицы добрался? – спросил Галину Валера.

- Вот еще! С чего-то он мне телеграфировать будет, - представлялась совершенно равнодушной девушка.

- Да, брось ты, - подколот ее Славка. – Так уж тебе и все равно?

- Абсолютно!

- Смотри, прокидаешься.

- Отстань ты от нее, Слава, - остановила лейтенанта Людмила. – Чего пристал к девушке? Пусть сами разбираются.

- Ну, сами, так сами.

Разливая в кружки холодный домашний квас, Анна как бы невзначай наклонилась над Славкой, ненароком прижавшись к его плечу тяжелой, упругой грудью. Славка слегка посторонился и взглянул на женщину. Глаза у нее снова искрились смехом, как и тогда в ресторане. Славка незаметно оглядел присутствующих, но никто, как будто ничего не заметил. Слава Богу, что Людмила в этот момент отвернулась, разговаривая о чем-то с Валентиной. «Только этого и не хватало», - мелькнуло у Славки в голове. Отношения его с Людмилой уже перешли в ту фазу, когда было необходимо принимать серьезные и взвешен-

ные решения. Интрижки с посторонними женщинами, а тем более, чужими женами, никак не вписывались в эту схему. Да и пред новым приятелем неудобно. Только подружились, и – на тебе! Славка пододвинулся поближе к Людмиле и включился в общую беседу.

А еще через неделю проводили в академию Краева. Владимир Иванович снял, как надраенный пятак. Чабрава на проводах разродился длинным, грузинским тостом, смысл которого, в конце-концов, сводился к тому, что Краева после окончания академии всегда ждут в родной части:

- Родное гнездо всегда остается родным для своих птенцов!

- Ну, это Чабрава хватанул! – шепнул тогда Славке, сидящий рядом с ним Матвеев. – Вот помяни мое слово: мы Владимира Ивановича еще комбригом увидим. Хороший мужик, жалко, что расстанемся!

Глава 16

Вагоны состава дернулись еще раз и, наконец, остановились. Проводница открыла дверь, и Вячеслав с Семушкиным сошли на щебеночную платформу станции со звучным названием Уралзолото. Деревянный, крашеный зеленым вокзал был точно таким же, как и в Советском. Впрочем, там, сразу за вокзалом, стройными квадратами возвышались кирпичные трехэтажки, построенные за прошедшие два года, а здесь по склонам и пологим распадкам безо всякой системы и порядка рассыпались деревянные, частные домишки. Домишки, судя по их убогому виду, были построены, видимо, еще во времена крепостного права, при царе Горохе. Может быть тогда здесь и добывалось это самое золото, которое и вошло неотъемлемой частью в название поселка, а в дальнейшем и станции.

- Куда нам, товарищ лейтенант? – спросил Варфоломей, но Вячеслав только отмахнулся от сослуживца, оглядываясь по сторонам.

Стояло раннее утро. Народу на вокзале практически не было. Те, кто встречал прибывающих пассажиров, уже исчезли, и только в конце перрона маячила пара бабулек с детскими колясками. В колясках бабульки доставляли к поездам нехитрую снедь для пассажиров: пирожки собственной выпечки и

газированной воду в стеклянных бутылках из местного сельпо. Голь на выдумки хитра: все-таки не на себе тащить.

- Подожди, - сказал Вячеслав озирающемуся по сторонам Варфоломею, и направился прямо к бабушкам. – Здравствуйте, мамыши! – поприветствовал он разговаривающих друг с другом женщин.

Те прервали беседу и с интересом уставились на лейтенанта.

- Здравствуй, милоч! – ответила та, что была постарше. – Чего тебе? Может, пирожков хочешь?

- А не подскажете, где здесь военные стоят? – вопросом на вопрос ответил Вячеслав.

- Отчего же не подсказать. Видишь дорогу? – женщина указала рукой на грунтовый большак, пересекающий поселок и исчезающий за пологим склоном сопки. – Вот по ней и топай, а за горой и увидишь, что тебе надо.

- Спасибо, - почесал затылок Вячеслав, прикинув на глазок, что топать придется не меньше часа.

- Не за что, милоч, – ответила женщина, и тут же оживилась, будто вспомнила о чем-то самом важном. - А пирожков-то горяченьких не надо?

Вячеслав подумал, что подкрепиться им с Варфоломеем не помешает, и полез в карман за деньгами. Еще через пятнадцать минут они сидели на поваленном стволе сосны за поселком, у подножия сопки, и с аппетитом уплетали купленные пирожки с капустой, запивая их бутылкой «Буратино».

- Могли бы и машину прислать, - глубокомысленно произнес Семушкин, обращаясь ни к кому, а просто так, в пространство, на что жующий Вячеслав ничего не ответил, а просто кивнул, соглашаясь с товарищем.

«Какой черт нас сюда занес?» - подумал Славка, вытирая руки носовым платком. Вопрос был риторическим, он точно знал имя и фамилию того самого черта, что их сюда заслал. Два дня назад его вызвал майор Стешенков, и объявил, что ему, лейтенанту Решетникову, надлежит отбыть в служебную командировку, для проведения плановой инспекции по технике безопасности в батальоне, расположенном под Серовым.

- Так мне до дембеля неделя осталась, товарищ майор! – возмутился Вячеслав. – Вон, пусть Семушкин катит, ему дальше служить!

- И лейтенанта Семушкина с собой прихватите, - невозмутимо продолжил майор, не обращая никакого внимания на слова Славы, - для ознакомления, так сказать. Пусть опыта набирается.

А накануне, в воскресенье, они компанией, выпросив у Чабравы машину, ездили отдыхать на Конду, километров за двадцать от поселка. Вячеслав поехал с Людмилой, Коля Зубков и Дубов с супругами. Семушкин тоже поехал с женой, которая к этому времени перебралась к нему в Советский. Прихватили и Крапивиных за компанию: все веселее. Добирались что-то около часа, так как часа за два до поездки прошел хороший ливень и дорогу размолотили леспромхозовские лесовозы. Остановились в чистом, сосновом бору, прямо у деревянного моста через реку. Людмила сначала стеснялась присутствующих, особенно женщин, с которыми была практически незнакома, но к концу дороги, перезнакомившись со всеми, повеселела. Освоившись, они с Валею Семушкиной больше других подходившей ей по возрасту и Анной о чем-то начали оживленно болтать, не обращая внимания на тряску. Машина с завываниями ползла по раскисшей трассе, то и дело, проваливаясь в скрытые под водой ямы. Пассажиров подбрасывало и швыряло из стороны в сторону на деревянных скамейках. Того и гляди можно вывалиться за борт, но в кузове царило веселье. Настроение было прекрасным: еще бы, в кое-то веки вырвались компанией на природу. Дубов всю дорогу травил анекдоты, и наградой ему были не прекращающиеся взрывы хохота благодарных слушателей. Когда выгрузились, женщины занялись припасами, а мужчины, срубив удилица и привязав к ним снасти, приступили к ловле рыбы. Водитель с Дубовым подались в лес заготавливать дрова для костра. А Семушкин вызвался помочь женщинам.

- Ну, с Богом! – сказал Зубков, забрасывая удочку в темную воду, не забыв по рыбацкой примете предварительно поплевать на червяка.

Славка, пристроившийся рядом, чуть ниже по течению последовал примеру старшего товарища. Над водой стелились легкие, прозрачные полосы утреннего тумана. Из-за сосен пробивались первые лучи солнца, отражаясь в каплях росы, густо покрывающей листья зарослей смородины и черемухи, нависшие над берегами. Первые полчаса не клевало совсем, но, когда солнце поднялось повыше, неподвижный поплавок Славкиной удочки, наконец-то, дернулся и резко ушел под воду.

- Подсекай! – заорал Зубков, и Вячеслав, как учили, плавно подсек против движения поплавка.

Серебристая рыбина вылетела из воды и, сверкнув чешуей, шлепнулась на песчаный берег за спиной у Вячеслава. Он бросил удилище и кинулся к подпрыгивающей на опавшей хвое добыче, пытаясь прижать ее к земле. Сняв с крючка приличную, граммов в двести сорогу, лейтенант издал победный клич. Подбежавшие на крик девчонки тут же забрали у него добычу, и вернулись к уже разгоревшемуся костру, к остальным. Женщины с любопытством принялись разглядывать улов, восторгаясь ловкостью рыбаков.

- Ничего, - похвалил Вячеслава Зубков и тут же выхватил из воды примерно такую же плотвицу.

Через час почти непрерывного клева наловили с полведра. Славка с Семушкиным занялись чисткой рыбы для ухи, а картошку и все прочее женщины к этому времени уже приготовили. Потом, когда уха сварилась, расположились вокруг двух армейских одеял, расстеленных прямо на земле, покрытой толстым слоем опавших игл хвои. Вячеслав с Дубовым подтащили пару упавших сосновых стволов, уже лишившихся от времени коры, а Семушкин разыскал где-то два толстых, сантиметров по сорок в диаметре спиленных чурбака, на которых, как на табуретках, устроился вместе с женой. За разговорами и тостами под уху не заметили, как наступил полдень. Славка с Зубковым пошли проверить удочки, но они оказались пустыми. Насадив свежего червя и вновь забросив крючок в воду, Вячеслав присел на песок крутого склона, достал сигарету, и чиркнул спичкой. Рядом пристроился Николай.

- Ну, как ты, решил остаться, или ехать куда надумал? – спросил он Вячеслава.

- А куда, Коль, ехать? В Калинин к мамке? Как-то не хочется. Думаю в ПМК пристроиться, поработать года два. Деньжат, каких-никаких скопить, заработки у них там неплохие.

- А с Людмилой что надумал?

- А, что с Людмилой?

- Да ничего. Но у нее уже такой возраст, когда о семье думать пора. Ты-то как обо всем этом понимаешь?

- Если честно, не знаю, Николай. Не думал как-то.

- Вот-вот. А надо бы подумать, не маленький мальчик, - поднялся Зубков. – Пошли к костру, что ли?

- Пошли, - поднялся вслед за приятелем Вячеслав.

По его, внезапно ставшему серьезным лицу было видно, что слова товарища не прозвучали пустым звуком, а осели где-то на доньшке, в глубине сознания.

Действительно, служба приближалась к концу, нужно было серьезно подумать о будущем. Правда, обстановка пикника не располагала к этому, и через минуту Славка позабыл об этом разговоре с товарищем. Часам к трем начали собираться домой. Николай по прибытию в поселок предложил продолжить у него дома.

- По дороге грибов наберем, нажарим. А можно и грибницу для тех, кто любит, сварить. Я-то, вот, не особенно ее уважаю. По мне жаренные, да еще с картошечкой, куда вкуснее!

Год был на редкость урожайным и грибы в невероятных количествах были рассыпаны по лесам. Остановились где-то на пятнадцатом километре и за десять минут, не удаляясь от дороги, набрали ведра два отборных красноголовиков. Грибы были повсюду, куда не кинь взгляд. Некоторые выросли до размеров автомобильного колеса, но брали только такие, которые были не более кулака...

А еще через день Валера пригласил их вечером вместе с Людмилой на дичь. С кем-то из местных охотников они добыли несколько глухарей, и Анна, или ее мать, вымочив их в уксусе, нажарили целый таз мяса. Пировали в беседке, прямо во дворе. Потом, на спор, Славка, вспомнив свое спортивное про-

шное, подтягивался на турнике, сооруженном тут же. Людмила хлопала в ладоши, когда ему удалось подтянуться двадцать пять раз. Едва отдышавшись, он снова занял место за столом.

- А в институте пятьдесят подтягивался, вместо зарядки, - сообщил он присутствующим.

- Загибашь, наверное! – не поверил Валера.

- Почему загибаю? Четырнадцать лет все-таки корячился, не зря мастера спорта дали. Да и штангу восемьдесят килограммов еще в школе одной рукой рвал. Это, кстати, не предел, у нас кое-кто из команды и сотней баловался.

- Свежо преданьице, да верится с трудом!

- Вот тебе крест! – в шутку перекрестился, обиженный недоверием Славка. – Не тренировался два года, а то бы и сейчас показал.

- Ладно, хвастаться, - остановила его Людмила. – Пойдемте-ка лучше телевизор посмотрим, фильм начинается.

Они с Анной ушли в дом, а Славка с приятелем остались на улице, где стало уже прохладно. Идти в душный, нагретый дневным солнцем дом не хотелось.

- Вот закончишь службу, на охоту съездим, - предложил Крапивин, но Славка отказался.

- Я как-то к этому мероприятию равнодушен. Рыбалка – другое дело! Правда, дальше Конды быть не приходилось.

- Еще побываешь. На Арантуре щука килограммов по двенадцать попадается. Крокодилы, а не шуки.

- А где этот Арантур?

- Километров семьдесят отсюда. Громадное озеро. Но добираться нужно через Комсомольский, да и не на всяком транспорте доберешься.

- Вот туда бы я с превеликим удовольствием поехал, а охота – это не по мне.

- А зря, азартная эта штука – охота! Особенно, когда ей охота и тебе охота! – рассмеялся Валера.

- Говорят, еще километров через двадцать за Кондой река есть, Алымья, что ли. Так вот там рыбы – немерено! А, может, брешут?

- Там еще не одна река есть, - сообщил Валера. – Правда до-

роги – не дай Бог! Не дороги даже, а так визиры. Геологи прорубились, ну а наши мужики тут же и полезли. А озера там, какие! Правда, не добраться. Вертолетчики по точкам летают, иногда забрасывают. Караси – один на сковородке не помещается.

В этот момент его позвала из дома теща. Славка остался в одиночестве. Он, не торопясь, выкурил сигарету, и тоже отправился в хату. В темных, неосвещенных сенях он наткнулся на кого-то, испугался, но тут же почувствовал, как мягкие, женские руки обхватили его за шею. Пахнущие вином губы на секунду впились в его губы и тут же отпрянули, так как дверь в прихожую начала открываться. На пороге возник Валера, а Анна, ошеломившая Славку, как ни в чем не бывало, проскользнула между мужем и косяком внутрь. Не подавая вида и сохраняя бесстрастное выражение лица, что далось ему нелегко, Вячеслав намерился последовать туда же.

- А у меня есть кое-что, - остановил его Крапивин, доставая из-за спины бутылку, - пошли в беседку.

- Спасибо, Валера! – отказался Славка, стараясь сохранять спокойствие. – Поздно уже, а завтра на службу.

Он понял, что Валерий ничего не заметил. Когда они с приятелем вернулись в дом, где у телевизора собрались все женщины. Славка бросил короткий взгляд на Анну, но выражение ее лица ни чем не выдавало произошедшего только что. Вот стерва, как таких только земля носит?

Они с Людмилой распрощались с гостеприимными хозяевами и отправились восвояси. Славка ничего не сказал Людмиле о странном поведении Анны, но впредь зарекся оставаться с той наедине. Не хватало еще товарища из-за дурной бабы потерять. Вылитая Алина, да и только. И чего им всем нейдется, как будто своих мужиков мало...

Вячеслав очнулся от воспоминаний и огляделся. Они с Семушкиным уже поднялись по склону сопки. Внизу под горой блестела лента реки, галечные берега которой поросли густой щетиной ивняка. Слева отсвечивали в лучах восходящего солнца кресты поселкового кладбища, прислонившегося к склону, а справа, чуть ниже белели щитовые, недостроенные бараки

казарм, и ряд аккуратных палаток, обнесенных высоким и тоже побеленным забором.

- Во, - ткнул Славка пальцем в пространство перед собой, привлекая внимание товарища, - добрались почти!

- А, красиво тут, горы! - откликнулся Варфоломей. - Не то, что у нас, одни болота.

- Сам ты болото! - хмыкнул Вячеслав. - Нахлебашься болотной водицы - полюбишь! Я тоже в первое время тосковал по детству. Романтики хотелось, а вышло вон что. Никак не мог привыкнуть к местным ландшафтам после Дальнего Востока. А, потом, ничего, прошло. Пошли, чего стоять-то, время идет. Вон кто-то на плацу шевелится. Да и то: просыпаться пора, седьмой час уже.

Из вагончика КПП у раскрашенных, как новогодняя елка ворот, выскочил младший сержант, отдавая честь. Славка козырнул в ответ и приказал доложить старшему по службе, что лейтенанты Решетников и Семушкин прибыли для решения стратегических задач командования.

- Давай, сержант, мухой! А то проклятая гидра империализма проснется и выяснит, что вы тут спите, как сурки, и в ус не дуετε. Садись, Семушкин, - указал он на скамеечку у вагончика, - в ногах правды нет.

Через минуту в вагончике появился прапорщик, видимо помощник дежурного по части.

- Здравия желаю, товарищи лейтенанты! Откуда и по какому вопросу прибыли?

- Здорово, если не шутишь! - ответил Вячеслав, протягивая прапорщику командировочное предписание и копию приказа бригады. - На, читай!

Тот быстро промахнул переданные лейтенантом бумаги глазами и тут же начал куда-то звонить. Через пять минут, обзвонив всех, кто должен был знать об их прибытии, прапорщик пригласил лейтенантов проследовать за ним.

- Пойдемте, товарищи лейтенанты, завтракать. Начальник производственного отдела придет из поселка через полчаса, а комбат сейчас в корпuse.

- А, что, главному неинтересно, что у него с техникой безопасности в части творится!? – ехидно поинтересовался Вячеслав.

- А главного у нас уже месяц как нет. Демобилизовался.

- Двухгодичник, что ли?

- Так точно! Из Москвы!

- Во, видишь, Семушкин, все приличные люди уже давно на дембель ушли, а я тут, как прокаженный, с вами мызгаюсь. Пошли завтракать, пока приглашают, - позвал Вячеслав Варфоломея и сам последовал за прапором.

В столовой уже были накрыты столы и их довольно прилично накормили. Потом появившийся внезапно откуда-то дежурный по части, лейтенант, проводил прибывших в штаб, где они и дождались начальника производственного отдела, знакомого Вячеславу по бригадным посиделкам, старшего лейтенанта Калинина.

- Привет, Слав! Ты, какими судьбами к нам?

- А что, не сообщили? – удивился Вячеслав. – Вот суки! Инспектировать тебя, Ген, приехали. На копию приказа, читай! Знакомься, кстати, моя смена, - кивнул он в сторону Семушкина, - Варфоломей. С ним дальше работать будете, если нужда заставит.

- А ты-то куда денешься?

- А я, Гена, в пятницу последний день служу.

- Да, ну!

- Вот тебе и ну! Дембель, Гена, дембель!

- Поздравляю! Отбарабанил значит. Уезжаешь куда, или как?

- Да не знаю еще. Думал здесь, ну, то есть в Советском, поработать, но, как еще получится.

- На железке?

- Не. На комбинате, что у нас строится. Там вроде люди требуются. Короче, видно будет.

- Что делать будем? – спросил Вячеслава, повертев перед глазами приказом старлей.

- Как что, приказ исполнять! Ты чего, Семушкин, к стулу примерз? Поднимайся, пойдем проверять товарищей.

- Да, погоди ты, - остановил Вячеслава Калинин, - давай хоть чаю попьем. Сейчас мои инженера подтянутся и пойдем. А, может, молодых отправим? Что нам, старикам ноги бить-то?

- Вот тут ты, Гена, абсолютно прав: не царское это дело в дерьме разным ковыряться! Пусть топают молодые, да акт рисуют, а мы о жизни с тобой погугарим.

- Вот и прекрасненько. Сейчас я тебя, лейтенант, со своими познакомлю, и приступайте. А мы с Вячеслав Георгиевичем по части прогуляемся.

- А, как же, - начал было Семушкин, имея ввиду инспекцию объектов, но Славка быстро пресек сомнения лейтенанта:

- Давай, давай, Варфоломей! Толай акт рисовать. Не боги горшки обжигают. Привыкай.

Оставив Варфоломея с молодым лейтенантом, тоже, видимо, недавно призванным и наказав им подготовить необходимые бумаги, старые знакомые вышли на улицу, присели на скамеечку возле штаба и закурили.

- До сих пор в палатках обитаете? – спросил старлея Вячеслав.

- Приходится. Но в эту зиму, похоже, в казармы переселимся. Видишь, заканчиваем уже.

- Вижу. А, что так долго строите-то? Вы здесь уже года два, наверное, или больше?

- Три почти. А хрен его знает, почему медленно! То одного нет, то другого. Второй год корячимся. Проверять-то сам будешь что?

- Я, что, умом тронулся? Накажи своим ребятам, кто пограмотнее, пусть акт напишут, и – по рукам!

- Вот это дело! А мы чем-нибудь более приятным займемся. Ты подожди минуту, я начштаба доложусь, чтобы не искал.

- Давай. И моего подопечного турни сюда, а то он от усердия лоб расшибет. Не фиг ему тут у людей под ногами болтаться.

Солнце поднялось высоко в небо и пригревало совсем полетнему. В воздухе, подгоняемые едва заметным ветерком, летали паутинки, но вот трава по склону сопки лишилась уже своего привычного, пестрого многоцветья, местами покрыв-

шись бурыми пятнами. Осень. Славка закрыл глаза и подставил лицо солнечным лучам.

- Разрешите? – плюхнулся рядом с ним на скамейку запыхавшийся Семушкин.

- Что, закончили? – повернул голову и открыл глаза Вячеслав.

- Что закончили? Проверку?

- Экий ты болван, Семушкин. Я про конечный документ спрашиваю, а не про ваши прогулки фраеров.

- Акт?

- Акт, конечно, а что еще!

- Вчерне набросали. Валерий подправит и машинистке снесет.

- Валерий, это лейтенант Генкин, что ли?

- Так точно.

- Надо будет посмотреть, что вы там сочинили.

В эту минуту к ним подошел Геннадий.

- Ну, что, мужики? Что делать-то будем? У вас, когда поезд, кстати?

- В четыре. А что ты предлагаешь?

- А я вот что предлагаю! Пока тут бумаги печатают, пошли-ка на речку, искупаемся. Вода еще теплая, комарья уже нет, красота! Отдохнем, если хотите, порыбачим, винишка выпьем.

- Вот это дело! – оживился Вячеслав. – Семушкин, - обратился он к подчиненному, - дуй-ка в деревню, в магазин!

- Да не надо ничего! – остановил, поднявшегося было со скамейки Варфоломея старлей. – Все доставят в лучшем виде прямо на природу! Я сейчас у старшины пару плащпалаток прихвачу и потопали!

Он сбегал куда-то и вскоре появился с набитым вещмешком в руках и парой завернутых в полиэтиленовый мешок бутылок.

- Пошли. Валера тут все остальное организует.

Они вышли за КПП и направились вниз по склону, к реке. Если на склоне сопки практически не росло ни одного дерева, кроме десятка невзрачных кустиков, то берег реки густо зарос ивняком и черемухой, обсыпанной черными, крупными, и уже перезревшими ягодами. На поляне, к которой их привела

натоптанная сотнями ног тропинка, росло несколько сосен с густыми, почти до самой земли кронами. Место было обжито. На краю поляны виднелось старое кострище, обложенное кирпичами, а трава на спуске к воде за лето была вытоптана напрочь, ногами и телами многочисленных купающихся. Геннадий предусмотрительно прихватил с собой пару удочек и Семушкин, обуреваемый страстью заядлого рыбака, тут же исчез за ближайшими ивняками.

- Ну, а мы будем загорать, - сказал Вячеслав, расстилая на траве, переданную ему Геннадием плащпалатку.

Раздевшись догола, благо никого поблизости не было видно, они вошли в воду, оказавшуюся на удивление теплой. Многочисленные стайки мальков тут же начали виться у ног, щекотно покусывая за волоски. Галечник на дне переливался в струях воды всеми цветами радуги.

- Красотища! – потянулся всем телом Вячеслав и, громко заорав, с брызгами и шумом нырнул в неторопливые струи реки.

Поплавав и поныряв минут десять, они с Геннадием вылезли из воды и растянулись на плащпалатках.

- Ну, ты, как, не женился еще? – спросил старлей.

- Не.

- А думаешь?

- Не знаю. Страшновато на себя обузу вешать.

- Дурак ты, Слава! Какая же это обуза. Домой приходишь, а тебе уже стол накрыли! Все постирано, поглажено, да и сам ухожен. И бегать никуда не нужно, все при тебе.

- Ага! Только что-то разводится многовато! Вон, мой приятель, Сашка, чуть больше года назад женился и скачет теперь, ловит свою Алину по закоулкам!

- Ну, это скорее исключение, а не правило. Бывает, конечно. Но твоя-то, я думаю, не такая?

- Все они не такие, пока не замужем! Пушистые и ласковые!
– Славка вспомнил Крапивину.

- Зря ты так! На женщинах, в конце концов, мир держится. Что, мать у тебя стерва какая-то?

- Ну, так то – мать!

- А твоя жена, когда родит, тоже матерью станет! Так, что, зря ты, Слава, про обузу-то. Тем более все равно когда-нибудь придется решаться, а чего тянуть?

- Лучше позже, чем раньше. Как там у Ильфа и Петрова: утром – стулья, вечером – деньги!

- Там, кажись, наоборот было.

- Ладно, замнем для ясности. Давай, Гена, тему сменим! Разберусь я с этим делом, не сомневайся! Где твой лейтенант-то?

Геннадий приподнялся на локтях и посмотрел в сторону дороги.

- А вон, со старшиной топают!

Вячеслав сел, надел трусы и набросил на плечи рубашку. По тропинке от дороги шли двое, груженные тяжелыми авоськами. Еще через пару минут они приземлились рядом с загорающими.

- Виктор, - протянул руку моложавый прапорщик, - старшина батальона. Рад познакомиться!

- Ну, что, все в порядке? – спросил у прибывших Геннадий. – Или, как всегда, что-нибудь да забудем!

- Обижаете, товарищ старший лейтенант! – ухмыльнулся Валера, разгружающий на траву звенящие авоськи, - Все в лучшем виде! А где Варфоломей-то? – он завертел головой, не увидев рядом с начальством коллегу.

- Рыбу ловит, - ответил Вячеслав, надевая брюки и ботинки. – Варфоломей! – закричал он в сторону ивняка. – Кончай дурью заниматься, топай сюда!

Вскоре из кустов появился лейтенант с удочкой в руках и десятком маленьких, усатых пескарей, нанизанных на изготовленный из ивового прутика кукан.

- Во, можно уху сварить, - горделиво поднял он кукан на вытянутой руке, разглядывая улов.

- Ага, - со вздохом произнес Вячеслав, и вновь развалился на плащпалатке, закинув руки под голову – кошке! Да и той маловато будет.

- Ничего не маловато, - обиделся Семушкин, - вполне приличная уха получится. Котелок есть?

- Не, не захватили, - ответил Семушкину Валера.

- Как не захватили? Все захватили! Бросьте вы, ребята, эту рыбу, - бодро вмешался в разговор прапорщик, - у нас тут кое-что получше есть! - Из одного пакета он извлек котелок с завернутым в газету куском говядины килограмма на два. - Сейчас костерок разведем и такую юшку сварганим - пальчики оближете! Молодые, вы бы пока дровишек насобирали! - обратился он к лейтенантам.

Семушкин аккуратно пристроил свой улов на ветке сосны и пошел вслед за Валерой, который, не заставляя себя ждать, уже исчез за кустами.

- Может, еще окунемся? - спросил Геннадий.

- Я с удовольствием! - ответил Вячеслав. - А вы, прапорщик?

- Спасибо, товарищ лейтенант! Я тут пока столом займусь. А вы купайтесь, пока солнышко греет и погода позволяет. Что-то мне вон та тучка не нравится, - он указал на потемневшую полосу горизонта. - Как бы дождь не принесло.

- Скажешь тоже - дождь! - беззаботно отозвался Геннадий, поднимаясь и направляясь к воде. - На небе ни облачка!

Когда они с Вячеславом наплавались и вылезли на берег, там уже во всю трещал, плюясь искрами в небо костер, над которым булькал котелок с похлебкой. На сером, байковом одеяле, постеленном поверх плащпалатки, живописным натюрмортом расположились бутылки с водкой и нехитрая закуска: открытые банки с рыбными консервами и тушенкой, и нарезанные вдоль огурцы с помидорами, распластанными наполовину. Над натюрмортом колдовал прапорщик. Отдельной кучкой лежала целая охапка свежего зеленого лука и укропа. Нанизав пескарей на прутики ветлы, Варфоломей и Валера жарили их прямо на пламени костра.

- Сгорят они у вас, - сказал подошедший Геннадий. - Надо дожидаться, когда угли будут.

- Не сгорят! - уверенно возразил Варфоломей, поворачивая прутик. - Мы осторожненько, - сглотнул он слюну, да так громко, что услышал даже Вячеслав, одевавшийся метрах в пяти поодаль.

- Давайте-ка, лучше к столу! – пригласил компанию Виктор, расставляя по периметру одеяла алюминиевые кружки. – Бросьте вы своих дохлых пескарей! – крикнул он лейтенантам. – Топайте сюда.

- Красота! – протянул подошедший к столу старлей. – Давай, Слав, присаживайся! И вы падайте, господа лейтенанты! – пригласил он Семушкина с напарником. - Виктор, разливай!

- За что выпьем-то? – спросил Вячеслав, когда все подняли кружки.

- За встречу! – ответил Геннадий. – Да и так, за прекрасную погоду! Гляди, как солнце нажаривает, лето, да и только! – он опрокинул содержимое кружки в рот и смачно крякнул, утерев тыльной стороной ладони губы. – Ты смотри, какая осень удалась; тепло, светло и главное мухи не кусают!

- Это точно! – отозвался прапорщик, отошедший к костру помешать кипящую и аппетитно пахнущую похлебку. – Но мне все равно вон та тучка, ой как не нравится!

- Кончай, Матвеевич, - промычал жующий Валера, - пока суд да дело, мы уже дома будем.

Разлили по второй, и беседа пошла куда живет:

- А, помнишь, Слав, как мы в Серове гулеванили? – мечтательно закатил глаза старлей. – Какое там, в ресторане было заливное из осетринки! Пальчики оближешь!

- Ага! Отменное, надо сказать, заливное.

- А потом, помнишь, как у приятеля моего, Захарченко, в части скрывались? Ну, когда нас в бригаде за того мента разыскивали? Кипиш еще подняли до небес.

- А что случилось, товарищ старший лейтенант? – заинтересовался Семушкин.

- А ты вон у Вячеслав Георгиевича спроси.

- Ничего не случилось, Варфоломей, ты пей лучше! – уклонился от ответа Вячеслав, который не любил вспоминать тот случай.

А дело было вот как. Утром они вместе с Геннадием вышли из гостиницы в Серове и пешком направились в управление бригады, где проходил очередной семинар по технике безо-

пасности. Мокрый, раскисший снег на тротуарах разлетался брызгами под сапогами, стоял настоящий, как ему и положено, апрель. За разговорами они не заметили милицейского полковника в папахе, шедшего им на встречу и не отдали тому честь.

- Товарищи лейтенанты! – остановил их тогда долетевший вдогонку оклик.

Они остановились и, развернувшись кругом, увидели перед собой красное от возмущения лицо полковника:

- Вас, что, товарищи лейтенанты, приветствовать старших по званию не учили? – грозно спросил милицейский начальник.

- Извините, товарищ полковник! – спокойно ответил Геннадий. – Не заметили.

- Как это – не заметили? – все больше распалялся милиционер, задетый спокойным и невозмутимым видом армейцев. – Я, что, маленький такой, что меня не видно? Я вот сейчас вашему начальству доложу о вашем хамстве, пусть оно с вами разберется, как следует!

- Мы же извинились, товарищ полковник, с кем не бывает, - спокойным тоном ответил старлей.

- Слушай, полковник, шел бы ты, куда шел! – поддержал приятеля Вячеслав, задетый подобным тоном милиционера, – Извинились перед тобой, что тебе еще надо?

- Да, как вы смеете со мной разговаривать в таком тоне, сопляки? – побагровел от возмущения полковник. – Распустились, понимаешь, донельзя! Дети малые, понимаешь, не видят они ничего вокруг! Армию позорите!

- А ты не маленький, полковник, ты – дурак! – спокойно ответил вскипевшему окончательно милиционеру Геннадий. - Пошли, Слав, что этого полудурка слушать.

Челюсть у полковника отвисла и из горла, вместо слов раздавался только какой-то хрип, пока они удалялись от него по тротуару. Но, через пятнадцать минут, только они вошли в здание управления, их тут же остановил дежурный лейтенант:

- Мужики, вы полковника милицейского не встречали случайно?

- А что случилось-то? – спокойно спросил Вячеслав.

- Да, двое наших честь ему не отдали, ну, а когда он их воспитывать стал, послали, куда подальше. Так, что, если это вы, топайте отсюда быстрее. А то он комбригу обещал через полчаса сам подъехать, ну, значит, чтобы опознать.

Приятели не заставили себя ждать и от греха подальше убрались из бригады в гости к Генкиному сослуживцу в соседнюю часть, стоящую на окраине Серова. И вовремя убрались. Полковник действительно явился в бригаду.

Случай этот врезался в память, и оставил в душе какое-то двойственное к нему отношение. С одной стороны армия презирала ментов, которым и звания доставались легче, да и служба проходила в населенных пунктах, а не в грязи, на трассах. А с другой стороны? Может, надо было помягче с этим полковником?

- Не переживай! Мент, он и есть – мент! – подвел тогда итог этой случайной встрече Геннадий. – Поговорку знаешь: лучший мент, это – мертвый мент! Не бери в голову, Слав, ни один милицейский полковник еще ничего хорошего не заслужил. Сволочи они все и добра не помнят. Я тут одному в нашей деревне с дровами как-то помог, по знакомству. Привез, бойцы напилили, перскололи. А когда за помощью однажды обратился, фиг тебе. Хотя ему только пальцем пошевелить надо было...

Вячеслав вздрогнул, когда холодная капля упала ему на щеку. Взглянув наверх, он увидел, что половина синего, ясного неба затянута серой пеленой, переходящей к горизонту в клубящуюся седым черноту. Сквозь эту черноту проблескивали всполохи далеких молний, но грома пока не было слышно.

- Сейчас начнется! – констатировал старшина, собирая в пакеты недоеденную закуску. – Валера, сними похлебку и прикрой. Да придави чем-нибудь потяжелее.

- Может, еще успеем до части добежать? – с сомнением спросил Вячеслав, еще раз взглянув на небо.

- Не успеем, товарищ лейтенант! Помогите лучше плащпалатки натянуть.

Торопясь, в восемь рук, они набросили прорезиненные плащи на нижние вьтви стоящей рядом с сосной березы и привязали концы.

- А, может, под сосной лучше пристроится? – спросил Вячеслав. – Там ветви потолще, да и ствол прикроет.

- А если молния? – хмыкнул Геннадий. – Нет уж, давайте лучше тут переждем.

Воздух внезапно застыл, так, что было слышно только булькающую на каменистых перекатах воду реки. Первые, редкие, но крупные капли дождя начали барабанить по опавшей прошлогодней хвое, да так, что отдельные иголки подпрыгивали, отрываясь от земли. А потом началось: струи дождя были такими плотными, что сосну в двадцати метрах от сбившихся в кучку под березой людей стало совершенно не видно. Гром гремел так, что казалось, вот-вот лопнут барабанные перепонки. А в завершение всего ударившая молния подожгла крону той самой сосны, под которой Вячеслав предложил укрыться вначале. Дождь тут же потушил пламя, но жуткое ощущение того, что смерть прошла в нескольких метрах от них, пришло чуть позже, когда ливень уже начал стихать. Как они не старались, плащпалатки не спасли их от воды: все промокли насквозь. Дождь закончился так же внезапно, как и начался, и, разорвав остатки туч, вновь выглянуло солнце. Матерясь и чертыхаясь, офицеры выползли из под своего укрытия. Видок у всех был, конечно, еще тот, хорошо, что никого поблизости, кто бы это мог увидеть и оценить, не было.

- Ну, что я говорил! – ткнул пальцем в сторону дымящейся сосны Геннадий.

- Да-а, - протянул Вячеслав, - молодец ты, Гена! – Он оглянулся на Семушкина, пытающегося выжать промокший насквозь китель, - Жив, Варфоломей?

- Почти, товарищ лейтенант, только сыро очень.

- Выпить бы надо, - вмешался в разговор прапорщик, - а то и простыть недолго.

- Может быть, костер разожжем? – с сомнением произнес Варфоломей, разглядывая лужу с плавающими на поверхности головешками на месте недавнего кострища.

- Бесполезно, - осадил его прапорщик.

- Давайте-ка, мужики, собираем все и – в часть, сушиться!

– скомандовал старлей. – А то еще действительно простынем. Плесни, Виктор, грамм по пятьдесят, и полетели!

- Так, вроде, солнышко вышло, - возразил Вячеслав, но Геннадий остался непреклонен:

- Во первых – сентябрь, а во вторых – вам ребята через три часа на поезд, а еще акты подписать нужно, да и самим подсушиться. Как вы в таком виде поедете-то?

Выпив, все дружно собрали пожитки и остатки трапезы и быстро двинулись в сторону части. Спустя несколько минут они миновали КПП части.

- Пойдемте в клуб, - предложил старлей, направляясь к палатке, стоящей чуть поодаль от остальных. – Виктор, организуй дров и бойца, чтобы печь растопил, - приказал он прапорщику.

В клубной палатке печью служила стальная труба диаметром миллиметров триста и длиной метров пять. Начиналась она кирпичной топкой, а заканчивалась дымоходом, выходящим через брезентовую крышу, и тянулась почти через всю палатку. Геннадий порылся в шкафу, стоящем в углу и достал несколько деревянных плечиков:

- Держите, мужики, кителя повесьте, а то их потом не разглядить будет. А ты, что стоишь? - обратился старлей к Валере. – Дуй в штаб за актами, да заодно и переоденься! Хлеба в столовой захвати, а то наш весь в кашу превратился. Раздевайтесь, мужики, не стесняйтесь. Слав, стели брюки прямо на трубу, только стрелки разгладь, у нас все бойцы так делают.

- Да, я в курсе, наши так же штаны гладят.

Появившиеся вслед за старшиной два бойца с охалками дров сноровисто развели печь, и, получив разрешение от прапорщика, исчезли. Печь загудела, труба начала потихоньку нагреваться и от мокрых штанов Семушкина и Вячеслава пошел легкий пар.

- Вы товарищи офицеры только не прозевайте, а то подпалите! – предупредил старшина.

- Давайте, за стол, что ли? – позвал присутствующих Геннадий, уже разложивший закуску на столе. – Согреемся маленько, пока одежда сохнет.

- Давай, - согласился Вячеслав, - для согрева можно! А ты, Семушкин, последи за брюками.

Лейтенант послушно кивнул головой. Время до поезда еще было, и приятели неторопливо беседовали, сидя за столом вместе со старшиной. Появился Валера с актами, которые тут же, не отходя от кассы, подписали заинтересованные стороны, вполне довольные друг другом. Молодежь, выпив по сто грамм, отошла в сторону, болтая о чем-то, о своем. Вячеслав, поднявшись, перевернул на разогревшейся трубе свои брюки на другую сторону, и пододвинул на веревке поближе к теплу кителя. Потом он вновь вернулся к столу.

- Так о чем это я?

- Да ты хотел рассказать, как мост сдавали.

- Ах, да. Собралась толпа начальства из корпуса, из бригады, из управления дороги. Даже, кто-то из Москвы, вроде, прикатил. Ну, и просто глазающих человек сто, не считая бойцов. Подогнали тепловоз с парой вагонов и с плакатом на морде, повесили поперек пути ленточку, ну все, как положено.

- А что на плакате-то?

- Не помню, какая-то мур! Слава покорителям рек, или что-то в этом роде. Ну, а потом комкор передал ключ начальнику дороги и ленточку разрезали вместе с местным секретарем райкома.

- А из ваших кого-нибудь поощрили?

- Как же, рылом не вышли. Гуку, правда, благодарность объявили, ну, а Чабраву на банкет с собой взяли.

- А вас что, не взяли даже на банкет?

- Ты что? Кто они, и кто мы! Поэтому, кто рылом не вышел. Ген, тихонечко в «Лозьве» набрались.

- Вот суки!

- А это всегда так! – заметил старшина. – Кто-то угли из костра таскает, а кто-то жареные каштаны.

- Да хрен с ними, с наградами! – Геннадий плеснул в кружки. – Главное, мост-то стоит. И поезда по нему идут. Вот, когда состаришься, будешь внукам рассказывать, как тут воевал!

- Ага, с мозолями на заднице, в основном! - засмеялся Славка.

- Ну, кому-то и мозоли на заднице нужно было натирать, - философски подытожил Геннадий, - а кому-то кайлом махать. Кстати, вроде чем-то горелым пахнет.

Вячеслав потянул носом и бросился к трубе, кроя отборным матом болтающего с Валерой за соседним столом Семушкина. Он сдернул брюки с трубы и оглядел их: особых повреждений на первый взгляд, как будто бы, не было. Но когда он начал их надевать, подплавившаяся стрелка на правой брючине просто треснула сзади на самом интересном месте.

- Полный абзац! – констатировал Славка, разглядывая со всех сторон вновь снятые брюки, и бросая грозные, но уже бесполезные взгляды на испуганного Семушкина. – Что делать-то будем Варфоломей?

- Да, - подтвердил ухмыльнувшийся Геннадий, разглядывая лопнувшие брюки, - штанцам копец пришел!

- Ну, и как я, гад ты этакий, к поезду пойду? – зарычал на втянувшего голову в плечи Семушкина Вячеслав. – Жалко, что твои мне на себя не натянуть, а то бы пошел с голой жопой по поселку!

- Давайте брюки, товарищ лейтенант, - вмешался старшина, - что-нибудь придумаем.

Он набросил протянутые Славкой брюки на руку и исчез из палатки.

- Да, не расстраивайся ты так! – успокоил кипящего Вячеслава старлей. – Виктор – мужик смекалистый, все сделает как надо.

- Ладно, что хоть служить осталось всего три дня, - сказал Вячеслав, постепенно успокаиваясь. – Иди сюда! – позвал он Семушкина, забившегося в угол. – Собирай вещи, через полчаса выходим.

- Не торопись, старшина машину организовал, - остановил Вячеслава приятель. – До станции доставим в лучшем виде. Давай-ка еще по одной, а то вид у тебя какой-то шибко расстроенный.

- Посмотрел бы я, что ты делал, ели бы у тебя на заднице штаны лопнули, а тебе ехать надо было?

- Да успокойся ты! Парни, идите к столу, дядя уже не сер-

даться! Ты же уже не сердисься, Слав?

- Ладно, - улыбнулся Вячеслав, - к черту эти штаны! Чего в жизни не бывает!

- Вот именно. На кой черт нервы портить! Все пройдет, как с белых яблонь дым, как говаривал поэт.

Они присели за стол, а еще через пять минут полог в палатку откинулся и появился старшина со злополучными брюками. Вячеслав осмотрел аккуратно заштопанную стрелку и остался доволен:

- Порядок в танковых войсках! Видно, конечно, если при-смотреться, но доехать – сойдет! Спасибо большое!

- Да не за что, товарищ лейтенант! – прапорщик намахнул из подставленной ему кружки. – Поехали, машина ждет.

- Рано еще, - посмотрел на часы Геннадий.

- Начальник штаба попросил машину побыстрее освободить, ехать куда-то собрался, - возразил ему старшина.

- Поехали, - сказал Вячеслав и снял с веревки почти просохнувший китель. – Собирайся, Варфоломей!

На вокзале Вячеслав и Геннадий долго прощались, улыбаясь и хлопая друг друга по плечам:

- Когда еще увидимся? А, может, и – никогда!

- Почему никогда? В Советском-то все равно как-нибудь появишься. А там найдешь, если захочешь, не город ведь.

Поезд тронулся, и, утомленный этим долгим днем, Вячеслав завалился на верхнюю полку, приказав Семушкину разбудить его в Першино. Тот, к удивлению Вячеслава исполнил все в точности. После станции поезд прогрохотал по стальным пролетам над Лозьвой, и в падающем из окон вагонов тусклом свете промелькнули брошенный невдалеке, у берега, полустгоревший вагончик мехбата, да торчащие из воды останки деревянных опор старого моста, с которого монтажники уже сняли пролеты.

- Ну, вот, Варфоломей, скоро никто и знать не будет, что все здесь когда-то было по-другому.

- Так ведь жизнь не стоит на месте, товарищ лейтенант.

- Ладно, философ задрипанный, ложись лучше, а я пойду в тамбур, покурю.

Глава 17

Проснулся Вячеслав перед самым обедом. Поезд в Советский прибыл рано утром, и он, добравшись до общежития, вновь завалился спать.

- Меня не будить, - пригрозил он встретившему его Боговичу, - даже если ядерная война начнется!

А сейчас в общаге стояла тишина; все давно разбежались по своим делам, а вестовой, как обычно, дрых у себя в сушилке. Эта привычка у вестовых передавалась, видимо, как оспа. Несмотря на то, что брюки у Вячеслава были зашиты добротной, оплавившаяся ткань все-таки не выдержала и вновь кое-где треснула. Идти на службу было совершенно не в чем. Оставшиеся в живых за эти два года яловые сапоги две недели назад Богович вот так же, из лучших побуждений поставил сушить в котельной, и они сели размера на два, как минимум. А идти в батальон в бриджах и полуботинках Вячеславу показалось как-то слишком. Он представил себе лицо Стешенкова, появившись он в таком виде в штабе, и расхохотался. Ну, прям, Попандопула из «Свадьбы в Малиновке»! Кондратий старика хватит! Завтра у Славки был последний день службы, не хотелось снова вздорить с начштаба. Но делать было нечего, и Вячеславу пришлось одеться в штатское, хотя Стешенков категорически запретил офицерам появляться в части в гражданском. Даже в

выходной день. Но идти в чем-то было надо. Красный пуловер, связанный Людмилой, под светлым, кремовым пиджаком выглядел особенно ярко. Дежурный на КПП не сразу узнал его и попытался остановить. Но Вячеслав раздраженно рывкнул на него, и ефрейтор заулыбался, узнав лейтенанта:

- Извините, товарищ лейтенант, не признал вас!

- Ладно, не извиняйся! – буркнул он ефрейтору. - Ты вот, что мне лучше скажи, Стешенков с комбатом на месте?

- Нет. С час, как выехали куда-то. А Бугрим тут.

- Понятно. Народ в столовой?

- Так точно!

- Ладно, тогда и я пошел обедать, - и Вячеслав направился напрямиком в столовую.

- Ба, кто это у нас? – встретил его возглас Матвеева, сидящего за столом вместе с Семушкиным.

- Дон Карлсоне, - ответил Славка, плюхаясь на стул рядом с товарищами.

- А ты что это, Слав, в гражданском? – спросил Дубов, обедающий за соседним столом.

- Последние штаны на алтарь отечества положил, - Вячеслав вкратце поведал приятелям о том, что произошло. – Если бы ты, Варфоломей не спал, а нес службу, как положено, брюки уцелели бы! – попенял он подчиненному.

- Так тебе, Слава, куда как лучше! - сказал, уже допивающий компот, Суровцев. – Только Бугриму на глаза не попадайся. Заскочи после обеда, расписаться кое-где надо, да начштаба тебя хотел видеть.

- А на кой я ему?

- А я почему знаю. Нужен видно.

Славка закончил обедать позже всех и сразу отправился в бухгалтерию, получить расчет, так как последние гроши он истратил на билет к родителям до Калинина. У него еще оставалось дней десять отпуска, и он хотел перед тем, как устроиться на работу, навестить их. Матвеев безо всяких разговоров выдал ему последнюю, причитающуюся зарплату и отпускные, не забыв, однако, при этом напомнить об отходных.

- Да, не беспокойся ты, Витя, все будет, как у людей!

Потом Вячеслав отправился в техчасть, где уже на полных правах всеми текущими делами ворочал Варфоломей. Вид у него стал важный и значительный. Причиной этому было и то, что после перевода Фоминых в бригаду нового начальника техчасти так до сих пор и не прислали. А начальник должен иметь соответствующий вид. Даже исполняющий обязанности. Верочка всплеснула руками, увидев Вячеслава:

- Ой, Слава, какой ты у нас красивый!

- А, что нам молодым? – чмокнул ее в щеку Вячеслав.

- Здравия желаю, товарищ лейтенант! – приветствовал его из-за своего стола новый техник, младший сержант.

- Здорово.

- Когда уезжаешь-то? – спросила Верочка.

- Послезавтра. Так я ведь на неделю всего, еще увидимся и не раз.

- В ПМК устраиваешься?

- Да еще и сам не знаю. Приеду – посмотрим! Была бы шея, а хомут найдется! Варфоломей, организуй-ка чаю! – попросил он Семушкина.

В этот момент в комнате появился помощник дежурного по части и сообщил, что лейтенанта Решетникова приглашает к себе в кабинет майор Стешенков.

- Что, появился уже? – спросил Вячеслав. - И, что я ему дался? – пожал он плечами. – Ладно, пойду, ребята! Ты Варфоломей насчет чая все-таки расстарайся. За Верочкой поухаживай.

Он попрощался с присутствующими, пообещав обязательно навестить их завтра, и направился к начштаба.

- Разрешите, товарищ майор! – Вячеслав зашел в кабинет и прикрыл за собой дверь.

- Садись, Решетников, - указал рукой начальник штаба на стул, не отрывая глаз от бумаг, лежащих перед ним на столе.

Славка присел, оглядываясь по сторонам, в ожидании, когда начштаба соизволит обратить на него внимание. Наконец, тот оторвался от бумаг и взглянул на Вячеслава:

- А, что это ты в штатском? – к удивлению Вячеслава

совершенно спокойным тоном спросил он.

- Последние брюки креозотом вчера залил, товарищ майор, - соврал Вячеслав, чтобы не вдаваться в подробности происшествия.

-А-а! – протянул Стешенков. – Ты только по части в таком виде не болтайся. Я, вот, что тебя Решетников вызвал. Комбат, понимаешь, хотел тебя лично с очередным званием поздравить, а тут ничего не получается. У тебя в личном деле четыре взыскания не погашено, тем более одно из них – пятнадцать суток от начальника штаба корпуса.

Вячеслав вспомнил, как после сдачи моста они с мужиками отмечали это дело в «Лозье», а ночью в расположении части, возвращаясь в общежитие, он послал куда подальше, пытавшегося их усостыжить старпера, как на грех оказавшегося этим самым начальником. Утром комбат вставил ему, по самое не хочу, и попытался уладить это дело. Но старик-полковник уперся, и Вячеславу объявили пятнадцать суток ареста. Сидеть он, конечно, не сидел, но вот запись в личном деле осталась.

- Так, что, уходишь от нас лейтенантом, а не старлеем, как все остальные, - вздохнул начштаба. – Мы, конечно, все это погасим, - он кивнул в сторону личного дела, - а вот со званием – не получится.

- Да бог с ним, со званием, товарищ майор! – махнул рукой Славка, ему в этот момент было действительно наплевать на какое-то там звание. – На гражданке звания ни к чему.

- Дурак ты, Решетников! Звание оно никогда не помешает, тем более, что жизнь – штука долгая, и неизвестно какие обстоятельства могут возникнуть, пока до пенсии доживешь.

- Ну-у, товарищ майор, - протянул Славка, - я так далеко не заглядываю!

- А надо бы! Ладно, иди!

- Завтра в «Тайге» отмечать мое окончание службы будем, так я вас приглашаю, товарищ майор.

- Спасибо! Но я слышал, что ты, вроде, не уезжашь, а тут остаешься? Или я что-то путаю?

- Остаюсь, - утвердительно кивнул Вячеслав, - но на прово-

ды я вас все равно жду.

- Ладно, буду. Ты комбата не забудь пригласить!

- Это обязательно, товарищ майор! Ну, я пойду?

- Топай, топай! Да по части в таком виде не болтайся без надобности, понял!

- Есть, не болтаться по части, - и Вячеслав, развернувшись, как на строевых занятиях, вышел из кабинета начштаба и зашел к Суровцеву.

- Коль, удостоверение на военный билет менять будем? Или как?

- А зачем тебе эта канитель сейчас нужна? Ты же еще в отпуске числишься, вот и поезжай в отпуск! А вернешься, зайдешь и обменяешь прямо в военкомате. Ты же из Советского, вроде, никуда не уезжаешь. Тебе все равно паспорт получать. Или все-таки уезжаешь? Куда мне тебе документы-то отсылать?

- Никуда не отсылай. Так ты не забудь: завтра в семь!

- Не бойсь, не забуду! Да ты что сустишься-то, как будто в последний раз видимся?

- А и сам не знаю! Странно себя чувствую. Вроде, свободен, как птица, а что-то беспокоит! Не по себе как-то, короче.

- Ну, это-то понятно! Все-таки жизнь меняется. Только не бери здорово в голову, устроится все! Не ты первый, не ты последний! Ты у Матвеева был, а то он тут тебя спрашивал?

- Был, бабки получил.

- Ну и прекрасно! Топай-ка лучше к своей Людмиле, чего тебе тут отираться.

- Поем в столовке ближе к ужину, тогда уже домой пойду, собираться потихоньку. Еще постирать кое-что надо.

- Ну, давай, до встречи! А то мне еще Стешенкову бумаги кое-какие подготовить нужно, - выпроводил Суровцев приятеля.

Вячеслав вновь вернулся в техчасть и почти до конца рабочего дня проболтал о том, о сем с Верочкой.

- Не забудь на свадьбу пригласить, - предупредила она его.

- Не, Вер, я жениться пока не собираюсь.

- А как же Людмила?

Вопрос вновь заставил Славку задуматься.

- Не знаю, - честно признался он Вере.

- Надо бы тебе, Слава, определиться, нехорошо так с девушкой поступать. Она же надеется.

- Да я и сам понимаю, - ответил, немного помолчав, Вячеслав, и сменил тему разговора.

Перекусив первым, еще до времени ужина в столовке, он вприпрыжку подался в общежитие, предварительно позвонив Людмиле и договорившись с ней о встрече.

Вечером, около шести Вячеслав уже дежурил возле нарсуда, поджидая любимую, которая задерживалась на процессе. Поверх пиджака он набросил легкий болоньевый плащ, так как ночами стало довольно прохладно. Ровно в шесть десять входная дверь нарсуда распахнулась и сияющая девушка, слетев с крыльца, повисла у Вячеслава на шее, болтая ногами, и целуя его, куда попало.

- Ой, Славочка, как я по тебе соскучилась! – она разжала руки и опустилась на землю, тут же подхватив его под руку и потянув за собой. – Пошли скорее к нам, мама ужин сготовила, да и отец обещался быть. Пошли.

- А по какому случаю праздник? – поинтересовался Вячеслав.

- Ну, как по какому? Окончание твоей службы отметим, ну и так! А ты что, не хочешь?

- Да, нет, отчего же! Пошли. Только твой папаша все равно раньше восьми не бывает.

- Обещал сегодня к половине седьмого нарисоваться. Можно, конечно, полчаса погулять, воздухом подышать, а то у нас сегодня четыре процесса подряд слушалось, голова почти чугунная.

Славка обнял девушку за плечи и свернул в первый же проулок, направляясь в сторону центра. Воздух был действительно необыкновенный: чистый, слегка пахнувший близкими морозами, прелой листвой, опавшей с тополей, увядающими в палисадниках возле домов поздними цветами, и еще чем-то таким, трогающим душу, чем пахнет всегда и во всех краях России ранняя осень. У Белого дома, так здесь жители прозвали райнсполком, им навстречу попался Людмилин отец.

- Здравствуйте, Анатолий Васильевич! – поклонился, поздоровавшись, Вячеслав.

- Здорово, молодежь! А куда это вы направляетесь? Мать мне звонила, вроде вас к ужину ждет.

- Да, мы немножко решили прогуляться, пап! – чмокнула отца в щеку Людмила. - Ты иди домой, а мы через пять минут подойдем.

- Ладно, коли так! Только долго не бродите, ужин остынет. Да и горячее прокиснуть может! – подмигнул он Славке.

- Не задержимся, не прокиснет ваше горячее, - укоризненно высказалась Людмила. - Иди пап.

Стол был накрыт, как на праздник: жареный муксун, моченая морошка, соленые грузди, ну и, конечно, дымящаяся в глубоком блюде белая, рассыпчатая картошечка с припущенным репчатый луком.

- Во, явились, не запылились! – приветствовал Вячеслава и Людмилу, сидящий за столом во всем чистом и наглаженном, что было, в общем-то, для него необычным, Юрка. – Чуть слюной не захлебнулся, вас дожидаячись!

- Примолкни, чадо неразумное! – хлопнул его по затылку Анатолий Васильевич. – Мать, давай садись за стол, что ты суе-тишься до сих пор! Да малого позови.

- Сейчас, сейчас! Только студень поставлю и все, - появилась из кухни Елена Владимировна, и, сняв передник, пристроилась на стул рядом с Вячеславом.

- Ну, что, выпьем что ли? – поднял рюмку Анатолий Васильевич. – За успешное окончание службы! Так что ли, Слава? Или я неправильно понял, дочка? – повернулся он к Людмиле.

- Правильно, папа, правильно! – подтвердила девушка, накладывая Славке салат в тарелку.

- Не такое уж и успешное, - попытался возразить Вячеслав, вспомнив о недавнем разговоре со Стешенковым.

- Как так – не успешное?

- Старлея не присвоили за грехи! А в остальном, вроде, ничего.

- Да, брось ты! Руки, ноги целы, голова на месте – что еще надо? Главное в нашем деле здоровье, остальное – приложит-

ся! Так что, давай, будем!

- Закусывай, Слава! – пододвинула грибочки поближе к Вячеславу Елена Владимировна. – И картошки накладывай.

- Давай, давай! – поддержал ее отец. – В вашей столовке так не готовят. Кстати, куда идти работать собираешься? Ну, я имею в виду, когда отдохнешь?

- А, куда строителю податься, кроме строительной конторы? Пойду или в ПМК, или в СМУ.

- Вот это хорошо! Если, чем надо будет, помочь или еще что, поможем!

Поддержать молодежь всегда рады.

- Да я сам, как-нибудь, Анатолий Васильевич, неудобно как-то с протекций начинать.

- Неудобно сам знаешь что, а тут – работа! Серьезный подход должен быть. Так, что, не стесняйся, обращайся!

- Я понимаю! – послушно согласился Вячеслав, пытаясь закончить этот не совсем приятный для него разговор. – Завтра у меня проводы, - перевел он на другую тему, - так я вас с Еленой Владимировной приглашаю вечером в «Тайгу». Я вас там с комбатом нашим познакомлю.

- Завтра? Жалко, но не смогу, в Свердловск выезжаю. А с комбатом твоим, Шалвой, мы уже знакомы, на учет-то он у нас в райкоме вставал. Вон, мать возьмите с собой!

- Да, ну, тебя! – отмахнулась женщина. – Там молодежь соберется, куда я старуха!

- Брось ты, - засмеялся муж, - не такая ты уж и старая!

- Ага. Как это там, у Райкина: если меня в темном углу, да к теплой к печке прислонить, то я еще – ого-го!

- Не наговаривай на себя, - вмешалась в разговор Людмила, - ты у нас, мама, совсем еще молодая.

- Вот это правильно дочка! Неси-ка, мать, горячее, а мы пока еще по одной для аппетита пропустим, - разлил по рюмкам Анатолий Васильевич. – А ты сейчас к родителям? – задал он вопрос.

- Пап, я пойду, погуляю? – перебил его сидевший до этого молчком Юрка.

- А горячее?

- Да я уже наелся, аж пузо лопается, - похлопал себя по животу подросток.

- Ну, топай, раз тебе с нами не интересно! – отпустил парня отец.

- А уроки сделал? – спросила сына, появившись в комнате, с горячим в руках, Елена Владимировна.

- Да сделал, - отмахнулся Юрка, - сразу после школы!

- Ну, тогда иди, да за полночь не шатайся! – отпустила его мать. – Потеплее оденься только!

- Мам, а можно я с Юркой пойду? – спросил младший, Володя.

- Иди, только недолго, - разрешила мать.

- Нужен ты мне, как козе баян! – недовольно забурчал Юрка, но отец так глянул на него, что он молча выскочил за дверь.

- Иди сынок, одевайся! Так ты сейчас куда, домой едешь? – продолжил Людмилин отец, обращаясь к Вячеславу.

- Домой он пап, в Калинин едет! – вмешалась в разговор Людмила. – Вы закусывайте лучше, а то пьете уже по третьей, а кушать не кушаете!

- Не ветревай в мужской разговор, дочка!

- А, и правда, отец, совсем парня заболтал! – вмешалась Елена Владимировна. – Накладывай. Слава, горячего!

- Спасибо! Я мать с отцом на недельку навещать собираюсь, - ответил Анатолию Васильевичу Вячеслав. – Послезавтра утром выезжаю. Ну, а потом назад, на работу устраиваться.

Неторопливо беседуя, они просидели за столом еще часа два, пока Людмилин отец, сославшись на усталость и на то, что завтра утром рано уезжать, не отправился спать. Время было позднее и, побыв у Людмилы еще совсем немного, Славка засобирался домой.

- Постираться еще надо, а то завтра, боюсь, времени не будет! – пояснил он девушке.

- Иди, а то, слышишь, мать все ходит, спать не ложится!

- Беспокойся за дочку! – вполголоса произнес Славка, не выпуская любимую из объятий, и тут же ущипнул девушку за попку.

- Да ну тебя, бессовестный! Иди уже! – оттолкнула его Людмила. Распрощавшись с подругой, Вячеслав вышел из подъезда на улицу и закурил.

- Дядя Слава! – донесся до него тонкий, детский голос, когда он уже открывал калитку.

Вячеслав остановился. Из темноты двора, как обычно, словно черт из табакерки, выскочил запыхавшийся от бега его старый приятель Юрка.

- Обманули, значит! – начал он, шмыгая носом, и Славке стало стыдно от этих слов пацана.

Как он мог забыть про эту несчастную португую, которую так давно обещал подарить ребенку.

- Я так и знал, все вы такие! – внезапно расплакался Юрка.

- Подожди реветь! – попытался успокоить мальчишку лейтенант, но тот отвернулся, не прекращая рыданий.

Секунду подумав, Славка решил, что надо делать.

- Я сейчас, только не уходи! – он толкнул калитку и почти бегом полетел в сторону Советской.

Полчаса ему потребовалось, чтобы добраться до общаги, взять португую, которую он припас еще тогда, когда уезжали ребята, и вернуться. Когда разгоряченный Вячеслав вбежал во двор и огляделся, на лавочке возле подъезда под единственной горевшей лампочкой сидели на скамейке рядом Юрка и Людмила. Девушка что-то увлеченно рассказывала старинному Славкиному приятелю.

- О, дядя Слава вернулся! – искренне обрадовался Юрка, соскочив со скамейки.

- А ты, что не спишь? – спросил Вячеслав Людмилу, отдавая туго свернутую португую пацану.

- Во, Людка, видишь! – восторженно заорал ребенок, примеривая на себя ремни.

- Иди-ка домой, чудо! – Людмила встала со скамейки. – Это он мне спать не дал, - указала она на счастливого Юрку, - Видит, свет горит, ну и постучался сорванец в окно. Пришлось выйти. Он мне и начал выговаривать за тебя. Дескать, уезжаешь, а обещания не выполнил!

- Ладно тебе, Людка! – перебил девушку ребенок. – Видишь, какая красота!

Перетянутый ремнями, сияющий Юрка выглядел совсем смешно, и, взглянув на него, Вячеслав от души расхохотался. Он обнял Людмилу за плечи:

- Топал бы ты, Юрка, домой, Второй час уже! Мать задницу надерет!

- А, ничего! – ответил Юрка. – Мне завтра в школу во вторую смену.

- Топай, давай, а то я тебе сама задницу надеру! – Людмила сделала движение в сторону упрямого сорванца.

Юрка резво отскочил в сторону и скорчил Людмиле рожицу:

- Дура ты, Людка! Ты, дядя Слав, замуж ее не бери, замучаешься! Мать ее правильно называет вертихвосткой!

- Ах, ты, гаденыш! – рванулась в его сторону девушка, но Славка удержал ее, поймав за руку.

- А ты почему, Юрка, решил, что мы жениться собрались? – спросил он пацана.

- Так, все вокруг говорят.

- Ладно, иди домой, болтун! – Вячеслав прижал к себе озябшую девушку.

- Ага, а, что я говорил! – хихикнул Юрка, но Вячеслав только отмахнулся от надоедливого парнишки. – Спасибо, дядя Слава! – услышал он вместе со скрипом открываемой в подъезд двери. – А ты, Людка, все равно вертихвостка, и правильно дядя Слава сделает, если тебя замуж не возьмет!

- Вот, сорванец! – снова засмеялся Вячеслав и поцеловал девушку. – Иди домой, а то, вон, руки совсем ледяные.

- А ты согрей! – Людмила просунула озябшие ладони полкрасный Славкин свитер. – Или не хочешь? – она игриво взглянула кавалеру в глаза.

Вместо ответа Славка прижал девушку покрепче, и она обвисла у него на руках, тяжело дыша. Он чувствовал, как дрожит ее тело, и кровь все настойчивей начинает стучать в висок. Но в этот момент дверь в подъезд вновь заскрипела и на крыльце появилась Елена Владимировна в накинутой на плечи шали.

Славка слегка ослабил объятия, но Людмила даже и не подумала отодвинуться от него.

- А, вы здесь! – словно удивившись, произнесла мать. – Я к тебе зашла, а кровать пустая! – обратилась она к дочери. - Испугалась, ночь ведь уже!

- Иди мама, а то простынешь! – Людмила высвободилась из Славкиных объятий. – Я сейчас приду.

- Хорошо, только не задерживайся, а то я не усну.

Людмила вновь прижалась к Вячеславу, подставляя губы для поцелуя, а потом, слегка оттолкнув его, резко повернулась и скрылась в подъезде.

- Да завтра! – донеслось до лейтенанта.

Он постоял на месте несколько секунд, восстанавливая дыхание, а потом тряхнул головой, будто отгоняя какие-то надоедливые мысли, и тронулся в сторону калитки. Хрустнул под ногами ледок, уже схватившийся на луже, жалобно скрипнули петли калитки, но Вячеслав, перебирая в памяти события этого вечера, не слышал ничего. Пора что-то решать, наконец! Эта мысль засела у него в голове, как заноза, возникая вновь и вновь, пока он неторопливо добирался до общежития.

Утром он по привычке поднялся рано, как обычно. День обещал быть погожим.

- Куда тебя черт в такую рань поднял? – вместо приветствия спросил, брившийся в умывалке Матвеев. – Спал бы себе, да спал! Ты же, вроде, уже птица свободная.

- Дел по горло, да и выспался! - ответил Вячеслав. - Меня подожди, вместе в батальон пойдем.

- Давай! Только не задерживайся, а то на развод опоздаем. Хотя, что тебе развод, ты уже человек штатский.

Вячеслав быстренько собрался и они с Матвеевым почти бегом отправились в часть. Стараясь не попадаться на глаза начальству, Вячеслав, оставив Матвеева у здания штаба, обогнул плац за казармами и направился напрямик в столовую. Почти все офицеры уже позавтракали и за единственным занятым столом заканчивали пить чай Семушкин и один из братьев Вагиных.

- Здорово, орлы! – Вячеслав присоединился к ним.

- Мы не орлы, мы – львы! – заулыбался Семушкин, цитируя известный анекдот.

- Кстати, парни, Лева на завтраке был?

- С ранья еще! Когда мы пришли, он уже уходил комбата встречать. Он же дежурный по хате со вчерашнего дня, ты, что, забыл?

- Точно. Запомню. Вы, кстати, не забыли, что сегодня в семь? Не вздумайте опаздывать!

- Ну, как же, Вячеслав Георгиевич, как можно, - поднялся из-за стола Вагин. – Варфоломей, пошли, а то развод уже начинается!

- Ладно, валите, но чтобы вечером, как юные пионеры, вовремя были! А то выпорю!

Славка покушал и направился в караулку, чтобы увидеть Леву, пока тот не завалился спать после ночи. Начальник караула сообщил ему, что приятель еще не появлялся, и Вячеслав, присев на скамеечку возле санчасти, вытащил сигареты. По плацу, грохоча сапогами, проходили коробки рот: заканчивался развод. Наконец, на дорожке со стороны штаба появился затянутый в ремни и с красной повязкой на рукаве Лева.

- Привет, Слава!

- Привет! Сто лет тебя не видел. Я тебя тут дожидаюсь вот по какому поводу, - начал Славка.

- По какому? Случилось что ли, что? – заволновался Лев.

- Да, нет! Вечером в семь встречаемся в «Тайге». Будем товарища Решетникова на гражданку провожать.

- Да мне Матвеев уже доложил.

- Вот и хорошо, - Славка поднялся со скамейки. – Топай, отдыхай, а вечером, как штык! Меня в общаге не будет, я за Людмилой пойду, а ты всех, кого увидишь, пинком под зад – в кабак!

- Сделаем! Не беспокойся.

- Ну, давай, дружище! – Вячеслав слегка приобнял Леву, и, подтолкнув приятеля в сторону караульного помещения, направился к штабу.

В техчасти, у себя за столом сидела одна Верочка, красившая губы. Увидев Вячеслава, она улыбнулась и помахала ему ладошкой.

- А где Фоминых? Богович мне доложил, что вчера его видел.

- Так он же сегодня утренним поездом назад, в Серов отправился! Жену навестил и уехал.

- Вот, блин, не вовремя!

- А ты чего не отдохасшь, по части бегасшь? – поинтересовалась Верочка.

- Да не всех еще успел пригласить на проводы.

- Да не беспокойся ты, все уже знают!

- Ну, мало ли. Положено самолично приглашать, вот я и приглашаю.

- Не дури! Иди, собирайся лучше, ты же, вроде, завтра в отпуск отъезжаешь?

- Точно. А где Семушкин, кстати?

- Они с Вагиными в депо поехали. И комбат с ними.

- Ага! – задумался на мгновение Вячеслав. – Ладно, я пойду.

Жду вас с

Семеновым вечером.

- Будем обязательно, - помахала ему ладошкой Верочка.

Славка вышел из штаба и двинулся к КПП. И, правда, нужно было идти в общагу, погладиться, чемодан собрать. Самолет на Тюмень улетал в половине десятого утра, и все дела нужно было закончить сегодня до вечера. Возле КПП он нос к носу столкнулся с замполитом, который о чем-то оживленно беседовал с Зубковым.

- Здравия желаю, Владимир Николаевич! – поприветствовал капитана Вячеслав. – Привет, Николай! – протянул он руку Зубкову.

- Здравствуй, Решетников! А ты, что, в штатском-то?

- Отслужил, Владимир Николаевич, последний день сегодня! Вот, попрощаться зашел.

- Как последний?

- Обыкновенно, - улыбнулся Вячеслав, - вчера еще расчет

получил. Приглашаю вас с супругой вечером в ресторан, и тебя, Николай. К семи часам, прошу не опаздывать.

- Как же так? – растерялся от неожиданного известия Бугрим. – Почему никто не сообщил?

- Так вы же на Пелыме были, когда приказ пришел, а я на Уралзолото уезжал, вот и разминулись в последние две недели.

- Вы вот что, - обратился к Славке и Зубкову Бугрим, - постойте-ка здесь, покурите. Я через пять минут вернусь!

Замполит круто развернулся и скрылся за углом здания штаба.

- Куда это он? – удивленно спросил Вячеслав, кивнув в сторону удалившегося неожиданно капитана.

- А я почему знаю, - Николай достал пачку «Беломора» и протянул Славке.

Минут через семь, восемь замполит появился вновь, неся в руках большую, завернутую в бумагу коробку.

- Держи, Решетников, на память! – протянул он сверток Вячеславу.

- А, что это, товарищ капитан! – спросил Вячеслав.

- Потом посмотришь. Ну, давай! Пошли, Зубков, с твоими оглоедами разбираться!

- Так вы вечером будете, товарищ капитан!? – крикнул им вслед Вячеслав.

- Непременно! – донеслось до него.

Славка сунул сверток под мышку и направился через проходную КПП на выход.

- Здравия желаю, товарищ лейтенант! – приветствовал его дежурный, знакомый сержант из второй роты. – Слышал, уезжаете?

- Уезжаю, Васильев. Завтра.

- Совсем уезжаете, или как?

- Не совсем, Васильев, не совсем! Ладно, бывай! – он пожал сержанту руку и, закрыв за собой дверь, направился в сторону поселка.

- Счастливо, товарищ лейтенант! – донеслось ему вслед.

Уже в комнате он распечатал подаренный замполитом сверток, в котором оказалась картонная коробка, а в ней к удив-

лению Вячеслава – макет Лозьвинского моста, выполненный из отшлифованных алюминиевых пластинок и нержавеющей проволоки. Мост был собран четко, в масштабе, видны были даже крошечные заклепки в узлах ферм. Опоры были собраны из деревянных брусочков, окрашенных светло-серой краской, под цвет гидротехнического бетона. Даже трава на откосах зеленела. Вячеслав поставил макет на стол, и лучи солнца заиграли зайчиками на потолке, отразившись от полированного металла пролетов. Широко открытыми глазами Вячеслав заворожено смотрел на эту красоту, выполненную кем-то из бойцов и, видимо, не за один день. Поди, какому-нибудь начальнику готовили? Ну и Бугрим. Ай, да, замполит! Угодил, да еще как! Людмиле показать надо будет. А то все спрашивала, что они там строят.

- Товарищ лейтенант, - появилась в дверях голова Боговича, - вода согрелась! Давайте, я вам, что осталось, постираю. А это что? – уставился он на макет.

- А это мост, Богович! Тот самый. Через Лозьву.

- Какой красивый, товарищ лейтенант!

- Он и в натуре такой же. Наливай воду в таз, я сам постираю, - Вячеслав положил макет назад в коробку, собрал белье и отправился в котельную, где вестовой уже разводил в тазике воду.

Пообедал Вячеслав в общежитии. Богович сварил суп из тушенки и довольно приличный. Потом Вячеслав собрал с веревки высохшее белье и около часа гладил, складывая все, что нужно для поездки в чемодан, купленный накануне. Часам к трем он освободился и опять открыл коробку с макетом. Лежа на кровати, он смотрел на сверкающий гранями ферм мост, и снова вспоминал тот далекий, осенний день, когда они с Петью Панкратовым впервые появились вместе на высоком берегу Лозьвы. Не слишком уверенные в себе, они тогда как-то и не думали даже, что когда-нибудь увидят результаты своего труда в натуре. Задача была не из самых простых, и решать ее им пришлось впервые в жизни. Но, вот, не прошло и полутора лет, как пролеты построенного ими моста загудели от колесных пар

пролетающих по ним составов. Вячеслав глянул на часы. Четыре. А с Людмилой они договорились встретиться у нее дома в пять, пора подниматься.

- Богович! – что было силы, проорал Вячеслав, надеясь с первого раза дозваться вестового.

Но не тут-то было. Спать ефрейтор мог где угодно, когда угодно и на чем угодно, хоть на стене, и, чтобы разбудить его, нужен был пушечный залп. Хотя, иногда и это не помогало. Вячеслав пошел, умылся и заглянул в сушилку, откуда раздавался богатырский храп внешне тщедушного Боговича.

- Подъем! – рывкнул прямо в ухо спящему ефрейтору Вячеслав.

- А! Что? – подскочил со своей лежанки, вытаращив глаза, вестовой.

- Подъем, - уже спокойно повторил Славка. – Ты, Богович, вот что. Прибери-ка у меня в хате, да, как следует! Понял?

- Так точно!

- И белье постельное поменяй.

- Так я, вроде, вчера менял.

- Ты меня понял? – сверкнул глазами на ефрейтора Славка.

- Понял, товарищ лейтенант! – подтвердил Богович, почувствовав, что спор на эту тему может окончиться печально.

- Ну, и спать кончай, а то я ухожу, а больше в общаге никого пока нет. Обворуют еще. Так, что – бди!

- Не беспокойтесь, товарищ лейтенант.

- А я и не беспокоюсь. Но, сам понимаешь, если у мужиков из комнат, что пропадет, они с тебя шкуру живьем спустят! Ладно, ушел я! Да. У тебя от парней наших, вроде, несколько портупей осталось? Заверни-ка мне одну в газетку.

- А на что она вам, товарищ лейтенант?

- Повеситься хочу! Ты давай исполняй, а не разглагольствуй!

- Шутите, товарищ лейтенант! Это же надо так сказать!

Ровно в пять он уже стучался в дверь к Людмиле. Дверь открыла Елена Владимировна.

- Это ты, Слава, здравствуй! А Люды нет еще.

- Здравствуйте, Елена Владимировна! Мы с ней в пять до-

говорились, - он посмотрел на часы.

- Она звонила, сказала, что минут на пятнадцать задержится в парикмахерской. Ты проходи, чего в коридоре-то стоять?

- Я лучше во двор выйду, Елена Владимировна, покурю. Ну и Люду дождусь. Погода сегодня хорошая: настоящая золотая осень!

- Ну, как знаешь. А я пока чай согрею. Чай-то будете?

- С удовольствием, - ответил Вячеслав и прикрыл за собой за дверь.

Он спустился по ступенькам вниз, вышел на улицу и закурил. Как всегда, откуда не возьмись, появились его старые приятели Юрка и Петька. Юрка, как и вчера, был перетянут ремнями принесенной ночью португези, а счастливая мордочка его сияла от гордости.

- Привет, дядя Слава! Вы к Людке? А она в парикмахерской, на Ленина прическу наводит.

- И откуда ты все знаешь, Юрка? – поинтересовался Вячеслав. Нарвешься когда-нибудь на неприятности.

- Не нарвусь! – беспечно отмахнулся мальчишка.

- Здравствуйте, дядя Слава! - поздоровался более спокойный и сдержанный, в отличие от своего приятеля, Петька.

- На-ка, Петька, держи! – протянул подростку газетный сверток Вячеслав.

- А что это?

- А ты разверни и посмотри! Будете теперь, как Чапай с Петькой, шашек только не хватает!

- Ух, ты! – только и сумел произнести изумленный Петька, доставая из газеты ремень с огромной пряжкой. – Спасибо!

Он тут же начал натягивать на себя подаренную португезю, а Юрка вертелся вокруг, помогая приятелю.

- Да, не за что, - Вячеслав затушил окурок каблуком и пошел к калитке. – Пойду-ка я, прогуляюсь.

Парикмахерская находилась метрах в ста от дома, и Славка решил встретить Людмилу там. Правда, ему пришлось выкурить еще пару сигарет, пока счастливая, сияющая девушка не выпорхнула из дверей заведения и не повисла у него на шее.

- Здравствуй, Славик! Прости меня! Устал уже ждать, любимый? Ну, не сердись.

- Да ничего, - только и ответил растроганный Вячеслав, подхватывая девушку под локоток. - Пошли, почти шесть уже, а тебе еще собраться надо. Да и мать, наверное, потеряла: пошла нам чай греть, а уже полчаса прошло.

- Успеем! - беззаботно улыбнулась в ответ девушка, заглядывая ему в глаза. - Ну, как я тебе? - повертела она перед ним прибранной головкой.

- Красиво! - ответил Вячеслав, с удовольствием глядя на Людмилу, но, видимо, ответ не слишком воодушевил девушку.

- И все? - надула она губки. - Тетя Маша полтора часа со мной возилась! - обиженным тоном произнесла Людмила.

- Да, красиво все! И даже очень! - начал было оправдываться Вячеслав, но возбужденная девушка, забыв обиду, уже заулыбалась вновь, и начала трещать о том, что девчонки, Галя с Валей, сначала идти к нему на проводы не хотели, но потом, вроде, согласились.

- А что так? - спросил Вячеслав. - Я их не обижал никогда, чего это они так решили?

- Ну, ты же Галку знаешь! Гомянин, дескать, усхал, да и не пишет до сих пор, скотина. И делать ей у тебя на проводах, вроде, как нечего. Ну, а у Вали характер мягкий. Она подружку всегда пожалеет. За компанию хотела остаться. Еле уговорила их пойти.

- Ну, уговорила, и - молодец! - Вячеслав открыл калитку и его чуть не сшибли с ног пролетевшие мимо с воплями пацаны.

- Юрка, я тебе уши надеру, паршивец ты этакий! - только и успела крикнуть им вслед Людмила. - Чего это они, как с цепи сорвались?

- Да я им еще одну портупею принес, - пояснил Вячеслав, - вот и воюют.

- Балуеть ты их, Слава, - поцеловала его девушка. - Ну, пойдем домой, а то в ресторан опоздаем.

К семи почти все приглашенные уже собрались за накрытыми столами в «Тайге». Минут десять пришлось ждать только

комбата. Вячеслав пригласил его за стол к себе, и Чабрава тут же произнес тост, как всегда по-грузински красивый и длинный, который завершил такими словами:

- Жалко, конечно, Вячеслав Георгиевич, что вы от нас уходите, но я думаю, что в этих северных краях наши пути еще пересекутся не раз. А значит, будем сотрудничать, и помогать друг другу, как и положено однополчанам! Ура, товарищи!

В этот момент Вячеслав даже и не мог предположить, как слова комбата близки к истине. Но сейчас просто пенилось шампанское в бокалах, рядом сидела любимая девушка, такая прекрасная и доступная, только руку протяни, а за столами улыбались друзья, поднимая тосты и за него, и за их совместную службу, и просто за все хорошее. Верочка, ни на секунду ни в чем не сомневаясь, пожелала им с Людмилой, наконец-то, создать крепкую и дружную семью, на что ей тут же возразил сидевший рядом с ней, пришедший почему-то без Алины, Ворошнин.

- Не женись, Славка, ни за что! Все бабы, сам знаешь кто!

- Моветон ты, Саша! – отпарировала Верочка. – Если тебе не слишком везет, это не значит, что не повезет остальным.

- А я вас с Семеновым и не имел в виду! Вы сколько вместе? Во. Десять лет! Столько и не живут даже!

- Да ну тебя! – отмахнулась от Ворошнина Вера. – За вас ребята! За ваше будущее! За настоящую любовь! – она подняла бокал и выпила вино до дна.

- Вот это – дело! – поддержал ее Сашка. – Никогда не видел, что она у тебя, Семенов, так умест! Давайте, ребята! Не обращайтесь на меня внимания, это от изжоги.

С сидевшими недалеко Крапивинными Вячеслав постарался контактировать, как можно меньше, чем удивил подвыпившего Валеру, который никак не мог уразуметь, что такое могло случиться с его новым товарищем. Но, так как сослуживцы были в изрядном количестве, затеряться среди них не составляло особого труда.

Часам к одиннадцати гости начали расходиться, устав от выпитого и танцев. Матвеев с Галиной и Валентиной отправились

проводить домой изрядно набравшегося Сашку Ворошнина, а Вячеслав с Людмилой просто отправились по центральной улице, подставляя разгоряченные лица прохладному, ночному воздуху.

- А хорошо все прошло, правда! – девушка прижалась щекой к Славкиному плечу.

- Слава Богу! Никто, вроде не бузотерил, и мордой в салат не шлепался!

- Фу, какой ты! Я не о том, а как люди тебя провожали уважительно. Комбат вон, какой кинжал подарил, настоящий, из Грузии. Да и замполит тоже красиво сказал.

- Это да! А хочешь, я тебе покажу, что мне замполит с утра в подарок преподнес.

- Что? – заинтересовалась девушка.

- Пошли ко мне! – Славка решительно подхватил Людмилу под руку и повел в сторону общежития, старательно обходя блестящие в фонарном свете лужи, чтобы не замочить одетых девушкой в ресторан выходных туфель.

Когда они вошли в общагу, Богович, всегда спящий днем, но почему-то бодрствующий по ночам, высунул свой любопытный нос из сушилки. Вячеслав молча показал ему кулак и эфрейтор мгновенно исчез.

- Проходи, - распахнул дверь в комнату лейтенант, пропускающая девушку вперед, - раздевайся.

Повесив свой плащ и пальто Людмилы на вешалку, Славка извинился и первым делом сходил к недремлющему вестовому. Тот принес из кухни два тонких стакана и достал из холодильника припасенную Вячеславом заранее бутылку шампанского. Захватив все это, лейтенант вернулся в комнату.

- Давай, выпьем за нас, - Славка наполнил стаканы доверху.

- Давай, - улыбнулась девушка, они чокнулись и отпили из стаканов. – А где же подарок? Ты же обещал меня удивить.

- Момент! – Вячеслав отставил шампанское, достал со шкафа коробку с макетом, вытащил его и поставил на стол.

Серебряный мост, поблескивая решетками ферм, как будто парил над поверхностью клески, как над водой. Людмила с

широко открытыми глазами молча смотрела на это маленькое чудо, сотворенное человеческими руками. Славка вспомнил, что точно так же он смотрел в первый раз на парящие, серебряные пролеты Бахиревского моста через Туру. Мост, который они возвели через Лозьву, был не менее грандиозен, но он строился на глазах, да еще почти два года, и такого впечатления, как тот, Тюменский, уже не производил. Глаза привыкли, что ли?

- Ну и как? – спросил Вячеслав, обнимая за плечи, замершую без движения девчонку. – Впечатляет? А там, на Лозьве, он еще красивее! Ты еще увидишь.

Людмила только молча кивнула в ответ, и прижалась щекой к его груди, заставив сердце заколотиться быстрее. Он взял ее лицо в ладони и повернул к себе. Раскрытые настежь, повлажневшие глаза девушки доверчиво смотрели на него, и серебряные искорки отраженного от полированного металла света таяли в их бездонной глубине. Славка внимательно посмотрел ей в глаза, решительно поднялся и погасил свет...

...Потом они долго лежали, плотно прижавшись, друг к другу, и все говорили горячим шепотом о чем-то, толком не воспринимая смысла сказанного. Это был просто нежный шелест откровения и любви, не нуждающийся в каком-то особом смысле и переводе. Временами она беззвучно плакала, обжигая горячими слезинками Славкину грудь, но, когда он пытался узнать, отчего и как-то ее утешить, начинала тихонько смеяться, покрывая его лицо поцелуями. К утру, усталая и счастливая, Людмила уснула у него на плече. Он еще долго не засыпал, лежал с открытыми глазами, нежно прижимая к себе рукой ее хрупкое, пахнущее дурманом и мятой тело, и ощущая на щеке теплое дыхание любимой. Чувство ответственности за этого, уже родного человека, доверившего ему свои самые откровенные чувства и надежды, а по сути – самого себя, переполняли его. Прошлое уходило медленно и безвозвратно, оставляя в душе не ранящую, легкую грусть. А будущее? На сердце было и тревожно, и радостно. Сколько еще придется построить мостов, чтобы оно было светлым и достойным? Но Славка, повзрослев за эти короткие мгновения подаренного ему счастья

сразу на несколько лет, уже был твердо уверен, что мосты эти будут построены, и поезд, увозящий их в неизвестное будущее, не раз прогремит по исчезающим за чертой горизонта рельсам в неведомую и такую манящую даль. А металл парящих над водой серебристых пролетов отзовется вибрирующим эхом потревоженного камертона.

г. Советский, 2009 год.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1.....	7
Глава 2.....	25
Глава 3.....	62
Глава 4.....	88
Глава 5.....	116
Глава 6.....	146
Глава 7.....	167
Глава 8.....	207
Глава 9.....	245
Глава 10.....	272
Глава 11.....	297
Глава 12.....	323
Глава 13.....	357
Глава 14.....	382
Глава 15.....	408
Глава 16.....	442
Глава 17.....	464

Юрченко Станислав Георгиевич

Мост.

Повесть.

Литературно художественное издание

Компьютерная верстка Д. Трифонов

Сдано в печать 11.08.2010 г. Формат 60x84, 1/16. Набор компьютерный.

Гарнитура AG_Garamond. Печать офсетная.

Заказ № 578. Тираж 500. ГУП СО «ПО «Север», г. Серов, ул. К. Маркса. 19.

394072011

Государственная библиотека Югры

Юрченко Станислав Георгиевич,
член Союза писателей России,
автор девяти книг поэзии и прозы.
Проживает в г. Советский
Ханты-Мансийского автономного
округа.